

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКЦИОНЕР»

КОЧЕВАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
КАЗАХОВ

МАСАНОВ
Нурбулат Эдигеевич

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ

(ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НОМАДНОГО ОБЩЕСТВА)

СОЦИНВЕСТ
АЛМАТЫ

1995

ГОРИЗОНТ
МОСКВА

9(055)
ББК
М34

543826

Издание книги финансируется фирмой «Амарата»

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности
номадного общества. Алматы «Социнвест»— Москва «Горизонт», 1995.— 320 с.

В монографии на основе изучения большого круга оригинальных источников исследуются основные особенности функционирования и жизнедеятельности кочевого общества казахов, в частности система природопользования, хозяйство, социальная организация и социально-экономические отношения. Анализируются процессы адаптации кочевников к специфическим ресурсам аридных экосистем, социально-экономическая дисперсность и концентрация, община, разнообразные формы собственности. Вместо заключения дается оригинальная концепция этногенеза и этнической истории казахов. Все это создает целостное представление о специфике кочевой цивилизации казахов. Книга предназначена для всех интересующихся историей и культурой кочевых народов и прежде всего для специалистов по дореволюционной истории Казахстана.

ISBN 5-85960-014-3

© Нурбулат Масанов, 1995

*Посвящается
светлой памяти моего отца
МАСАНОВА ЭДИГЕ
АЙДАРБЕКОВИЧА (1926—1965).*

ВВЕДЕНИЕ

Всесторонний анализ пространственно-временных закономерностей разветвления всемирно-исторического процесса, реально определяющих динамику историко-культурного развития различных обществ, является актуальной задачей научных поисков, связанных с изучением стадийальных и цивилизационных особенностей истории человечества. Характер и направленность процессов эволюции и трансформации различных обществ, уровень их цивилизационного развития определяются прежде всего процессом взаимодействия экологических и социально-экономических факторов, когда географическая среда влияет на основные параметры жизнедеятельности общества, а система материального производства, в свою очередь, посредством совершенствования техники и технологии, аккумуляции информации и как следствие внутреннего преобразования самого способа производства, воздействует на среду обитания и изменяет ее. Поэтому перед исследователями стоит задача объективного изучения как тех природных факторов, которые детерминировали пространственные закономерности функционирования человеческого общества, так и тех процессов трансформации географической среды, которые определялись деятельностью человека (см.: Природа и общество, 1968; Взаимодействие природы и общества, 1973; Человек и среда обитания, 1974; Человек и природа, 1980; Общество и природа, 1981; Анучин, 1982; Козлов, 1983; Роль географического фактора в истории..., 1984; Ретюм, 1988 и др.).

Многообразие естественно-природных условий, проявляющееся в особенностях орографии, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, ландшафтной зональности и т. п., в значительной степени определило многообразие типов и форм материального производства, хозяйственно-культурных типов (Левин, Чебоксаров, 1955. С. 4—10; Андрианов, 1968; Чеснов, 1970; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971 и др.), антропогеоценозов (Алексеев, 1975; Он же, 1984. С. 354—383), а следовательно, и способов производства. Иначе говоря, географическая дифференция условий жизнедеятельности человека вполне закономерно определила возникновение и функционирование разнообразных способов адаптации человека к среде, существование различных форм трудовой деятельности и типов общественного производства, оптимально соответствующих ресурсному потенциалу каждой данной экологической ниши, а, следовательно, и уровень и основные параметры цивилизационного развития. «Различные общины,— говорил К. Маркс,— находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» (Маркс, Энгельс. Т. 23. С. 364). В этой связи становится очевидной научная значимость исследования экологических

детерминантов в развитии и жизнедеятельности различных способов производства и цивилизаций, выявления степени и характера зависимости общества от географической среды.

Большой научный интерес представляет исследование проблемы кочевничества как одного из наиболее рациональных в доиндустриальный период способов природопользования и утилизации скудных ресурсов засушливых регионов, занимающих почти четверть всей земной поверхности (Андрианов, 1985. С. 242). И поскольку кочевничество было вплетено в живую ткань естественно-природных процессов и имело место лишь в определенных пространственно-временных границах с известной амплитудой условий жизнедеятельности, то его следует, на наш взгляд, понимать прежде всего как форму взаимодействия и динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических процессов, как специфическую форму адаптации человека в особых условиях среды обитания, как способ социального функционирования в определенных экологических нишах посредством кочевого скотоводческого хозяйства и соответствующего способа производства. Вследствие этого несомненно огромное эвристическое значение всестороннего исследования данного культурно-исторического феномена.

Научная значимость темы исследования во многом обуславливается тем, что и поныне более чем в 30 странах мира продолжает существовать кочевое скотоводческое хозяйство, охватывающее около 40 млн. чел. (Вайнштейн, 1989. С. 72. См. также: Андрианов, 1985. С. 241—242). Изучение процесса взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов в среде номадов приобретает в данном случае несомненный практический интерес в связи с необходимостью приспособления современных кочевников к реалиям высокоразвитого индустриально-урбанизированного общества и определения путей и способов интеграции номадов в структуру современной цивилизации. Совершенно очевидно, что выработка эффективной стратегии интеграционных процессов невозможна без детального исследования всех элементов системы материального производства, общественных отношений, психологии и духовной культуры кочевников-скотоводов.

Особенный интерес вызывает изучение проблемы кочевничества в связи с важностью углубления и уточнения таких принципиальных вопросов теории всемирно-исторического процесса, как методология исследования сущности цивилизационного развития и онтологической природы различных способов производства, государственности и сословно-классовой дифференциации общества, отношений собственности и системы производственных отношений, общины и социальной организации и т. д. Изучение номадизма может значительно углубить существующие представления и дать важные дополнительные аргументы для наиболее адекватного реальной действительности понимания социально-экономических и стадияльно-цивилизационных аспектов всемирно-исторического процесса (Андрианов, Марков, 1990 и др.). Вследствие этого научная значимость

исследования проблемы номадизма представляется совершенно очевидной как с точки зрения углубления наших знаний о всемирно-исторических закономерностях развития общества, так и в плане конкретизации и детальной проработки всего спектра явлений и событий истории народов Евразии и Северной Африки.

Исследование цивилизационных и пространственно-временных законов исторического развития кочевников представляется вполне возможным сквозь призму изучения истории и культуры, системы материального производства и общественных отношений *казахов**, одного из крупнейших кочевых народов Евразии нового времени, в наибольшей степени сохранившего к началу XX в. кочевой образ жизни (Аристов, 1896. С. 350; Соколовский, 1926. С. 4 и др.). В силу ряда объективных причин именно анализ культурно-бытовых реалий кочевников-казахов, как нам представляется, является тем ключом, с помощью которого может быть обеспечено познание и всестороннее исследование механизма функционирования системы «общество — природа».

Объектом исследования была избрана кочевая цивилизация казахов XVIII—начала XX вв., изучение которой ярко иллюстрирует способы адаптации кочевников к условиям аридной экосистемы, особенности кочевой стратегии природопользования, специфику системы материального производства, социальной организации и общественных отношений. На этой основе возможно исследование кочевого хозяйственно-культурного типа, получившего широкое распространение на всем ареале степной, полупустынной и пустынной зоны умеренного пояса Евразии и пустынной и саванно-сахельской зоны Северной Африки от Тихого до Атлантического океанов, особенностей его историко-культурного функционирования.

Предметом исследования стало изучение общих закономерностей процесса взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов в условиях кочевнического общества. Предпринята попытка комплексного анализа рассматриваемой проблемы в неразрывной целостности эколого-природных и социокультурных факторов, предопределявших направленность и динамику эволюционного развития кочевничества как во времени, так и в пространстве. Сквозь призму взаимодействия и взаимовлияния системы материального производства и географической среды исследуются закономерности и особенности стратегии природопользования и главным образом основные направления воздействия естественно-природных процессов на социально-экономические явления, в частности, на процессы генезиса и эволюции номадизма, структуру хо-

* «Казак» как самоназвание народа впервые упоминается в источниках в XV—XVI вв. (МИКХ. С. 226; Бартольд. Т. II. Ч. 1. С. 270; Т. V. С. 170, 184, 212, 535 и др.) и функционирует вплоть до настоящего времени. С середины XVIII в. Российская администрация и официальная историография с целью дифференциации их от русского казачества стали именовать казахов «киргизами» (Левшин, 1827; Он же. 1832 и др.), поскольку вплоть до середины XIX в. предполагалось, что киргизы составляют «Старший жуз» казахов (см. подробнее Масанов Э. А., 1966 и др.). В 1925 г. было восстановлено историческое самоназвание «казак» (с 1935 г. в форме «казах»).

зяйственных занятий и типологию кочевого скотоводства, анализируются экологические аспекты освоения засушливых регионов, система выпаса и кочевания, производственный цикл и процесс сезонного распределения пастбищных угодий в зависимости от условий среды обитания, особенности процесса производства и социальной организации, отношения собственности и процессы монополизации средств производства, социально-экономическая структура общества и уровень стадийного и цивилизационного развития кочевничества. Номадный способ производства рассматривается как одна из наиболее оптимальных моделей экологической детерминированности способов жизнедеятельности, динамично сбалансированного с природными ресурсами среды обитания антропогенным характером растительного покрова местообитаний кочевников.

Сочетание диахронного и синхронного методов исследования обусловило и хронологию нашего научного поиска. В историко-диахронном плане нами изучается процесс эволюции и трансформации номадизма. Такой подход, на наш взгляд, позволяет императивно определить особенности историко-временного функционирования и хронологические циклы жизнедеятельности кочевого способа производства, процессы изменения его роли и места во всемирно-историческом развитии общества, а также в отдельные эпохи. В синхронно-логическом плане, несомненно, ведущем срезе нашего исследования, который имеет детерминирующее значение для диахронных аспектов проблемы, предпринимается попытка изучения алгоритма развития и общих закономерностей социально-экономического функционирования номадизма как специфического способа производства в пространстве на примере кочевого общества казахов XVIII—начала XX вв.

Степень изученности проблемы. Историографическая панорама номадизма ярко демонстрирует удивительно многообразный спектр исследовательских приемов и методов изучения истории и культуры кочевых народов. Вследствие этого вполне закономерно наличие множества научных суждений и гипотез, точек зрения и концепций относительно законов исторического развития кочевничества во времени и пространстве. Анализ всего этого интегрального множества научных поисков потребовал бы от нас целой серии специальных изысканий. Учитывая ограниченные рамки исследования и отсылая читателя к специальным историографическим работам по кочевникам вообще (см.: Федоров-Давыдов, 1973; Хазанов, 1975; Марков, 1976; Першиц, 1976; Коган, 1981; Исмаил, 1983; Попов, 1986; Он же, 1986 а; Крадин, 1987; Сулейменов, 1989 и др.) и казахам в частности (см.: Масанов, 1966; Ерофеева, 1979 и др.), в которых рассматриваются некоторые парадоксы научного поиска в сфере кочевничества, мы ограничимся кратким анализом исследований по экологии номадизма в вводной части и по отдельным аспектам истории и культуры кочевников в соответствующих разделах работы.

В целом, как нам представляется, процесс взаимодействия природных и социальных факторов в историко-культурном функциони-

ровании кочевых народов не являлся до сих пор предметом специального исследования. По-видимому, это объясняется как недооценкой роли географической среды в истории общества вообще (Круть, Забелин, 1988; Ямсков, 1988 и др.), так и всеобщностью поппиблистского подхода к анализу процессов взаимодействия общества и природы, присущего историографии конца XIX—середины XX вв. (см.: Козлов, Ямсков, 1989 и др.). Однако было бы неверным утверждать, что этой проблемы так или иначе не касались отдельные авторы. В историографии номадизма существует немало важных положений, высказанных исследователями по тем или иным аспектам экологии кочевничества.

✓ Русская дореволюционная историография XVIII—начала XIX вв., фактически впервые в литературе характеризую различные стороны хозяйственно-бытовой жизни кочевников-казахов, была весьма далека от мысли интерпретировать особенности культурно-исторического развития номадов в зависимости от географической среды Рычков, 1762; ✓ Он же, 1896; Паллас, 1773; Георги, 1799; Андреев, 1795—1796; Спасский, 1820; Броневский, 1830; Левшин, 1832 и др.). Правда, отдельные экологические аспекты жизнедеятельности кочевого хозяйства казахов были затронуты в работах некоторых авторов начала XIX в. (Гавердовский, 1803; Большой, 1822; Махонин, 1827, и др.).

В середине XIX в. в связи с созданием Русского Географического общества появляются первые работы, в которых связь кочевого образа жизни казахов с географической средой представлялась само собой разумеющимся императивом, не нуждающимся в какой-либо специальной аргументации (Бларамберг, 1848; Мейер, 1865; Валиханов, 1984—1985, Казанцев, 1867; Потанин, 1867; Загрязский, 1874 и др.). Постепенно начинает осознаваться природная обусловленность многих сторон кочевого образа жизни, порожденных особенностями климата и отсутствием воды (Макшеев, 1856; Завалишин, 1867; Маев, 1871; Он же, 1872; Балицкий, 1873 и др.). М. Красовский писал в это время, что «кочевой образ жизни народа есть следствие территориальных особенностей степи, способствующей разведению домашнего скота и более или менее препятствующей развитию всех остальных отраслей промышленности» (Красовский, 1868. Ч. III. С. 14). Появляются первые работы, в которых рассматриваются система выпаса и кочевания, выбор пастбищных угодий в зависимости от природно-климатических условий (Небольсин, 1852; Чорманов, 1871; Он же, 1871а; Кальнинг, 1876 и др.), система хозяйства кочевников-казахов в связи с влиянием на нее природных факторов (Русанов, 1861; Он же, 1870; Тяукин, 1861; Медведский, 1862; Гейнс, 1897—1898; Терентьев, 1874 и др.), затрагиваются проблемы антропогенного опустынивания во Внутренней орде (Плотников, 1871 и др.).

Следует отметить, что с этого времени формируются два разных подхода к пониманию характера взаимоотношений природы и общества в сфере кочевого хозяйства. Придерживаясь детерминистского взгляда, М. Чорманов писал о хозяйстве казахов, что «...при

таких условиях производства, промысел этот, предоставленный попечению самой природы, зависит всего более от состояния погоды и от качества почвы. Человек играет здесь самую пассивную роль: он нужен для того, чтобы скот не пошел по ветру и для того, чтобы отогнать хищного зверя» (Чорманов, 1871. № 33). В свою очередь, сторонники другого подхода, признавая природную обусловленность возникновения и существования кочевничества, отмечали, что «...не нужно думать, чтобы кочевник-киргиз вполне и слепо подчинялся окружающей его природе. Напротив, он пользуется ею по известному, обдуманному плану, с глубоким и верным расчетом, по выработанной многими поколениями системе» (Живописный альбом..., 1880. С. 328. См. также Медведский, 1862 и др.).

Последняя четверть XIX—начало XX вв. характеризуются появлением многих работ по различным вопросам хозяйственно-бытовой жизни кочевников в зависимости от лимитирующих и отчасти детерминирующих факторов среды обитания (Смирнов, 1887; Алекторов, 1888; Васильев, 1890; Шмидт, 1894; Остафьев, 1895; Брем, 1896; Ковалевский, 1896; Кранихфельд, 1898; Герн, 1899; Бенкевич, 1903; Диваев, 1904—1905 и др.). Особый интерес в этом плане представляют исследования по различным циклам производства, кочевания и выпаса (Джантюрин, 1883; Чорманов, 1883; Он же, 1906; Александров, 1884; Кустанаев, 1894; Базанов, 1904 и др.). Наибольший вклад в описание хозяйства кочевников-казахов и показ его экологических детерминантов внес А. И. Добросмыслов серией прекрасных работ (Добросмыслов, 1893; Он же, 1894; Он же, 1895).

Значительным шагом вперед явилось издание в нескольких томах «Материалов по киргизскому землепользованию», которыми было положено начало детальному изучению кочевого хозяйства казахов едва ли не во всех формах и типах взаимосвязи общества и природы. В этом сериале сосредоточен огромный статистический и другой чрезвычайно многообразный фактический материал, сопровождающийся его первичным осмыслением и представляющий благоприятную возможность исследования едва ли не всех сторон процесса взаимодействия природных и социальных факторов. «Материалы по киргизскому землепользованию» стимулировали выход в свет важных работ П. Румянцева, А. Кауфмана, В. Скалова, П. Хворостанского и других авторов, в которых содержится анализ отдельных аспектов зависимости хозяйства кочевников-казахов от географических условий.

Во второй половине XIX—начале XX вв. в дореволюционной историографии прослеживается значительный спектр взглядов — от признания того, что «большая часть степей по своим природным условиям пригодна только для кочевой жизни, и, если вынудить кочевников перейти к оседлости, это, безусловно, явится причиной регресса и приведет к обезлюдению степей» (Радлов, 1889. С. 345), до географического нигилизма. В это время формируется точка зрения об антропогенном характере географической среды и преобразующей роли человека в отношении нее (см.: Марш, 1866 и др.).

Вследствие этого широкое распространение в этот и последующий периоды получают обвинения в адрес кочевников об их ответственности за опустынивание и нарушение экологического равновесия. Дело доходит до крайних оценок. Так, В. Васильев пишет в это время: «Поймем ли мы, что номад есть враг и природы и цивилизации, что он разрушитель богатств, создаваемых только трудами оседлости и земледелия?» (цит. по: Масанов, 1966. С. 281). Конец XIX в. знаменуется возникновением POSSIBILISTСКОЙ научно-мировоззренческой парадигмы, которая «...отводит географической среде сугубо пассивную роль фундамента, на котором по своим собственным внутренним законам развивается общество» (Ямсков, 1988. С. 14. См. также: Джонстон, 1987. С. 62—64; Козлов, Ямсков, 1989 и др.). Результатом этого стало широкое распространение взгляда о прогрессивности скорейшего перевода номадов на оседлость (Аничков, 1899; Он же, 1902 и др.).

Можно заключить, что дореволюционная историография постепенно эволюционировала от изначального императива географической обусловленности кочевого скотоводческого хозяйства к выводу о их негативном воздействии на природу и ответственности номадов за опустынивание в Евразии и Северной Африке. Обширный спектр различных подходов и методов исследования рассматриваемой проблемы в начале XX в. сужается в связи с набирающей силу тенденцией POSSIBILISTСКИЗМА и постепенно сводится к обоснованию необходимости скорейшего перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Западная историография нового времени также характеризуется чрезвычайно широким диапазоном мнений и точек зрения относительно процессов взаимодействия общества и природы (см.: Джонстон, 1987; Круть, Забелин, 1988; Джеймс, Мартин, 1988 и др.) — от натурсоциального направления до традиционного геодетерминизма. И если одно из них возлагает на человека и в том числе на кочевников ответственность за превращение в пустыни самых плодородных земель Старого Света (Марш, 1866. С. 46 и др.), то другое, в основном, ведет речь о зависимости жизни и психологии человека и в том числе номадов от географической среды (Ратцель, 1896; Он же, 1906 и др.). Наряду с этим постулируется взаимозависимый характер отношений кочевников и среды обитания (Реклю, 1900. Т. 6 и др.). В целом западная историография в своем развитии в этот период существенно не отличалась от русской дореволюционной литературы.

Качественно новый подход в развитии географических представлений о взаимоотношениях общества и природы связан с именем американского географа Э. Хантингтона (См.: Джеймс, Мартин, 1988. С. 420—422 и др.), исследования которого непосредственно связаны с историей номадов. Он, в частности, полагал, что причиной массовых инвазий кочевников Центральной Азии и прежде всего монголов были циклические колебания климата, в особенности периодическая аридизация природных условий (Huntington, 1907 и др.). Идеи Э. Хантингтона имели важное значение в запад-

ной историографии и способствовали привлечению внимания ученых к проблемам взаимодействия общества и природы среди кочевников.

«Советская историография». В 20-е гг. продолжало бытовать различие точек зрения и взглядов на историко-культурное развитие кочевников в специфических природных условиях. / Большая часть исследователей так или иначе признавала географическую обусловленность системы материального производства кочевников-казахов (Бенькевич, 1918; Кенарский, 1924; Чулошников, 1924; Соколовский, 1926; Руденко, 1927 и др.). Так, в частности, Б. А. Куфтин пишет в этой связи, что «поразительная приспособленность всего быта киргизов-степняков к таким громадным ежегодным передвижениям позволяет единственно ему утилизировать колоссальные сухие пространства края, не поддающиеся пока иному использованию» (Куфтин, 1926. С. 13—14). Наряду с этим получают освещение различные стороны процесса кочевания, выпаса скота, сезонные особенности производственного цикла в зависимости от географической среды (Ашмарин, 1925; Фиельструп, 1927; Букейхан, 1927; Ищенко, Казбеков, Ларин, Щелоков, 1928; Мацкевич, 1929 и др.). Н. Н. Мацкевичем было справедливо замечено, что «казакское кочевое, скотоводческое хозяйство складывалось под влиянием своеобразной естественно-исторической обстановки и являет собой яркий пример приспособляемости человека в своей хозяйственной деятельности к природным условиям вообще, а также и к тем изменениям этих условий, которые происходят в результате воздействия на них деятельности человека» (Мацкевич, 1929. С. 1).

К сожалению, в последующее время в советской историографии полностью возобладал «географический нигилизм», исключивший природную среду из сферы исследования и поставивший во главу угла «закономерности» общественного развития вне их причинно-следственных связей. При этом взгляды ученых, отстаивавших необходимость учета экологического фактора в жизни общества, в частности Л. С. Берга, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. И. Вавилова и других, были отвергнуты. Безграничная вера в «человека-творца», «преобразователя природы и общества», концептуализированная в «Кратком курсе истории ВКП(б)», стала идеологической основой широко развернувшейся в начале 30-х гг. плановой кампании по переводу кочевников на оседлость, результатом которой стало предсказанное акад. В. В. Радловым «обезлюдение степи» (см.: Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 и др.). Географический нигилизм стал одной из причин трагедии прежде всего кочевых народов бывшего СССР.

Результатом такого подхода стала всеобщность вывода об обязательности и прогрессивности перевода кочевников на оседлость, седентаризации как «высшей» стадии развития кочевничества (Погорельский, 1949; Толыбеков, 1959; Он же, 1971; Дахшлейгер, 1965; Он же, 1973; Турсунбаев, 1973; Абрамзон, 1973; Плетнева, 1982 и др.). При этом вопрос о целесообразности и возможности

безболезненного перехода на оседлость подменялся одбокими рассуждениями о прогрессивности седентаризации, тогда как экологические детерминанты кочевничества были исключены из сферы исследования. И хотя некоторые вопросы взаимодействия природы и общества были фрагментарно представлены в кочевниковедении (Потапов, 1947; Он же, 1955 и др.), но им никогда не уделялось сколько-нибудь значительного внимания.

В теоретических разработках начиная с середины 50-х гг. постепенно начинают звучать голоса о необходимости учета географической среды как важного фактора социально-экономических процессов в кочевой среде. Именно пространственная дифференциация в способах жизнедеятельности была положена в основу теории хозяйственно-культурных типов и выделения кочевого ХКТ (Левин, Чебоксаров, 1955; Андрианов, 1968; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971 и др.), антропогеоценозов (Алексеев, 1975 и др.) и т. д. В. И. Козловым в этой связи было справедливо замечено, что «кочевников сухих степей... можно рассматривать как экологические таксоны, жизнь которых во многом определяется условиями их местообитания» (Козлов, 1983. С. 5). Важное значение в деле реабилитации географического фактора в истории общества имели исследования историко-географического характера (Шнитников, 1957; Федорович, 1950; Мурзаев, 1952 и др.), а позднее теоретические работы, имеющие методологическое значение (Пуляркин, 1968; Козлов, 1971; Он же, 1983; Козлов, Покшишевский, 1973; Алексеева, 1977; Данилова, 1981; Ким, Данилова, 1981; Громов, 1981; Маркарян, 1981; Он же, 1981а; Анучин, 1981; Баландин, Бондарев, 1988 и др.).

Историографическая ситуация в сфере кочевниковедения, деформированная географическим нигилизмом 30—50-х гг., начинает отчасти выправляться только в настоящее время. Прорыв в этом направлении связан прежде всего с исследованиями географов, занимающихся проблемами современного нomaдизма (Федорович, Есауленко, 1969; Федорович, 1973; Назаревский, 1973 и др.). Важный интерес представляют работы В. А. Пуляркина и Г. Ф. Радченко, в которых содержится глубокое исследование разнообразных экологических детерминантов хозяйства кочевников Южной Азии и саванно-сахельской зоны Северной Африки (Пуляркин, 1976; Он же, 1976а; Он же, 1982; Радченко, 1982; Она же, 1983 и др.). Серьезный анализ различных аспектов культурно-географического взаимодействия в среде нomaдов имеет место в работах А. Н. Ракичникова и других географов.

В этот период появляются и попытки этнографического осмысления системы взаимодействия природных и социальных процессов. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют публикации, в которых рассматриваются экологические факторы генезиса нomaдизма (Акишев, 1972; Шилов, 1975; Марков, 1976; Артамонов, 1977; Еремеев, 1979; Косарев, 1981; Он же, 1984; Зайберт, 1992 и др.). функционирования хозяйства кочевников Евразии и Северной Африки (Жданко, 1960; Она же, 1964; Она же, 1968; Першиц,

1961; Он же, 1971; Вайнштейн, 1972; Он же, 1973; Оразов, 1973; Руденко, 1961; Аргынбаев, 1969; Толыбеков, 1971; Никифоров, 1974; Басилов, 1973; Аполлова, 1976; Курылев, 1979 и др.) и т. д. Значительный «экологический» комплекс идей представлен в работах Б. В. Андрианова, С. И. Вайнштейна, Г. Е. Маркова, А. М. Хазанова, в которых дается исследование некоторых сторон влияния географической среды на систему материального производства, процессы кочевания, направленность и протяженность миграционных маршрутов номадов и т. д. (Вайнштейн, 1972; Он же, 1973; Idem, 1980; Хазанов, 1973; Он же, 1975; Он же, 1975а; Он же, 1972; Idem, 1984; Марков, 1973; Он же, 1973а; Он же, 1979; Андрианов, 1978; Он же, 1985; Он же, 1989; и др.). Следует также отметить весьма плодотворную трактовку Л. С. Клейном экологических причин массовых нашествий кочевников (Клейн, 1974 и др.). Несомненный интерес в этом же плане представляют кочевниковедческие разработки Б. А. Литвинского (Литвинский, 1972; Idem, 1990 и др.).

Особняком стоят многочисленные работы Л. Н. Гумилева, в которых рассматриваются различные стороны процесса взаимодействия общества и природы в кочевой среде. В ранних исследованиях Л. Н. Гумилева основным предметом научного анализа являлись вопросы генезиса и эволюции кочевничества в зависимости от циклических колебаний климата (Гумилев, 1966; Он же, 1966а; Он же, 1971 и др.), в более поздних — этнос, в том числе и кочевой, как естественно-биологическое и географическое явление (Гумилев, 1989; Он же, 1989а; Он же, 1990 и др.). Концепция Л. Н. Гумилева об этносе, неоднократно обсуждавшаяся на страницах научной печати, не имеет к нашей работе непосредственного отношения, однако хотелось бы подчеркнуть, что до тех пор пока не будет проанализирован во всей интегральной целостности механизм взаимодействия и взаимовлияния природных и социальных процессов в синхронно-логическом плане, любые исследования диахронного характера будут представляться весьма сомнительными.

Таким образом, советская историография рассматриваемой проблемы в своем развитии прошла достаточно сложный путь. Саморазвитие научной мысли, придерживавшейся в 20-е гг. в основном геодетерминистских позиций, в последующее время было прервано. На смену детерминизму приходит постулированный в «Кратком курсе ВКП(б)» географический нигилизм, результатом гегемонии которого стал полный отказ от исследований в сфере взаимодействия общества и природы. Неучет географической среды в жизни кочевого общества и поппулистская концепция перевода номадов на оседлость привели к демографической катастрофе, когда у миллионов кочевников был экспроприрован скот, в результате чего и сам скот и люди были обречены на голодную смерть. Другим следствием географического нигилизма стало то, что советская историография была обречена схоластически доказывать «прогрессивность» оседания. Лишь в последнее время ситуация стала меняться к лучшему, появились первые работы по экологии кочевого общества. Тем не менее мы вправе заключить, что геогра-

фический фактор в современной историографии кочевничества представлен явно недостаточно, в основном лишь в связи с изучением отдельных сторон хозяйства номадов, тогда как механизм его взаимосвязи с общественными процессами так до сих пор и не стал предметом исследования.

«Западная историография» новейшего времени в отличие от советской носила более творческий характер и демонстрировала разнообразие подходов к анализу проблемы взаимодействия общества и природы. На одном ее полюсе находился трансформирующий энвайронментализм, пытавшийся объяснить различные стороны деятельности и поведения человека экологическими причинами, а на другом — поппибилизм, по существу отрицавший географическую среду как фактор общественного развития (Джонстон, 1987 и др.). В 50-е гг. в связи с появлением работ Дж. Стюарда в западной историографии формируется новое направление научного поиска — культурная экология. «Географический детерминизм и поппибилизм,— отмечают В. И. Козлов и А. Н. Ямсков,— составляют предысторию экологической этнографии...» (Козлов, Ямсков, 1989. С. 90). Возникновение культурной экологии американский исследователь Ч. Франц объясняет тем, что представители структурного функционализма анализировали социальные отношения вне связи с экологическими и экономическими отношениями. При этом, выражая в целом поппибилистские настроения, он пишет, что сторонники культурной экологии, стремясь исправить эту ошибку, стали чрезмерно акцентировать внимание на значении природных условий и преувеличивать роль адаптации к ним человека (Frantz, 1978).

В исследованиях западных авторов по проблемам номадизма имеет место широкий спектр различных подходов и оценок. В своем развитии западная историография эволюционировала от восторженного отношения к энвайронментализму, особенно взглядам Э. Хантингтона, к равновесию между геодетерминизмом и поппибилизмом, а в последнее время все больше продвигается к культурной экологии. Рассмотрим вкратце взгляды западных авторов. По-прежнему бытует изучение миграций кочевников в зависимости от флуктуаций или циклических колебаний климата (Brooks, 1950; Lattimore, 1962. PP. 241—250; Jenkins, 1974. PP. 217—226, etc.). Несомненный интерес в этом плане представляют многочисленные исследования о влиянии засухи на хозяйство кочевников и их реакции на нее (Birks, 1978. PP. 71—86; Production pastorale et société, 1978; Herzog, 1981. PP. 133—140; Bourgeot, 1982. PP. 345—366, etc.), трансформации различных типов хозяйства в зависимости от изменений климата (Brentjes, 1981. S. 41—48, etc.). Признание важной роли географической среды в происхождении и жизнедеятельности кочевого скотоводческого хозяйства содержится в работах многих авторов (Тойнби, 1991. С. 183—186; Krader, 1955. PP. 301—326; Idem, 1959. PP. 499—509; Lattimore, 1962. PP. 241—250; Ecsedu, 1981. PP. 201—227, etc.). В этой связи рядом исследователей делается, на наш взгляд, справедливый вывод о том, что кочевничество является наиболее эффективным способом использо-

вания энергетических и биологических ресурсов аридных и семиаридных районов Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии, в наибольшей степени учитывающим интересы хрупкой экосистемы и обеспечивающим необходимое экологическое равновесие (Bundt, Heiland, Lang, etc., 1979; Hussel, 1981; Cant, 1984; Future of Pastoral Peoples, 1981).

В последнее время западные ученые стремятся показать рациональность кочевого скотоводства, а местные специалисты все больше убеждаются в целесообразности использования богатого опыта кочевников в развитии скотоводства (Future of Pastoral Peoples, 1981. Р. 15). Наряду с этим в исследованиях западных авторов прослеживаются разнообразные экологические детерминанты системы материального производства, прежде всего выпаса скота и процесса кочевания (Krader, 1955; Idem, 1959; Idem, 1963; Johnson, 1969; Boyle, 1972. Pp. 125—131; Safi, 1982. PP. 9—11; Hussel, 1981. S. 141—150; Лусиги, Глазер, 1984 и др.). Б. Глэтцер и М. Кэзимир отмечают, что для понимания различных типов и форм кочевого скотоводства необходим глубокий экологический анализ (Glatzer, Casimir, 1983. Р. 308). Несомненный интерес представляют работы, в которых прослеживается взаимосвязь географической среды и социальной организации (Торгу, 1976. PP. 269—285, etc.). В исследованиях Б. Спунера раскрывается взаимодействие экологических, технологических и социально-экономических аспектов кочевничества (Spooner, 1973, etc.).

Важное значение имеют фундаментальные труды А. Дж. Тойнби, в которых глубоко анализируется географическая зависимость кочевой цивилизации, особенности ее развития. «...Непрямая утилизация растительного мира степи через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли. Круглый год кочевник должен искать корм для своего скота в суровой и скупой степи. В соответствии с годовым циклом он должен перемещаться по степным пространствам, преодолевая немалые расстояния... Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость...» (Тойнби, 1991. С. 185—186). Говоря о «наказании, постигшем кочевников», А. Тойнби очень метко заметил, что «ужасные физические условия, которые им удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Кочевники... стали вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла. Наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром» (там же. С. 186).

Вместе с тем следует заметить, что все больше специалистов совершенно справедливо возражают поппулистам против перевода кочевников на оседлость, указывая на отсутствие соответствующих природно-климатических условий, водных и почвенных ресурсов для занятия земледелием, и подчеркивают, что седентаризационные процессы в аридной зоне, как правило, приводят лишь к ухудшению экологической ситуации и условий жизнедеятельности.

ти бывших номадов (Konczacki, 1978; Bundt, Heiland, Land, etc., 1979; Nomadismus..., 1982, etc.). Наряду с этим многие исследователи, обеспокоенные судьбами кочевых народов, выражают опасения, что в условиях современного индустриально-урбанизированного общества кочевники фактически остались на периферии общественной жизни и не имеют шансов на выживание. Именно поэтому они предлагают под эгидой ЮНЕСКО и других международных организаций разработать эффективную программу их интеграции в экономическую структуру развивающихся стран, учитывающую как традиционные стереотипы и ценностные ориентации кочевников, так и природно-климатические условия среды обитания (Herzog, 1981; Hussel, 1981; Bourgeot, 1982; Nomadismus..., 1982; Лусиги, Глазер, 1984; Cant, 1984; Schwartz S., Schwartz H., 1985; Sullivan, Farris, Simpson, 1985, etc.).

Одновременно взгляды целого ряда авторов представляют собой сложное переплетение геодетерминистских и поссибилистских подходов к изучению проблемы номадизма. Так, например, Л. Крэдер, с одной стороны, говорит о зависимости номадов от географической среды, а с другой, обвиняет кочевников в истощении пастбищных угодий и деградации окружающей среды (Kradner, 1963; Idem, 1966. P. 5, etc.). В свою очередь, П. Бонт, отмечая экологические детерминанты номадизма в развитии процессов социальной дифференциации, также пишет об их негативном воздействии на природные условия среды обитания (Bonte, 1978. P. 3—4, etc.).

Поссибилистских взглядов на историко-культурное функционирование и жизнедеятельность кочевых народов придерживается значительная часть западных исследователей (Grunert, Konig, 1973; Frantz, 1978; Stein, 1980; Idem, 1981; Change and Development..., 1981; Taube, 1981; Neubert, 1981; Seiwert, 1982, etc.). Так, например, К. Еттмар даже подвергает критике сторонников экологического метода исследования истории и культуры номадов и считает, что судьбы кочевничества должны рассматриваться в контексте всемирно-исторического процесса (Jettmar, 1981, etc.). Ч. Франц уверен в том, что нормы социальной организации практически не зависели от географической среды и установить в этом случае причинную связь почти невозможно (Frantz, 1978). Сторонники данного подхода требуют скорейшего перевода всех номадов на оседлость (Seiwert 1982; Nomadismus..., 1982. S. 219—231, etc.).

Таким образом, в историографии кочевничества, несмотря на обилие различного рода исследований, фактически не предпринималось специальных попыток изучения процесса взаимодействия природных и социально-экономических факторов в историко-культурном развитии и жизнедеятельности кочевого общества. В основном имеют место попытки анализа отдельных аспектов рассматриваемой проблемы, преимущественно связанных с системой хозяйства номадов, тогда как сам механизм равновесного и сбалансированного состояния кочевников в пространстве, процессы их адаптации к природным ресурсам среды обитания и потенциал антропогенной трансформации географических условий во взаимодействии и взаи-

мосвязи с социально-экономическими процессами в кочевой среде никогда не становились предметом самостоятельного исследования.

Нами предпринимается попытка комплексного исследования основ жизнедеятельности кочевнического социума, процессов взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов в развитии кочевой цивилизации. В зависимости от природно-климатических условий среды обитания строится типология местообитаний кочевников, анализируются процессы генезиса и эволюции кочевнического способа производства, структура и типология скотоводческого хозяйства казахов, степень распространения и удельный вес нескотоводческих занятий. Посредством изучения процессов выбора и распределения пастбищных угодий, посезонной спецификации системы кочевания и выпаса различных видов скота исследуется эвадaptивная стратегия природопользования кочевников. Анализируется их адаптация к географическим условиям аридной экологической ниши посредством выработки особого эколого-биологического и социально-экономического механизма — закономерности дисперсного состояния — обеспечивающего динамическое равновесие в естественно-природных и общественно-экономических процессах. Одновременно изучаются процессы интеграции кочевников в различного рода социальные организмы, определяющие сложную структуру общества и обуславливающие функционирование различного рода систем общественных связей. Наряду с этим исследуются экологические детерминанты социально-экономических процессов, являющихся основой жизнедеятельности кочевников, в том числе системы производственных отношений, отношений собственности, явлений концентрации средств производства и монополизации самой структуры общества, форм зависимости и типов эксплуатации. В этой связи рассматриваются естественно- и социально-сегментирующие функции закономерности дисперсного состояния, выражающие, на наш взгляд, фундаментальные особенности кочевнического способа производства и определяющие дискретность и прерываемость процессов накопления средств производства в диахронном плане и стабильность, всеобщность и устойчивость процессов концентрации скота — в синхронном. Изучается специфика процесса производства в различных природных условиях как фактор многообразия форм социальной организации, производственных отношений, форм взаимодействия общинной собственности на землю и частной собственности на скот, коллективной организации трудового процесса и частного распределения продуктов общественного производства и т. д.

На этой основе дается обоснование наличия кочевнического способа производства, отражающего особенности системы материального производства и системы общественных отношений в кочевой среде (Андрианов, Марков, 1990 и др.). Исследуется процесс стагнации кочевнического способа производства в составе крупных централизованных государств. Изучение данного комплекса вопросов, став-

шего предметом специального исследования, иллюстрирует, на наш взгляд, научную новизну работы.

Цель нашей работы заключается в изучении механизма взаимодействия природных и социально-экономических процессов в развитии номадной цивилизации, жизнедеятельности кочевого общества, выявлении общего и особенного в функционировании системы материального производства, специфики общественных отношений в среде номадов.

Методологической основой работы стал прежде всего материалистический метод исследования общественных явлений и процессов, предполагающий первичность системы материального производства и примат трудовой деятельности. В данном случае природа, как правило, выступает в качестве важной субстанции в цепи взаимосвязанных явлений многомерного порядка и вследствие этого дает импульс общественным процессам, в конечном счете влияя на направленность социального и экономического развития общества, объективный и независимый от воли и сознания людей характер его функционирования и жизнедеятельности (М. Фридмен и др.).

Важное методологическое значение в этой связи имеют труды ряда исследователей, в которых глубоко обосновывается мысль об интегральной целостности и взаимной обусловленности природы и общества в историческом развитии человечества. Материалистическое понимание истории базируется прежде всего на рассмотрении производственной деятельности как всеобщего принципа и определяющего фактора всемирно-исторического процесса (А. Смит и др.).

Несомненное теоретическое значение имеют труды ряда ученых, в которых содержатся важные методологические положения, раскрывающие направленность и характер взаимоотношений общества и природы, основные принципы и закономерности их взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности человека. В этой связи следует назвать многогранные исследования по истории научных представлений о взаимоотношениях природы и общества (Круть, Забелин, 1988 и др.), выявлению роли географического фактора в развитии общества (Анучин, 1982 и др.), философскому осмыслению данной проблемы (Плетников, 1981 и др.), этнической экологии (Козлов, 1983; Алексеев, 1984 и др.), проблемам развития культуры (Маркарян, 1981 и др.), историческим этапам взаимодействия общества и природы (Ким, Данилова, 1981; Данилова, 1981 и др.). Важное методологическое значение имеют труды западных ученых (Тойнби, 1991; Эванс-Причард, 1985; Тернбул, 1981; Тэрнер, 1983; Бродель, Т. 1—3 и др.), прежде всего экологов (Девиньо, Танг, 1973; Одум, 1975; Он же, 1986; Печчеи, 1985 и др.) и др.

Источники и материалы. В основе работы лежит комплекс исторических, этнографических и археологических материалов, статистических данных, публицистических, архивных и литературных источников, географических, экологических и сельскохозяйственных исследований, в которых содержится многообразный и достаточно

543826

репрезентативный фактический материал, позволяющий в достоверной и полноценной форме изучить поставленные в работе задачи.

Чрезвычайно разнообразный и насыщенный конкретными деталями этнографический материал представлен в русской дореволюционной литературе, в основном носившей описательный характер. Анализ огромного в количественном отношении этнографического и исторического материала, содержащегося в трудах русских ученых, путешественников, чиновников, просто очевидцев и военных, позволяет в аутентичной форме раскрыть и проанализировать весь комплекс рассматриваемых проблем. Особенно насыщены эмпирическим взаимодополняющим друг друга материалом работы П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. Г. Андреева, Я. Гавердовского, Г. И. Спасского, Е. К. Мейендорфа, С. Большого, С. Броневского, А. И. Левшина, Я. Ханыкова, М. Иванина, И. Ф. Бларамберга, А. Влангали, Ю. Гагемейстера, Ч. Ч. Валиханова, М.-С. Бабаджанова, Л. Мейера, П. Медведского, А. К. Гейнса, М. Красовского, Г. Н. Потанина, Г. Загряжского, Б. Даулбаева, И. Алтынсарина, Х. Кустанаева, М. Чорманова, И. Казанцева, А. Е. Алекторова, А. Джантюрина, А. Н. Краснова, П. Небольсина, А. Диваева, Н. Коншина, Р. Карутца, П. П. Румянцева, Б. А. Скалова и еще нескольких тысяч русских дореволюционных авторов.

Большой фактический материал сосредоточен в работах по обычному праву казахов, в частности в публикациях Н. И. Гродекова, Л. Баллюзeka, А. Самоквасова, П. Маковецкого, Я. Гурлянда, Л. А. Словохотова и др. Были использованы сборники документов и материалов: «Полное собрание законов Российской империи», «Сборник узаконений о киргизах степных областей», «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», «Материалы по казахскому обычному праву», «Материалы по истории Казахской ССР», «Материалы по истории политического строя Казахстана», «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», «Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв.» и др.

Главным источником этнографических и статистических данных стал фундаментальный сериал «Материалов по киргизскому землепользованию» в 13 томах, собранных под руководством выдающегося русского статистика Ф. А. Щербины по двенадцати уездам Казахстана; «Материалов по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области» в 4 томах, собранных под руководством П. А. Скрыплева; «Материалов по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области» в 4 томах, собранных под руководством П. П. Румянцева; «Материалов по повторному обследованию в 1910—1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области» в 3 томах, собранных под руководством А. В. Переплетчикова; «Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района» в 5 томах; «Киргизского хозяйства

в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907—1909 гг.» в 5 томах и т. д. Всего было издано по казахам-кочевникам 35 томов статистических данных, в каждом из которых содержится фактический материал по нескольким сотням позиций. Было также издано более двухсот ежегодных «Обзоров областей», в которых сосредоточен колоссальный источниковый материал, всесторонне характеризующий кочевое хозяйство казахов. Нами были также проработаны несколько десятков фондов Центрального Государственного Архива Казахской ССР, содержащие фактические данные практически по всему спектру рассматриваемых вопросов.

В целом имеющийся в нашем распоряжении источниковый материал, представляющий большие трудности в осмыслении и систематизации в виду его обилия, позволяет в достоверной и полноценной форме проанализировать весь комплекс поставленных задач. Сравнительно-сопоставительный анализ фактов и данных разнообразных и многочисленных источников, как нам представляется, позволяет избежать субъективной трактовки вопросов нашего исследования и исключить необъективные суждения и выводы.

Изучение системы материального производства кочевых народов представляет большой практический смысл, поскольку ими был накоплен огромный опыт производственных навыков и технологических приемов по селекции и племенной работе со скотом, его выпасу и наиболее рациональной организации режима трудовой деятельности и т. п. Большой интерес представляет способность кочевого хозяйства быстро реагировать на изменение природно-климатических условий посредством перестройки организационной структуры производственного цикла. В этой связи следует отметить, что кочевничество — это не просто форма адаптации человека к сложным географическим условиям, но и совокупность рациональных приемов организации процесса производства, сумма знаний о биологии и этологии животных, об окружающей среде.

Вследствии этого встает вполне закономерная задача всестороннего исследования кочевого скотоводческого хозяйства и на этой основе использования его позитивного опыта в развитии животноводческого сектора народного хозяйства страны. Особо важный интерес представляет сбалансированное, равновесное состояние кочевников по отношению к природным ресурсам среды обитания, поскольку нарушение этого основополагающего принципа в виде так называемого «перевыпаса» привело, например, в современном Казахстане к крупномасштабным экологическим катастрофам. Так, в результате неоправданной концентрации скота и нерационального ведения животноводства было эродировано 55 млн. га пастбищных угодий — почти треть всего пастбищного фонда республики. В данной ситуации опыт кочевниковедческих исследований приобретает вполне очевидный практический характер, позволяющий учитывать специфику хозяйственного освоения аридной зоны.

Закljučая введение, мне хотелось бы выразить искреннюю признательность всем, кто словом и делом помогал мне в моей жизни и научной деятельности. Это, прежде всего, моя семья, мои родители. Мой отец — Масанов Эдиге Айдарбекович, безвременно погибший в 1965 году, всегда был для меня недостижимым идеалом, символом высокого служения науке. Моя мама — Ахинжанова Сауле Мусатаевна, библиотечный работник, вырастила меня в мире книги и посвятила свою жизнь тому, чтобы сделать из меня, прежде всего, человека, способствовала развитию и формированию моих личностных качеств. Большое влияние на меня оказали мой дед — Ахинжанов Мусатай Бекбулатович и мой дядя — Ахинжанов Сержан Мусатаевич — известные казахские ученые-историки. Всю свою жизнь стремилась восполнить мне утрату отца моя тетя Масанова Гульбанат Айдарбековна. Вся работа по подготовке книги к печати была проделана моей женой Лаурой Тулемисовой.

Учителем с большой буквы для меня стал близкий друг моего отца Вениамин Петрович Юдин, который всегда знал больше и смотрел на шаг дальше, чем кто-либо в исторической науке Казахстана. Его безграничные познания и острый, отточенный ум были для меня своего рода высшим критерием в моих научных поисках.

Значительное влияние на формирование моих научных принципов оказало общение с Яковом Давыдовичем Серовайским — глубоко и оригинально мыслящим человеком критического склада ума, чье мнение всегда было для меня принципиально важным.

Особую благодарность хотелось бы выразить видным казахским этнографам — Халелу Аргынбаевичу Аргынбаеву и Марату Сабитовичу Муканову — крупнейшим знатокам традиционной культуры и быта казахов, за их поддержку и доброе заботливое отношение ко мне. Безгранично мое уважение к близкому другу моего отца Рамазану Бимашевичу Сулейменову, ставшему для меня символом интеллигентности и порядочности в науке. Многие мысли и идеи обсуждались и оттачивались в бесконечных спорах с Ж. Б. Абылхожиным.

Приношу также свою благодарность известным казахстанским ученым А. Х. Маргулану, А. Н. Нусупбекову, Г. Ф. Дахшлейгеру, Л. М. Ауэзовой, А. Е. Ерену и др. за их беспристрастный взгляд, благожелательность и поддержку.

Важное значение для меня имеют московский период моей жизни и связи с российскими учеными. И здесь хотелось бы выразить признательность за доброе и объективное отношение известным ученым, поддерживавшим в разные годы мои научные изыскания: В. И. Козлову, Г. Е. Маркову, Р. Г. Кузееву, Ю. В. Бромлею, Л. А. Алаеву, С. А. Арутюнову, В. Н. Басилову, С. И. Бруку, Р. Ш. Джарылгасиновой, Т. А. Жданко, Н. Я. Жуковской, Б. Х. Кармышевой, Н. Н. Крадину, М. В. Крюкову, В. П. Курылеву, А. И. Першицу, Г. А. Федорову-Давыдову, А. М. Хазанову, А. Н. Ямскову и др.

ЧАСТЬ I. СИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

ГЛАВА 1. КОЧЕВНИЧЕСТВО И СРЕДА ОБИТАНИЯ

1.1. ТИПОЛОГИЯ МЕСТООБИТАНИЙ КОЧЕВНИКОВ

Функционирование кочевого скотоводческого хозяйства как особого типа производственной деятельности во многом детерминировалось географической средой. Поэтому кочевничество существовало только лишь в локальных пространственно-исторических границах с определенной амплитудой климатических условий жизнедеятельности в особых экологических нишах. Вследствие этого оно было тесно взаимосвязано с природными ресурсами среды обитания и посредством антропогенных процессов было органически включено в окружающую среду. Кочевые ареалы характеризуются рядом геофизических и природно-климатических условий.

Экологические зоны, занимаемые кочевниками в историческое и настоящее время, отличаются рядом специфических особенностей, заметно отличающих их от других природных областей (Капорей, 1958; Мурзаев, 1952; Он же, 1966; Петров, 1973; Зайчиков, 1974; Одум, 1975. С. 499—509; Мордкович, 1982; Радченко, 1983; Федорович, 1973 и др.). Местообитания номадов могут быть типологизированы в соответствии с принципами общепринятой экологической систематики в качестве ареалов и маргинальных зон по ряду взаимосвязанных и взаимозависимых признаков. Поскольку экосистема представляет собой совокупность всех пространственно локализованных организмов, связанных потоками энергии между собой и со средой обитания взаимодействиями экологического характера (Одум, 1975. С. 16—17; Агесс, 1982. С. 7; Реймерс, 1990. С. 559 и др.), то выделяемый нами ареал или ареальная зона должен соответствовать номадной экосистеме, когда кочевники скотоводы и их среда обитания объединены в единое функциональное целое, возникающее на основе взаимозависимости и взаимодополнения и обеспечивающее саморегулирующуюся циркуляцию вещества, энергии и информации (там же). В свою очередь, второй элемент нашей типологической схемы — маргинальная зона — может быть соотнесен с понятием «экотона», т. е. пограничной зоной между экосистемами, «зоной напряжения», имеющей значительную линейную протяженность и отличающуюся более высокой плотностью и разнообразием локализующихся здесь организмов — так называемым «краевым эффектом» (Одум, 1975. С. 203—204; Агесс, 1982. С. 8

и др.) — и выполняющей роль передатчика информации и потоков энергии между экосистемами.

К потенциально кочевым ареалам, на наш взгляд, следует отнести экосистемы, характеризующиеся аридностью и континентальностью природно-климатических условий, посезонной продуктивностью, разреженностью и низкой кормовой производительностью растительного покрова, вследствие этого, преобладанием ксеромезофитов, мезоксерофитов, ксерофитов, псаммофитов и галофитов, с очевидным антропогенным характером жизнедеятельности растительности. В основном, это степи, полупустыни, пустыни, горные и предгорные районы аридной зоны. По большей части эти ареалы ограничены изогиетами 200—400 мм. Дефицит атмосферных осадков в ареальных зонах, повышенная величина солнечной радиации, изменчивость и колебания природно-климатических условий, периодически повторяющиеся засухи, ограниченность водных и почвенных ресурсов, разреженность и низкая продуктивность растительного покрова, большая предрасположенность почвенного слоя к эрозии и опустыниванию, ветры и повышенная чувствительность экосистемы к внешним воздействиям являются ограничительными факторами; они лимитируют хозяйственную деятельность человека и требуют от него своеобразных форм социокультурной адаптации.

Кочевое скотоводческое хозяйство в условиях такого рода экосистем является доминирующей, а зачастую единственно возможной отраслью хозяйства не только в доиндустриальную эпоху, но и на современном этапе исторического развития. К числу крупнейших ареалов номадизма относятся Казахстан, Монголия, Джунгария, Аравийский полуостров, пустыни и полупустыни Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и отчасти Понто-Каспийского региона, Сахара и саванно-сахельская зона Северной Африки. Попытки использовать территории кочевых ареалов под земледельческое хозяйство, как правило, в долговременной перспективе малоэффективны; они наносят экосистеме непоправимый урон и усугубляют процессы эрозии и опустынивания.

Кочевой ареал в Казахстане охватывает территорию Туранской и Прикаспийской низменности, Устюрта, Тургайского, Предуральского (Эмбенского) плато, Бетпак-Далы, Прибалхашской равнины, Центрально-Казахстанского мелкосопочника, Мугоджар, Мангыстауских гор, часть возвышенности Общий Сырт, а также предгорные и горные районы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского и Заилийского Алатау, Киргизского хребта. В природно-ландшафтном отношении — это степная, полупустынная и пустынная зоны Казахстана, ограниченные изогиетами менее 400 мм атмосферных осадков, со слаборазвитой гидрографией. Следствием всеобщности преобладания кочевого скотоводческого хозяйства, нуждающегося в больших по площади охвата пастбищных угодьях, является низкая плотность населения на территории этого ареала — 1-1,5 чел. на кв. км.

К маргинальным зонам относятся субаридные районы, обеспеченные атмосферными осадками в количестве более 400 мм, а так-

же стабильными непересыхающими пресными водоемами естественного происхождения, либо реками с постоянным круглогодичным стоком воды. Расположенные зачастую на стыке природно-ландшафтных зон, маргинальные районы характеризуются более разнообразным и плотным растительным покровом, участками плодородной почвы, в частности аллювиального происхождения, более равномерным распределением атмосферных осадков по сезонам года, отсутствием сильных ветров, сдувающих снег в зимний период, сравнительно стабильными климатическими циклами и т. д. Они, как правило, располагались по периферии кочевых ареалов (периферийные маргинальные зоны), в речных долинах, по которым могли вклиниваться вглубь кочевых ареалов, в околоозерных районах, лесостепной и низкогорной зонах (дискретные или локальные маргинальные зоны) и чаще всего располагались на стыке с оседло-земледельческими ареалами; кое-где они перемежались оазисами (оазисно-маргинальные зоны), либо в силу местных особенностей климата, рельефа, ландшафта играли роль разделительной полосы между различными кочевыми ареалами. Маргинальные зоны могли располагаться и внутри оседло-земледельческих ареалов (дисперсные маргинальные зоны) и т. д.

В данных географических условиях чаще всего наблюдается наличие комплексного, так называемого; «полукошевого» хозяйства (Першиц, 1961; Марков, 1976; Андрианов, 1985 и др.) с большим удельным весом прочих видов хозяйственной деятельности — обычно земледелия, стационарными пунктами торгового обмена, в том числе городами, но с преобладающей ролью различных форм скотоводства. Это было обусловлено тем, что природные ресурсы среды обитания, хотя и определяли зачастую доминанту кочевого скотоводческого хозяйства, но в тех или иных пределах допускали занятие земледелием, рыболовством (Жданко, 1960 и др.). В результате этого в маргинальных зонах в зависимости от конкретных географических условий имело место огромное многообразие хозяйственных комплексов с различной отраслевой структурой. К числу маргинальных зон можно отнести семиаридные районы Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Западной и Южной Сибири, предгорные районы Центральной Азии и практически все оазисы, речные долины и околоозерные регионы на периферии аридной зоны Евразии и Северной Африки. Именно здесь локализовались многие города, торговые пункты, остановки Великого Шелкового пути и т. д.

Маргинальная зона на территории Казахстана охватывала оазисы, речные долины, околоозерные районы, предгорные и низкогорные участки преимущественно по периферии номадного ареала. Она включала, по-видимому, южную часть Западно-Сибирской низменности, некоторые предгорные районы на востоке и юго-востоке Казахстана, речные долины Сырдарьи, отчасти Иртыша, Тобола, Ишима, Урала, отдельных рек Семиречья, околоозерные районы Арала и т. д. Так, например, узкая полоса предгорий Алтая, Тарбагатай, Джунгарского и Заилийского Алатау, Киргизского

хребта, где атмосферные осадки составляли в среднем 500 мм в год, представляла собой благоприятную среду для развития земледельческого хозяйства и именно здесь в XVIII—XIX вв. возникают города и различного рода населенные пункты. В свою очередь, Присырдарьинский регион за счет развитого поверхностного стока и аллювиальных почв, мягкой и непродолжительной зимы в равной мере был как центром земледельческого хозяйства (Макшеев, 1956 и др.), так и местом многочисленных зимовок кочевников-казахов (Гродеков, 1889 и др.). Вследствие разнообразия природных условий в маргинальной зоне Казахстана имели место не только кочевое скотоводческое хозяйство, но и земледелие, рыболовство и т. д. Здесь развивались торговля, ремесло, строились города, а плотность населения была гораздо большей, чем в ареале номадизма.

Взаимодействие кочевого скотоводства с прочими видами хозяйственной деятельности и в первую очередь с земледелием в маргинальных зонах определялось как развитием номадизма в ареальных экосистемах, социально-экономическими и политическими факторами, взаимоотношениями кочевников с оседло-земледельческими государствами и т. п., так и периодическими и многолетними колебаниями природно-климатических условий. В случае, например, политической гегемонии номадов и военных конфронтаций городской образ жизни здесь мог приходить в упадок, а земледелие могло полностью или частично вытесняться из структуры хозяйственных занятий. Впрочем, это могло иметь место и в результате изменения природно-климатических условий, в частности аридизации климата, либо уменьшения полноводности речного стока и т. д. Под воздействием указанных причин могли происходить и обратные процессы, например, оседание номадов в условиях включения маргинальных зон в состав оседло-земледельческих государств и т. п. В эпоху до Великих географических открытий, когда полностью преобладала внутриконтинентальная торговля, маргинальные зоны и возникающие здесь города играли чрезвычайно важную роль в системе общественного разделения труда в масштабах всей Евразии, являлись ретрансляторами культурных инноваций и т. д. (Литвинский, 1984; Байпаков, 1986; Байпаков, Ерзакович, 1971 и др.). В последующее время происходит снижение значимости указанных зон в процессах диффузии и аккультурации, городской образ жизни приходит в упадок, роль земледелия снижается. В целом динамика пространственно-временного взаимодействия кочевых ареалов и маргинальных зон коррелировалась аритмией социокультурных и прежде всего политических процессов, углублением системы общественного разделения труда, а также изменчивостью природно-климатических условий.

Таким образом, кочевничество в пространственном отношении было строго локализовано в пределах территорий с определенной характеристикой природных условий жизнедеятельности, т. е. было экологически детерминированно. Местообитания кочевых народов в зависимости от комплексности природных ресурсов и климатических условий, емкости экологической ниши могут быть подраз-

делены в типологическом отношении на ареалы и маргинальные зоны, по-разному реагирующие и влияющие на хозяйственную деятельность человека, субстанционально предопределяющие параметры и направленность развития системы материального производства, характер ее эволюции и трансформации.

Наряду с этим следует отметить, что характерные особенности природно-климатических условий на всем ареале Евразии и в частности в Казахстане сложились в основном в эпоху голоцена и за последние тысячелетия не претерпели значительных изменений. Как полагают исследователи, в послеледниковую эпоху завершилось формирование климата, естественно-природных ландшафтов и биоценозов казахстанской экосистемы. В частности, стабилизировались структура и состав растительного и почвенного покрова, особенности расположения и функционирования гидрографической сети, характер и степень увлажнения, термический режим и продолжительность теплого и холодного сезонов года, горизонтально-вертикальная зональность, весь комплекс природно-климатических условий (Шнитников, 1957; Климат Казахстана, 1959; Чупахин, 1968; Казахстан, 1969; Быков, 1979 и др.).

Однако, как свидетельствуют многочисленные палеоклиматические исследования, в исторически обозримое время прослеживается частичная изменчивость большинства элементов климата во времени (Вайсберг, 1980; Монин, 1980; Мизун, 1986 и др.). В наибольшей степени это касается степени увлажнения природно-климатических условий, количества атмосферных осадков, полноводности гидрографической сети, продолжительности теплого и холодного сезонов года. Широкой известностью в этой связи пользуется, например, палеоботаническая схема Блитта-Сернандера, охватывающая эпоху голоцена. Согласно данной схеме после окончания бореального периода с умеренно теплым климатом наступает атлантическая фаза с теплым и влажным климатом (климатический оптимум) в 5000—3000 (5475 ± 350 и 2975 ± 224) гг. до н. э. На смену атлантическому периоду приходит суббореальный с теплым и сухим климатом (рубеж III—II тысяч. до н. э.), достигающим своего пика в фазу ксеротерма в XVIII—VIII вв. до н. э. В начале I тысяч. до н. э. наступает продолжающаяся и поныне субатлантическая фаза с прохладным и влажным климатом, характеризующаяся двумя так называемыми «малыми ледниковыми эпохами» в последних веках I тысяч. до н. э. и в 1500—1800 гг. (Шнитников, 1957. С. 213—283; Ле Руа Ладюри, 1971; Хотинский, 1977; Дроздов, 1982; Вайсберг, 1980. С. 12; Вереш, 1979. С. 183—185; Он же, 1985. С. 115—116; Косарев, 1981; Он же, 1984; Хабдулина, Зданович, 1984; Герасимов, 1985. С. 62; Мизун, 1986. С. 93; Варущенко, Варущенко, Клиге, 1987. С. 210—218 и др.).

Дискуссионным остается вопрос о характере более частных климатических трансформаций. По мнению одних исследователей, в Евразии такие колебания климата были циклическими. Широкой известностью, например, пользуется гипотеза Петерсона-Шнитникова о 1800—1900-летних циклах колебания климата. В свою оче-

редь, пишет А. В. Шнитников, этот ритм подразделяется на фазы. Во-первых, на прохладно-влажную фазу в 300—500 лет, характеризующуюся увеличением стока рек, повышением уровня озер, возрастанием общей увлажненности климата. Следующей фазой была стадия сухого и теплого климата продолжительностью в 1000 лет, сопровождающаяся отступлением оледенения, усыханием болот и торфяников, уменьшением стока рек, понижением уровня озер, общей аридизацией климата. Между каждой из этих фаз, по мысли автора, существовали некоторые переходные периоды продолжительностью в 100—300 лет (Шнитников, 1957. С. 283—284). При этом, отмечают исследователи, наиболее чувствительной к изменениям климата является переходная от одного ландшафта к другому зона. Вследствие этого и, повидимому, в зависимости от изменения климата — увлажнения или усыхания, похолодания или потепления — маргинальные зоны могли поглощаться ареалами, а из ареалов могли выделяться по периферии новые маргинальные зоны (см. в этой связи: Гумилев, 1966; Он же, 1966а; Он же, 1971; Косарев, 1981; Он же, 1984; Вереш, 1979 и др.).

Вместе с тем многие исследователи отрицают цикличность климатических трансформаций и признают непериодические флуктуации климата, которые также обуславливали изменение характера атмосферных осадков и приводили к передвижкам природно-ландшафтных зон (Ле Руа Ладюри, 1971 и др.). В этой связи было обращено внимание на то, что между VI и II тысяч. до н. э. во всем Афродзиатском регионе происходила общая аридизация природно-климатических условий, что совпало по времени с возникновением земледелия и скотоводства (Природа и ресурсы, 1984. № 1. С. 4—5 и др.). Как бы то ни было, расходясь в конкретных оценках и взглядах, исследователи в принципе признают разнообразные колебания природно-климатических условий, их изменение во времени.

Несомненно, что такого рода климатические трансформации оказывали существенное влияние на характер хозяйственно-культурной деятельности человека и требовали от него каждый раз соответствующей перестройки всей системы жизнедеятельности. На наш взгляд, флуктуации климата особенно сказывались на системе материального производства в маргинальных зонах и могли приводить к постепенному отказу от многоцелевой структуры хозяйства в тех случаях, когда эти районы поглощались ареалами, либо, наоборот, при выделении новой маргинальной зоны моноструктура хозяйства могла трансформироваться в полиструктуру и т. д. Такого рода процессы, обусловленные, в частности, многолетним периодом засух в Северной Африке, происходили в саванносахельской зоне в 60—80-х гг. нашего столетия. Аридизация климата способствовала опустыниванию данной зоны и последующему вытеснению земледелия из структуры хозяйственных занятий, массовой миграции оседлого и полукочевого населения в города, изменению образа жизни и рациона питания значительной части населения (Скури, 1984 и др.).

Таким образом, в результате флуктуаций климата в маргиналь-

ных зонах имели место преимущественно преобразования структуры хозяйственных занятий, тогда как в кочевых ареалах происходили качественно иные процессы. Изменения климата в ареалах в рамках стабильной территории приводило, на наш взгляд, к полной перестройке внутривидовой структуры, т. е. трансформации доминирующего типа хозяйства. Иначе говоря, если колебания климата в маргинальных зонах обуславливали как бы вымывание одних типов хозяйства и повышение удельного веса других, то в ареалах — детерминировали внутривидовую перестройку и нередко — возникновение качественно новых типов хозяйства. Вместе с тем именно в ареалах прослеживается наибольшая консервативность хозяйственно-культурных типов, обусловленная жесткой экологической детерминированностью системы материального производства, тогда как в маргинальных зонах имеет место большая пластичность и гибкость хозяйственной адаптации как к природной, так и социальной среде.

1.2. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КОЧЕВНИЧЕСТВА

Система взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов, охватывающая все сферы жизнедеятельности кочевого общества, не может быть всесторонне исследована как интегральная целостность во всем своем многообразии без изучения и анализа проблемы генезиса и эволюции номадизма. Исследование закономерностей пространственно-временного возникновения и функционирования кочевничества необходимо как для изучения экологических детерминантов номадизма и процессов хозяйственного освоения человеком аридной зоны Евразии, так и для анализа динамики исторического развития народов данного региона.

Проблема спонтанного перехода скотоводов Евразии к кочевничеству в современной историографии представлена далеко неоднозначными и притом противоречивыми гипотезами. Так, например, до сих пор остается неясным, что же побудило различные скотоводческие племена к трансформации традиционного типа хозяйства и его качественной перестройке. По мнению одних исследователей, скотоводы по мере увеличения у них количества скота были вынуждены осваивать новые пространства и интенсифицировать систему выпаса скота, что и явилось главной причиной перехода оседлых скотоводов к номадизму (Грязнов, 1957; История Казахской ССР. Т. 1. 1957; Боголюбовский, 1959; Руденко, 1961; История Казахской ССР. Т. 1. 1977; Акишев, Байпаков, 1979 и др.). Целый ряд исследователей полагает, что решающую роль в этом процессе сыграли климатические изменения в эпоху ксеротерма и перехода от суббореального к субатлантическому периоду по схеме Блитта-Сернандера (Сорокин, 1962; Сальников, 1967; Вереш, 1979; Викторова, 1980; Хабдулина, Зданович, 1984 и др.). Климатологическая концепция наибольшее развитие получила в трудах Л. Н. Гумилева (Гумилев, 1966; Он же, 1966а и др.). Наряду с этим бытует точка зрения о том, что возникновение номадизма стало следствием

распада первобытнообщинных отношений и экономического и политического давления на скотоводов с юга со стороны земледельческих государств (Хазанов, 1973; Он же, 1975 и др.). В свою очередь, Л. С. Клейн главную причину возникновения кочевничества видит в осознании скотоводами военного преимущества кочевого быта (Клейн, 1980. С. 34). Более обоснованной, на наш взгляд, представляется концепция Г. Е. Маркова. В основе перехода скотоводческих и пастушеских народов к номадизму, считает он, находился сложный комплекс факторов — климатогенных, антропогенных, социально-экономических, политических, культурных и др., сумма которых и обеспечила генезис кочевничества. Непосредственным же толчком явились объективные изменения в географической среде, когда земледельческое хозяйство исчерпало себя в условиях аридизации климата в районах местобитания скотоводов (Марков, 1973; Он же, 1976 и др.). Несомненный интерес в этой связи представляет и точка зрения В. А. Шнирельмана о том, что факторы, обусловившие развитие кочевничества были далеко не адекватны в различных регионах. Им было предложено 4 типологические модели генезиса номадизма. Во-первых, в связи с обострением земельного вопроса и перенаселением из земледельческо-скотоводческих общностей могли выделяться группы населения, которые в процессе переселения на окраины ойкумены усиливали скотоводческую направленность своих занятий. Во-вторых, земледельцы могли отдавать скот на выпас своим соседям или активно его выменивать, что усиливало скотоводческое хозяйство на земледельческих окраинах. Эти модели, по мысли автора, вели к появлению того, что можно назвать «первичным кочевничеством». Две другие модели были связаны с производным от него «вторичным кочевничеством». Во-первых, скотоводческий акцент мог усиливаться в результате контактов с преимущественно скотоводческими группами населения и, во-вторых, некоторую роль в становлении номадизма, по-видимому, сыграли охотничьи группы населения (Шнирельман, 1988. С. 37, 48—50 и др.).

При этом практически все исследователи единодушны в том, что процесс эволюционного развития скотоводческого хозяйства древних насельников Евразии, начальной точкой отсчета которого является, по-видимому, рубеж V—IV тысяч. до н. э., привел к возникновению кочевничества на рубеже II—I тысяч. до н. э. К середине I тысяч. до н. э. номадизм вступает на арену мировой истории как реальное историческое явление (Хазанов, 1975; Марков, 1976 и др.). Особняком стоит точка зрения В. П. Шиловой, утверждающего, что уже носители древнеямной и последующих культур в Нижнем Поволжье могут быть идентифицированы в качестве кочевников (Шилов, 1975. С. 81—91). Попытка В. П. Шиловой более чем на тысячу лет удревить возникновение номадизма не встретила поддержки в среде кочевниковедов. Таким образом, становление кочевничества, как полагает наибольшая часть исследователей, произошло синхронно на всем ареале аридной зоны Евразии в начале I тысяч. до н. э., когда произошла смена климатов —

суббореального в своей ксеротермической фазе, обеспечившей соответствующие условия для возникновения номандизма, на субатлантический, более влажный и холодный.

Среди основных факторов, которые детерминировали возникновение номадизма и обусловили историческую закономерность его становления, следует выделить прежде всего природно-климатические. Наиболее важное значение имели такие особенности среды обитания, как повышенный баланс солнечной радиации, обеспечивающий сильный перегрев поверхности земли в летнее время года, периодическую повторяемость атмосферных засух, аридность и континентальность климата, недостаточность водных, растительных и почвенных ресурсов, зональность и сезонность функционирования фитоценозов, атмосферных осадков и т. д. Все эти природно-климатические факторы практически полностью исключали возможность культивирования нескотоводческих занятий и прежде всего земледелия. Свидетельством тому является, например, то обстоятельство, что в настоящее время в Казахстане общая площадь пастбищных и сенокосных угодий составляет почти 190 млн. га (85,5% всех сельскохозяйственных угодий в республике), а продуктивность земледелия чрезвычайно низка и в среднем составляет 6—7 ц/га. Причем аналогичная ситуация имеет место и в других регионах планеты — кочевое скотоводство до сих пор сохраняет свои ведущие позиции и остается едва ли не единственным средством утилизации природных ресурсов в аридных зонах (Лусиги, Глазер, 1984. С. 24—35; Андрианов, 1985 и др.).

Недостаточность кормов, изреженность и низкая продуктивность растительного покрова обуславливали потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях, требовавших периодических миграций в поисках подножного корма. Минимум пастбищных ресурсов в течение года составлял для одной овцы 5—7 га в зоне степей и 12—24 га в зоне пустынь и полупустынь Казахстана (Федорович, 1973 и др.). Еще большие цифры минимального выпаса мы имеем по сахарской, субсахарской и саванно-сахельской зонам и примерно аналогичные по центральноазиатскому региону (подробнее см. далее разделы 3.1, 5.1). Другим фактором, требовавшим периодической смены пастбищ, являлась недостаточность водных ресурсов. Отсутствие развитого поверхностного стока в сочетании с высокой нормой испаряемости, малочисленностью атмосферных осадков и гидрохимическим составом водных источников также диктовали настоятельную потребность передвижений в поисках воды. Фактор континентальности природно-климатических условий обуславливал меридиональную направленность кочевания на равнинах и вертикальную — в горных и предгорных районах. В свою очередь, плотность и глубина снежного покрова определяли возможность организации зимнего выпаса скота, поскольку овцы, например, самостоятельно тебеневались лишь при глубине его в 10—12 см, а лошади — 30—40 см. При этом наличие или отсутствие снежного покрова детерминировали стационарное состояние нoma-

дов из-за невозможности передвижений по снегу, либо, наоборот, необходимость их периодических миграций.]

Динамичность экологической ниши, занятой кочевничеством, определялась прежде сезонно-зональным характером функционирования и локализации практически всех ресурсных элементов среды обитания. Зональность почв и растительного покрова, ландшафтная градация в сочетании с сезонным характером продуктивности биоценозов, выпадения атмосферных осадков и полноводности водных источников, облачности, термического режима и циркуляции воздушных масс являлись в совокупности ведущим фактором в возникновении и становлении номадизма. Особенно важную роль играл фактор посезонной продуктивности растительного покрова, в наибольшей степени побуждавший скотоводов к периодическим миграциям (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. 2. С. 296 и др.). Высокая мобильность кочевников, таким образом, была призвана противостоять пространственно-временной изменчивости функционирования природных ресурсов среды обитания, прежде всего колебаниям в обеспечении скота кормами и водопоями (Радченко, 1983. С. 136 и др.). Вследствие этого постоянно действующие стабильные экологические детерминанты номадизма прослеживаются достаточно определенно (Капо-Рей, 1958; Гумилев, 1966; Акишев, 1972; Хазанов, 1972; Он же, 1975а; Федорович, 1973; Назаревский, 1973; Клейн, 1974; Пуляркин, 1976; Артамонов, 1977; Грайворонский, 1979; Радченко, 1983; Андрианов, 1985 и др.).

В социокультурном аспекте возникновение кочевничества было предопределено в значительной степени предшествующим процессом доместикации животных и эволюции скотоводческого хозяйства, накоплением знаний о содержании, выпасе и использовании скота, организации системы общественного производства в данных условиях среды обитания, особенностях окружающей среды. В процессе познания природных ресурсов экосистемы происходило формирование структуры стада, развитие организационных принципов данного способа производства и многоцелевой продуктивности скотоводческого хозяйства (мясо, молоко, шерсть, транспорт, тягло и т. д.), становление соответствующего уклада жизни и традиционно-бытовой культуры, совершенствование техники и технологий, возникло «всадничество» и т. д. (Грязнов, 1957; Черников, 1960; Сорокин, 1962; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Шилов, 1975; Кузьмина, 1977; Смирнов, Кузьмина, 1977; Грач, 1980; Кадырбаев, 1980; Шнирельман, 1980; Он же, 1988; Косарев, 1981; Он же, 1984; Зданович, 1988 и др.). Комплекс технологических приемов и навыков, социокультурных механизмов в сочетании с опытом экологического освоения аридных пространств Евразии составили информационную и материальную базу для перехода скотоводческо-земледельческого типа хозяйства в новое качественное состояние и обеспечили возможность спонтанного и имманентного генезиса кочевничества.

Много споров вызывает вопрос о том, какова была стартовая позиция скотоводов на предшествующем кочевничеству этапе раз-

вития. В связи с широким распространением начиная с XVIII в. теории трехступенчатого развития в течение долгого времени считалось, что кочевничество как важная фаза общественного развития возникает из занятия охотой и предшествует оседло-земледельческому образу жизни и типу хозяйства (Смит, 1935; Гердер, 1977; Зибер, 1959 и др. Историографию подробнее см.: Шилов, 1975; Марков, 1976; Шнирельман, 1980; Он же, 1988 и др.). Однако исследованиями Э. Гана и последующих поколений ученых была обоснована точка зрения о том, что domestикация животных и развитие скотоводческого хозяйства базировались прежде всего на системе земледельческого производства и опыте оседлого образа жизни (Шилов, 1975; Марков, 1976; Шнирельман, 1980; Он же, 1988 и др.).

Действительно, как показывают исследования эпохи бронзы и особенно культур финальной бронзы, развитие скотоводства и становление кочевничества протекали преимущественно в рамках оседлого образа жизни и комплексно-земледельческого типа хозяйства. Это положение достаточно иллюстрируется конкретными данными о трансформации андроновских и «андроноидных» форм культуры поздней бронзы в культуру ранних кочевников. В бронзовом веке на территории Казахстана и Центральной Азии уже наметилась тенденция к преобладающей роли скотоводческого хозяйства, которое в целом функционировало в условиях оседло-стационарной жизни древних насельников в речных долинах степной зоны Казахстана и отчасти Западной и Южной Сибири (Киселев, 1951; Грязнов, 1955; Он же, 1957; Бернштам, 1957; Черников, 1960; Он же, 1965; Маргулан и др., 1966; Массон, 1976; Маргулан, 1979; Акишев, Байпаков, 1979; Кузьмина, 1981; Косарев, 1981; Он же, 1984; Зданович, 1988 и др.). Как свидетельствуют археологические данные по Центральному Казахстану, все могильники и поселения эпохи бронзы локализуются непосредственно по краю надпойменных террас небольших степных рек. В то время как основным районом расположения курганов эпохи ранних кочевников является открытая степь (Маргулан и др., 1966. С. 428). Андроновские поселения Северного Казахстана, как свидетельствуют археологи, расположены только у рек и очень редко у озер при наличии ключей. В VIII—VII вв. до н. э. впервые появляются памятники на водоразделах рек. Поселения V—II вв. до н. э. занимают высокие берега коренных террас, а погребальные комплексы расположены в равной степени как по коренным берегам рек, так и по степным просторам междуречий (Хабдулина, Зданович, 1984. С. 150—151). Вследствие этого исследователи, считающие, что именно оседло-земледельческий образ жизни послужил социокультурной базой для перехода скотоводческого хозяйства к кочевничеству, поскольку археологические памятники эпохи бронзы четко фиксируют оседлый образ жизни, располагают серьезными аргументами в пользу такого решения проблемы.

Однако такой вывод отнюдь не исключает многообразия форм перехода скотоводов к кочевому типу хозяйства. В этом смысле

несомненный интерес представляет точка зрения В. Шмидта, получившая развитие в работах С. И. Вайнштейна, о возможности сложения кочевничества на базе охотничьего хозяйства древних насельников Евразии (Вайнштейн, 1973 и др.). Л. Л. Викторова предложила объединить обе гипотезы. Кочевое скотоводство на территории Центральной Азии, считает она, формировалось, во-первых, посредством перехода земледельцев к номадизму в результате аридизации климата в период ксеротерма и, во-вторых, посредством трансформации полуседлого комплексного — скотоводческо-охотничье-земледельческого хозяйства в кочевое (Викторова, 1980. С. 104—107 и др.).

При этом исследователи в процессе генезиса номадизма выделяют различные переходные стадии развития. Так, М. П. Грязновым, С. И. Руденко, С. С. Черниковым, А. Н. Бернштамом, Л. П. Потаповым и другими выделяются такие переходные фазы, как придомное скотоводство, пастушество, яйлажное скотоводство и т. д. Исследователи обычно дифференцируют придомное скотоводство как специализированный выпас животных вблизи поселений, пастушество — как форму перегона скота от одного пастбищного участка к другому, яйлажное скотоводство — как отгонный тип хозяйства, когда стада на все лето отгонялись на сезонные пастбища в низкогорные и предгорные районы либо на выпас в степь (Грязнов, 1955; Он же, 1957; Черников, 1957; Он же, 1960; Потапов, 1955; Бернштам, 1957; Боголюбский, 1959; Руденко, 1961; Акишев, 1972 и др.). Всем этим хозяйственно-организационным изменениям соответствовали трансформации в видовой структуре стада, которые в сущности сводятся к постепенному возрастанию удельного веса мелкого рогатого скота и конского поголовья и снижению доли крупного рогатого скота (Массон, 1976; Кадырбаев, 1980; Хабдулина, Зданович, 1984; Зданович, 1988 и др.). Как показывают современные этнографические исследования, например, по скотоводству народов Кавказа, в зависимости от конкретно-исторических, хозяйственно-культурных и экологических условий в действительности имеет место огромное многообразие форм и типов скотоводческого хозяйства (Шамиладзе, 1979. С. 21—22, 32—36, 43—44; Ямсков, 1987. С. 9—17, 20—23 и др.). Поэтому, на наш взгляд, преждевременно пытаться классифицировать ранние формы переходных типов хозяйства.

Важное значение для исследования проблемы генезиса номадизма имеет анализ технологических аспектов, в частности таких, как всадничество, предварительно датированное серединой II тысяч. до н. э., появление колодцев — ориентировочно в конце того же тысячелетия, железных орудий, совершенствование конского снаряжения, развитие транспортного и мясо-молочно-шерстного направления в скотоводстве, изменение структуры стада, принципов организации общественного производства, направленности и ареала передвижений и т. д. Иначе говоря, различного рода усовершенствования в технологическом арсенале и инновации в развитии материальной культуры, накопившиеся к эпохе раннего же-

леза и составившие своего рода социокультурные механизмы перестройки системы материального производства, в совокупности с технологическими изобретениями детерминировали качественную трансформацию культур древних насельников эпохи бронзы, генезис и становление кочевничества. Видимо, в этой связи закономерно формирование скифо-сакской культурно-исторической общности на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, олицетворявшей становление этнокультурной интеграции на базе кочевого хозяйственно-культурного типа (Маргулан и др., 1966; Литвинский, 1972; Артамонов, 1973; Акишев, 1973; Хазанов, 1975; Скифо-сибирский звериный стиль...; Грязнов, 1980; Грач, 1980; Акишев, 1984 и др.).

Особый интерес представляют материалы по эволюции конструкции конской узды и сбруи, средств и способов передвижения древних скотоводов. В памятниках андроновской и срубной культур на территории Казахстана, Западной Сибири и Поволжья найдено множество предметов архаического способа взнуздывания лошади, в частности костяных и роговых псалиев — приспособлений, связывающих удила с ремнями оголовья. В начале I тысяч. до н. э. появляется новый тип узды: двусоставные бронзовые удила, который, однако, к середине того же тысячелетия вытесняется удилами с кольчатыми окончаниями, а псалии становятся двудырчатыми. При этом вместо бронзы и рога для изготовления узды начинают употреблять железо. В середине I тысяч. до н. э. дышловой способ запряжки животных в транспортные средства (колесницы, повозки и т. п.) вытесняется оглобельным способом (Кадырбаев, 1980. С. 50—51, 54—57; Викторова, 1980. С. 107—111 и др.).

Таким образом, существенную роль в становлении и формировании кочевого скотоводческого хозяйства сыграли разнообразные технологические усовершенствования и технические новшества в эпоху бронзы и на стадии перехода к раннему железному веку. Они, несомненно, явились одним из факторов генезиса номадизма, поскольку способствовали оптимизации системы материального производства, ее большей адаптивности и приспособленности к изменяющимся природно-климатическим условиям.

В условиях кризиса традиционного для эпохи бронзы оседло-земледельческого и в том числе развивающегося в его рамках скотоводческого хозяйства, изменения климата, давления антропогенного фактора (Марков, 1973; Он же, 1976 и др.) и целого ряда других объективных и субъективных причин в полный рост встал вопрос о необходимости освоения новой экологической ниши — степных и пустынных пространств Евразии за пределами речных долин и низкогорных районов. Несмотря на то, что в предшествующий период скотоводами в процессе различного рода перегонов и отгонов был накоплен какой-то опыт о функционировании естественно-природных явлений за пределами традиционных местообитаний, в целом достигнутый уровень знаний был явно недостаточен для экологического освоения пустынно-степных пространств. Как показывает опыт классического номадизма, для самодостаточной орга-

низации кочевого скотоводства в оптимальном режиме был необходим более значительный экологический опыт.

Этот информационный минимум для адаптации в данных условиях среды обитания и при данном типе аграрного производства был настолько большим и включал такой объем и качество знаний, что его достижение могло быть обеспечено только лишь за счет межпоколенной передачи информации и аккумуляции ее на протяжении очень длительного исторического периода. Многие тайны пастушеско-кочевой технологии передавались от отца к сыну, от сына к внуку и так на протяжении многих поколений; они представляли собой своего рода «золотой фонд» народного опыта и знаний (Аргынбаев, 1969; Погорельский, 1949 и др.). Чаше всего нормальное функционирование кочевого типа хозяйства обуславливалось в прямом смысле слова прежде всего качественно-количественным объемом знаний общественного лидера и каждого индивида. Как свидетельствуют источники, нередко даже не все члены рода знали расположение колодцев (Логашова, 1976. С. 35 и др.). Как правило, о всех нюансах и особенностях природных циклов, географии расположения сезонных пастбищ, кратчайших и разнообразных маршрутов кочевания, мест водопоя, гидрохимического состава водных источников, циклов продуктивности растительного покрова, степени его поедания и усвоения скотом, процесса наживровки и качества физического состояния животных, атмосферных осадков и паводкового разлива рек, времени установления и схода снежного покрова и о многом другом знали только лишь отдельные аксакалы (седобородые). Признание важности экологического опыта в жизни кочевников содержится во многих работах (Щербина, 1905. С. 26—28; Федорович, 1950. С. 37; Толыбеков, 1971 и др.). Для того, чтобы самому узнать о всех технологических аспектах функционирования системы материального производства и естественно-природных процессов, человеку порою не хватало целой жизни даже при условии выработанных веками и усвоенных поколениями предков знаний и опыта, переданных ему, как говорится, с «молоком и кровью матери».

Вследствие этого проблема номер один для любого кочевника-скотовода — это приобретение лимита знаний о характере природно-климатических условий, об особенностях функционирования среды обитания. Только лишь с помощью этого информационного минимума могло быть обеспечено хозяйственное освоение пустынно-степной зоны. В любом ином случае человека ждал бы неминуемый летальный исход (см. в этой связи: Волович, 1983. С. 93—119 и др.). Как свидетельствует оседлый образ жизни древних насельников региона, земледельческо-скотоводческий тип хозяйства, локализация всех поселений эпохи бронзы в речных долинах и отсутствие следов пребывания человека в открытой степи и пустыне, такой объем знаний и экологический опыт о специфике функционирования и жизнедеятельности фитоценозов, природных циклов, атмосферных осадков, водных ресурсов и т. п. у них практически отсутствовал либо был весьма незначителен. Поэтому, как нам

представляется, было бы наивным предполагать, что при наступлении засушливого периода и упадке земледелия скотоводы забросили свои оседлые поселения в поймах рек и ринулись сходу осваивать открытые пространства степи и пустыни. В этой связи встает вопрос о **способе освоения новой экологической ниши**.

Нам представляется, что процесс познания природных ресурсов среды обитания носил спонтанный характер и сопровождался выработкой соответствующих социокультурных механизмов адаптации, т. е. прежде всего технологии выпаса, кочевания и организации общественного производства в оптимальном режиме, а также разнообразных элементов материальной культуры и самого образа жизни. Этот процесс основывался на постепенном возрастании удельного веса скотоводства в структуре хозяйства (эпоха бронзы), отказе от земледелия, постепенном переходе к сезонным передвижениям и периодическим отгонам и перегонам скота и последующем симбиозе скотоводства и охоты (рубеж бронзового и раннежелезного века). М. Ф. Косаревым было справедливо замечено, что приспособление к меняющейся географической среде происходило «...главным образом путем увеличения удельного веса наиболее рациональной в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отрасли хозяйства» (Косарев, 1981. С. 22).

На наш взгляд, именно охота стала той ступенькой, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номадизму и одновременно стала способом освоения новой экологической ниши. На важную роль охоты в генезисе кочевничества косвенно указывает то, что миграции диких парнокопытных животных аридной зоны Евразии (сайгаков, джейранов, куланов, диких лошадей и верблюдов) во многом аналогичны перекочевкам номадов (см., например: Красная книга..., 1978. С. С. 69—74 и др.). Так, в частности, сайгаки в условиях данной экосистемы движутся в меридиональном направлении, а их миграции основываются на использовании факторов зональности и посезонной продуктивности растительного покрова и зависят от наличия водных источников (Афанасьев, 1960. С. 96; Жирнов, 1982. С. 15—52, 56—91; Фадеев, Слудский, 1982. С. 27—56 и др.). По-видимому, скотоводческие народы аридной зоны Евразии осваивали и познавали природные ресурсы и климат данной экологической ниши в процессе передвижения на первых порах вслед за дикими животными, совмещая в той или иной форме скотоводство с занятием охотой в виде сезонно-мигрирующего перегонно-отгонного скотоводческого хозяйства. Тем самым обеспечивался процесс органического включения человека и его деятельности в функционирование географической среды.

В связи с этим следует высказать еще ряд соображений. Во-первых, в эпоху увлажнения и сдвига природно-ландшафтных зон поголовье диких копытных животных могло существенно увеличиться и повлечь за собой возрастание значимости и роли охоты, кстати сказать, хорошо фиксируемых для Северного Казахстана (Хабдулина, Зданович, 1984. С. 154). При этом повышение удельного веса охоты может относиться к числу тех элементов мате-

риальной культуры, которые археологически слабо уловимы и почти не засвидетельствованы в выявленных памятниках.

Во-вторых, сезонно-мигрирующий охотничье-скотоводческий тип хозяйства, как исторически кратковременная и переходная стадия общественного развития, не приводил к формированию особого образа жизни, специфичного комплекса материальной культуры, не требовал вовлечения всего населения в систему сезонных миграций вслед за дикими животными и вполне мог быть обеспечен в функциональном смысле деятельностью лишь отдельных, весьма немногочисленных, групп населения. В этой связи, на наш взгляд, напрашивается аналогия с системой выпаса кочевниками табуна лошадей (коса) в зимний период года, когда небольшая группа табунщиков (3—4 человека на 1000—1500 голов) отгоняла кос за много километров, иногда до 100—300 км, от зимовки и вплоть до наступления весеннего периода выпасала его на дальних пастбищах. Да и в теплый период года система выпаса табуна лошадей существенно не отличалась от технологии выпаса в зимний период (см. параграфы 4.2 и 4.3). При этом, следует заметить, табунщики пространственно были отделены от своих семей, а их труд сопровождался особым укладом и специфическим режимом жизнедеятельности. Важно подчеркнуть, что в истории подобный сезонно-мигрирующий тип охотничье-скотоводческого хозяйства хорошо известен и многократно зафиксирован в разнообразных письменных и этнографических источниках. Сложение одной из форм нomaдизма, например, у североамериканских индейцев, уже в новое время происходило на основе весьма своеобразного симбиоза охоты на бизонов и коневодства (Аверкиева, 1970. С. 10—36; Велтфиш, 1978. С. 198; Оплер, 1978. С. 268, 270, 272; Шнирельман, 1980. С. 196—202 и др.).

Другим свидетельством возможности подобной интерпретации проблемы является особое, порою ритуальное, значение облавных охот в жизни всех кочевников Евразии (см.: Меховский, 1936. С. 60; Левшин, 1832. Ч. 3. С. 207; Петров, 1961. С. 81—82; Вайнштейн, 1972. С. 202—205; Ларичев, Тюрюмина, 1975. С. 101; Султанов, 1982. С. 60—61 и др.). Особенно значительной была роль облавных охот у монголов эпохи сложения грандиозной империи Чингиз-хана, ей придавали военно-политическое и порою даже сакральное значение (Владимирцов, 1934. С. 40 и др.). Небезынтересно отметить, что обряд усыновления Тэмучжина Ван-ханом и обряд братания последнего с Есугеем включал в себя помимо всего прочего произнесение следующего ритуализированного выражения:

На врага ли поспешно ударить
Как один, общей силой ударим.

Или дикого зверя облавить —
Как один общей лавой облавим.

Такое важное значение, которое придавалось облавным охотам, вероятно, можно рассматривать как одну из форм реминисценцирующего переживания некогда всеобщего способа жизнедеятельности кочевых народов. Тем более, что источники недвусмысленно указывают на то, что монголы, прежде чем стать кочевниками, были охотниками (Владимирцов, 1934; Козин, 1941 и др.), а в последую-

щее время сочетали охоту со скотоводством (Пиков, 1980. С. 129—130; Кычанов, 1980. С. 144).

В этой связи следует отметить важную, на наш взгляд, мысль В. Г. Мордковича о том, что охоту можно рассматривать как акцию по очищению экологической ниши от диких животных в пользу домашних. И в этой борьбе за пастбища, полагает он, огромные массивы степных пространств были освоены скотоводческим хозяйством человека прежде всего за счет освобождения их от конкурентных видов диких животных (Мордкович, 1982. С. 183—186). Иначе говоря, необходимость охотничьего промысла обуславливалась потребностью освобождения среды обитания от конкурентных видов диких копытных животных, вытеснения и занятия их места в данной экологической нише.

Таким образом, можно предположить, что возникновение сезонно-мигрирующего охотничье-скотоводческого хозяйства первоначально было одним из многих вариантов развития системы материального производства в условиях кризиса земледелия и аридизации климата. В последующее время именно этот тип хозяйства оказался наиболее приспособленным к изменяющимся условиям среды обитания и конкурентоспособным, позволив значительно расширить жизненное пространство древним населенкам в процессе освоения новой экологической ниши. В результате развития охотничье-скотоводческого хозяйства и его проникновения в засушливые районы происходило познание природно-климатических условий, накапливался опыт экологической адаптации, совершенствовалась организация системы материального производства, вырабатывалась технология ведения хозяйства в новой географической среде. Одновременно происходило очищение экологической ниши от конкурентных видов диких животных. Следует подчеркнуть, что этот процесс общественного развития носил спонтанный и совершенно объективный, независимый от воли и желания людей, характер. Иначе говоря, динамика историко-культурного развития общества под влиянием трансформации географической среды детерминировала возникновение сезонно-мигрирующего охотничье-скотоводческого хозяйства в аридной зоне Евразии как закономерного и наиболее оптимального способа освоения новой экологической ниши, явившегося важной ступенью в качественной перестройке скотоводческого хозяйства и становлении кочевничества.

В своем дальнейшем развитии по мере постепенного сокращения и уменьшения числа конкурентных видов диких животных сезонно-мигрирующий охотничье-скотоводческий тип хозяйства неизбежно достигает своего объективного предела и исчерпывает себя как форма жизнедеятельности человека. Скотоводство, вытесняя посредством симбиоза с охотой диких животных из мест их обитания, в конечном счете, перестает нуждаться в охоте и самостоятельно заполняет освободившуюся экологическую нишу и осваивает ее во всеобщем масштабе. Кочевое скотоводство становится единственно возможной и наиболее рациональной формой материального производства в аридной зоне Евразии. Будучи более

сбалансированным типом хозяйства в экологическом отношении, оно обеспечивает максимальную утилизацию природных ресурсов среды обитания.

Охота, и в том числе облавная охота, в последующее время играет только лишь вспомогательную, в основном регулирующую, роль и по мере необходимости выступает средством уничтожения конкурентных видов диких животных, когда их естественный цикл размножения и численность популяции начинают задевать интересы человека. Поэтому дикие копытные на пустынно-степных просторах Евразии могли сохраниться только на тех территориях, которые не были освоены человеком. Интересно отметить, что как только в 1931/32 гг. была проведена кампания по оседанию кочевников-казахов, освободившаяся экологическая ниша стала немедленно заполняться дикими животными, прежде всего сайгаками, число которых в последующее время достигло нескольких миллионов голов (Фадеев, Слудский, 1982 и др.).

Весьма важное значение для анализа проблемы генезиса номуадизма имеет вопрос о причинах, побуждающих все население включаться в процесс сезонных миграций. Как нам представляется, важнейшими причинами, повлекшими за собой всеобщую номуадизацию населения, явились: большие затраты труда, требующие концентрации некоторой массы людей (Капо-Рей, 1958. С. 231 и др.), необходимость обеспечения соответствующей организации выпаса животных, их водообеспечения и т. д., многоцелевая продуктивность пользовательных свойств (мясо, молоко, шерсть, тягло, транспорт и т. п.), потребность скорейшего использования скотоводческой продукции, организации ее хранения и сбережения, длительный цикл биологического воспроизводства животных, защита стад, создание предметов материальной культуры, обеспечение быта, репродуктивных функций, воспитание детей, передача им опыта и знаний экологической адаптации (семья) и т. д.

Поскольку основные детерминирующие причины номуадизации основной массы населения очевидны, то все же остается неясным, когда и в результате чего в процесс сезонных кочевков преимущественно мужской части населения были вовлечены женщины, старики, дети, больные и др.? Казалось бы ответ ясен: когда на оседлостационарных поселениях не осталось скота, когда вся масса животных была вовлечена в миграционный процесс. Думается, что это могло произойти тогда, когда сезонно-мигрирующий тип хозяйства в части охоты исчерпал потенциал и емкость среды обитания, т. е. когда экологическая ниша была в принципе освобождена от конкурентных видов диких животных и была заполнена домашним скотом. Во времени этот процесс мог занять несколько столетий, а мог быть достаточно кратковременным, но в любом случае он должен был охватывать период, достаточный для накопления соответствующего экологического опыта (минимум 3—5 поколений) и освобождения среды обитания от диких животных (минимум 100—150 лет), а также многократного прироста животных.

Судить об этом, вероятно, можно по такому показателю, как изменение структуры стада, в частности по возрастанию удельного веса мелкого рогатого скота — основного и главного вида животных в составе стада кочевников, и конского поголовья. А доля крупного рогатого скота, по-видимому, должна была понизиться как минимум до 20%, чтобы можно было перейти к номадизму. Подтверждением этому является сопоставление структуры стада кочевников в средневековые и новое время. Так, например, в хозяйстве казахов в среднем по всему Казахстану удельный вес крупного рогатого скота составлял 12,3% (Хозяйство казахов..., С. 97 и др.). При этом, как показывают специальные расчеты, для обеспечения прожиточного уровня средней семье в условиях кочевого образа жизни было необходимо как минимум 20—25 голов скота в условном переводе на лошадь (Руденко, 1961; Шилов, 1975. С. 83 и др.). Интересно, что при таком количестве скота доля крупного рогатого скота составляет в среднем 20% всего поголовья (см. параграфы 3.1., 8.1. и др.). Следует отметить, что у монголов доля крупного рогатого скота в структуре стада не превышала 14% (Марков, 1976. С. 104 и др.), а по другим данным — 22% (Гонгор, 1979. С. 110 и др.), у тувинцев — 14,6% (Ванштейн, 1972. С. 15 и др.) и т. д. Таким образом, в процессе эволюции сезонно-мигрирующего типа хозяйства происходит постепенное освобождение экологической ниши от конкурентных видов диких животных, в результате чего она осваивается скотоводческим хозяйством кочевников. На этой основе в процесс сезонных передвижений по мере возрастания трудовых затрат вовлекается вся масса скотоводческого населения. Вследствие этого происходит становление и формирование кочевничества как специфической системы материального производства и соответствующего образа жизни.

Эволюция номадизма. По вопросу о развитии кочевого хозяйственно-культурного типа с момента его становления и вплоть до новейшего времени историография проблемы носит достаточно однозначный характер. В литературе утвердился взгляд, что кочевничество эволюционировало по направлению от высокой мобильности и исключительной подвижности, не знавшей какой-либо территориальной привязки, ко все менее интенсивному кочеванию и в конечном счете к постепенному оседанию на зимовках либо летних пастбищах. Одним из первых, по-видимому, данную точку зрения обосновал М. П. Грязнов, а вслед за ним С. Е. Толыбеков, С. И. Руденко и особенно последовательно С. А. Плетнева, А. М. Хазанов и др. (Грязнов, 1955. С. 21; Толыбеков, 1959; Руденко, 1961; Плетнева, 1967; Хазанов, 1975 и др.). Согласно схеме, например, С. А. Плетневой, сквозь которую ею рассматриваются практически все социально-экономические, политические и этнокультурные аспекты истории кочевых народов, номадизм в своем эволюционном развитии проходит первоначально стадию так называемого «таборного», т. е. круглогодичного, кочевания по неурегулированным маршрутам и, наконец, стадию кочевания с постоянными жилищами на зимовках, которая вела к оседанию номадов (Плетнева,

1982 и др.). С более дробной дифференциацией периодов развития кочевничества выступил А. М. Хазанов. Правда, отдельные элементы схемы С. А. Плетневой, особенно стадия таборного кочевания, подвергались критическому анализу в современной литературе (Хазанов, 1975. С. 10—11; Марков, 1976. С. 282; Кадырбаев, 1980. С. 37 и др.).

Весьма близко к этой диахронной схеме прилегает концепция С. Е. Толыбекова, согласно которой кочевники-казахи в своем историко-культурном развитии проходят три стадии пастбищного скотоводства. Во-первых, стадию чистого кочевничества, якобы имевшую место в Казахстане в XV—XVIII вв. и характеризующуюся круглогодичным кочеванием и отсутствием сезонных пастбищ. Во-вторых, стадию полукочевого скотоводства, отличительной особенностью которой являлось пребывание на одном месте не менее 6 месяцев в году. Возникновение и существование такого типа хозяйства относится им к концу XVIII— началу XX вв. Третья стадия — «пастбищно-экстенсивного, почти оседлого скотоводства» — имела место в горных, лесных и лесостепных районах и характеризовалась постоянными зимовками, постройками для скота и жильем, сенокосением и хлебопашеством (Толыбеков, 1971. С. 466—490).

На наш взгляд, трудно согласиться с этим суждением. И вот почему. Еще в XIX в. было замечено, что монголы в зимний период года кочуют в отличие от казахов, которые «...проводят зиму на одних и тех же местах, перекочевывая в это время года только в редких, исключительных случаях... Монголы же перекочевывают по временам с места на место и зимою, хотя и реже, чем летом...» (Певцов, 1951. С. 110). Это было обусловлено тем, что в Монголии, находящейся на высокогорье (в среднем 1500 м над уровнем моря), сильные ветры в зимний период года сдували снег и, следовательно, не возникало препятствий к кочеванию (Мурзаев, 1952. С. 105, 192—219 и др.). Совсем другое дело в Казахстане. Здесь снежный покров, стабильно залегающий на большой территории в среднем на 6 месяцев в году, препятствовал кочеванию в этот период года. Поэтому казахи, за исключением лишь тех, кто находился в бесснежных районах, весь зимний период проводили оседло на стационарно устроенном стойбище (см. параграф 4.2). Иначе говоря, традиция оседло-стационарного зимования у кочевников-казахов, как и у монголов — зимнего кочевания, была обусловлена природно-климатическими условиями и никак не была связана с историко-эволюционным развитием номадизма.

Вместе с тем археологические данные также не подтверждают теорию «таборного кочевания». У кочевников-казахов XV—XVIII вв. широко были распространены зимние жилища (Жолдасбаев, 1975 и др.). Другим важным аргументом, опровергающим указанную точку зрения, являются климатологические данные, свидетельствующие о том, что в 1500—1800 гг. имела место так называемая «малая ледниковая эпоха», сопровождающаяся всеобщим похолоданием и увлажнением климата (Шнитников, 1957. С. 113—

116, 138—168, 170—182, 198—199, 271—272, 280—281, 301; Ле Руа Ладюри, 1971; Хабдулина, Зданович, 1984. С. 139, 151; Герасимов, 1985. С. 62 и др.). Следовательно, в условиях более холодных и снежных зим ни о каком кочевании не могло быть и речи. В этой связи явно надуманными представляются стадии таборного и круглогодичного кочевания без зимних стойбищ и стадии «чистого кочевничества», постулируемые авторами указанных схем. При этом, следует заметить, кочевничество возникает на стыке засушливой и увлажненной эпох и в основном развивается в субатлантическое время по схеме Блитта-Сернандера, т. е. в период похолодания и увлажнения (Шнитников, 1957 и др.).

Следует также отметить, что кочевание по неурегулированным пастбищам в силу самих природно-климатических условий было в принципе невозможно, поскольку ландшафтность и посезонно-зональное расположение растительного покрова, сезонное распределение атмосферных осадков и т. п. с самого момента возникновения номадизма императивно предполагали посезонно-зональную дифференциацию пастбищных угодий, а следовательно, их строгую географическую заурегулированность. Вследствие этого имела место естественно возникающая и природно закономерная посезонная дифференциация всех пастбищных территорий (см. параграф 4.1. и др.). Таким образом, ни одна из указанных схем эволюционного развития кочевого скотоводческого хозяйства не представляется достаточно обоснованной.

Необходимо также остановиться на том, что во всех схемах отдавалась дань процессу седентаризации, как конечной стадии эволюционного развития номадизма. Надуманность данного постулата очевидна, поскольку в рамках аграрного общества при существовавшем в доиндустриальную эпоху уровне развития производительных сил занятие земледелием возможно только в тех районах, где количество атмосферных осадков не менее 400 мм либо имеется стабильный поверхностный сток (речная сеть). В этом смысле Казахстан, представляющий на более чем 95% засушливую зону с числом атмосферных осадков менее 400 мм и со слабо-развитым гидрографическим режимом, так же как и Монголия, Джунгария, Аравийский полуостров, Сахара и т. д., не представляет никаких условий для оседания. Проведенное в 1931/32 гг. насильственное оседание привело к массовому голоду и гибели почти 50% всего казахского населения и массовой откочевке за пределы Казахстана (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 и др.). Волонтаристская кампания по освоению целинных и залежных земель привела к эрозии 10 млн. га плодородных земель (Казахстан, 1969 и др.), а современные методы ведения животноводства способствовали уничтожению еще 55 млн. га (Правда, 1979. 5 июня), что составляет треть всех сельскохозяйственных угодий республики. В настоящее время ситуация еще больше усугубилась. На половине всей территории Казахстана земля либо эродирована, либо находится на последней стадии сбоя. Иначе говоря, оседание и оседлый образ жизни, соответствующие ему способы ведения хозяйств-

ва неэффективны в ареальных экосистемах даже в условиях индустриального общества и приводят к тому, что из сферы хозяйственного освоения выпадают миллионы гектаров земли. Альтернатива кочевничеству как стратегии природопользования не найдена даже в таких развитых и богатых странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт и др. Что же касается Северной Африки, то здесь рядом стран было принято соглашение, запрещающее занятие земледелием в тех районах Сахеля, где осадков выпадает меньше 500 мм в год. Эта изогия является границей региона, внутри которого возделывание земли при помощи современных методов приводит к опустыниванию территории (Григорьев, 1985. С. 202). В этой связи, видимо, закономерны такие экологические катастрофы, как гибель Арала, Балхаша и т. п. Вследствие этого необходимо признание того, что **процессы седентаризации в ареальных экосистемах принципиально невозможны в аграрном обществе** и никогда в исторически обозримое время не имели места. Поэтому следует отказаться от мысли, что эволюционное развитие номадизма завершается оседанием. Процессы седентаризации могли иметь место только за пределами ареальных экосистем — в маргинальных зонах либо в оседло-земледельческих ареалах. В ареалах номадизма оседание никогда не имело природной и материальной базы и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству как наиболее рациональной стратегии природопользования. В своем историческом развитии номадизм постепенно умирает как способ производства, поскольку не может быть полностью адаптирован к условиям индустриального и урбанизированного общества.

Попытаемся реконструировать процесс эволюции номадизма. На наш взгляд, кочевничество с момента своего возникновения эволюционировало по направлению от меньшей подвижности (отгонов-перегонов) ко все большей («чистое кочевничество»). В пользу данной интерпретации, главным образом, свидетельствуют не только совершенствование конского снаряжения (псалии, удила, стремя, седло и т. п.) и системы завьючивания транспортных животных (Вайнштейн, Крюков, 1984 и др.), но и постепенная рессессия кибиточного способа кочевания, для которого любые естественные рубежи (горы, холмы, пересеченный рельеф, неровности почвы, камни, реки, озера и т. п.) служили практически непреодолимым препятствием. Переход на завьючивание предметов материальной культуры (юрты, утвари, предметов быта, мебели, одежды и т. п.) на лошадь и верблюда и постепенный отказ от кибиточного способа кочевания, остаточные переживания о котором, например, у казахов фиксируются в XV—XVI вв. (Рузбихан, 1976 и др.), способствовал резкой интенсификации системы передвижений, увеличению скорости и частоты кочевания, расширению ареала миграций и т. д. (Гумилев, 1971; Вайнштейн, 1973; Кадырбаев, 1980; Вайнштейн, Крюков, 1984 и др.). В результате этого формируется тип классических кочевников, общепризнанным эталоном которых для всех исследователей стали казахские номады (кош-

пелі) — адаевцы табынцы, баганалинцы и аназские племена сабаа, руала, амарат (Першиц, 1961. С. 32 и др.), совершавшие перекочевки до 2000 км и более в течение года. Однако, как нам кажется, это крайняя специализация, являющая собой предельный вариант номадизма, который не должен заслонять для нас типичский образ кочевника, совершающего сезонные миграции в диапазоне 50—100 км в течение года, проводящего зимний период года оседло на стационарно устроенном стойбище (кстау) и ведущего кочевой образ жизни в теплый период года.

В процессе эволюции номадизма по направлению от меньшей подвижности ко все большей происходила интенсивная трансформация материальной культуры формирующихся номадов применительно к качественно новому образу жизни и типу хозяйства. В частности, генеральной линией эволюции становится постепенное изживание нетранспортабельных и трудно хранящихся материалов (металл, керамика, стекло и т. п.), замена громоздких, тяжелых и плохо завьючиваемых предметов материальной культуры легкими и транспортабельными материалами (кожа, кошмы, дерево и т. п.), поддающимися быстрой сборке и разборке (юрта, мебель и т. п.). Именно такой перестройке подвергаются все части и элементы материальной культуры кочевников, что легко прослеживается при сравнении, например, материальной культуры саков и скифов, сарматов и усуней, юечжи и других номадов прошлого с культурой поздних кочевников (Масанов, 1960; Акишев, Кушаев, 1963; Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1986; Он же, 1987; Аргынбаев, 1987; Муканов, 1987 и др.). На наш взгляд, переломным этапом явилась середина I тысяч. н. э., когда становление классического номадизма в Центральной Азии (тюрки-тюцзюе, теле и др.) привело к возрастанию роли кочевников в судьбах народов Евразии и Северной Африки, их широкому выходу на арену мировой истории, коренному преобразованию этнополитической карты ойкумены (Вайнштейн, 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984 и др.). Аналогичные процессы трансформации происходят применительно к сфере собственности, социально-экономическим отношениям, семье и браку, хозяйственной типологии и духовной культуре и т. п. (Марков, 1976; Хазанов, 1975; Першиц, Хазанов, 1979; Еремеев, 1979; Он же, 1982 и др.).

Таким образом, сложившаяся в IV—III тысяч. до н. э. система материального производства — комплексное оседло-земледельческое со все более усиливающейся, особенно в период ксеротерма, скотоводческой ориентацией хозяйство и соответствующий ей образ жизни — в результате целого комплекса объективных причин (возрастание значимости скотоводства, появление всадничества и разнообразных технических и технологических новшеств, различных форм отгонно-перегонного хозяйства, снижения роли земледелия, углубления процессов адаптации, выработки новых социокультурных стереотипов, изменения природно-климатических условий, антропогенного фактора, политических и этнодемографических трансформаций и т. п.) в процессе своего исторического развития

подвергается разбалансировке и дестабилизации. Вследствие этого снижаются адаптивные свойства данной хозяйственно-культурной системы и начинается ее постепенная перестройка, которая, по-видимому, с наибольшей силой охватила вторую половину II тысяч. до н. э. (эпоха бронзы) — начало I тысяч. до н. э. (эпоха раннего железа). В этот период, по-видимому, с одной стороны, данная система материального производства исчерпала свои потенциальные возможности и резервы имманентного развития, а с другой, получают распространение всевозможные отклонения инадаптивного характера, выражающие огромную вариантность и изменчивость форм производственной деятельности человека.

Наряду с этим климатические изменения, которые, по образному выражению Э. Ле Руа Ладюри лишь «спускают с цепи» причинность чисто антропогенного характера» (Ле Руа Ладюри, 1971. С. 225), обуславливают постепенное освобождение экологической ниши, т. е. рессессию оседло-земледельческого типа хозяйства, что в свою очередь стимулирует активную эволюцию спонтанно возникающих инадаптивных групп населения и их хозяйственных механизмов. На этом этапе историко-культурного развития в процессе дивергенции, по-видимому, получают распространение самые разнообразные типы хозяйственно-культурной деятельности — разброс и амплитуда их могли достигать самых полярных точек, но основная концентрация происходила вокруг различных вариантов отгонно-перегонного типа хозяйства.

В своем дальнейшем развитии инадаптивные группы, интенсивно заполняя освобождающуюся (речные долины, низкогорные районы и т. п.) и вновь возникающую (степь, полупустыня, пустыня, горы) экологические ниши, должны были пройти жесткий контроль эвадаптирующего отбора и обрести свою собственную устойчивость и экологическую сбалансированность. В результате среда обитания как бы отторгает не прошедшие адаптивного отбора хозяйственные группы. Быстрее и эффективнее других, на наш взгляд, смогли приспособиться к данным географическим условиям те социокультурные образования, которые смогли выработать соответствующие адаптивные механизмы во всех сферах деятельности и культуры посредством интенсивной аккумуляции информации высокой плотности об особенностях функционирования природных ресурсов новой экологической ниши.

Как нам представляется, экзамен выдержали лучше других те хозяйственные группы, которые смогли органически объединить скотоводство с занятием охотой на диких копытных животных, что потребовало высокой степени сезонной подвижности на первых порах весьма немногочисленной группы людей (пастухов), тогда как остальная часть населения (женщины, дети, старики, больные и какая-то часть мужчин) могла какое-то время базироваться в оседло-земледельческих поселениях. На этой основе формируется сезонно-мигрирующий охотничье-скотоводческий тип хозяйства, постепенно вовлекающий по мере высвобождения экологической ниши от конкурентных видов диких животных в процесс

сезонных передвижений все большие группы населения и все большую массу домашних животных, что приводит к увеличению доли более подвижных видов животных (овец, коз, лошадей, а позднее верблюдов) и уменьшению удельного веса крупного рогатого скота в структуре стада. Оседло-земледельческие поселения в этом случае могут трансформироваться в зимние либо сезонные стойбища, либо совсем забрасываться в зависимости от конкретных природных условий, рельефа, рисунка миграционных передвижений и т. п. К середине 1 тысяч. до н. э., видимо, относится время окончательного становления кочевничества.

Следующим этапом в эволюции номадизма становится фаза углубления адаптивных возможностей системы, которая посредством имманентного накопления информации преобразуется и приобретает новое качество. Кочевничество эволюционировало от меньшей ко все большей подвижности, от непродолжительных передвижений на небольшие расстояния ко все более интенсивным и частым перекочевкам на все более значительные расстояния. И если в предшествующий период только складывалась система сезонного использования пастбищных угодий, то на данном этапе все больше возрастает плотность миграционных передвижений и прежде всего концентрация номадов на сезонных территориях. По-видимому, именно в 1 тысяч. до н. э. — середине 1 тысяч. н. э. ссваиваются под зимние пастбища безводные пространства пустынь, заканчивается формирование меридиональной, вертикальной, радиальной, широтной, эллипсоидной систем кочевания (Акишев, 1972; Хазанов, 1975; Марков, 1976 и др.). Однако в целом скорость и ареал передвижения еще незначительны, а миграционный рисунок не отличается большой насыщенностью. К середине 1 тысяч. н. э. кибиточная система кочевания на повозках достигает своего предельного уровня развития и в течение последующего тысячелетия полностью исчерпывает свой потенциал и отмирает.

К середине 1 тысяч. н. э. накапливается новый запас информации в виде целого ряда технологических инноваций (появление стремени, новых элементов конской упряжи и снаряжения, в частности жесткого седла, способов завьючивания, войлочной решетчатой юрты, других предметов материальной культуры, широкое распространение кожи, шерстовалальных и других новых сырьевых материалов и т. д.) (Вайнштейн, 1973; Он же, 1989; Он же, 1989а; Вайнштейн, Крюков, 1984; Кадырбаев, 1980; Амброз, 1973 и др.) и все более возрастает опыт экологической адаптации, увеличиваются знания об особенностях функционирования природных ресурсов среды обитания и т. п. В результате кочевое скотоводство вступает в новую стадию развития — стадию «классического кочевничества», совпадающую с новым этапом аридизации географической среды (Шнитников, 1975. С. 268—271, 278—279 и др.). Этот этап в эволюции номадизма характеризуется максимальной приспособленностью к природно-климатическим условиям и высочайшей специализацией, принимающей порою крайние формы (передвижения на расстояние до 1000—2500 км с количеством пере-

кочевков до 60—120 в течение года), активным участием кочевников в этнополитических процессах на Евразийском континенте, захватом политической и военной гегемонии в Азии, Северной Африке и Юго-Восточной Европе. В этот период номадизм стабилизируется в своем развитии, достигая максимального уровня своего потенциала. Вплоть до эпохи Великих географических открытий и широкого распространения огнестрельного оружия кочевники играют доминирующую роль в жизни народов Евразии, поскольку полностью контролируют внутриконтинентальную торговлю, караванные пути и дороги, имеют неоспоримые преимущества в военной сфере и т. д. (Владимирцов, 1934 и др.).

Рубеж XV—XVI вв., знаменующийся общим кризисом номадизма, его вытеснением на периферию всемирно-исторического процесса, падением его влияния в военно-политической сфере, является началом нового, третьего этапа в исторических судьбах кочевничества. Если прежде кризисные явления (отсутствие кормов в неурожайные годы, аграрное перенаселение, джуг и т. п.), порождаемые в основном природно-климатическими изменениями, снимались посредством экспансий и массовых инвазий за пределы ареальных экосистем, то с этого времени наступает период стагнации и постепенного упадка. На этом этапе кочевничество, сохраняя свое приоритетное положение в сфере природопользования в аридных зонах, постепенно замыкается в своем внутреннем развитии и вступает в фазу стагнации и застоя. Характерной чертой данной стадии развития является формирование нового этнокультурного облика кочевых племен, их постепенное включение в орбиту политического и военного господства крупных централизованных государств: Российской империи (казахи, калмыки, туркмены, киргизы и др.), Китая (монголы, джунгары и др.), Франции (номады Северной Африки), Турции (кочевники Ближнего Востока и др.) и т. д. Из власть предержащих номады становятся властьюзависимыми. Не менее очевидной чертой рассматриваемой фазы общественного развития является отсутствие серьезных технико-технологических новаций, организационных и социокультурных усовершенствований и изобретений.

В новейшее время, в век индустриально-урбанизированного развития, по-видимому, наступает финальная стадия развития номадизма: города, промышленные предприятия, земледелие осваивают земли номадов и вытесняют их все глубже в пустыню. Результатом этого являются беспрецедентные по своей жестокости «эксперименты» по оседанию кочевников, приводившие к голоду и массовому вымиранию некогда гордых «властителей мира». Попытки некоторых государств оказать помощь номадам и интегрировать их в социально-экономическую структуру современного общества, видимо, обречены на неудачу.

ГЛАВА II. ПРИРОДА И КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА

2.1. ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Обширная территория Казахстана, располагаясь на стыке различных географических зон, отличается разнообразием геофизических и природно-климатических условий и характеризуется рядом особенных черт и свойств. Из-за внутриконтинентального расположения в глубине материка Евразии между 40—55° с. ш. и 46—87° в. д. на значительном расстоянии как от Тихого и Атлантического, так и от Индийского и Северного Ледовитого океанов, природа Казахстана носит переходный характер между Западной Сибирью, Восточной Европой и Центральной Азией.

В геофизическом отношении Казахстан представляет собой, в основном, низкогорную равнину с обширными плоскими низменностями, приподнятыми плато и низкогорными массивами, чередующимися по всей территории региона. Высокогорные районы со снежными вершинами занимают восточную и юго-восточную части данной территории. Поверхность Казахстана имеет общий наклон с юга на север и с востока на запад, понижение происходит постепенно, причем высокогорные и низкогорные участки чередуются с межгорными долинами и обширными равнинами. Такой характер поверхности играет важную роль в формировании климата и размещении природных ландшафтов.

В равнинно-низкогорной части значительную территорию занимают Западно-Сибирская, Туранская и Прикаспийская низменности, которые характеризуются горизонтальными отложениями, небольшими речными долинами и впадинами, чередованием на юге обширных плоских равнин с песчаными массивами. В отличие от Западно-Сибирской, Туранская и Прикаспийская низменности плохо обводнены, большая часть рек маловодна и теряется в песках.

Значительную часть территории Казахстана занимают возвышенности: Устюрт, Тургайское, Предуральское (Эмбенское) плато, Бетпак-Дала, Прибалхашская равнина и часть возвышенности Общий Сырт. Возвышенности представляют собой горизонтально залегающие осадочные отложения, поверхность которых по большей части ровная, с небольшими повышениями. Имеются значительные песчаные массивы. Бетпак-Дала, Устюрт, Прибалхашская равнина плохо обводнены, имеют небольшие понижения с солончаками. В отличие от них, Тургайское плато сравнительно хорошо орошается ручьями и притоками рек Тобола и Ишима, Предуральское плато — рекой Эмбой и мелкими степными речками, Общий Сырт — многочисленными притоками Урала и т. д.

Низкогорные районы Казахстана, являющиеся основными участками равнинного региона, представлены древними, сильно разрушенными горными массивами, к которым относятся Центрально-Казахстанский мелкосопочник, Мугоджары и Мангыстауские горы. Они представляют собой чередование мелкосопочного релье-

фа, останцевых гор и выравненных участков, расчлененных долинами рек, котловинами и оврагами. Низкогорные районы играют важную роль в формировании климатических зон и являются естественным водоразделом между сточными и внутренними замкнутыми бессточными бассейнами, климаторазделом между севером и югом (Центрально-Казахстанский мелкосопочник) и Западным и Центральным Казахстаном (Мугоджары).

Высокогорные области Казахстана представлены горными системами Алтая, Саур-Тарбагатай, Джунгарского и Запильского Алатау и другими западными отрогами Тянь-Шаня. Все горные системы имеют сложное орографическое и геологическое строение и отделены друг от друга обширными межгорными впадинами. Они отличаются сильно расчлененным рельефом, множеством рек и озер, горными хребтами со снежными вершинами и многочисленными и сильно разветвленными отрогами, чередующимися с выравненными участками, межгорными котловинами и впадинами (Григорьев, Авсюк, Макеев и др., 1950. С. 27—140; Утимагамбетов, 1959. С. 9—13; Чупахин, 1968. С. 11—32; Он же, 1970. С. 5—17; Федорович, 1969. С. 15—20; Он же, 1969а. С. 78—89 и др.).

Особенности рельефа и атмосферных осадков в сочетании с другими географическими факторами определили гидрографический режим территории Казахстана. Основная часть водных ресурсов относится к области внутреннего стока и лишь северная часть региона — к сточному бассейну (бассейны рек Иртыша, Ишима, Тобола). Начало многим речным артериям и грунтовым водам дают горные районы (ледники, вечные снега, частые атмосферные осадки), что обеспечивает сравнительно стабильный характер их наполнения. По выходу из гор реки приобретают равнинный характер, условия их питания ухудшаются. Большая часть рек заканчивается в бессточных озерах или теряется в песках. Реки равнинной части питаются в основном за счет таяния снегов, атмосферных осадков и грунтовых вод. Большинство равнинных рек пересыхает в летний период, образуя небольшие озера, солончаковые поверхности, заболоченные участки, либо уходят под землю, теряются в песках. Это обусловлено тем, что в Казахстане наблюдается значительное преобладание величины испарения с водной поверхности над суммой годовых осадков. Густота речной сети уменьшается по направлению с севера на юг, в степной зоне она составляет на каждые 100 кв.км — 4-6 км, в полупустынной — 2—4 км, в пустынной — 0,5 км. Реки Казахстана варьируются также по сезонам основного стока. Весенний сток составляет у всех равнинных рек 86—90%, летний — 5—7, осенний — 1—3, зимний — 2—4%. Отличительной особенностью равнинной части Казахстана является редкая сеть рек с постоянным круглогодичным стоком воды и большая густота временных потоков. Иной характер носит сток горных рек (наиболее крупные из них Или, Чу, Талас, Арысь, Каратал, Лепса, Чарын), у которых сток всего паводкового периода (с апреля по сентябрь) составляет в среднем 50—

60% (Абрамович, Арефьева, Иогансон, 1950. С. 177—206; Чупахин, 1968. С. 51—55; Семенов, Шимкевич, 1969. С. 133—154 и др.).

На обширных пространствах Казахстана рассеяно несколько тысяч озер. Сильная изменчивость климатических условий и водного баланса обуславливает непостоянство площади и режима озера, их геохимического состава. По мере нарастания засушливости с севера на юг доля бессточных озер и их минерализация увеличиваются. Из общего числа озер Казахстана 90% имеют площадь до 1 кв. км. Преобладание мелких и небольших озер объясняется наличием слабо выраженных отрицательных форм рельефа, поскольку большая часть этих озер размещена в лесостепной и степной зонах Казахстана, в поймах крупных рек и в дельтовых участках бессточных рек. Основными источниками питания озер являются поверхностные и грунтовые воды, талые снега и атмосферные осадки. Вследствие этого большинство озер — пресные и слегка солоноватые. Неравномерность водного баланса ведет к пересыханию значительной части озер летом и осенью, а также в многолетние маловодные периоды (Абрамович и др., 1950. С. 154—169; Чупахин, 1968. С. 56—60; Муравлев, Покровская, Россоломо, 1969. С. 154—169 и др.).

Географическое положение Казахстана — в центральной части Евразии в поясе умеренных широт — определило особенности и характер природно-климатических условий, являющихся результатом взаимодействия подстилающей поверхности, солнечной радиации и атмосферной циркуляции. Продолжительность солнечного сияния на территории Казахстана весьма велика и составляет в среднем от 2000 до 3000 часов в год. Поскольку величина притока солнечной радиации изменяется по направлению с севера на юг, а также по сезонам года, то закономерным итогом этого является интенсивный перегрев поверхности земли в летний период, когда величина суммарной радиации на юге более чем в четыре раза превосходит сумму радиации зимних месяцев (Чубуков, 1950. С. 141—148; Берлянд, Безверхний, 1959. С. 17—30; Чупахин, 1968. С. 32—37; Шварева, 1969. С. 90—91 и др.).

Следствием внутриконтинентального положения Казахстана является резко континентальный режим климатических условий, характеризующийся резкими суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха. Континентальность климата в Казахстане увеличивается в направлении с запада на восток. Наибольшая континентальность имеет место на северо-востоке Казахстана, где разность средних температур января и июля достигает 41°C. С продвижением к югу на большей части равнинной территории годовые амплитуды колебаний средних месячных температур равны 37—39°, за исключением крайней южной части, где они уменьшаются до 30—35°. Весьма велики и суточные колебания температуры воздуха, которые в летний период составляют в среднем 12—16° (25—40% всех дней) и нередко достигают 25—30°, а в зимний — от 4 до 12° (50—70% всех дней), иногда достигая 16—20°. Наибольшие среднесуточные амплитуды колебаний воздуха наб-

фа, останцевых гор и выравненных участков, расчлененных долинами рек, котловинами и оврагами. Низкогорные районы играют важную роль в формировании климатических зон и являются естественным водоразделом между сточными и внутренними замкнутыми бессточными бассейнами, климаторазделом между севером и югом (Центрально-Казахстанский мелкосопочник) и Западным и Центральным Казахстаном (Мугуджары).

Высокогорные области Казахстана представлены горными системами Алтая, Саур-Тарбагатая, Джунгарского и Запильского Алатау и другими западными отрогами Тянь-Шаня. Все горные системы имеют сложное орографическое и геологическое строение и отделены друг от друга обширными межгорными впадинами. Они отличаются сильно расчлененным рельефом, множеством рек и озер, горными хребтами со снежными вершинами и многочисленными и сильно разветвленными отрогами, чередующимися с выравненными участками, межгорными котловинами и впадинами (Григорьев, Авсюк, Макеев и др., 1950. С. 27—140; Утимагамбетов, 1959. С. 9—13; Чупахин, 1968. С. 11—32; Он же, 1970. С. 5—17; Федорович, 1969. С. 15—20; Он же, 1969а. С. 78—89 и др.).

Особенности рельефа и атмосферных осадков в сочетании с другими географическими факторами определили гидрографический режим территории Казахстана. Основная часть водных ресурсов относится к области внутреннего стока и лишь северная часть региона — к сточному бассейну (бассейны рек Иртыша, Ишима, Тобола). Начало многим речным артериям и грунтовым водам дают горные районы (ледники, вечные снега, частые атмосферные осадки), что обеспечивает сравнительно стабильный характер их наполнения. По выходу из гор реки приобретают равнинный характер, условия их питания ухудшаются. Большая часть рек заканчивается в бессточных озерах или теряется в песках. Реки равнинной части питаются в основном за счет таяния снегов, атмосферных осадков и грунтовых вод. Большинство равнинных рек пересыхает в летний период, образуя небольшие озера, солончаковые поверхности, заболоченные участки, либо уходят под землю, теряются в песках. Это обусловлено тем, что в Казахстане наблюдается значительное преобладание величины испарения с водной поверхности над суммой годовых осадков. Густота речной сети уменьшается по направлению с севера на юг, в степной зоне она составляет на каждые 100 кв.км — 4-6 км, в полупустынной — 2—4 км, в пустынной — 0,5 км. Реки Казахстана варьируются также по сезонам основного стока. Весенний сток составляет у всех равнинных рек 86—90%, летний — 5—7, осенний — 1—3, зимний — 2—4%. Отличительной особенностью равнинной части Казахстана является редкая сеть рек с постоянным круглогодичным стоком воды и большая густота временных потоков. Иной характер носит сток горных рек (наиболее крупные из них Или, Чу, Талас, Арысь, Каратал, Лепса, Чарын), у которых сток всего паводкового периода (с апреля по сентябрь) составляет в среднем 50—

60% (Абрамович, Арефьева, Иогансон, 1950. С. 177—206; Чупахин, 1968. С. 51—55; Семенов, Шимкевич, 1969. С. 133—154 и др.).

На обширных пространствах Казахстана рассеяно несколько тысяч озер. Сильная изменчивость климатических условий и водного баланса обуславливает непостоянство площади и режима озера, их геохимического состава. По мере нарастания засушливости с севера на юг доля бессточных озер и их минерализация увеличиваются. Из общего числа озер Казахстана 90% имеют площадь до 1 кв. км. Преобладание мелких и небольших озер объясняется наличием слабо выраженных отрицательных форм рельефа, поскольку большая часть этих озер размещена в лесостепной и степной зонах Казахстана, в поймах крупных рек и в дельтовых участках бессточных рек. Основными источниками питания озер являются поверхностные и грунтовые воды, талые снега и атмосферные осадки. Вследствие этого большинство озер — пресные и слегка солоноватые. Неравномерность водного баланса ведет к пересыханию значительной части озер летом и осенью, а также в многолетние маловодные периоды (Абрамович и др., 1950. С. 154—169; Чупахин, 1968. С. 56—60; Муравлев, Покровская, Россолимо, 1969. С. 154—169 и др.).

Географическое положение Казахстана — в центральной части Евразии в поясе умеренных широт — определило особенности и характер природно-климатических условий, являющихся результатом взаимодействия подстилающей поверхности, солнечной радиации и атмосферной циркуляции. Продолжительность солнечного сияния на территории Казахстана весьма велика и составляет в среднем от 2000 до 3000 часов в год. Поскольку величина притока солнечной радиации изменяется по направлению с севера на юг, а также по сезонам года, то закономерным итогом этого является интенсивный перегрев поверхности земли в летний период, когда величина суммарной радиации на юге более чем в четыре раза превосходит сумму радиации зимних месяцев (Чубуков, 1950. С. 141—148; Берлянд, Безверхний, 1959. С. 17—30; Чупахин, 1968. С. 32—37; Шварева, 1969. С. 90—91 и др.).

Следствием внутриконтинентального положения Казахстана является резко континентальный режим климатических условий, характеризующийся резкими суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха. Континентальность климата в Казахстане увеличивается в направлении с запада на восток. Наибольшая континентальность имеет место на северо-востоке Казахстана, где разность средних температур января и июля достигает 41°C. С продвижением к югу на большей части равнинной территории годовые амплитуды колебаний средних месячных температур равны 37—39°, за исключением крайней южной части, где они уменьшаются до 30—35°. Весьма велики и суточные колебания температуры воздуха, которые в летний период составляют в среднем 12—16° (25—40% всех дней) и нередко достигают 25—30°, а в зимний — от 4 до 12° (50—70% всех дней), иногда достигая 16—20°. Наибольшие среднесуточные амплитуды колебаний воздуха наб-

людаются на севере Казахстана в июне и июле ($13-15^{\circ}$), а на юге — в августе и сентябре ($18-20^{\circ}$), (Чубуков, 1950. С. 159—161; Байдал, 1959. С. 32—63; Кузнецов, 1959. С. 73—88; Чупахин, 1968. С. 38—43; Шварева, 1969. С. 91—92 и др.).

Другой особенностью климата Казахстана, обусловленной удаленностью от океанических источников влаги, является резко выраженная аридность, наиболее отчетливо проявляющаяся в равнинной его части, которая наименее обеспечена атмосферными осадками. Относительное увлажнение на севере Казахстана составляет 50—30% и, закономерно уменьшаясь по направлению к югу, не превышает в пустынной зоне 5%. В лесостепной зоне, расположенной севернее 54° с. ш. и охватывающей около 7% территории Казахстана, в среднем за год выпадает от 250 до 350—400 мм осадков; в степной зоне, расположенной севернее 50° с. ш. и составляющей более 20% его территории, их количество снижается до 200—300 мм. В полупустынной зоне, расположенной севернее 48° с. ш. и составляющей более 20% его территории, годовое количество атмосферных осадков колеблется в диапазоне 160—220 мм. В зоне пустынь (южнее $47-48^{\circ}$ с. ш.), занимающих более 40% территории Казахстана, количество осадков уменьшается до 180—80 мм в год. Недостаточность увлажнения усугубляется тем, что повсеместно, за исключением высокогорья, годовая величина испаряемости вследствие большой солнечной радиации значительно превышает годовое количество осадков: в лесостепной зоне в 2—3 раза, степной — 3—7, полупустынной — 7—20, пустынной — 10—12 (а в летний период в 20—70 раз). В предгорьях и горах Казахстана в среднем за год выпадает более 400 мм атмосферных осадков, достигая вблизи области современного оледенения 700—800 мм (Казахстан, 1950. С. 142—143, 241—242, 278, 291—292; Климат Казахстана, 1959. С. 17—30, 67—69, 73—88, 106, 237—246, 260—289; Чупахин, 1968. С. 37—38, 43—45, 75, 82—83, 89—91, 97, 102—103; Он же, 1970. С. 24—27, 30—32, 38—39, 42—46; Казахстан, 1969. С. 90—97, 294—306 и др.).

Климат Казахстана характеризуется также неравномерным сезонным распределением атмосферных осадков. Зимой на равнинной части выпадает очень мало осадков — 50—100 мм (20—30% годовой нормы), к предгорьям и в горах их количество возрастает до 500 мм. Из-за этого почва зачастую, особенно в степной зоне, бывает оголена и промерзает на большую глубину, в Центральном Казахстане — до 200—250 мм. Большая же часть осадков выпадает в летний период: в лесостепи и степи до 275 мм (60—80% годовой нормы), в пустыне — менее 50 мм (35—40%), в предгорной зоне и горах — до 600—700 мм. Вследствие неравномерного выпадения осадков уже в весенний период наблюдаются умеренно засушливые погоды, а в мае — даже суховейно засушливые. Когда осадков бывает особенно мало, происходит сильное иссушение почвы. Почвенный покров из-за неравномерного распределения осадков, промерзания почвы, действия талых вод, сильного иссушения, пыльных бурь, суховеев и обильных летних осадков подвер-

жен эрозии (Климат..., 1959. С. 100—117, 260—289; Чупахин, 1968. С. 44—47, 75—76, 82—84, 90—92, 102—103; Казахстан, 1969. С. 96—115).

На территории Казахстана нередко бывает атмосферная засуха, представляющая собой жаркую и резко засушливую погоду. Засуха формируется радиационными процессами трансформации воздушных масс и характеризуется высокой испаряемостью, отсутствием осадков фронтального происхождения, незначительной облачностью и повышенной солнечной радиацией. Примерно в 50—70% случаев продолжительность засухи достигает в Казахстане 3—5 дней, в 25—30% случаев — 6—10 дней и в 5—12% случаев — 11—15 дней. В среднем на севере Казахстана в течение теплого полугодия (апрель — октябрь) бывает 8—10 случаев засухи различной продолжительности. К югу среднее число засух возрастает до 12—15. В отдельные годы оно колеблется от 2—10 (минимум) до 17—20 (максимум). В среднем число дней с засухой в теплое полугодие колеблется преимущественно в пределах 8—11 в месяц. В отдельные годы это число может возрастать до 17—29. Месяцев без засухи не бывает. Среднее число дней с засухой составляет в лесостепной зоне 37 и в отдельные годы превышает 100, в степной — в среднем 69 и больше. В полупустынной зоне число дней с засухой в отдельные годы достигает 20—25 в один летний месяц. Результатом засухи является обмеление бессточных озер, водоемов и болот, понижение уровня и водоносности рек, их пересыхание и понижение уровня грунтовых вод, иссушение почвы, что обуславливает угнетенное состояние и усыхание пастбищной растительности, лесные и степные пожары и т. п. (Климат..., 1959. С. 73—88, 117—138; Казахстан, 1969. С. 115—123 и др.).

Разнообразие орографических и природно-климатических условий определяет многообразие ландшафтов при сохранении хорошо выраженных горизонтальных и вертикальных географических зон. Широтная зональность в Казахстане проявляется не только в увлажненности, термическом режиме, но и продолжительности летнего и зимнего сезонов года, условным показателем которых являются устойчивые переходы средней суточной температуры воздуха соответственно через 15 и 0° С. Наиболее длительная зима (6 месяцев) и самое короткое лето (3 месяца) наблюдаются на севере Казахстана и, наоборот, самая короткая зима (менее 60 дней) и продолжительное лето (около 6 месяцев) имеют место на крайнем юге в пустынной зоне. В Центральном Казахстане зимний и летний сезоны по продолжительности примерно равны между собой. Весна и осень повсеместно отличаются небольшой продолжительностью и характеризуются быстрым повышением температуры весной и менее интенсивным спадом осенью. Весенний период на всей территории Казахстана длится менее 50 дней, за исключением юга и предгорий юго-востока (2 месяца). Осень не превышает 2 месяцев на всей территории, за исключением Центрального Казахстана и Прииртышья (менее 50 дней).

Геофизические и природно-климатические условия определяют

многообразие ландшафтов на территории Казахстана, группирующихся в четыре природно-ландшафтные зоны. Из-за особенностей рельефа широтная зональность в расположении ландшафтов не везде выражена одинаково равномерно. В северной части, в основном на плоских равнинных участках, располагается лесостепная ландшафтная зона, характеризующаяся суровым и резко континентальным климатом, максимальной средней мощностью снежного покрова в 30—50 см и продолжительностью его залегания в 150—160 дней. Период активной вегетации растительности с температурой выше 10° составляет 120—130 дней. Это — зона явно выраженного преобладания летних осадков (до 60% годовой нормы). Амплитуда колебаний среднесуточной температуры января и июля составляет 38—40°. Поверхностный сток невелик и преобладает вертикальный дренаж почвы. В лесостепной зоне почвы в основном черноземные, толщина гумусного слоя достигает порой 75 см. Растительность состоит из злаков и разнотравья (Климат..., 1959. С. 73—75; Чупахин, 1968. С. 74—80; Он же, 1970. С. 24—29; Казахстан, 1969. С. 294—295; Федорович, 1973. С. 210 и др.).

Значительную часть территории Казахстана занимает зона степей, протянувшаяся на 2200 км от северной части Прикаспийской низменности до Алтая. Степная зона характеризуется преобладанием равнинного рельефа и сухим резко континентальным климатом. Большая часть атмосферных осадков (около 50% годовой нормы) приходится на летний период. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет 30—40 см, а длительность — 140—160 дней. Вследствие неравномерности его распределения и зимних оттепелей (в 50% всех зим наблюдаются оттепели с повышением температуры воздуха до 0°) при последующем резком похолодании почва порою промерзает на 150—220 мм, наступает продолжительный гололед. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37—43°. Число дней в году с температурой выше 10° равно 135—160. Степная зона отличается развитием ветровой эрозии, наиболее проявляющейся в конце весны. Общее число дней с пыльными бурями в теплое время колеблется в среднем от 20 до 80. Степная зона характеризуется большей засушливостью и континентальностью климата по сравнению с лесостепной. Если в последней число дней с осадками составляет в среднем за год 100—145, то в степной — 100—130, а число дней с гололедом — соответственно 5,3 и 6,2—8,7 в год. Причем в отдельные годы продолжительность гололеда может достигать в степной зоне 25 и более дней. Почвы степной зоны черноземные с толщиной гумусного слоя от 25—30 до 60—70 см и каштановые — с гумусным слоем от 15 до 30 см, в меньшей степени — карбонатные, солончаковые и др. Растительность — разнотравная с преобладанием дерновинных злаков (ковыля, типчака, мятлика и т. п.) (Казахстан, 1950. С. 291—315; Климат..., 1959. С. 75—77; Чупахин, 1968. С. 80—89; Он же, 1970. С. 30—37; Казахстан, 1969. С. 295—299; Федорович, 1973. С. 210—211, 216; Мордкович, 1982; Чибилев, 1990. С. 48—93, 128—161 и др.).

Полупустынная зона отличается резко континентальным, засушливым климатом, жарким летом и суровой зимой. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37—41°. Максимальная средняя мощность снежного покрова не превышает 20—30 см, а на востоке зоне 40—60 см, длительность его залегания 80—180 дней. Продолжительность периода с температурой воздуха выше 10°—150-180 дней. Зимой выпадает 40% годовой суммы осадков. Продолжительность сухих периодов без атмосферных осадков изменяется в летний период в диапазоне 41—65 дней. Число дней с осадками в течение года составляет 80—100. Основные почвы зоны — светло-каштановые, имеются солонцы и т. п. Толщина плодородного слоя незначительна, широко распространены степные злаки и пустынные растения (эфемеры, полыни и т. п.).

Большую часть равнинного Казахстана занимает пустынная зона, характеризующаяся продолжительным жарким летом, очень холодной для данных широт зимой, малым количеством осадков, засушливостью, значительными суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха и почвы, отсутствием поверхностного стока, накоплением в верхних горизонтах почвы солей, большими песчаными массивами и т. д. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет от 20 до 1 см, его длительность — от 35 дней на юге до 120 на севере зоны и в предгорных районах. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 30—41°. Продолжительность периода с температурой свыше 10°—150-215 дней. Число дней с осадками в течение года составляет 50—70. На долю зимних осадков приходится 30—65% годовой суммы. Суточные колебания температуры воздуха в среднем составляют 18—20°, а нередко и 25—32°. Среднее число дней с гололедом в течение года наибольшее на всей территории Казахстана — 9,7 (Казахстан, 1950. С. 278—291; Климат..., 1959. С. 77—87; Чупахин, 1968. С. 89—124; Он же, 1970. С. 37—51; Казахстан, 1969. С. 299—304; Федорович, 1973. С. 211, 216; Петров, 1973; Залетаев, 1976; Чигаркин, 1984 и др.).

В результате устойчивых и сильных похолоданий после оттепелей и переохлажденных дождей повсеместно в Казахстане наблюдаются гололедные явления, повторяемость которых резко возрастает по направлению к горам и с севера на юг. Гололед является причиной джута — гибели скота из-за бескормицы, когда поверхность снежного покрова или почвы образуется ледяная корка, которая не позволяет скоту потреблять сохранившийся под снегом травостой. Другим фактором, вызывающим джуты, являются сильные снегопады и метели. Средняя продолжительность метелей в течение года составляет 300—450 часов в Северном и Центральном Казахстане и 1—5 часов в Южном (Климат..., 1959. С. 328, 355—357; Федорович, 1973. С. 216 и др.).

Следствием засушливости, неравномерности сезонного распределения атмосферных осадков, бедности почвенных ресурсов, слабой обводненности, атмосферной засухи, промерзания почвы, силь-

ных ветров, солнечной радиации, наличия огромных песчаных массивов является крайне низкая кормовая продуктивность растительного покрова. По мере аридизации природно-климатических условий и увеличения сухости воздуха производительность травостоя уменьшается с севера на юг и составляет в пустынной зоне 0,5—3,5 ц/га, в полупустынной — 2-3,5 ц, в степной и лесостепной — 3,5-12 ц/га. В горной и предгорной полосе продуктивность растительного покрова увеличивается: до 2,5—5 ц/га в зоне пустынных предгорий, до 3—17 в степных предгорьях и до 8—25 в горных и высокогорных районах Казахстана.

В видовом отношении в регионе преобладают мезофиты (48,9%), ксеромезофиты и мезоксерофиты (31,3%), ксерофиты (9,4%). В пустынной зоне преобладают ксерофиты, псаммофиты и галофиты, приспособленные к жизни в условиях минимального водообеспечения. В степной зоне наиболее распространены ксерофиты и мезофиты. Для растительного покрова характерны сезонная продуктивность, обусловленная различиями в продолжительности вегетационного периода, зональность и т. п. Так, например, развитие эфемеров и эфемероидов определяется увлажнением в зимний и ранневесенний периоды, в результате чего они достигают 100-процентной продуктивности весной и 50—60-процентной летом. Полынные же формы растительности достигают максимума продуктивности лишь к середине осени и наиболее поедаемыми для скота становятся после осенних заморозков, когда улетучиваются их эфирные масла. Солянки идут в корм скоту только в осенне-зимний сезон, в то время как растительность песков пригодна для выпаса в течение всего года, но ее использование, в основном, приходится на тот период, когда другие пастбища бескормны. Весна является временем наивысшей урожайности большинства злаковых травостоев, которые потребляются преимущественно в летний период. Осенью наступает время поедания полыней и большинства солянковых, а в степной зоне — злаков осенней вегетации. Зимой возрастает относительная поедаемость солянковой и полынной растительности, а также тростниковых зарослей (Казахстан, 1950. С. 224—241; Соболев, 1960. С. 10—14; Казахстан, 1969. С. 222—248; Федорович, 1973. С. 212—217; Быков, 1983 и др.). Наряду с этим для растительного покрова характерны весьма значительные колебания урожайности, в частности в полупустынях в пределах 1:5,4 на песчаных пастбищах и 1:40 для разнотравья, в пустынях на песчаных пастбищах в пределах 1:5 и для однолетнего разнотравья 1:60. Такие значительные колебания продуктивности растительного покрова нередко влекут за собой гибельные последствия для скотоводческого хозяйства (Федорович, 1973. С. 216—217 и др.).

Таким образом, географические условия Казахстанского ареала характеризуются повышенной величиной солнечной радиации, засушливостью и резко выраженной аридностью, континентальностью, посезонной дифференциацией климата, его многолетней изменчивостью, бедностью водных и почвенных ресурсов, дефицитом

атмосферных осадков, что в свою очередь обуславливает крайне скудный растительный покров, резкие колебания его урожайности, посезонно-зональные особенности вегетации, разреженность и низкую кормовую продуктивность пастбищного травостоя. Вследствие этого данная зона представляет собой очень хрупкую экосистему, обладающую повышенной чувствительностью к внешним воздействиям и хозяйственной деятельности человека. В результате освоения человеком аридной зоны Евразии была выработана особая форма социокультурной адаптации и природопользования — кочевое скотоводческое хозяйство.

2.2. Кочевое население Казахстана

Коренное население Казахстана составляют казахи, один из крупнейших кочевых и тюркоязычных народов Евразии. Численность казахов в пределах территории современного Казахстана, согласно материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., составляла 3 392 751 чел. (81,7% общей численности населения края). В Уральской области насчитывалось 460 173 чел. казахского населения, Тургайской — 410 904 чел., Акмолинской — 389 204 чел., Семипалатинской — 604 564 чел., Семиреченской — 515 001 чел., Сырдарьинской области — 741 811 чел., Мангышлакском уезде Закаспийской области — 63 795 чел., Внутренней орде Астраханской губернии — 207 299 чел. Помимо этого значительные группы казахского населения проживали в Омском уезде — 38 185 чел., Томской области — 24 643 чел., Тюкалинском уезде Тобольской области — 5 148 чел., Ташкентском уезде — 163 105 чел., Амударьинском отделе — 47 145 чел., а также в Джизакском, Ходжентском, Пишпекском уездах и т. д. (подробнее см.: Хозяйство казахов..., 1980. С. 14—27; Алексеенко, 1981; Бекмаханова, 1980; Она же, 1986; Масанов, 1993. С. 104 и др.). В городах проживало 1,1% казахского населения, удельный вес оседлого населения был также невелик. Наибольшая часть казахов занималась скотоводческим хозяйством и вела кочевой образ жизни.

Характерной особенностью всех кочевых народов, в том числе и казахов, является сложная и широко разветвленная «родоплеменная» структура. Социум дробился на множество иерархически организованных «племен», «родов», групп и более мелких подразделений и ответвлений, взаимосвязанных сложной системой общественных отношений и традицией единого генеалогического древа (см. подробнее параграф 6.2 и др.). Казахи подразделялись на три части — Старший, Средний и Младший жузы, — каждая из которых имела свою специфичную «родоплеменную» организацию (Аристов, 1896; Тынышпаев, 1925; Аманжолов, 1959; Востров, Муканов, 1968 и др.). Первое упоминание казахских жузов относится к началу XVII в. (:МИКХ. С. 242—243). Основой данного членения стала, по-видимому, специфика хозяйственно-культурного и исторического процесса, протекавшего в трех ареалах, возникших в связи с естественным делением территории Казахстана на три географических части: Семиречье, Западный и Центральный,

включая Северный и Восточный Казахстан (Асфендиаров. 1935. С. 82; Юдин, 1983. С. 148 и др.).

Казахи Старшего жуза традиционно занимали территорию Семиречья, в частности бассейна реки Или и ее многочисленных притоков, предгорья Джунгарского и Заилийского Алатау, Киргизского хребта и Каратау, междуречья Чу и Таласа, а также районы верхнего и среднего течения Сырдарьи. Зимние пастбища в основном располагались в равнинной части региона в песках, предгорных и речных долинах, низкогорных районах с пересеченным рельефом местности. Летние пастбища при вертикальном кочевании располагались в горных и высокогорных районах Джунгарского Алатау и западных отрогов Тянь-Шаня, а при меридиональном кочевании по речным долинам и озерам (МОТ. Т. II—IV и др.). Примерная численность казахов Старшего жуза на рубеже XIX—XX вв. составляла порядка 700 тыс. чел. (см.: Гавердовский, 1803. Л. 59 обр.; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 87; ОЗ. 1867. № 4. С. 757—758; Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 353; МИКССР. Т. IV. С. 512; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Согласно народным преданиям (шежере) казахи Старшего жуза подразделялись на следующие группы: жалаир, ошакты, дулат, канлы, сары-уйсунь, шапрашты, шанышкы, сргели, ысты, албан и суан. Не совсем ясно место в этой структуре катаганов, бестамгалы и ряда других групп.

Присоединение казахов Старшего жуза к России произошло в середине XIX в. Первоначально здесь было образовано в 1848 г. особое управление, которое осуществлял так называемый «Прис-тав» при киргизах Большой орды. В 1856 г. на месте данного представительства создается Алатавский округ. В 1854 г. часть казахов Старшего жуза, проживавшая в северном Семиречье, вошла в состав особого Копальского военного округа. Реформами 1867, 1886 и 1891 гг. казахи Старшего жуза образовали в составе Российской империи Копальский, Верненский и Джаркентский уезды Семиреченской области и Чимкентский и Аулиеатинский уезды Сырдарьинской области (КРО, 1964. С. 334—336, 491—495; МИПС, 1960. С. 282—283, 352, 387 и др.).

Дулаты были широко расселены на значительной территории Старшего жуза. Места их кочевий простирались в широтном направлении от среднего течения Или до Чу, Таласа и дальше вдоль предгорий Киргизского Алатау и Каратау до среднего течения Сырдарьи, а в меридиональном — от хребтов западных отрогов Тянь-Шаня до среднего течения Чу, Муюнкумов и южной оконечности озера Балхаш (Гавердовский, 1803. Л. 59 обр.; Абрамов, 1867. С. 267—268; Востров, Муканов, 1968. С. 124, 126, 127, 153—155, 158—159 и др.). Численность дулатов в XIX—начале XX вв. составляла около 250 тыс. чел. (Гавердовский, 1803. Л. 59; Гродеков, 1889. С. 17—19; Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 352; Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.). Они подразделялись на четыре крупные патронимические группы: ботпай, шымыр, сейкым и жаныс.

Суаны локализуются преимущественно в предгорьях Алтынэмеля и юго-восточных склонов Джунгарского Алатау, по правобережью Или от Коктерека на западе до Хоргоса на востоке (Гаввердовский, 1803. Л. 59 обр.; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 451; Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муканов, 1968. С. 131 и др.). Численность суанов в начале XX в. составляла примерно около 30 тыс. чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Албаны были широко расселены в Семиречье в предгорной полосе юго-восточных склонов Алтынэмельского хребта и северных склонов Заилийского Алатау и по речным долинам Или и ее многочисленных, в основном левых, притоков от Текеса до Чарына на востоке (Гаввердовский, 1803. Л. 59 обр.; Зибберштейн, 1936. С. 235—237, 256; Голубев, 1861. С. 87; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 235, 246, 276, 282; Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муканов, 1968. С. 128—129, 131—132 и др.). Численность албанов достигала примерно 100 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв. (Аристов, 1894. С. 400; Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63).

Сары-уйсуни, в основном, располагались по левому берегу Или и в предгорьях Заилийского Алатау, а также по правому берегу Таласа и по реке Курагаты до ее впадения в Чу (Гаввердовский, 1803. Л. 59 обр.; Аристов, 1894. С. 398, 423—424; Востров, Муканов, 1968. С. 124—126, 137, 159 и др.). Их численность едва превышала 10 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв. (Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 352; МОТ. Т. IV. Отд. II. С. 205, 209; Ч. II С. 198; Федоров, 1910. Ч. I. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Шапрашты кочевали главным образом по речным долинам Или и ее правобережных притоков, по правому берегу реки Чу и в предгорных районах Заилийского Алатау (Востров, Муканов, 1968. С. 124, 127, 128, 159 и др.). Численность шапрашты составляла примерно 50—60 тыс. чел. в начале XX в. (Федоров, 1910. Ч. I. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Сргели, в основном, локализуются по среднему течению левого берега реки Чу, в низовьях Таласа, предгорной полосе Каратау (Гаввердовский, 1803. Л. 59 обр.; Востров, Муканов, 1968. С. 153—154 и др.). Их численность едва ли превышала 40 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв. (Гродеков, 1889. С. 17—20; Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 352; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Ысты преимущественно были сосредоточены в Семиречье в низовьях Или и ее притоков, вблизи Балхаша, а также по среднему течению Или вплоть до предгорий Заилийского Алатау, по левому берегу Чу, на северных и юго-восточных склонах Каратау-ских гор, по правому берегу Таласа (Гаввердовский, 1803. Л. 59 обр.; Востров, Муканов, 1968. С. 125, 137, 153—154, 158—159 и др.). Численность ысты едва ли превышала 40—50 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв. (Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 352; Гродеков, 1889. С. 17—19; Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80; Востров, Муканов, 1968. С. 24 и др.).

Жалаиры, в основном, локализуются в Семиречье в предгорной зоне Джунгарского Алатау, Алтынэмеля и Малайсары, междуречье

Или и Каратала, Прибалхашских песках, горах Архарлы. Часть жалаириков располагалась по левому берегу Или до предгорий Заилийского Алатау, на правом берегу среднего течения реки Чу (Абрамов, 1867. С. 267—273; Востров, Муқанов, 1968. С. 117—121, 124, 125, 137, 159 и др.). Их численность на рубеже XIX—XX вв. составляла примерно 100—110 тыс. чел. (Аристов, 1894. С. 398, 400; Он же, 1896. С. 352; Федоров, 1910. Ч. I. С. 80; МОТ. Т. IV. С. 98; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Ошакты кочевали, главным образом, в низовьях Таласа, на юго-восточных склонах Каратау и в близлежащих речных долинах (Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муқанов, 1968. С. 153, 159 и др.). Их численность не превышала 20 тыс. чел. во второй половине XIX в. (Абрамов, 1867. С. 267—273; Логинов, 1872. С. 94; Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 352; Черновский, 1915. С. 14 и др.).

Канлы были расселены, в основном, по левобережью Или и в предгорьях Заилийского Алатау. Небольшие группы канлы имелись и в других районах Семиречья и Южного Казахстана, проживая по соседству с кочевниками из патронимической группы шанышкылы (Валиханов, 1961. Т. I. С. 203, 204, 451, 452; Аристов, 1894. С. 398—399; Востров, Муқанов, 1968. С. 121, 123—124, 137, 155 и др.). Совместная численность канлы и шанышкылы на рубеже XIX—XX вв. составляла около 50 тыс. чел. (Аристов, 1894. С. 400; Он же, 1896. С. 351; Федоров, 1910. Ч. I. С. 80 и др.).

Казахи Среднего жуза традиционно занимали территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также отчасти Южного — по среднему течению Сырдарьи. Места кочевков охватывали в широтном плане с запада на восток почти все пространство от водораздела Ирғиз — Турғай — Тобол до Западного Алтая и Тарбағатая, а с юга на север — от среднего течения Сырдарьи, пустыни Бетпак-Дала и северной оконечности озера Балхаш до южных пределов Западно-Сибирской низменности, захватывая практически всю территорию Турғайского плато, Центрально-Казахстанского мелкосопочника, бассейны рек среднего течения Иртыша, низовья и среднее течение Ишима, Турғая и Тобола и доходя до Кулундинской и Ишимской степи (Рычков, 1887. С. 101—103; Броневский, 1830. Ч. 41. Кн. 119. С. 400; Ч. 43. Кн. 124. С. 237—238; Красовский, 1868. Ч. I. С. 115—217 и др.). Зимние пастбища казахов Среднего жуза располагались, в основном, в пустынной и полупустынной зонах, захватывая Присырдарьинский регион, и в лесостепной зоне — на севере Казахстана при меридиональном кочевании и на предгорных равнинах и низкоргорных участках, в речных долинах и околоозерных районах — при вертикальном кочевании. Летние пастбища при меридиональном кочевании были расположены в степной зоне, в районах с летним максимумом атмосферных осадков, и при вертикальном кочевании — в низкоргорных и высокогорных районах на альпийских и субальпийских лугах (МКЗ. Т. I.—II и др.).

Присоединение казахов Среднего жуза к России началось в

середине XVIII в. и продолжалось вплоть до середины XIX в. В 1822 г. они были включены в сферу действия «Устава о сибирских киргизах». Тогда же была учреждена Омская область с четырьмя внутренними округами: Омским, Петропавловским, Семипалатинским и Усть-Каменогорским. В 1824 г. были образованы Кокчетавский и Каркаралинский, 1831 г. — Аягузский, 1832 г. — Акмолинский, 1833 г. — Баян-Аульский и Уч-Булакский, 1834 г. — Аман-Карагайский, позднее переименованный в Кушмурунский, 1844 г. — Кокбектинский, а в 1859 г. — взамен Кушмурунского — Атбасарский внешние округа. В 1854 г. вся восточная половина Казахстана была подразделена на Область Сибирских киргизов и Семипалатинскую область. В состав Семипалатинской области вошли Кокбектинский, Аягузский (с 1860 г. — Сергиопольский) внешние и Семипалатинский внутренний округа. А из Каркаралинского, Кокчетавского, Акмолинского, Баян-Аульского и Кушмурунского внешних округов была образована Область Сибирских киргизов. Согласно реформам 1868 и 1891 гг. казахи Среднего жуза образовали в составе Российской империи Кустанайский и Тургайский уезды Тургайской области; Омский, Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский и Петропавловский уезды Акмолинской области; Семипалатинский, Зайсанский, Каркаралинский, Павлодарский и Усть-Каменогорский уезды Семипалатинской области, Лепсинский и отчасти Копальский уезды Семиреченской области, а также вошли в состав населения Перовского, Чимкентского и Ташкентского уездов Сырдарьинской области (МИПС, 1960. С. 91—118, 135—136, 146—186, 319—324, 383—387 и др.).

Численность казахов Среднего жуза на рубеже XIX—XX вв. составляла примерно 1300—1350 тыс. чел., а с учетом казахов Китая и Монголии — более 1500 тыс. чел. Согласно генеалогическим преданиям, они подразделялись на следующие группы: кыпчак, аргын, найман, керей, конрад, уак и таракты.

Крупнейшей патронимической группой Среднего жуза и всего казахского народа являлись аргыны, занимавшие огромную территорию от Тургайского плато до Восточного Казахстана. Основная их масса была сосредоточена в Павлодарском уезде — более 100 тыс. чел. (МКЗ. Т. IV. Таблицы. С. 2—167, 174—207, 214—267), Акмолинском — около 100 тыс. (Аристов, 1896. С. 376; Тынышпаев, 1925. С. 63), Каркаралинском — по одним сведениям около 90 тыс. чел. (МКЗ. Т. VI. Таблицы. С. 2—571), а по другим — около 150 тыс. чел. (Логотов, 1929. С. 46—47), Семипалатинском — около 60 тыс. (там же. С. 46), Кокчетавском — около 50 тыс. (Аристов, 1896. С. 375—376 и др.), Тургайском — около 40 тыс. (Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.), Атбасарском — более 30 тыс. (МКЗ. Т. II. Таблицы. С. 10—79, 218—239, 138—139, 146—147), Кустанайском — 15 тыс. (МКЗ. Т. V. Таблицы. С. 34—43, 78—103, 174—179), Омском — 13 тыс. чел. (МКЗ. Т. XI. Таблицы. С. 18—19, 26—31, 42—59, 62—63, 70—91) и т. д. Общая численность аргынов составляла, по-видимому, 500 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв.

Найманы, в основном, были расселены в предгорной полосе от

Джунгарского Алатау на юге вплоть до Западного Алтая на севере. Небольшие группы найманов также располагались на юге Казахстана. Основная часть найманов локализуется в Лепсинском и отчасти Копальском уездах — 166 тыс. чел. (Федоров, 1910. Ч. I. С. 80), Усть-Каменогорском — 76 тыс. (МКЗ. Т. IX. Ч. II. С. 2—227), Зайсанском — 70 тыс. (МКЗ. Т. VIII. Ч. II. С. 2—67, 110—375), Атбасарском — около 40 тыс. (МКЗ. Т. II. Ч. II. С. 2—11, 70—147, 154—155, 166—219, 238—263), Семипалатинском — более 35 тыс. (Логутов, 1929. С. 46), Павлодарском — около 10 тыс. (там же), Перовском уездах — около 8 тыс. чел. (МКЗ. Перовский уезд. Таблицы. С. 50—52, 80—82, 86—88, 98—100, 104—106). Общая численность найманов составляла, по-видимому, более 400 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв.

Кыпчаки локализуются, главным образом, в Центральном Казахстане от среднего и нижнего течения Сырдарьи на юге до бассейна реки Тобола на севере. Основные группы кыпчаков были расселены в Тургайском уезде — около 50 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63), Кустанайском — 45 тыс. (МКЗ. Т. V. Таблицы. С. 18—35, 42—83, 98—119, 170—199), Перовском — 23 тыс. (МКЗ. Перовский уезд. Таблицы. С. 14—16, 20—22, 26—28, 32—34, 38—40, 80—82, 98—100), Павлодарском — 14 тыс. (МКЗ. Т. IV. Таблицы. С. 26—31, 54—55, 82—83, 162—175, 218—219, 230—251), Омском уездах — 10 тыс. чел. (МКЗ. Т. XI. Таблицы. С. 2—27, 34—39, 46—47, 54—55, 62—63). Общая численность кыпчаков на рубеже XIX—XX вв. составляла примерно 140—150 тыс. чел.

Кереи были преимущественно сосредоточены в Северном и Северо-Восточном Казахстане по бассейну среднего течения Иртыша и Ишима и в предгорной полосе Западного Алтая. Основная масса кереев располагалась в Петропавловском уезде — более 20 тыс. чел. (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 67), Омском — 13 тыс. (МКЗ. Т. XI. Таблицы. С. 26—43, 58—71), Каркаралинском — около 12 тыс. (Логутов, 1929. С. 46; Коншин, 1902. С. 44), Кустанайском — более 8 тыс. (МКЗ. Т. V. Таблицы. С. 2—19, 50—51, 78—79), Семипалатинском — около 6 тыс. (Логутов, 1929. С. 46), Зайсанском — 4,5 тыс. чел. (МКЗ. Т. VIII. Таблицы. С. 66—111, 126—127, 330—331, 354—355). Общая численность кереев на рубеже XIX—XX вв. составляла примерно 65—70 тыс. чел. Помимо этого значительная часть кереев, как и найманов, проживала в Китае и Монголии. Всего же их насчитывалось около 100 тыс. чел.

Уаки были разбросаны небольшими группами на всей территории от Тургайско-Тобольского водораздела до предгорной полосы Восточного Казахстана. Основные группы уаков были расселены в Семипалатинском уезде — около 30 тыс. чел. (Логутов, 1929. С. 46), Петропавловском — более 10 тыс. (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 67), Акмолинском — вместе с кереями более 10 тыс. (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 96), Павлодарском — более 7 тыс. (МКЗ. Т. IV. Таблицы. С. 18—19, 46—47, 210—227) и т. д. Общая численность уаков на рубеже XIX—XX вв. составляла, по-видимому, около 55—60 тыс. чел.

Конрады локализуются по среднему течению Сырдарьи в Южном Казахстане. Основная их часть располагалась в Чимкентском и Перовском уездах — в каждом по 20 тыс. чел. (Гродеков, 1889. С. 17—19; МКЗ. Перовский уезд. Таблицы. С. 80—82, 86—88, 92—94, 116—118, 122—124). Общая численность конрадов в пределах территории современного Казахстана может быть примерно оценена в 40—45 тыс. чел. на рубеже XIX—XX вв. Но значительно большая часть конрадов проживала в Ташкентском и других уездах Средней Азии до 100 тыс. чел.

Таракты были буквально распылены на всей территории Среднего жуза и, как правило, проживали по соседству с аргынами. Самые большие группы таракты проживали в Каркаралинском уезде — 2,3 тыс. чел. (МКЗ. Т. VI. Таблицы. С. 426—439, 538—539), Перовском — 1,8 тыс. (МКЗ. Перовский уезд. Таблицы. С. 80—82, 86—88), Атбасарском — 1,3 тыс. чел. (МКЗ. Т. II. Таблицы. С. 134—139, 206—207). Общая численность таракты на рубеже XIX—XX вв. едва ли достигала 10 тыс. чел., но на начало XIX в. Я. Гавердовский оценивает их численность в 20 тыс. чел. (Гавердовский, 1803. Л. 60).

Среди казахов Среднего жуза также проживали группы торе, толенгутов, киргизов, шала-казахов и др., общая численность которых может быть примерно оценена в 10—15 тыс. чел.

Казахи Младшего жуза традиционно занимали территорию всего Западного Казахстана от водораздела Ирғиз — Тобол — Тургай — Мугоджары до восточной оконечности Каспийского моря и низовьев Урала в широтном направлении и от нижнего и среднего течения Сырдарьи до Урала и Тобола — в меридиональном, захватывая огромную территорию, включающую полуостров Мангышлак, северную часть плато Устюрт, восточную часть Прикаспийской низменности и возвышенности Общий Сырт, Эмбенское и западную часть Тургайского плато, южную оконечность Уральских гор, Мугоджары, северную часть Туранской низменности и северное побережье Аральского моря. Зимние пастбища казахов Младшего жуза в основном располагались в пустынной и полупустынной зонах, песках и речных долинах, прибрежной полосе Аральского моря, Сырдарьи, Урала и их многочисленных притоков и рукавов. Летние пастбища локализуются преимущественно в степной зоне, в речных долинах Тургай, Ирғиза, Тобола, на Эмбенском и Тургайском плато (Рычков, 1887. С. 97—99; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 73—88; Мейер, 1865. С. 89—95 и др.).

Присоединение казахов Младшего жуза к России началось в 30-х гг. XVIII в. и продолжалось вплоть до середины XIX в. В составе России они образовали первоначально так называемое Оренбургское ведомство. В 1824—1828 гг. была создана особая система управления Младшим жузом, согласно которой были учреждены Западная, Средняя и Восточная части, меридионально протянувшиеся с юга на север и поделившие всю территорию Младшего жуза на три примерно равные части. В 1855—1856 гг. была создана особая система управления присырдарьинскими казаками, кото-

рой была охвачена значительная часть казахов Младшего жуза, кочевавшая в низовьях Сырдарьи. Реформами 1867, 1868, 1886, 1891 гг. казахи Младшего жуза были включены в состав Уральского, Гурьевского, Лбищенского и Темирского уездов Уральской области; Иргизского и Актюбинского уездов Тургайской области; Мангышлакского уезда Закаспийской области; Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской области (Мейер, 1865. С. 6—87; МИПС, 1960. С. 9—51, 61—84, 205—260, 281—402 и др.). Общая численность казахов Младшего жуза на рубеже XIX—XX вв. составляла примерно 1200—1300 тыс. чел.

Согласно генеалогическим преданиям, казахи Младшего жуза подразделялись на три крупных объединения: алимулы, байулы и жетыру. В свою очередь, алимулы дифференцируются на шекты, торткара, каракесек, карасакал, кете и шомекей; байулы на — адай, жаппас, алаш, байбакты, маскар, берш, тазлар, есентемир, серкеш, тана, кызылкурт, шихлар, алтын и исык; жетыру на — табын, тама, кердери, керент, толеу, рамадан и жагалбайлы.

Места зимних кочевков патронимических групп объединения алимулы охватывали территорию от впадения Эмбы в Каспийское море до северо-западного побережья Аральского моря, пески Барсуки, Каракумы и дальше до низовьев Сырдарьи, междуречья Куван и Жанадарьи. Летние кочевья располагались на территории от озера Аксакал по рекам Тургаю, Тоболу, Иргизу, Ори, Илеку, Хобде, Эмбе, Уилу и на всем пространстве Мугоджарских гор (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 75—76; Мейер, 1865. С. 89—93; Галкин, 1869. С. 332 и др.). Численность патронимических групп алимулы в XIX — начале XX вв. составляла примерно 300—350 тыс. чел., в том числе шекты — 60-80 тыс., шомекей — более 100 тыс., торткара — 50-60 тыс., кете — 50-60 тыс., каракесек — 20-25 тыс. и карасакал — 10-15 тыс. чел. (Гавердовский, 1803. Лл. 63 обр.— 66 обр.; Бларамберг, 1848. Литера В; МСТК. Вып. 1. С. 113—118, 126—127; ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 обр.; Тынышпаев, 1925. С. 63; Вяткин, 1947. С. 253 и др.).

Основные места кочевков патронимических групп объединения байулы локализируются между Уралом и Эмбой, на плато Устюрт, Мангышлаке и по побережью Каспийского моря. Зимние пастбища располагались преимущественно на юге в пустынной и полупустынной зонах, тогда как летние — на севере региона, в степной зоне. Для части байулы местом кочевков были в зимний период при-сырдарьинская зона и пески Барсуки, а в летний сезон — тургайские и тобольские степи (Гавердовский, 1803. Лл. 62 обр., 63, 65 обр., 66; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 81—85; Литера В; Мейер, 1865. С. 89—93 и др.). Общая численность казахов байулы составляла примерно 500—550 тыс. чел. в XIX—начале XX вв., в том числе адаев — 80-90 тыс., байбакты — 40 тыс., берш — 40 тыс., тазлар 20 тыс., серкеш — 45 тыс., маскар — 20 тыс., тана — 25 тыс., кызылкурт — 40 тыс., жаппас — 50 тыс., алтын — 30 тыс., исык — 20 тыс., есентемир — 20 тыс., шихлар — 70 тыс., алаша — 40 тыс., чел. (Гавердовский, 1803. Лл. 62 обр., 63, 65 обр., 66; МСТК. Вып. I С.

111—112, 113, 116; ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. I. Д. 5041. Л. 28 обр.; Вяткин, 1947. С. 241, 253; Турсунова, 1961. С. 179 и др.).

Восточным крылом Младшего жуза являлось объединение жетыру, патронимические группы которого в зимний период, в основном, были сосредоточены по среднему течению Сырдарьи и в близлежащих районах, а в летний период откочевывали на север региона вплоть до предгорий Уральских гор (Гавердовский, 1803. Л. 63 обр.; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86—88; Мейер. 1865. С. 90—92 и др.). Их общая численность составляла примерно 270—300 тыс. чел. в XIX—начале XX вв., в том числе табын — 80 тыс., жагалбайлы — 70 тыс., керент — 30-35 тыс., тама — 40-45 тыс., толеу — 20 тыс., кердери — 20 тыс., рамадан — 5 тыс. чел. (Гавердовский, 1803. Лл. 62—63 обр., 65—66 обр.; МСТК. Вып. I. С. 114—116; Гродеков, 1889. С. 18—19 и др.).

На рубеже XIX—XX вв. патронимические группы алимулы составляли значительную часть населения в Иргизском (шекты, шо-мекей, торткара, каракесек), Темирском (кете, шекты, каракесек) и Казалинском уездах (шекты, шо-мекей, торткара, кете). Байулы преобладали в Мангышлакском (адай), Гурьевском (берш, адай, серкеш, тана, кызылкурт, есентемир), Лбищенском (байбакты, берш, маскар, тана, исык, алаша), Уральском (байбакты, маскар), Темирском (адай, алаша) и Перовском уездах (жаппас). Жетыру были широко расселены в Актюбинском (жагалбайлы, табын, тама, кердери), Кустанайском (жагалбайлы), Уральском (табын, тама, кердери), Темирском (табын), Перовском уездах (керент).

В 1801 г. произошло переселение пяти тысяч хозяйств казахов Младшего жуза за Урал в междуречье Волги и Урала. Этой миграцией была образована Букеевская орда, получившая в 1812 г. статус Букеевского ханства, а с 1845 г. — Внутренняя орда, которая со второй половины XIX в. входила в состав Астраханской губернии (Шахматов, 1946; Зиманов, 1982 и др.). Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. во Внутренней орде на площади в 70 тыс. кв. верст проживало 207 299 чел. (ПВПН. Вып. II. 1904. Тетрадь. 2. С. IV, 42—43). Зимние становища, в основном, располагались в песках и лиманах по всей территории Внутренней орды, летние же пастбища — в речных долинах, по большей части на севере региона (Бларамберг, 1848; Иванов, 1890 и др.).

Население Внутренней орды подразделялось на 16 патронимических групп, численность которых на середину XIX в. составляла: адай — 7515 чел., алаша — 11150, байбакты — 16025, берш — 25 785, жаппас — 4520, есентемир — 2330, исык — 3345, кызылкурт — 4125, кете — 2055, маскар — 1805, ногай — 5465, жетыру — 6175, тазлар — 555, тана — 6405, толенгут — 2460, серкеш — 13 795 чел. (ЦГА КазССР. Ф. 78. Оп. 2. Д. 8. Лл. 41 обр.—44 обр.). Будучи изолированной от Младшего жуза и окруженной со всех сторон казачьими пикетами и поселениями, Внутренняя орда постепенно превращалась в особую часть казахского народа с тенденцией формирова-

ния в самостоятельную и независимую социально-политическую общность.

Таким образом, кочевники-скотоводы, составлявшие абсолютное большинство населения края, были широко расселены на всей территории Казахстана. Обеспечивая наиболее эффективную в условиях аграрного общества утилизацию природных ресурсов данной экологической ниши, номады освоили все типы географических сред, в частности лесостепную, степную, полупустынную и пустынную природно-ландшафтные зоны, а также горные районы. Плотность кочевого населения колебалась в среднем в диапазоне 0,5—1-2 чел. на кв. км. Это было результатом того, что жизнедеятельность номадов обеспечивалась в рамках небольших хозяйственных ячеек, а выпас скота требовал огромных пастбищных площадей. На этой основе формируется иерархически организованная структура патронимических групп кочевого населения. Крупнейшим образованием подобного рода является Средний жуз, охватывавший огромную территорию Центрального, Северного, Восточного и отчасти Южного Казахстана. При этом казахи Среднего жуза были широко представлены в Монголии, Джунгарии, Западной Сибири и Средней Азии. Младший жуз охватывал Западный и отчасти Южный Казахстан. Незначительная часть казахов Младшего жуза проникает в Юго-Восточную Европу, Приуралье и Среднюю Азию. В начале XIX в. из состава Младшего жуза выделяется весьма специфичная социально-политическая общность — Внутренняя (Букеевская) орда. Казахи Старшего жуза локализуются в Юго-Восточном (Семиречье) и Южном Казахстане и частично мигрируют в Джунгарию и Среднюю Азию.

ГЛАВА III. СФЕРА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

3.1. СТРУКТУРА ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Природно-климатические условия Казахстана определили характер и основные направления системы материального производства, структуру хозяйственных занятий, экономический потенциал кочевого общества казахов, главные модусы его развития и заданность параметров функционирования. Вследствие этого абсолютно доминирующей, а зачастую единственно возможной, особенно в пустынной, полупустынной и степной зонах, составлявших более 90% территории Казахстана, отраслью хозяйства на протяжении почти трех тысячелетий являлось кочевое скотоводство. Оно было в наибольшей степени приспособлено к местным особенностям среды обитания — природно-климатическим, орографическим, ландшафтным и прочим.

Система материального производства кочевников-казахов представляла собой интегрально структурированную систему хозяйственных занятий и тесно связанную с ней систему социально-экономических отношений и социокультурных стереотипов. Но главную, стержневую и системообразующую роль в экономической стратегии жизнедеятельности казахского населения играло кочевое скотоводческое хозяйство. Оно определяло не только характер

развития других хозяйственных занятий, но и динамику и ритм социальной истории, образ жизни, материальную и духовную культуру и т. п.

Фундаментальной особенностью кочевого хозяйства являлось круглогодичное содержание скота на подножном корму. Это было обусловлено низкой кормовой производительностью и разреженностью растительного покрова, невозможностью заготовки кормов и стойлового содержания скота. Низкая продуктивность растительного покрова, определяя динамическое состояние номадов, вынужденных передвигаться в поисках подножного корма, обуславливала потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях. Так, для нормальной жизнедеятельности одной овцы в течение года 1314 кг сухой массы пустынных кормов и 1,5 м³ воды являются жизненным минимумом (Федорович, 1973. С. 217; Назаревский, 1973. С. 251), следовательно, потребность в пастбище не превышает 5—7 га. Однако из-за разнообразия природных условий и колебаний климата фактически на одну овцу требуется в зоне полупустынь Казахстана 15—24 га, пустынь — 18—24 га, а в среднем по Казахстану — 20,5 га пастбищных угодий (Федорович, 1973. С. 217—218). Для выпаса одной лошади в зоне степей было необходимо не менее 20 га пастбища, а в зоне пустынь — данная норма возрастала в несколько раз (Нечаев, 1975. С. 56—58 и др.). Примерно аналогичным образом обстояло дело в Монголии (Чогдон, 1980. С. 60 и др) и Северной Африке (Радченко, 1983. С. 51; Лот, 1984. С. 188 и др.). Таким образом, недостаточность кормов, а также водных ресурсов, зональность и сезонный характер продуктивности растительного покрова, его изреженность обуславливали постоянную потребность в периодической смене пастбищных угодий и поиске подножного корма, а следовательно, кочевом состоянии скотоводческого хозяйства и кочевом образе жизни. Поэтому закономерно вовлечение в систему выпаса и сезонного пастбищеоборота огромных по площади кочевания и хозяйственного использования территориальных пространств.

Территория, занимаемая пастбищными угодьями номадов, использовалась ими в зависимости от конкретных особенностей среды обитания в качестве зимних (кстау), летних (жайляу), весенних (коктеу) и осенних (кузеу) пастбищ. Расположение зимних пастбищных угодий, ориентированных, в основном, на удовлетворение кормовых запросов мелкого рогатого скота, определялось продолжительностью и характером залегания снежного покрова так, чтобы глубина его не превышала 10—12 см, что соответствует северной границе средних пустынь на серо-бурых почвах (Федорович, 1973. С. 207). Поэтому основным местом локализации зимних пастбищ были пустынная и полупустынная природно-ландшафтные зоны, в основном на юге Казахстана, а также в районах с пересеченным рельефом местности. Летние пастбища располагались преимущественно севернее при меридиональном кочевании либо в горных и низкогорных районах при вертикальном движении. Главным фактором выбора жайляу являлось наличие водных источни-

ков, способных обеспечить скот равномерно водой на всем протяжении кочевых маршрутов. Весенние и осенние пастбища, лежавшие на пути движения от зимних пастбищ к летним и наоборот, служили промежуточной перевалочной базой кочевых миграций. Поэтому они играли связующую роль между кстау и жайляу как в экологическом, так и экономическом плане.

В этой связи находились характер, ареал, направленность и протяженность кочевых путей и маршрутов движения. В историографии принято выделять меридиональный, радиальный, вертикальный, широтный, эллипсоидный и другие типы кочевания (Johnson, 1969; Литвинский, 1972; Вайнштейн, 1972; Акишев, 1972; Хазанов, 1975; Марков, 1976; Поляков, 1980; Андрианов, 1985 и др.). В Казахстане в зависимости от конкретных условий среды обитания преобладал преимущественно меридиональный тип кочевания в равнинной части и вертикальный — в горной и предгорной зонах (Хозяйство казахов... С. 71—79). В южных районах, в пустынной зоне, встречался эллипсоидный и реже радиальный и широтный типы кочевания, а в северных, в лесостепной и степной зонах, бытовал обратно-меридиональный тип миграций. При этомномадам имманентно был присущ так называемый «замкнутый» цикл кочевания по строго заурегулированным маршрутам с наличием постоянных зимних стойбищ и передвижений в летний период по одним и тем же водным источникам. Протяженность маршрутов движения определялась как природными ресурсами среды обитания, так и социально-экономическими факторами. В среднем радиус кочевания составлял 50—100 км в течение года, но мог достигать в отдельных случаях 1000—2000 км (Мацкевич, 1929 и др.).

Особенности культурогенеза и географической среды обусловили специфику видовой модели стада в кочевой среде (Kraeger, 1963. P. 317; Idem, 1966. P. 24). Исследователями давно было обращено внимание на стабильность состава животных, используемых в хозяйстве кочевников: овцы, козы, лошади, верблюды и крупный рогатый скот (Руденко, 1961; Марков, 1976 и др.). Несомненно, что данная структура стада была обусловлена адаптивным потенциалом каждого вида животных. Так, в аридной зоне в условиях общей засушливости и недостаточности водных ресурсов важное значение имел отбор животных, жизнедеятельность которых обеспечивалась минимумом воды (верблюды, овцы, козы). Континентальность природно-климатических условий обусловила видовой отбор по признаку наличия рефлекса тебеневки (лошади, овцы, козы). В свою очередь, система выпаса и необходимость рациональной организации системы производства диктовали отбор по наличию рефлекса стадности (лошади, овцы, козы). Зональность и посезонный характер продуктивности растительного покрова также повлияли на видовую структуру стада, поскольку присущая ареальным кочевническим экосистемам растительность неадекватно потреблялась разными животными. Так, например, в пустынной зоне Казахстана из 288 видов растений лошадьми и крупным рога-

тым скотом поедалось 109, верблюдами — 148, овцами — 167 видов (Иванов, 1973. С. 63), а из 180 видов семейства маревых (солянок), составлявших основу травостоя в пустыне, овцами поедается 132 вида, тогда как крупным рогатым скотом — только 24. Из полыней же крупный рогатый скот поедает лишь 24 вида, в то время как лошади — 39, а овцы — 46 видов (Ковешников, 1967. С. 201). Аналогичным образом обстояло дело с приспособлением животных к качеству и количеству водных источников. Воды с содержанием солей от 1 до 3 г/л пригодны для всех видов животных и временно для людей, а воды с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодны только для овец и верблюдов, временно для крупного рогатого скота, но совершенно непригодны для лошадей и тем более для людей (Казахстан, 1969. С. 453). Потребности людей обуславливали необходимость в высокой продуктивности животных (мясо, молоко, шерсть и т. п.), возможности многоцелевого использования (тягло, транспорт и т. п.). Так, например, для образования 1 кг привеса крупному рогатому скоту при пастбищном содержании требуется 12 кг сырого вещества корма, а овце — только 8 кг (Ковешников, 1967. С. 201). Важную роль в регуляции видового состава стада играли социально-экономические факторы, определяющие ритм, частоту и скорость кочевания. Скорость движения отары овец в оптимальном режиме составляла 0,6—1,2 км/час при пастьбе, а при перегоне со стравливанием травостоя — 1,1—1,5 км/час, крупного рогатого скота — 0,5—1,6 км/час при вольной пастьбе. При этом радиус водопоя не должен был превышать для мелкого рогатого скота — 4-5 км, крупного рогатого скота — 2-2,5, лошадей — 5-8, верблюдов — 8-10 км (Чогдон, 1980. С. 187—195 и др.).

Таким образом, классическая модель видовой структуры стада в обществах кочевников была определена комплексом эколого-биологических и социокультурных факторов. Оптимизация видовой и внутривидовой структуры стада во времени и пространстве являлась постоянно действующей константой жизнедеятельности кочевого общества и определялась конкретными особенностями каждой микросистемы и социальным положением отдельных общин. Сбалансированный характер видовой структуры стада являлся одной из важнейших форм адаптации кочевников к экстремальным условиям среды обитания.

Важно подчеркнуть, что ни один из указанных видов животных не мог претендовать в условиях кочевого хозяйства на единичное существование. Вся структура была жестко взаимосвязана как со средой, так и внутрифункциональными связями. Так, например, лошадь с точки зрения кочевника имеет немало положительных свойств — рефлексы стадности и тебеневки, исключительную подвижность и выносливость, свойство терморегуляции, самовыпаса, необязательность ночлега, является источником высокой продуктивности и всестороннего использования, средством передвижения, тягловой силой, обладает высокой мясо-молочной продуктивностью и т. п., которые, однако, как бы «уравновешиваются»

значительным объемом свойств, затрудняющих либо осложняющих жизнь кочевников,— большая площадь выпаса и необходимость частых перекочевок, замедленный цикл воспроизводства (беременность длится 48—50 недель, сезонность размножения, достижение полной половой зрелости к 5—6 годам и т. д.), позднеспелость (полное биологическое развитие заканчивается к 6—7 годам), низкий процент выжеребки (менее 30%), высокий процент выкидышей, прихотливость в воде и кормах и т. д. (МКЗ. Т. II. С. XXVIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 104, 129; Добросмыслов, 1894; Он же, 1895; Джантюрин, 1883; Скалов, 1903; Добржанский, 1924; Барминцев, 1958; Боголюбский, 1959; Ковешников, 1967; Нечаев, 1975; Садыков, 1981 и др.). Важнейшим достоинством конского поголовья являлась способность обеспечивать выпас других видов скота во время глубоких снегов, промерзания и обледенения снежного покрова и гололеда (Боголюбский, 1959. С. 493; Вяткина, 1969. С. 72—73; Абрамзон, 1971. С. 73; Вайнштейн, 1972. С. 25; Шаниязов, 1973. С. 88; Федорович, 1973. С. 207; Шнайдштейн, 1974. С. 69 и др.).

Общая численность конского поголовья в Казахстане как в 60—70-е гг. XIX в., так и в начале XX в. может быть примерно оценена в 4 млн. лошадей (Джантюрин, 1883. С. 12; Хозяйство казахов... С. 97; Абылхожин, 1991. С. 190 и др. См. таблицу № 2). По-видимому, это было оптимальное количество конского поголовья в хозяйстве кочевников-казахов в данных природно-климатических условиях. Удельный вес лошади в структуре стада в среднем по Казахстану составлял немногим более 13% всего поголовья скота. Наиболее коневодческими были степные уезды Казахстана. Так, доля лошадей в составе стада достигала в Омском уезде —36,1%, Петропавловском —31,4, Кокчетавском —31,0, Акмолинском —28,0, Кустанайском —26,6, Павлодарском —23,8% и т. д. Наименьшим удельный вес лошадей был в Чимкентском уезде —3,3%, Мангышлакском —4,6, Перовском —6,1, Казалинском —7,0, Гурьевском —7,7% и т. д. (см. таблицу № 2).

Разведение лошадей в хозяйстве казахов носило многоцелевой характер: мясо-сальный, молочный, в качестве транспорта, тягловой силы, выючного животного и т. д. Казахская лошадь, характеризующаяся комбинированной продуктивностью, отличалась выносливостью и неприхотливостью, большой работоспособностью и высокой степенью приспособленности к местным природно-климатическим условиям, способностью к наживровке, сезонному кормлению, дальним перекочевкам и интенсивным передвижениям и т. п. Конское поголовье сравнительно легко переносило тяжелый зимний период при наименьших затратах труда человека и наивысшей отдаче в пользовательном отношении (Барминцев, 1958; Садыков, 1981 и др.). О роли и значении коневодства в жизни кочевников-казахов трудно сказать лучше и образнее, чем сказал Касымхан еще в начале XVI в.: «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждой, а

приятнейший напиток для нас — молоко их, и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений — пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» (МИКХ. С. 226).

Тем не менее основой кочевого хозяйства являлся мелкий рогатый скот, прежде всего овцы, отличавшиеся наивысшей продуктивностью и наибольшей приспособленностью к условиям среды обитания. По целому ряду своих морфологических и функциональных признаков, например, таких, как компактный выпас и неприхотливое содержание, практически полная усвояемость кормовых ресурсов, наличие рефлексов тебеневки и стадности, высочайшая продуктивность (мясо, молоко, сало и т. п.) и пользовательные качества (шерсть и т. п.), особенно способность к посезонному кормлению и быстрой наживровке, повышенная невосприимчивость к минерализации водных источников, способность терпеть отсутствие воды и обходиться снегом вместо воды в зимний период года, поразительная выносливость к холоду и жаре, снегу и сырости, и многих других, мелкий рогатый скот отличался наибольшей эффективностью. Однако и в этом случае прослеживается «сбалансированность» признаками, затрудняющими систему жизнедеятельности: небольшая скорость передвижения, полное отсутствие какого-либо «интеллекта», способность тебеневаться лишь при глубине снежного покрова в 10—12 см, обязательность устройства ночлега, уязвимость от нападений хищников, подверженность стрессам и т. п. (Медведский, 1862. Т. 80. Сентябрь. С. 34—63; Добросмыслов, 1893; Он же, 1895; Чорманов, 1883. С. 39—50; Сталь, 1913. С. 360—380; Васильев, 1913. С. 188—198; Морозов, 1913. С. 308—341; Зимняя пастьба овец, 1934; Кашкаров, 1937; Бальмонт, Еремков, 1939; Дияров, 1963; Боголюбский, 1959. С. 249—302; Овцеводство Казахстана, 1968; Баскин, 1986; Цырендондов, 1989 и др.).

Казахи разводили, в основном, грубошерстных овец мясо-сального направления, которые отличались раннеспелостью и относительно быстрым циклом размножения (беременность длится 5 месяцев, половая зрелость достигается к году и т. п.), высокой мясной продуктивностью (20—25 кг дает одна взрослая особь), а также тем, что в течение лактационного периода (до 4—4,5 месяцев) надаивается с одной овцематки до 4—5 ведер молока, а двухразовая стрижка в течение года дает до 2—2,5 кг шерсти с одной овцы и т. п. (Ищенко и др., 1928. С. 148—155; Боголюбский, 1959. С. 257—267; Овцеводство Казахстана, 1968 и др.). В источниках содержатся многочисленные характеристики казахских овец. Так, П. С. Паллас сообщает, что «киргизские овцы очень велики... Они ростом выше родившегося теленка и так толсты, что старые, в хорошее время года, весом бывают по четыре и по пяти пудов». «Вместо хвоста носят они курдюк, который у больших баранов бывает весом от 30 до 40 фунтов...» (Паллас, 1773. Т. I. С. 583—584). В свою очередь, Г. И. Георги сообщает, что «у них есть овцы вышиною с осла, у которых облившиеся жиром хвосты бывают весом и по пу-

ду... Баранина служит ежедневной и нередко... единственной пищей... киргизцам...» (Георги, 1799 С. 127—128).

Вследствие этого закономерно, что овца являлась основным видом скота, ее удельный вес в структуре стада в среднем по всему Казахстану составлял почти 60% всего поголовья животных. Наиболее овцеводческими являлись «пустынные» уезды Казахстана: Мангышлакский, в котором доля овец достигала 84,6%, Зайсанский — 75,0%, Джаркентский — 73,2, Верненский — 72,7, Капальский — 70,3, Гурьевский — 69,2%; а наименее: Омский — 33,4%, Петропавловский — 35,8, Кустанайский — 36,5, Кокчетавский — 40,0%, Актюбинский — 44,5% (см. таблицу № 2). Общая численность овец в Казахстане на рубеже XIX—XX вв. оценивается примерно в 18—18,5 млн. голов, а коз в 3—3,5 млн. (Хозяйство казахов... С. 97; Овцеводство Казахстана, 1968. С. 15—18 и др.). Такое количество мелкого рогатого скота, по-видимому, являлось предельным для кормовых ресурсов казахстанской экосистемы, поскольку в среднем на одну особь приходилось 10 га пастбищных угодий при норме для полупустынной и пустынной зоны (70% всей территории Казахстана) 20 га выпаса в течение года (Федорович, 1973. С. 218).

Исключительной приспособленностью к условиям засушливого и безводного климата отличались верблюды, среди которых казахи больше всего ценили помесь дромадера (самца) и двухгорбого бактриана (самки) — нара. Среди главных достоинств верблюда следует отметить способность подолгу (до 10 дней) обходиться без воды и пищи, потреблять воду с высокой степенью минерализации (до 10 г/л), усваивать растительность практически недоступную другим видам животных, высокую скорость передвижений, громадную силу (в среднем 200—350 кг вьючного груза), широкий спектр пользовательных свойств от транспортно-тяглового до мясо-молочно-шерстного направления (в среднем 160—190 кг мяса, 60—100 кг сала, 4—8 кг шерсти с одного верблюда, 40—80 ведер молока с одной верблюдицы за 14—16 месяцев лактационного периода) и т. д. Среди недостатков — отсутствие рефлекса тебеневки, большие площади выпаса, высокая подвижность, во время водопоя потребность в больших запасах воды (для одной особи до 100 литров воды разового приема), плохо переносят холода, дожди и сырость, случка зачастую вручную, замедленный цикл воспроизводства (беременность 13—13,5 месяцев, половая зрелость в 4 года, роды раз в 2—3 года и т. п.), низкий процент рождаемости, невысокая молочная продуктивность и т. д. (Медведский, 1862. Т. 80. Сентябрь. С. 34—39; Красовский, 1868. Ч. II; Диваев, 1901. С. 73; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 104; Фиельструп, 1927. С. 89—91; Ищенко и др., 1928. С. 135—148; Першиц, 1958. С. 118—119; Боголюбский, 1959. С. 414—430; Ковальска-Левицка, 1981. С. 185—186; Хефлинг, 1986. С. 58—65 и др.). «Верблюд великолепно приспособлен к тяготам существования в пустыне. Он не боится ни жары, ни холода и может даже, приспособившись к наружной температуре,

повышать или понижать температуру своего тела на шесть градусов Цельсия» (Хефлинг. С. 61).

Общая численность верблюдов в Казахстане на рубеже XIX—XX вв. оценивается в немногим более одного миллиона голов (Хозяйство казахов... С. 97 и др.). Удельный вес верблюдов в структуре стада составлял в среднем по Казахстану около 4%. В западных районах Казахстана, где имели место максимально кочевые формы кочевого хозяйства и образа жизни, доля верблюдов в составе стада могла даже превышать удельный вес конского поголовья. Так, в Казалинском уезде их доля составляла 12,9%, Гурьевском —11,5%, Иргизском —9,2%, Перовском —9,2%, Темирском —6,7%, в то время как в северных уездах она была минимальна: Петропавловском —0,1%, Кокчетавском —0,2%, Омском —0,3%, Джаркентском —0,3%, Усть-Каменогорском —0,4% и т. д. (см. таблицу № 2).

Крупный рогатый скот, с одной стороны, обладал большей мясо-молочной продуктивностью (150—200 кг мяса с одной взрослой особи, 45—60 ведер молока в среднем с каждой коровы за период дойки, продолжавшийся с марта-апреля по октябрь-ноябрь), чем мелкий рогатый скот, использовался в качестве транспортного средства и тягловой силы в бедняцких хозяйствах. «По способности к откорму и по качествам мяса киргизская и калмыцкая порода считаются лучшими мясными породами из всех туземных пород крупного рогатого скота Союза...» (Лус. С. 187). Но с другой стороны, разведение и содержание крупного рогатого скота в условиях кочевого хозяйства осложнялось тем, что он требовал преимущественно стойлового содержания, не обладал рефлексом тебеневки, слабо был выражен у него и рефлекс стадности, был очень прихотлив в содержании, рационе питания и водопоя, поздноспел и имел замедленный цикл воспроизводства (беременность длится 9 месяцев, до 25% коров ежегодно оставались яловыми и т. д.). Небольшой ареал выпаса и низкая скорость движения существенно затрудняли перегон крупного рогатого скота с одного пастбища на другое. Все эти качества данного вида животных как бы предопределили «социальный» характер крупного рогатого скота, который, в основном, культивировался в малоскотных и бедняцких хозяйствах (Медведский, 1862. Т. 81. Сентябрь. С. 50—54; Добросмыслов, 1895; МКЗ. Т. II. С. XXVIII; МКЗ. Т. IV. описания... С. 129; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 166; Лус. С. 187; Боголюбовский, 1959; Зубринов, 1982 и др.). «К числу недостатков крупного рогатого скота, с точки зрения кочевника, относится неэкономное использование им пастбища. Он поедает только верхнюю часть растения...» (Фиельструп, 1927. С. 83).

Общая численность крупного рогатого скота в Казахстане на рубеже XIX—XX вв. может быть примерно оценена в 3,5—4 млн. голов (Хозяйство казахов... С. 97 и др.). Удельный вес крупного рогатого скота в структуре стада в среднем по Казахстану составлял 12,3%, достигая максимума в Актюбинском уезде —29,2%, Кустанайском —26,7%, Омском —26,3%, Уральском —24,9%, Пе-

тропавловском — 25,4%, Павлодарском уездах — 24,0%. Наименьшим он был в Чимкентском уезде — 3,7%, Верненском — 5,9%, Капальском — 6,8%, Зайсанском — 6,1%, Аулие-Атинском уездах — 7,0% (см. таблицу № 2).

Таким образом, отражавшая характер взаимодействия природных и социальных факторов видовая структура стада и ее региональная специфика ярко демонстрируют зависимость номадов от географической среды. Экологический детерминизм особенно четко прослеживается на уровне всего социума в целом, тогда как в масштабах отдельных хозяйств и общин состав стада определялся главным образом натурально-потребительскими интересами непосредственных производителей. Вследствие этого на уровне общины ведущая роль принадлежала мелкому рогатому скоту — овцам и козам, на межобщинном уровне — самыми престижными считались лошади, помогавшие другим животным в выпасе во время снегопадов и гололеда, тогда как на уровне всего кочевого социума — первостепенное значение имела вся видовая модель как целостность.

Что касается довольно часто обсуждаемого вопроса о характере и направленности племенной и селекционной работы кочевников-скотоводов, то следует подчеркнуть, во-первых, преобладающую роль естественного отбора наиболее продуктивных типов животных применительно к условиям кочевничьего хозяйства и природным ресурсам среды обитания. Во-вторых, экологический опыт кочевников являлся мощным фактором ускорения естественного отбора в желательном для номадов выборе соответствующих производителей, оптимального экстерьера и пользовательных качеств. В-третьих, важным фактором отбора были потребительские интересы номадов, стремление культивировать многоцелевую направленность скотоводства (мясо, молоко, шерсть, способность к выпасу в тяжелых условиях пастбищного содержания, транспорт, тягло и т. п.). В результате этого на протяжении нескольких тысячелетий происходил комплексный отбор животных применительно к хозяйственным и натурально-потребительским интересам скотоводов, условиям кочевого способа производства и природным ресурсам среды обитания.

Вследствие этого спонтанно формировались специфические внутривидовые типы разнообразных животных, отличавшиеся высокой степенью приспособленности к скудным запасам растительного покрова, недостатку водных ресурсов, их минерализации, ритморежимным характеристикам системы перекочевков, способностью к быстрым нагулам и наживке, воосстановлению энергетических затрат в кратчайшие сроки после изнурительного зимнего периода и интенсивных миграций, тебеневке и долговременному отсутствию воды, сезонному обеспечению кормами и т. д. Понимание бесполезности искусственного отбора животных обуславливало стремление кочевников культивировать экологически наиболее адаптированные и высокопродуктивные типы скота. На этой основе были выведены такие уникальные породные типы, как джабе

среди конского поголовья, курдючные овцы мясо-сального направления и др., отличавшиеся комбинированной продуктивностью и высочайшей производительностью при наименьших затратах труда человека.

В целом скотоводческое хозяйство кочевников-казахов, будучи жестко экологически детерминировано и органически вписано в природную среду, может быть охарактеризовано как многоцелевое и высокопродуктивное, полностью ориентированное на удовлетворение потребительских интересов местного населения. Отсюда натурально-автаркический характер скотоводства номадов, направленность эволюционного развития которого определялась внутренними закономерностями процесса адаптации к условиям среды обитания. Удельный вес и значение скотоводческого хозяйства в структуре экономических занятий кочевников-казахов могли трансформироваться во времени и пространстве, но поскольку в условиях ареальных экосистем не было альтернативы номадизму, то оно всегда оставалось постоянно доминантной величиной. В зависимости от конкретных природных и социальных факторов могли изменяться типы и формы ведения скотоводческого хозяйства, ареал и протяженность системы кочевания, скорость и интенсивность передвижений, состав и структура стада, материально-бытовая культура и отчасти даже образ жизни, техника и технология выпаса, организация системы материального производства и т. д., но кочевое скотоводческое хозяйство любых модификаций оставалось единственно возможным и наиболее оптимальным способом жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны Евразии и поэтому постоянно сохраняло свое важное значение в структуре экономических занятий местного населения. Как свидетельствуют материалы Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., скотоводческое хозяйство являлось абсолютно доминирующим типом занятий и основным источником существования наибольшей части казахского населения: в Семипалатинской области — 80,0%, Семиреченской — 63,2%, Акмолинской — 94,1%, Сырдарьинской — 59,0%, Тургайской — 94,7%, Уральской области — 87,1%, Мангышлакском уезде — 98,4% и Внутренней орде — 97,5%, а всего по Казахстану — более 77% жителей.

Второе место в структуре хозяйственных занятий кочевых казахского населения занимало земледелие. Согласно материалам указанной переписи, оно являлось основным источником существования более 18% казахского населения. При этом земледелие, в основном, культивировалось в маргинальных зонах: в Сырдарьинской области им занималось 38,7%, а в Семиреченской — 33,7%, тогда как в ареальных зонах его роль была минимальной: в Уральской области — 9,3% казахов, Семипалатинской — 13,0%, Тургайской — 4,1%, Акмолинской — 2,6%, Мангышлакском уезде — 0,1%, Внутренней орде — 0,2% казахского населения. Особенно значительной была масса земледельческого населения в Перовском уезде — 48,6%, Лепсинском — 45,3%, Верненском — 44,3%, Аулие-Атинском — 38,9%, Чимкентском — 37,5%, Казалинском — 30,3%,

но и здесь, как мы видим, кочевое скотоводческое население преобладало. Абсолютно доминирующим земледелие становится только лишь за пределами ареально-маргинальных зон расселения номадов. Так, например, в Ташкентском уезде удельный вес земледельческого населения в составе казахов превышал 88%.

Письменные и археологические источники сообщают нам немало сведений о наличии земледелия в структуре хозяйственных занятий кочевого населения Казахстана с древнейших времен вплоть до новейшего времени (сводку данных см.: Хозяйство казахов... С. 137—166 и др.). При этом поток сообщений очевидцев о земледелии кочевников-казахов особенно нарастает с рубежа XVIII—XIX вв. (см.: Аполлова, 1969; Семенюк, 1974 и др.), что, по-видимому, было обусловлено как климатическими изменениями, поскольку в это время заканчивается «малая ледниковая эпоха», так и увеличением числа русских путешественников, посещавших Казахстан.

Тенденция развития земледельческого хозяйства в среде номадов определялась, с одной стороны, стремлением к максимально возможной утилизации природных ресурсов, а с другой, — динамикой социального развития кочевого общества. В условиях засушливого климата земледелие было дополнительным способом использования тех немногочисленных водных ресурсов в интересах кочевого населения, нуждавшегося в зерновой продукции. Натурально-потребительский характер экономики номадов обусловил их стремление к созданию всех необходимых продуктов в рамках своих собственных хозяйств и общин. Другим фактором развития земледелия могли быть дальность рынков земледельческой продукции, слабость торговых связей, т. е. неразвитость системы общественного разделения труда. Нередко к занятию земледелием прибегала обедневшая часть населения, вынужденная искать средства к существованию за пределами скотоводческого хозяйства.

Однако развитие земледельческого хозяйства в Казахстане существенно ограничивалось географической средой, в частности бедностью почвенного покрова, недостатком водных ресурсов, засушливостью и континентальностью климата, его колебаниями, режимом атмосферных осадков, направленностью и силой ветров, повышенной величиной солнечной радиации, повышенной чувствительностью экосистемы к внешним воздействиям и т. п. Достаточно вспомнить кампанию по освоению целинных земель, когда только в первые годы было эродировано 10 млн. га. Поэтому земледельческое хозяйство культивировалось только в районах, обеспеченных необходимыми водными ресурсами. Участки стабильного земледелия локализуются, в основном, по периферии кочевого ареала в маргинальных зонах.

Среда обитания наложила свой отпечаток на технологию земледельческого производства, поскольку в случае нарушения экологического равновесия (эрозия, дефляция, выщелачивание, засоление, понижение плодородия почвы и т. п.) природа незамедли-

тельно прерывала его долговременную культивацию. Поэтому номадами был накоплен соответствующий опыт ведения земледелия в данных природно-климатических условиях, который позволил им с течением времени выработать своеобразный стереотип норм и технологии, в частности, преобладание поливного типа хозяйства и специфичные агротехнические приемы. Земледелие кочевников-казахов базировалось как на естественных формах орошения (каирное, лиманное и т. п.), так и на функционировании сложной и разветвленной ирригационной системы (Левшин, 1832. Ч. III. С. 200—204; Нешель, 1848. С. 103—105; Мейер, 1865. С. 103—105; Швабский, 1832. С. 106—108; Броневский, 1830; Сейдалин, 1870; Полферов, 1896 и др.). В силу бедности почвенного покрова преобладала залежно-переложная система землепользования (Аполлова, 1960. С. 54 и др.). Встречалась и трехпольная система (Гавердовский, 1803. Л. 106 и др.).

Основной культурой казахского земледелия являлось неприхотливое и засухоустойчивое просо, которое «родится хорошо и прибыточно» (КРО, 1964. С. 159). Были также распространены и посевы пшеницы, ячменя и других зерновых культур. На юге Казахстана получили некоторое развитие бахчеводство и огородничество. Система агротехнологии и техника земледельческих работ в значительной степени носили противозрозионный характер с тем, чтобы в дальнейшем использовать посевные участки в качестве пастбища. Свидетельством тому является употребление безотвального плуга либо сохи, которые прямо по стерне бороздили землю, предохраняя ее от ветровой эрозии (Мейер, 1865. С. 102—103 и др.).

Основной группой казахских земледельцев являлись жители плодородных оазисов и речных долин крупнейших рек Казахстана, преимущественно на юге региона. Эта полuosедлая часть казахов, по словам Т. А. Жданко, составляла «...значительную прослойку между кочевым... населением у казахов (в Семиречье, долине Иртыша, у берегов Зайсана, на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи... в северо-западных районах — в бассейнах Иргиза, Тургая, Эмбы...)» (Жданко, 1960. С. 4). Данная группа населения издавна сочетала кочевое скотоводство с занятием земледелием. «Это, — справедливо отмечает Т. А. Жданко, — исконные земледельцы и столь же исконные скотоводы...» (Жданко, 1960. С. 6).

В этой связи представляется ошибочным вывод отдельных авторов о том, что процесс развития земледелия в среде кочевников обязательно сопровождался их седентаризацией (Толыбеков, 1971 и др.). «Впрочем земледелие, — отмечает «Геродот казахского народа», по образному выражению Ч. Ч. Валиханова, А. И. Левшин, — не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и обмоловив, берут с собою нужную часть оного, а остальную зарывают в землю до будущего посева и уходят в другие места» (Левшин, 1832. Ч. III. С. 199—200). Более подробное описание мы находим у Я. Гавердовского: «Сев начинается в начале и в половине Майа м-ца как оной кончится, то все земледельцы идут со своими Аулами в даль-

нейшие кочевья, и не прежде, возвращаются к полям, как через 60 дней. Тогда хлеб поспевает к жатве. Но между тем в продолжение сего срока, Караульщики или сами хозяева изредка посещают поле, для наблюдения за целостию оных, а иногда и для наводнения», а «по окончании молотбы опять пускаются в кочевание» (Гавердовский, 1803. Л. 105 обр.). Примерно аналогичное описание имеется у Иосафато Барбаро (Барбаро и Контарини о России. С. 150. § 35). В дополнение к этому можно привести многочисленные данные о несовпадении числа оседлых и числа земледельческих хозяйств. Так, например, в Акмолинском уезде земледелием занималось 11 462 хозяйства, что составляло 61,4% всех хозяйств уезда, а оседлых насчитывалось лишь 798 хозяйств или 4,2% (МКЗ. Т. III. Ч. 1. Поаульные таблицы. С. 295—296). В Усть-Каменогорском уезде земледелием занималось 10 488 хозяйств (69,4%), а оседлых было 1502 хозяйства или 9,9% (МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 231—232). Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется тем, что земледелие не могло стать самостоятельной экономической базой для жизнедеятельности людей в аридной зоне Евразии и функционировало только как вспомогательная отрасль хозяйства.

Определенное развитие получило рыболовство. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что во многих реках и озерах Казахстана кочевники промыслили рыбу (ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4107, 4133; КРО, 1964. С. 330, 525; Гейнс, 1896. Т. I. С. 250, 253 и др.). Только на озере Алакуль в середине XIX в. кочевниками-казахами ежегодно добывалось до 150 пудов рыбы, на озере Аксуат — до 500 пудов, озере Сары-Муин — до 300 пудов, реке Хобде — около 300 пудов, реке Эмбе — около 3000 пудов и т. д. (ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3629. Лл. 39, 42, 83 обр.). Рыболовство всегда оставалось второстепенным промыслом и никогда не приобретало самостоятельного значения. «Впрочем, рыболовство, — свидетельствуют такие авторитеты, как К. Струве и Г. Потанин, — не есть здесь главный промысел; оно как и земледелие, подчинено скотоводству. Побуждаемые нуждами последнего к кочевой жизни, киргизы производят лов в тех рыбных местах, куда бывают завлечены потребностями скотоводства» (Струве, Потанин, 1865. С. 38).

Одновременно в среде номадов получили распространение в качестве вспомогательных отраслей такие виды деятельности, как охота, собирательство, разнообразные промыслы и ремесла (см.: Масанов, 1958; Он же, 1959; Он же, 1960; Он же, 1961; Маргулан, 1964; Он же, 1987; Он же, 1988; Юнатов, 1964; Аргынбаев, 1987; Муканов, 1979; Он же, 1981; Он же, 1988; Аполлова, 1976 и др.). Характер их развития определялся натурально-потребительской направленностью кочевого хозяйства казахов, стремлением к самообеспечению всеми жизненными средствами. Отсюда и их второстепенное значение в жизни номадов.

Таким образом, традиционное хозяйство кочевников-казахов представляло собой целостную систему взаимодействия и взаимо-

дополнения различных видов производственной деятельности, но жизнедеятельность которой детерминировалась ведущей отраслью хозяйства — кочевым скотоводством. В ареалах удельный вес нескотоводческих занятий был ничтожен, тогда как в маргинальных зонах их доля могла значительно возрастать и отчасти даже приобретать самостоятельное значение. Среда обитания диктовала многообразие форм хозяйственной деятельности, но господствующая роль кочевого скотоводства оставалась доминантой общественного развития.

3.2. ТИПОЛОГИЯ КОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА

Кочевничество представляет большую сложность в плане сравнительно-типологических исследований, поскольку различия между эмпирически наблюдаемыми «свойствами» (этнический аспект) и культурно-значимыми «признаками» (этнический аспект) (см.: Крюков, 1984. С. 15—17) в условиях всеобщей недооценки природного фактора в жизнедеятельности кочевников совершенно не учитывались в типологических схемах. Поэтому, на наш взгляд, закономерно, что в основу большинства из них кладут, в основном, таксономически второстепенные признаки, являющиеся, как правило, внешним проявлением более глубоких комбинаций признаков, а отсюда не все типы релевантны (о принципах типологизации см.: Люблинская, 1968. С. 9; Чеснов, 1979. С. 189—202; Типы в культуре, 1979; Крюков, 1984. С. 7—17 и др.).

В этом плане нам остается лишь констатировать множественность типологических построений, базирующихся на весьма неадекватных сочетаниях свойств и признаков (см.: Капо-Рей, 1958; Першиц, 1961; Толыбеков, 1971; Акишев, 1972; Вайнштейн, 1972; Idem, 1980; Оразов, 1973; Никифоров, 1974; Марков, 1976; Он же, 1981; Он же, 1982; Трубецкой, 1977; Андрианов, 1978; Он же, 1982; Курылев, 1979; Он же, 1980; Грайворонский, 1979; Поляков, 1980; Симаков, 1982; Калиновская, Марков, 1983; Кшибеков, 1984; Крадин, 1987 и др.). Существуют типологические схемы, основывающиеся на дифференциации кочевников по типам жилища (переносные, стационарные, оседлые и т. п.), по продолжительности и направленности кочевания (меридиональное, вертикальное, широтное и т. п.), по видовому составу стада (наличие или отсутствие крупного рогатого скота, доля лошадей и т. п.), по характеру хозяйственных занятий (роль земледелия и т. п.) и т. д. В итоге все эти свойства чаще всего подводятся под понятия «кочевого», «полукоочевого», «полусоседского», «соседского» хозяйства. Встречаются и попытки создания диахронной типологии по видам кочевания: таборное, яйлажное и т. п. (Грязнов, 1955; Толыбеков, 1959; Плетнева, 1967; Она же, 1982; Хазанов, 1975; Шилов, 1975 и др.).

На наш взгляд, в основу типологии кочевого хозяйства должен быть положен комплекс таксономически наиболее значимых и однопорядковых категорий систематики, изофункциональных и изоморфных по своей природе (Чеснов, 1979. С. 189—202; Следзевский, 1978; Вийрес, 1984; Арутюнов, Мкртумян, 1984. С. 19—33 и др.). При этом комбинация типологических признаков может быть

осуществлена сквозь призму одного системообразующего признака, качественное многообразие которого определяет дифференцирующие и вместе с тем всеобщие и универсально-системные свойства типологизируемого объекта (Вийрес, 1984. С. 91 и др.). Признание примата материального производства в значительной степени конкретизирует и облегчает выбор такого признака. Очевидно, что в основу типологической дифференциации должен быть положен признак-условие, в наиболее последовательной форме отражающий процесс труда и в наибольшей степени влияющий на систему материального производства, а следовательно, на все стороны жизнедеятельности кочевого общества.

Процесс труда основывается прежде всего на использовании и преобразовании человеком естественно существующих предметов и средств труда, образующих условия процесса производства, а в аграрных обществах — и средств производства, составляющих основу производительных сил и определяющих характер и направленность развития производственных отношений. Вследствие этого очевидно, что особенности и специфика процесса труда порождаются в доиндустриальную эпоху окружающей средой и ее предметами. «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению» (Маркс, Энгельс. Т. 3. Т. 19). «Труд,— отмечает К. Маркс,— есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой...» (Маркс, Энгельс. Т. 23. С. 188).

В аридной зоне главным условием жизни растений, животных, человека, всего органического мира является вода (Кирста, Кузнецов, 1985; Волович, 1983. С. 93—119 и др.). Течение и ход всех физиологических процессов определяются водой (Гендерсон, 1924. С. 45). Вода является источником химических элементов, средой, обуславливающей биохимические процессы, она определяет деление и рост клеток, фотосинтез, дыхание, теплорежим, в конечном счете составляет подавляющую часть веса животных и растительных организмов (Федосеев, Плахотник, 1985. С. 4—6; Семенов, 1974. С. 155—156 и др.). «Картина видимой природы,— отмечал В. И. Вернадский,— определяется водой» (Вернадский, 1960. С. 614). «На суше,— пишет Ю. Одум,— экологически важными факторами среды являются свет, температура и вода...» (Одум, 1975. С. 151).

Исключительная и определяющая роль воды как всеобщего и универсального условия жизнедеятельности живой материи, тем более в аридной зоне в условиях засушливости и ее нехватки, обуславливается тем, что ни одно биологическое существо не может существовать без воды. В безводных пространствах возможно лишь ограниченное по времени — времени суток, сезону года — пребывание людей, но постоянная деятельность человека практически невозможна, ибо потери в водном балансе любого живого существа приводят к необратимым последствиям. Так, например, при температуре 40—43° у людей, получавших в сутки 1,5 л воды, безопасные сроки автономного существования ограничивались двумя

сутками. После этого процесс обезвоживания развивался настолько интенсивно, что увеличение суточной нормы воды до 3,5 л оказывалось недостаточным для предотвращения дегидратационного изнурения. Когда водопотери превысят 10% от первоначальной массы тела, то наступает водное истощение, которое при температуре воздуха свыше 30° и дегидратации 15% от массы тела приводит к летальному исходу (Волович, 1983. С. 106—107).

Поскольку кочевое скотоводческое хозяйство имело место лишь в аридных зонах, то именно наличие водных источников определяло самую возможность существования номадизма, ареал его пространственного расположения и посезонно-временного функционирования. И поскольку вода — главный лимитирующий фактор жизни человека (Одум, 1975. С. 157), материальная субстанция номадного хозяйства, то мы можем положить в основу типологической характеристики кочевого скотоводства всеобщий и универсальный признак-условие — систему водообеспечения и водопользования. Тем более, что наибольшая часть трудовых затрат в аридной зоне расходуется на обеспечение скота водой (Чогдон, 1980. С. 105). В этой связи следует заметить, что лишь немногие исследователи указывали на важную роль системы водообеспечения для типологии хозяйства номадов (Капо-Рей, 1958; Басилов, 1973 и др.).

При этом следует учитывать, что водные ресурсы достаточно разнообразны по своей природе, следовательно, различны и формы организации процесса водопользования. Иначе говоря, имеет место сопряженность данной всеобщности с ее дифференцирующими свойствами, которые порождают пространственную специфику, а это один из главных принципов типологических характеристик (Чеснов, 1979 и др.). Основными источниками воды являлись ресурсы поверхностного стока, т. е. реки, озера, болота, ключи, карасу и т. п., и грунтовые воды. Использование снега носило кратковременный характер — в среднем 15 дней для верблюдов, 10 дней для лошадей, 20 дней для мелкого рогатого скота и 2 дня для крупного рогатого скота (Ищенко и др., 1928. С. 66), поскольку из-за отсутствия в нем минеральных солей его потребление приводило к обезвоживанию организма, потере живого веса и недостаточному восстановлению энергетических затрат в процессе тебеневки (Чогдон, 1980. С. 172).

Очевидно, что ни один из указанных типов водных источников не являлся единственно возможным. Номады стремились использовать все типы водных ресурсов, весь потенциал среды обитания, но существовали значительные посезонные отличия в характере водоснабжения. В наибольшей степени на организацию системы материального производства влиял характер использования водных источников в период кочевания, т. е. в теплое время года (6—9 месяцев). В свою очередь, для некоторых групп казахов и почти всех монголов цикл миграций охватывал весь календарный год (Певцов, 1951. С. 110 и др.).

В этой связи прослеживается два основных типа водопользо-

вания: преимущественно естественного и преимущественно искусственного. Первый из них имел место, главным образом, в степной и лесостепной зонах, предгорных и низкогорных районах, на альпийских и субальпийских лугах, сравнительно хорошо обеспеченных поверхностным стоком. Подпочвенные, грунтовые воды использовались человеком посредством искусственных сооружений — колодцев — самой разнообразной глубины от 1—2 до 5—10 м, а в редких случаях до 50—100 м (Толыбеков, 1971. С. 84—86; Гельдыханов, 1973. С. 75—79; Оразов, 1979. С. 30; Хозяйство казахов... С. 68—70; Пуляркин, 1982. С. 148 и др.). Именно грунтовые воды зачастую, особенно в пустынной и полупустынной зонах, являлись основным водоисточником, позволявшим человеку освоить крайне скудные пастбищные ресурсы (Объедков, 1986. С. 92; Зайчиков, 1974. С. 70; Пуляркин, 1982. С. 148; Радченко, 1983. С. 34 и др.).

Вследствие этого, как нам представляется, можно говорить о двух типах кочевого скотоводческого хозяйства: во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования. **Тип искусственного водоснабжения** имеет место в аридных районах, характеризующихся почти полным отсутствием поверхностного стока. Этот тип природопользования позволяет людям осваивать сверхзасушливые районы, которые не могут быть использованы человеком с помощью других видов хозяйства. Кочевание этих кочевников базируется на сравнительно равномерной сети водных источников искусственного происхождения, оптимальное расстояние между которыми не должно превышать 10—20 км (Ищенко и др., 1928. С. 68—70 и др.), а минимальные запасы воды должны быть достаточны для суточного обслуживания 200 голов крупного рогатого скота (там же. С. 69 и др.) либо 500—600 овец.

Для освоения подземных водоносных горизонтов необходимы немалые затраты совокупного общественного труда, а следовательно, тесная кооперация трудовых усилий некоторой группы непосредственных производителей — общины (подробнее см.: параграфы 5.2 и 6.1). Объем трудовых затрат зависел от расположения подземных вод и качества почвы. «Мелкие колодцы обыкновенно вырываются в несколько часов. Колодец глубиною в 4 м два человека могут вырыть на мягких породах, при усиленной работе, в 4 часа». Более глубокие колодцы с укрепленными камнем стенками строились в течение одного-двух, а иногда и более, теплых периодов (Ищенко и др., 1928. С. 65 и др.). При этом целесообразность создания искусственного водоисточника определялась направленностью маршрутов кочевания, качеством растительного покрова и многими другими факторами. Не менее трудоемким процессом, требующим совместных трудовых затрат, являлось поддержание колодцев в функциональном состоянии, поскольку стенки колодцев постоянно обваливались и обсыпались (Полетаев, 1875. С. 2—3 и др.), а сами колодцы нередко усыхали и загрязнялись. Поэтому продолжительность использования большинства колодцев носила посезонный характер (Пуляркин, 1982. С. 148 и др.). Каждый год, приходя на сезонные пастбища, кочев-

ники первым делом восстанавливали старые либо рыли новые колодцы (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 24; Турсунова, 1977. С. 15 и др.). «На пути кочевки,— свидетельствует А. Букейхан,— каждая скотоводческая община очищает старые колодцы или роет новые, а на летовке всегда роют новые колодцы глубиной 4—8 аршин. Скотоводческая община должна иметь столько людских рабочих сил, чтобы в день вырыть себе колодец, достаточный для своего скота. Это определяет минимум аулов **скотоводческой общины**: она очень мала» (Букейхан, 1927. С. 66). Отсюда формирование специфической социальной организации (см. параграф 6.1).

Довольно трудоемким являлся процесс извлечения воды из колодцев, тем более, что объем трудовых затрат зависел от глубины водоисточника. Р. Капо-Рей отмечает, что кочевники считают нецелесообразным использовать колодцы глубже 30 м (Капо-Рей, 1958. С. 196). Из колодцев глубже 12 м воду стремились поднимать с помощью различных механических средств (Ищенко и др., 1928. С. 61—62; Букейхан, 1927. С. 67; Першиц, 1961. С. 30; Зайчиков, 1974. С. 92; Оразов, 1979. С. 30 и др.). На обеспечение водой ручную из неглубокого колодца отары численностью в 600—800 голов требуется 2—3 часа в день (Чогдон, 1980. С. 105). В среднем, один человек мог напоить 100 голов овец из колодца глубиной 30—40 аршин (Ахинжанов, 1955. С. 113). Три человека из неглубокого колодца могли напоить в один час 20—50 голов крупного и 100—250 голов мелкого рогатого скота (Ищенко и др., 1928. С. 63). Из глубокого колодца при одном тягловом верблюде или лошади три человека в течение часа могли напоить 8—10 голов крупного или 40—100 голов мелкого рогатого скота (там же. С. 64). При водопое больших стад работающим у колодца обычно помогали два человека для сдерживания стада. «Овец подгоняют к колодцу партиями в 15—20 голов, лошадей и верблюдов — не более 5—10 голов зараз» (там же).

При данном способе водопользования продолжительность пребывания у того или иного источника ограничивалась как качеством и количеством воды, так и запасами растительного покрова на близлежащем пастбище, охват которого зависел от расстояния оптимального выпаса различных видов скота и скорости их передвижения. Так, средний радиус выпаса от водоисточника составлял для овец: весной — 4-6 км, летом — 3-5 км, осенью — 5-7 км; лошадей: весной — 6-9 км, летом — 5-8 км, осенью — 7-10 км; крупного рогатого скота: весной — 5-6 км, летом — 4-6 км, осенью — 5-6 км и т. д. (Ищенко и др., 1928. С. 68 и др.). При большой концентрации скота кочевники были вынуждены двигаться с максимальной скоростью, а продолжительность стоянок была незначительна. «Переходы зависят от расстояния между водопоями и от сезона. Проходя в среднем верст по 25—30, караван может делать до сорока переходов, с передышкой от времени до времени в один-два дня» (Фиельструп, 1927. С. 104). Очевидно, что расстояние между двумя крайними точками при данном типе кочевого хозяйства было наибольшим. Достаточно вспомнить широкоамп-

литудные кочевки адаевцев, табынцев, баганалинцев, покрывавших в течение года до 2000—2500 км. При этом они находились в процессе кочевания от 60 до 125 дней в году, а число безводных остановок доходило до 50. Весной они ежедневно проходили по 10—20 верст, а осенью — по 25—45 верст (Букейхан, 1927. С. 66; Ищенко и др., 1928. С. 106; Брискин, 1929. С. 39 и др.).

Естественно, что данный тип кочевого скотоводства оказывал большое влияние на хозяйственно-культурные и социально-экономические процессы в среде кочевников. При интенсивной частоте передвижений и напряженном ритме кочевания, когда рабочее время практически полностью обуславливалось режимом кочевого хозяйства, времени на нескотоводческие занятия почти не оставалось. В данных условиях, например, земледелие из-за отсутствия поверхностного стока и скотоводческой специализации было практически невозможно. Все хозяйственное время и производственные потребности покрывались нуждами и интересами кочевого скотоводства. В этой связи тонкий знаток кочевого быта А. Букейхан не без юмора заметил: «Адай занимается скотоводством и скотом поработен до такой степени, что не скот нужен адаю, а сам адай живет лишь для того, чтобы пасти, поить, караулить от конокрадов и волков... свой скот» (Букейхан, 1927. С. 72).

При этом вполне понятно, что в структуре стада преобладали более подвижные виды животных (лошади, верблюды и овцы) (Фиельструп, 1927. С. 82—104 и др.). Очевидно и то, что весь комплекс предметов материальной культуры полностью адаптирован к более интенсивному ритму кочевания (поселения на кратковременных остановках — аулы, жилища — преимущественно юрта и ее разновидности, иногда просто кереге, накрытые кошмами, пища — продукты скотоводства и т. д.). Весь образ жизни обусловлен данным режимом хозяйственных занятий (Букейхан, 1927; Фиельструп, 1927; Руденко, 1927; Ищенко и др., 1928; Брискин, 1929 и др.).

Не меньшее воздействие данный тип хозяйства оказывал на социальную организацию и производственные отношения в среде кочевников. Доминирующее значение системы водопользования в процессе материального производства обусловило преобладающую роль так называемой расширенной общины (см. параграф 6.1). «Два или три родственных пастушеских аула, — свидетельствуют источники, — круглый год кочуют вместе, сообщая пользуются водопоем, пастбищами, ...сообща нанимают конного и верблюжьего табунного пастуха» (Букейхан, 1927. С. 64). «Адаевский аул или община кочует всегда **вместе в пути с юга на север или обратно**, а летом на севере, зимою на юге кочует **вместе, пока соостояние пастбища благоприятствует этому**, т. е. на данном пастбище добреют, нагуливаются все виды скота» (там же. С. 66—67).

Что же касается системы социально-экономических отношений (подробнее см. главу VII), то здесь господствовали отношения собственности на воду. Труд, затраченный на создание искусственного водоемного источника, определял доминанту общинного водопользова-

ния, а следовательно, и общинного землепользования (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96, 98; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90, 92—93 и др.). «Шынграу, как и другие колодцы и водопой — **тактыры**, **хак** на кочевых путях и реки и речки на северной летовке, находятся в общем пользовании рода **адай** и **табын**, т. е. целого уезда, с той только разницей, что при прочих равных условиях **шынграу** первым пользуется тот, кто заплатил за его устройство, при его отсутствии **ближайшие его родственники**, при отсутствии же их следующий по родству до самого Адая (18 колена)» (Букейхан, 1927. С. 67—68). «Все преимущество лиц или родов, вырвавших колодцы, заключается в очереди водопоя: хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в первую очередь...» (Ищенко и др., 1928. С. 65). В условиях ограниченности водных ресурсов, когда запасов воды в колодце едва хватало, чтобы напоить одну отару овец, право «первого водопоя» фактически означало монополию на воду некоторой группы лиц. Вследствие этого мы вправе говорить о строгой регламентации отношений собственности на воду и опосредствованно — также на землю поскольку на необводненных пастбищах кочевание невозможно (Ахинжанов, 1955. С. 113 и др.).

Таким образом, тип искусственного водоснабжения, существование которого было обусловлено засушливостью климата, отсутствием поверхностного стока, характеризуется значительными особенностями как в плане организации процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства и системы кочевания (более подвижная структура стада, высокий процент верблюдов, минимальное число крупного рогатого скота, повышенный ритм, частотность и амплитуда миграций, кратковременность стоянок, отчасти круглогодичный цикл кочевия, абсолютно наибольшая доля трудовых затрат расходуется на обеспечение скота водой и т. д.), так и в аспекте материальной культуры и нескотоводческих занятий (минимальная роль стационарного жилища, почти полное отсутствие земледелия, рыболовства и т. п.). Вследствие глубочайшей специализации данного типа хозяйства прослеживаются особенные черты и свойства в образе жизни, системе производственных отношений, социальной организации, психологии и ценностных ориентациях, порождающих высокий статус кошпелі (кочевника) и всеобщую тенденцию номадизации (см. в этой связи: Брискин, 1920, С. 54 и др.).

Второй тип предложенной схемы локализуется в степных зонах, предгорных и высокогорных районах, речных и околосерпных долинах и основывается на хозяйственном использовании водных источников естественного происхождения (рек, озер, карасу, ключей, болот и т. п.) и летних атмосферных осадков. Интересно, что кочевники-казахи, проживавшие в предгорной и низкорослой полосе, зачастую не имели от колодцев ни малейшего представления. Удельный вес хозяйств данного типа был особенно значителен в Восточном и Северо-Восточном, а также в степях Центрального Казахстана. Так, в Акмолинском уезде доля естественных водое-

мов в структуре водоснабжения превышала 66% (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 95).

Очевидно, что при кочевании вдоль водных артерий либо по водоразделам, либо от одного естественного водоема до другого интенсивность движения, особенно в предгорных районах, была гораздо меньшей, нежели при кочевании по колодцам. Это было обусловлено прежде всего большими запасами воды в естественных источниках, позволявших неоднократно поить скот; большей продуктивностью растительного покрова в степной и лесостепной зоне, предгорной и низкогорной полосе, обеспечивавшей большую кормовую емкость пастбищных ресурсов; большей густотой речной сети, наличием ключей, карасу и болот, не требовавших длительных и частых перекочевов и т. д. Вследствие этого имеют место более продолжительные стоянки, а ритм кочевания носит более медленный и равномерный характер. Так, средний радиус кочевков в Акмолинском уезде не превышал 20—50 км в один конец, а количество остановок — 3—10 (МКЗ. Т. III. Ч. I. Таблицы Б, Е). Кочевки в летний период года в среднем не превышали 12—15 верст в день (МКЗ. Т. II. С. XXIII). Иначе говоря, если для хозяйств первого типа время пребывания у водоисточника определяется преимущественно запасами воды, то для второго типа — помимо воды — не меньшую роль играют кормовые ресурсы. Таким образом, режим кочевания, интенсивность и ареал движения у одних определялся, главным образом, расположением колодцев и запасами воды в них, тогда как у других почти в равной мере диктовался целесообразностью системы выпаса и возможностью утилизации растительного покрова. Сравнение ритмо-режимных характеристик обоих типов номадизма в Казахстане показывает, что в первом случае выше время и интенсивность движения, тогда как во втором, наоборот, заметно выше время покоя.

При этом кочевники обоих типов могли дифференцироваться также по видовому составу стада (см. параграф 3.1). Так, например, в более плодородных районах с развитым поверхностным стоком, таких, как Актюбинском, Кустанайском и Павлодарском уездах, доля крупного рогатого скота была намного выше и составляла соответственно 33, 23 и 30%, а овец значительно меньше — 46,2, 44,6 и 38,3%, чем в Каркаралинском и Атбасарском уездах со значительно более засушливым климатом, в которых доля крупного рогатого скота составляла соответственно 10 и 8,7%, а овец — 68,8 и 64% (МКЗ. Т. II. С. XX). Различия могут также проследиваться в организации системы зимнего выпаса, в частности, для хозяйств первого типа более присуще пребывание в безводных и зачастую бесснежных местах, а следовательно, круглогодичное кочевание (Курылев, 1979 и др.). Для хозяйств второго типа свойственно стационарное зимование от 3 до 6 месяцев, а вследствие этого наличие большого числа стационарных жилищ, в частности каменных, деревянных, сырцовых и дерновых домов, а также таких предметов материальной культуры, которые не подлежали транспортировке и т. п.

Для рассматриваемого нами типа «естественного водопользования» присуще иное отношение к занятию земледелием и рыболовством, а также к различного рода промыслам и ремеслам. При кочевании по рекам и озерам вполне закономерно занятие различного рода нескотоводческими промыслами, особенно земледелием, которое получает известное развитие там, где природно-климатические условия благоприятствуют его культивированию (см.: Маргулан, 1950; Макаров, 1959; Аполлова, 1960; Она же, 1969; Андрианов, 1969; Семенюк, 1974; Хозяйство казахов... С. 137—166 и др.). Очевидно и то, что при кочевании по колодцам говорить о занятии земледелием весьма проблематично.

Данный тип хозяйства, связанный с утилизацией поверхностного стока, характеризуется меньшими затратами кооперированных форм труда, поскольку не было необходимости создавать и реконструировать искусственные источники воды, на что расходовалась наибольшая часть рабочего времени в экстрааридной зоне (Чогдон, 1980. С. 105 и др.). Несмотря на это, процесс обеспечения скота водой и в этом случае был достаточно трудоемким. Как свидетельствуют очевидцы, «из открытых водоемов пойка скота идет быстро, но при значительных партиях в 500—1000 овец требуется много усилий сдерживать скот и пускать его на водопой небольшими партиями. Обычно 2—3 человека в один час могут напоить от 300 до 500 овец». Поили следующим образом: «В первую очередь небольшими партиями в 10—15 голов поят верблюдов, которые пьют очень осторожно, не входят в воду и не взмучивают ее. Во вторую очередь, так же партиями в 10—15 голов, поят лошадей, очень брезгливых ко взмученной воде, иногда лошадей по этой причине поят раньше верблюдов. Обычно лошади значительно взмучивают воду. В последнюю очередь, партиями в 15—20 голов, поят овец и коз, очень мало разборчивых к воде. Овцы и козы постоянно взмучивают воду ногами» (Ищенко и др., 1928. С. 64). Вследствие этого имеют место и иные формы социальной организации, в частности общины. И если при кочевании по колодцам преобладала расширенная община, то во втором случае наблюдался паритет двух форм общины (см. подробнее параграф 6.1). В целом, кочевали большими группами хозяйств (Бронеvский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74). При этом размеры котана (отары овец) и коса (табуна лошадей) были значительно большими. Так, например, в Акмолинском уезде в группах, кочевавших в поймах рек, насчитывалось в среднем до 93,8 хозяйств, тогда как в группах, кочевавших в горах — 53,8, в степи — 37,8 хозяйств (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 131).

Что же касается системы производственных отношений и прежде всего отношений собственности, то в рассматриваемом нами случае также налицо значительная специфика. В отношении естественных водоемов действовало так называемое «право первозахвата» (Баллюзек, 1871. С. 150—151; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87, 93 и др.), согласно которому, пришедший на пастбище или к водоему первым использовал их в интересах своего скота и

никто не мог прикочевать к нему ближе двух верст (подробнее см. параграф 7.1. и 7.2). На этой основе формируется специфическая система социально-экономических отношений.

Иначе говоря, в районах с относительно развитым поверхностным стоком (реки, озера, ключи, карасу, болота и т. п.) функционирует кочевнический тип естественного водопользования. Специфические черты и признаки его прослеживаются как в сфере производства (особенности системы кочевания, организации процесса водопользования и скотоводческого хозяйства, выпаса и практики нескотоводческих занятий и т. д.), так и образа жизни (иная структура затрат рабочего времени, большая концентрация трудовых и материальных ресурсов, преобладание стационарного жилища и оседлого зимования и т. п.). Налицо дифференциация в формах социальной организации, поскольку ниже доля коллективного труда по организации системы водоснабжения; иные формы общественных отношений, в частности, господство «права первозавата» и т. д. А отсюда и отличия в психологии и системе ценностных ориентаций.

Таким образом, анализ жизнедеятельности кочевников-казахов со всей очевидностью свидетельствует, как минимум, о наличии двух типов кочевого скотоводческого хозяйства, дифференциация которых обуславливалась различиями в характере водообеспечения. С одной стороны, в засушливых районах имеет место тип искусственного водообеспечения с помощью каптажа водных ресурсов из подземных горизонтов. С другой, в условиях относительно развитой озерно-речной сети в степной, предгорной и горной зонах культивируется тип естественного водопользования. Различия складываются из неадекватной системы организации общественного производства и неодинаковых затрат на водообеспечение. На этой основе формируется специфическая комбинация социокультурных признаков. В зависимости от характера системы водопользования происходит дифференциация в формах скотоводческого хозяйства, структуре стада, соотношении различных форм коллективного труда, направленности и ареале, протяженности и ритмо-режимных характеристиках процесса кочевания, культивировании нескотоводческих занятий и прежде всего земледелия и т. п. Вследствие этого прослеживаются особенности в формах социальной организации, системе социально-экономических отношений и отношений собственности, а также в материальной культуре и ценностных ориентациях (Масанов, 1989 и др.).

ГЛАВА IV. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦИКЛ

Природно-климатические условия среды обитания определили сезонный характер использования пастбищных угодий и организации общественного производства. И поскольку выбор территории выпаса скота был жестко экологически детерминирован и обуславливался конкретными особенностями географической среды, то вполне закономерно, что сезонная специфика производственного цикла определялась необходимостью оптимальной организации

системы производства в зависимости от сезонного ритма природных процессов. При этом использование пастбищных угодий обуславливалось взаимосвязанными процессами выпаса скота в течение всего производственного цикла. В этой связи известным знатоком кочевого быта А. Джантюриным было очень точно замечено: «Для того же, чтобы скот мог протевеневать зиму, он должен летом достаточно нагуляться — запастись жиром на зиму; это достигается при просторе летовок и достаточности на них кормов... Поэтому простор и свобода летовок (джайляу) суть первые условия киргизского хозяйства... Если летовки стеснены, скот не может достаточно нагуляться... и чтобы он еще более не исхудал, — является необходимость преждевременно перебираться осенью к окрестностям зимовых стойбищ (кюздик). Скот, не набравшийся, как следует, жира летом и не укрепленный пастью на кюздике, не может долго тебеневаться, быстро тощает... Недостаток которого либо из этих трех угодий не может быть возмещен самыми высокими качествами другого; например, недостаток кормов на тебеневках, как бы просторны ни были летовки, повлечет за собою нарушение гармонии в кочевом хозяйстве, т. е. приведет киргиза к разорению» (Джантюрин, 1883. С. 16—17).

Наряду с этим следует отметить, что сам факт посезонной организации процесса производства, а следовательно, посезонного использования пастбищных угодий, является, на наш взгляд, ярким доказательством естественно и объективно существующей системы регулирования поземельных отношений в масштабах всего кочевнического общества. Природные условия, считают авторы «Материалов по киргизскому землепользованию», «...создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при урегулированном землепользовании» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87). Интересно и мнение такого знатока, как П. Медведский: «При пользовании пастбищами киргизы соблюдают известную последовательность: иные места вытравливаются прежде, другие позже, а третьи исключительно назначаются на зиму. Это заставляет киргизов делать частые, нередко очень значительные переходы с одного клочка земли на другой; такие переходы на первый взгляд чисто произвольные, но в сущности строго определенные...» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 287 прим.). В этой связи А. Е. Алекторов заметил, что «переходы киргиз настолько точны и регулярны, что можно заранее сказать, где можно найти какой-нибудь из их кочевых аулов в любой день в году» (Алекторов, 1886. 22 июня). Иначе говоря, фактор зональности и посезонной продуктивности растительного покрова детерминировал свойственную всемномадам Евразии и Северной Африки, закономерность замкнутого цикла кочевания по строго определенным маршрутам в рамках природно регулируемых процессов. Так называемый «незамкнутый» цикл кочевания, т. е. выпас скота при неурегулированном землепользовании, находился в противоречии с географическими условиями и поэтому не мог иметь места в реальной жизни, за исключением

лишь экстремальных периодов, таких как война, джут и т. п. (Хазанов, 1975; Марков, 1976; Кадырбаев, 1980 и др.).

4.1. ВЫПАС СКОТА В ЗИМНИЙ ПЕРИОД ГОДА

Природные ресурсы среды обитания и необходимость обеспечения жизнедеятельности кочевого общества определили особую ценность зимних пастбищ и зимнего периода в организации производственного цикла. Это было связано в первую очередь с исключительной суровостью климатических условий в зимний период года, когда вероятность гибели скота была наибольшей из-за низкой кормовой продуктивности растительного покрова, необходимости ежедневной тебеневки, обильных снегопадов, сильных ветров и т. п. Вследствие этого номады предъявляли особые требования к выбору зимних пастбищ, от которых зависела самая возможность существования кочевого скотоводческого хозяйства. В процессе экологического освоения среды обитания и природопользования номадами была выработана система зимнего выпаса скота, позволявшая обеспечивать как жизнедеятельность кочевников-скотоводов, так и воспроизводство стада.

Зимние пастбища номадов Евразии за редким исключением располагались на юге кочевых ареалов в зоне пустынь и полупустынь (Бичурин, 1950. Ч. I. С. 185; Руденко, 1927. С. 8; Козьмин, 1934. С. 12; Маргулан, 1950. С. 74—75; Першиц, 1961. С. 31; Ниязклычев, 1963. С. 61; Семенюк, 1969. С. 129; Оразов, 1973. С. 71; Он же, 1985. С. 104—112; Тургиев, 1977. С. 8; Эрдниев, 1980. С. 126—128 и др.). «Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны,— свидетельствует Г. Рубрук,— летом поднимаются на север, в более холодные» (Карпини, Рубрук, 1957. С. 91). «...Летом,— отмечает И. Г. Георги,— пребывают наиболее в лежащих ближе к северу, а зимою в склонившихся больше на юг степях» (Георги, 1799. С. 126). В предгорной полосе зимние пастбища располагались на равнине, иногда в 200—300 км от гор, преимущественно в низовьях рек, вблизи озер, речных долинах, низкорослых районах либо в безводных пустынях. На севере Казахстана и во Внутренней орде изредка встречались зимовки, расположенные на севере региона в степной либо лесостепной зоне (Медведский, 1962. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 296). «Одна часть киргиз,— пишет А. К. Гейнс,— имеет свои зимовки в южной части степи, между песчаными холмами, а также вдоль рек, изобилующих камышами и кустарниками, другая часть их, приближаясь к северу, скрывается на зиму в густых лесах, близ рек...» (Гейнс, 1898. С. 60).

Преобладающее расположение зимних пастбищ на юге кочевых ареалов было обусловлено прежде всего минимальной продолжительностью зимнего периода (2—3 месяца), более теплым климатом, меньшей вероятностью суровых метелей и буранов, сильных снегопадов, большей продуктивностью растительного покрова (особенно полыней, эфемеров, злаков осенней вегетации), достигавшего в это время своей наивысшей кормовой производительности и т. п. Выбор зимних пастбищ в значительной степени был

ориентирован на оптимальный выпас мелкого рогатого скота, составлявшего основу хозяйства кочевников Евразии. И поскольку овцы могли самостоятельно тебеневаться лишь при глубине снежного покрова в 10—12 см, то северная граница зимних пастбищ определялась данной изогией атмосферных осадков (Федорович, 1973 и др.). «Для тебеневки (зимней пастбы), — свидетельствуют очевидцы, — выбирают ордынцы такие места, где не только слой снега тоньше, но и травы невытравлены, и где снег, выпадая позже..., сходит ранее» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 291). На зимних пастбищах, сообщает А. Джантюрин, «трава должна быть густая и высокая; ...когда травы редки и низки, скотине потребно очистить ногами от снега гораздо большую площадь ...чтобы насытиться; она теряет больше времени и сил на механическую работу, отчего скорее утомляется и начинает худеть» (Джантюрин, 1883. С. 17—18). «Чтобы место, выбранное для зимовки, соответствовало своей цели, оно должно удовлетворять следующим условиям», — отмечает П. Медведский. «Оно должно: а) быть хорошо защищено от ветров; б) быть покрыто не слишком толстым слоем снега; в) заключать под слоем снега траву; г) иметь, по возможности, самые удобные водопой; е) давать возможность собирать топливо в большом количестве и без излишних трудов и ф) находиться вблизи зимних запасов сухого фуража, сена или камыша» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 290). Вследствие этого зимовки в основном располагались в долинах рек, среди холмов и возвышенностей, поскольку считалось, что изрезанный, пересеченный рельеф — наилучшее пастбище в зимний период года (Левшин, 1832. Ч. III. С. 26; Бларамберг, 1848. С. 25, 29, 67, 75—88, 93—94; Балицкий, 1873; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38—41; Описания... С. 86, 98, 99, 102, 111, 114, 123—126; МКЗ. Т. XI. Объяснительная записка С. 9—10; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 10, 88, 100; МКЗ. Казалинский уезд. С. 57, 107—108, 129—131, 134—135; МКЗ. Перовский уезд. С. 27; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125—127 и др.).

В теплую и безветренную погоду скот выпасали на возвышенностях, наветренных сторонах склонов и холмов, в холодную погоду — в лощинах, камышах, кустарниках и т. д. Последовательное использование зимних пастбищ в зависимости от рельефа местности позволяло увеличивать их кормовую емкость. Поэтому более заснеженные участки использовались под выпас в начале и в конце зимы, а степные понижения, северные склоны сопок, холмов и возвышенностей, подошвы гор — в середине зимы. «Лучшими тебеневочными местами, — отмечает А. Джантюрин, — считаются такие, где скот может находить защиту от ветров и буранов, как, например, долины рек, горы, лесистые места...» (Джантюрин, 1883. С. 18). Широко использовались пастбища на солонцах, где снег быстрее стаявал, а также безводные районы пустынь (Вяткина, 1960. С. 164; Козьмин, 1934. С. 12 и др.). «В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, — сообщает Г. Рубрук, — когда там бывает снег, так как снег служит им

вместо воды» (Карпини, Рубрук, 1957. С. 91). Так, например, в Зайсанском уезде около 23% всех зимних пастбищ было расположено в безводных местах (МКЗ. Т. VIII. Специальная часть. С. 6—7).

Характерной особенностью зимнего периода для кочевников-казахов являлось стационарное пребывание на одном месте в течение всей зимы (Левшин, 1832. Ч. III. С. 23; Певцов, 1951. С. 110 и др.), составлявшей в среднем по Казахстану 3—6 месяцев — с ноября (декабря) по март (февраль). Объяснялось это тем, что кочевание в зимний период года было ограничено не только природными условиями среды обитания (снежный покров, холода, ветры, скудный травостой, резкие перепады температуры воздуха и т. п.) и биологией скота (большие энергетические затраты на тебеневку, на восстановление сил в холодное время года, меньшая усвояемость кормов из-за малой их продуктивности и замены снегом водных ресурсов, замедленное передвижение по снежному покрову, обязательная организация ночлега для мелкого и крупного рогатого скота и т. п.), но и тем, что выполнение всех необходимых трудовых операций в течение короткого зимнего дня при регулярных перекочевках было практически невозможным. Поэтому номады в зимний период года почти не кочевали и все время находились на стационарно устроенном стойбище (кстау). Так, С. Броневский свидетельствует, что «всякая волюсть и аул зимуют на одних местах», а летом непременно кочуют (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 72, 75). «В таковых скитаниях,— сообщает Я. Гавердовский,— проводят киргизцы три времени года, т. е. весну, лето и осень; а зимою остаются... всегда почти до весны на одном месте» (Гавердовский, 1803. Л. 68). Он же уточняет, что «в зимние месяцы они уже не перекочевывают» (КРО, 1964. С. 162). «...Все они,— отмечают К. Струве и Г. Потанин,— безусловно ведут кочевую жизнь только летом, зиму же проводят оседло...» (Струве, Потанин, 1867. С. 376, 389). «В продолжение зимы,— указывает П. Медведский,— киргизы... по большей части живут оседло...» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 288). «Киргизские кстау,— свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию»,— являются зимовками в хозяйственном отношении и местами полугодичного оседлого пребывания кочевника в бытовом» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 33).

Вследствие этого номады проводили зимнее время года на традиционных зимовках, которые передавались по наследству от общины к общине, от индивида к индивиду (подробнее см.: параграфы 6.1., 6.2. и др.). «Всякое отделение,— свидетельствуют источники,— для зимних кочевьев имеет определенные места, а частью и для летних, и владеют оными, как собственностью» (КРО, 1964. С. 158). «К зиме,— уточняют Пospelов и Бурнашев,— возвращаются на неперменные свои места...» (там же. С. 150). Зимой, указывает С. Броневский, никто не занимает чужого места (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74—75). Казахи, отмечает Ю. Гагемейстер, «на зиму обыкновенно возвращаются к однажды

избранному стойбищу» (Гагемейстер, 1854. Ч. II. С. 307—308). «Зиму они со своими стадами,— сообщают практически все источники,— проводят на одном определенном месте» (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 51. См. также: Гейнс, 1897. Т. I. С. 60; МИКХ. С. 217 и др.).

Правда, были отдельные группы кочевников, которые и в зимнее время года продолжали кочевать. В основном, это характерно для тех номадов, которые зимовали в песках либо бесснежных местах (Спасский, 1820. Ч. 9. Кн. 2. С. 89; МКЗ. Т. II. С. VI. Певцов, 1951. С. 110; Hudson, 1938. P. 29—31, etc.). В этом случае кочевали от колодца к колодцу или радиально вокруг основного водоисточника. Если же кстау было расположено далеко в песках, то до середины зимы двигались вглубь песчаных массивов, а к концу зимнего периода кочевали обратно, чтобы после схода снегов покинуть их. В этом случае меняли место стоянки один раз в 15—25 дней (МКЗ. Чимкентский уезд. С. 126). По данным В. П. Курылева, адаевцы зимой кочевали 3—4 раза в месяц (Курылев, 1979. С. 167). Большая же часть кочевников в этот период года проживала оседло на стационарных зимовках. Как свидетельствует М. Чорманов, «киргизы меняют зимовки (зимнее пастбище) только при самой крайней необходимости, как-то: во время напольных пожаров, случающихся в осеннее время, или неурожая трав вблизи зимовки и, наконец, при гололедицах» (Чорманов, 1906. С. 3).

Выбор и использование пастбищных угодий в зимний период года, как и организация общественного производства, основывались прежде всего на системе раздельного выпаса скота (Андреев, 1796. Ч. 116. С. 73—79; Загряжский, 1872. № 29; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125—126; МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 176; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 99, 125; Руденко, 1927. С. 9; Овцеводство Казахстана. С. 20; Семенюк, 1969. С. 133—134; Аполлова, 1976. С. 208 и др.). Преобладание системы раздельного выпаса скота было обусловлено как возможностью только лишь однократного использования пастбищных угодий из-за скудности растительного покрова, так и неэффективностью совместного выпаса животных. Так, например, после крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей выпас овец был практически невозможен: крупные животные оставляли глубокие следы в снегу, которые на морозе затвердевали и препятствовали выпасу овец (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 125 и др.). «Всякое пастбище, где был кос, в течение одной ночи крепко затвердевает и выходит из фонда пастбища текущей зимы» (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55). В свою очередь, мелкий рогатый скот при неглубоком снежном покрове почти полностью вытравливал растительность, в результате чего выпас крупных животных после овец терял всякий смысл (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 125 и др.). В тех случаях, когда глубокий и плотный слой снега препятствовал выпасу скота, пастбище расчищалось от снега вручную. В этом случае для овец, в основном, снимали лишь верхний слой снега или

слегка рыхлили его, тогда как для крупного рогатого скота было необходимо полностью очистить все пастбище (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87 и др.).

Раздельный выпас скота был также обусловлен и экологическими факторами. «Разные виды скота, потребляющие разные корма и в разных местах,— отмечает по этому поводу Г. Ф. Радченко,— существенно снижают экологический риск. Все это отражает понимание скотоводами тонкостей экологической обстановки и их стремление наилучшим образом использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы» (Радченко, 1983. С. 139. См. также. Никифоров, 1974. С. 210—211 и др.). Раздельный выпас скота позволял заполнять различными животными разные экологические ниши. Поэтому в зависимости от количества и удельного веса того или иного вида номады организовывали соответственно и его выпас. При большом количестве верблюдов в общине их в зимний период выпасали на отдельных пастбищах (Добросмыслов, 1895. С. 233 и др.), если было много крупного рогатого скота, то и он выпасался отдельно (Балицкий, 1873; Чорманов, 1906. С. 4 и др.). Нередко общины обменивались скотом. Те из них, которые зимовали в низкогорных районах, брали на выпас овец у своих соседей, а те, в свою очередь, располагаясь на равнине, брали на выпас крупный рогатый скот и верблюдов (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 12 и др.).

В зимний период года, как мы уже отмечали, пастбищные угодия выбирались применительно к условиям выпаса овец (Добросмыслов, 1895. С. 180 и др.). При этом овцы, отличаясь наибольшей приспособленностью к скудным ресурсам среды обитания, предъявляли минимальные требования к условиям выпаса.

Зимой овец одного аула объединяли обычно в общую отару (котан), но «предел, до которого киргиз-скотовод может увеличить свое овечье стадо,— сообщают источники,— ограничен сравнительно незначительной площадью пастбищ, расположенных вокруг его зимовки» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132), а также условиями оптимального выпаса (МКЗ. Т. V. Очерк. С. 12). Размеры котана колебались в диапазоне от 200 до 300—400 и в редких случаях до 500—600 голов. При большем числе овец слабым и большим животным, молодняку и овцам, ждущим потомства, не хватало бы корма (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 40; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 11—12; МКЗ. Т. VII. Общий очерк. С. 19; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.). При наличии большего числа овец в общине составлялось несколько зимних отар, которые дифференцировались по половозрастному составу и физическим кондициям и выпасались раздельно (МКЗ. Т. II. С. XXV и др.). Во время сильных снегопадов овец делили на мелкие отары по 100 голов (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 3 и др.). Невозможность превышения лимита скота на единицу пастбища каждый раз регулировала размеры отары овец и определяла нормы выпаса животных в зависимости от конкретных условий среды обитания.

Обязательным условием выпаса овец был их пригон на ночь в

расположенные вблизи зимовки укрытия (кора). «По ночам овцы не пасутся,— гласит народный опыт,— и на ночь их обязательно загоняют во дворы; поэтому отгон овец на сколько-нибудь значительные расстояния от зимовок немыслим» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132). Поэтому номады устраивали вблизи кстау специально огороженные и защищенные укрытия для скота из камня, дерева, камыша, дерна, хвороста (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 34; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 51; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132, 160; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 177 и др.), кошем, натянутых на вертикально поставленные жерди (Тяукин, 1861. С. 323; Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 292; МКЗ. Т. II. С. XXVI и др.), или ставили юрты (МКЗ. Т. II. С. VI, XXVI и др.). «Для скота,— свидетельствует А. К. Гейнс,— устраиваются загоны, ...для молодого скота нередко приспособляются крытые помещения и даже землянки, а самый нежный скот помещается в кибитках вместе с людьми» (Гейнс, 1897. С. 60).

Оберегая пастбище от бессистемного истребления, поскольку «там, где раз прошла овца, она не в состоянии уже на другой день добыть себе корма, хотя травы осталось бы и много, так как по следам снег сильно затвердевает, и его трудно уже пробить копытом» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 147. См. также: МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.), номады выпасали овец строго по радиусу от зимовки равномерными полосами (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 91; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 83, 104, 147 и др.). При этом в сторону от зимовки овец пускали на уже использованную полосу, а обратно — плотной группой по новой полосе (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38—39 и др.). В плохую погоду овец пасли против ветра, полагая, что при буране они сами придут в аул (там же. С. 39). Пастбище занимало территорию, которая определялась расстоянием дневного перехода овцы зимой — 3—4 км. «Таким образом, зимнее овечье пастбище (кой тебен) каждого отдельного аула занимает лишь такую площадь вокруг зимовок, радиус которой ни в коем случае не может превышать двух верст» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132).

Однако в хорошую и малоснежную погоду номады выпасали овец подальше от зимовок, используя пастбища по периферии кстау (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38; Описания... С. 85—86, 97—98; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45; Примечания... С. 16, 20, 23, 30—31, 52 и др.). Поэтому зимние пастбища нередко подразделялись, во-первых, на пастбища, расположенные вблизи кстау, на которых пасли молодняк и слабый скот, а остальных животных — лишь во время буранов и сильных снегопадов; во-вторых, на пастбища, удаленные от зимовок на 2—3 км и с хорошим растительным покровом, на которых пасли скот в ясные морозные дни и, в-третьих, на пастбища, расположенные сравнительно далеко от зимовок с редкой низкорослой травой, где скот выпасался только в теплую хорошую погоду (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 124; МКЗ. Т. I. Приложения. С. 9; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.). Если сильный ветер выравнивал снежный покров на уже

использованном пастбище или при потеплении сдвигал его, то кочевники старались повторно выпасать овец на них, поскольку на пастбищах с глубоким снегом животные использовали травостой неполностью, потребляя его лишь гнездами. Но при неглубоком снежном покрове овцы уже после однократного выпаса почти целиком вытравливали растительность (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125 и др.). Как видно из приведенных данных, система зимнего выпаса мелкого рогатого скота была направлена на максимальную утилизацию природных ресурсов среды обитания.

Выпас крупного рогатого скота в зимний период года во многом был связан с системой выпаса овец и также основывался на использовании пастбищных угодий вокруг зимовки. Если крупный рогатый скот составлял значительную долю в составе стада, то тогда его выпасали отдельно от овец, нередко на обособленных пастбищах (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 12; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125 и др.). Но поскольку, в основном, преобладал мелкий рогатый скот, то крупный чаще всего выпасали вслед за ним (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 125; Добросмыслов, 1895. С. 178—182 и др.) либо на тех участках, которые из-за глубокого снега или каких-то других причин были недоступны овцам (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99 и др.). При этом крупный рогатый скот, который не мог самостоятельно тебеневаться, выпасали только там, где над снегом росла высокая трава. Система выпаса верблюдов в зимний период года во многом носила аналогичный характер (Добросмыслов, 1895. С. 232—233; Фиельструп, 1927. С. 89—90 и др.).

Важной особенностью зимнего выпаса являлась обособленная пастба лошадей. «Общее правило... при зимней пастбе это то, что лошадей стараются не держать при кстау, а как можно раньше отгонять на дальние пастбища и попозднее пригонять назад» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 44). Это было обусловлено тем, как мы уже отмечали, что «для кстау выбирают в большинстве случаев места, удобные для пастбы именно овец, требующих свободных от снега пастбищ, хотя бы со скудной реденькой растительностью. Лошади же, как раз наоборот, нуждаются в пастбище с густой, высокой травой, ибо они умеют доставать корм даже из-под глубокого снега, лишь бы он не был тверд, а на скудном овечьем пастбище лошадь не наестся, на что указывает и киргизская поговорка... «что одной лошади надо, тем 100 овец сыты будут» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 47). Поэтому «отгон лошадей прямо-таки обязателен для каждого хозяина, ибо каждая лишняя лошадь, оставленная на кстау, идет в ущерб прочему скоту» (там же).

На осенних пастбищах после первых снегопадов кочевники обычно начинали объединять своих лошадей в общие табуны (кос). Как правило, кос составлялся до начала общего перехода номадов на зимние пастбища (Чорманов, 1906. С. 4; МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 84; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. I; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55; МКЗ. Т. XII.

Общая часть. С. 155 и др.). Вследствие этого на территории, прилегающей к кстау, лошадей в зимний период года никогда не пасли. В момент всеобщей перекочевки на зимовку из стада выделялись табуны лошадей и их отгоняли обратно на север в районы летних пастбищ на расстояние до 100—200 и более верст. Иначе говоря, если, в целом, кочевому хозяйству было свойственно меридиональное направление миграций и замкнутый цикл кочевания с севера на юг осенью и с юга на север весной, то для косов характерны скорее круговые движения вокруг летних пастбищ (Красовский, 1868. Ч. 2. С. 23; Добросмыслов, 1895. С. 21, 88, 90; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. I; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 47; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55; Барминцев, 1958. С. 44; Семенюк, 1969. С. 133—134; Аполлова, 1976. С. 208 и др.). «А это дает возможность киргизу в зимнее время пользоваться пастбищами, расположенными на далеких джайлау, дает возможность увеличивать свои конские табуны до пределов, которые обуславливаются лишь вместимостью всех пастбищ данной территории» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 131).

Зимний отгон конского поголовья определяется тем, что лошади предпочитали разнотравно-злаковую растительность, произрастающую, в основном, в степной и лесостепной зонах, а также тем, что их выпас был возможен на пастбищах с толщиной снежного покрова до 30—40 см и в виде исключения до 50—60 см. При этом отгон лошадей в зимний период года позволял продуктивно использовать слабообводненные, каменистые, заболоченные и далеко расположенные пастбища, мало пригодные для выпаса других видов скота. Причем лошадь была способна совершать дальние переходы при смене пастбищ, например, зимой по снегу она могла пройти до 50 км в день (Садыков, 1981. С. 7). Вследствие этого отгон косов в зимний период года был широко и повсеместно распространенным явлением, жизненно необходимым для кочевых хозяйств не только казахов, но и монголов и других nomadов (Грумм-Гржимайло, 1926. Т. III. Вып. 1. С. 365—366 и др.).

В косах пасли всех лошадей, за исключением рабочих, слабых, больных и неокрепшего молодняка (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38; Описания... С. 101; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148, 157; Барминцев, 1958. С. 43—44 и др.). Так, по данным И. Пахомова, в косах пасли до 80% всех лошадей (Пахомов, 1911. С. 15). В Петропавловском уезде в зимних табунах было сосредоточено 76% всех лошадей (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 155) и т. д. В ауле, сообщает М. Красовский, остается не более 2—3 лошадей (Красовский, 1868. Ч. 2. С. 23). При этом богатые оставляли вблизи зимовки 5—6 рабочих лошадей, среднезажиточные — 2—3 лошади (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 33—35; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125 и др.). Наряду с этим в течение всей зимы ослабевших лошадей время от времени перегоняли поближе к зимовке (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 34—35; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.). К концу зимы, когда начиналась выжеребка кобыл, широко практиковался их перегон на зимовку, чтобы роды не на-

чались в степи и новорожденный молодняк не погиб (МКЗ. Т. II. С. XXV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114 и др.). Но поскольку основная масса кобыл жеребилась в апреле, то в большинстве случаев они вплоть до схода снегов находились в косах (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114 и др.).

Число лошадей в косах колебалось от 200—300 до 1000—1500 голов (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 31; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 41; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 101; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 56 и др.). Наиболее оптимальной считалась величина коса в 400—600 голов, поскольку в большом табуне молодняк и жеребые кобылы, не поспевая за движением остальных лошадей, нередко оставались без корма (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 84; Приложения. С. 31; МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 41, 125; Описания... С. 99; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 48; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55—56 и др.). Это было обусловлено также тем, что кос как меньшего, так и большего размера не мог обеспечить в зимний период своего воспроизводства из-за скудости и изреженности растительного покрова. В небольшом табуне лошади использовали травостой гнездами, пропуская значительные участки земли, и не могли обеспечить минимально необходимого масштаба тебеневки на данном пастбище (Нечаев, 1975. С. 56—66 и др.), из-за чего молодняк и жеребые кобылы оставались без корма.

Значительное влияние на формирование косов и численность лошадей в зимнем табуне оказывал социальный фактор. Обычно богатые скотоводы, они же владельцы большего числа лошадей, составляли свои собственные косы. Объединение лошадей в кос, сообщают «Материалы по киргизскому землепользованию», доступно сравнительно немногим, в основном многолошадным, хозяйствам, так как «снаряжать кос, состоящий, положим, из сотни лошадей, и снабжать его двумя пастухами прямо-таки невыгодно; затем присоединять своих лошадей к косу богача можно только в виде целого косяка, состоящего из 8—15 голов; одиночные же лошади в чужом табуне плохо будут накармливаться и легко могут отбиться от табуна. Затем артели для общего зимнего выпаса лошадей могут составляться только теми хозяевами, которые имеют десятки и сотни лошадей, для более бедных хозяев такая форма общего выпаса недоступна, так как пришлось бы для одного коса составлять артель из очень большого числа хозяев и при этом живущих на очень далеком расстоянии друг от друга и т. п.» (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1—2). Поэтому косы не составлялись из отдельных особей (МКЗ. Т. VII. Общий очерк. С. 32).

При объединении лошадей в зимние табуны обычно практиковалось присоединение лошадей мелких хозяев к косам богатых скотоводов (МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1—2; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). «В каждом косе, — свидетельствуют очевидцы, — есть ядро — лошади более состоятельного киргиза», который «на бесконечно разнообразных условиях принимает лошадей прочих со-

седей и одноаульцев в свой кос» (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 57). Среднезажиточные хозяева создавали свои зимние табуны (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125 и др.). В основном же косы создавались соседями по совместной зимовке, но в случае недостаточного числа лошадей в общине в табун объединяли конское поголовье двух-трех общин (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 31; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 61; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148; Добросмыслов, 1895. С. 21, 88, 90 и др.). Косы богатых хозяев, в основном, выпасались на дальних пастбищах, тогда как «сборные» косы — ближе к зимовкам (Добросмыслов, 1895. С. 21, 88, 90; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125 и др.).

Продолжительность пребывания лошадей в косах зависела от продолжительности залегания снежного покрова на основных зимовках-кстау. К концу зимы лошадей перегоняли поближе к остальному скоту, а к середине апреля стада объединялись (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 85; Приложения. С. 33 и др.). В целом, прослеживается широтная пропорция данной величины. На крайнем севере и северо-востоке Казахстана в лесостепной зоне продолжительность пребывания лошадей в косах составляла от 120 до 170—190 дней в году (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 57; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.), в степной и предгорной зонах — в среднем 120—150 дней (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 85; Приложения. С. 32; МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 57 и др.). Ближе к югу эта величина уменьшалась.

Важной особенностью выпаса лошадей являлось то, что, в отличие от других животных, они не нуждались в обязательной организации ночлега и их выпас был возможен как днем, так и ночью (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 98 и др.). Однако табунщики предпочитали выпасать лошадей, в основном, днем, а с наступлением темноты их собирали и ставили на одно место (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 49 и др.). «Пастьба днем и ночью отличается тем, что ночью, даже при слабом ветре, ставят табуны по ветру, а кос (в данном случае кибитку пастухов — Н. М.) впереди табуна, так что в случае бури табун, гонимый ветром, обязательно должен пойти на кос, где его могут захватить табунщики. Если бы кос был поставлен сзади табуна, то табунщики ночью не заметили бы ухода табуна» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 100).

Выпас коса был весьма сложен и отличался известным своеобразием. Прежде всего берегли жеребых кобыл, поскольку интенсивная тебеневка приводила к выкидышам (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 104; Федоров, 1903. Ч. 2. С. 16 и др.). Поэтому кобыл выпасали вслед за жеребцами, меринами и яловыми кобылами. Поили лошадей зимой лишь изредка (МКЗ. Т. II. С. XXIV и др.). В этом случае их гоняли к ключу или колодцу, где делали для них ледяное корыто (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 101 и др.). Пользуясь тем, что зимой заменителем воды был снег — для лошадей до 10—20 дней, конское поголовье старались выпасать на безводных пастбищах либо на тех, которые в другие времена года были недоступны

скоту (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 31; МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.).

Зимний маршрут коса рассчитывался таким образом, чтобы к концу марта табун подошел к месту ранневесенних пастбищ (Нечаев, 1975. С. 65—66 и др.). Для коса старались выбирать места с неглубоким снегом и хорошим кормом, особенно равнины, поросшие густой травой (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 126 и др.). «Пастухи стараются первоначально вытравить те места, на которых с самого начала зимы выпадает глубокий снег, а затем перегоняют табун на более высокие места, где снег сдувается ветром», «...табунами травят сначала пастбища на равнинных местах и затем переходят к лесным пастбищам, заранее, так сказать, обеспечивая защиту табуна в лесу от бурь и метелей» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 88). Лучшее пастбище для коса то, где летом скот хорошо нагуливался (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.).

Зная направление зимних ветров, пастухи начинали выпас коса в хорошую погоду с наветренной стороны (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 56). По первому снегу лошадей выпасали свободно, по рыхлому снегу — многократно до тех пор, пока не будет переворошен весь снег (там же. С. 55). «При пригоне табуна на какое либо урочище с глубоким снегом пастухи наблюдают за лошадьми. Если лошади рвутся с этого места, — значит, корм здесь плохой». «Если на новом месте, примерно в полуверсте, в 2 или даже 5 верстах от старого, лошади успокаиваются, роют снег и не рвутся далее, то, следовательно, здесь есть надлежащий корм» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 88—89). При этом стремились максимально использовать кормовые ресурсы пастбища, выпасая табун до тех пор, пока растительность не будет потреблена полностью (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55—56 и др.). «По крайней мере три раза в день пастухи наблюдают за состоянием снежного покрова, если он весь разрыт лошадьми, табун требуется перегнать в другое место. Обращают также внимание не только на снежный покров, но и на состояние кормов, находящихся под снегом» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 88). При выпасе лошадей строго следили за тем, чтобы они не разбредались и не топтали корм (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 50). После полностью использованного пастбища остаются кучи разбросанного снега, которые затвердевали и задерживали, согласно народным представлениям, метель и сильные ветры (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 56). «Если корма хороши, погода теплая, то лошади имеют бодрый вид, шерсть у них лоснится. При плохих кормах лошади бывают понуры, шерсть становится тусклою и взъерошенною. При хорошем корме лошади хорошо переносят холода, при плохом и при морозах табун истощается, начинается выпадение маток...» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 87).

В плохую погоду, при буранах кочевники стремились укрыть лошадей вблизи леса или холмов, используя рельеф местности (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 49; МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 87 и др.). «Если пасут около горы, то при наступлении непогоды

ставят табун под защиту горы или в логу. Наблюдают за погодой и если замечают с вечера в ясную погоду край тучи или облака, принимают меры предосторожности против бурана: «на открытой степи загоняют на такое место, где глубокий снег, хороший корм, окружают со всех сторон и не пускают дальше» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 100). «Если был дождь и образовалась корка, выбирают места с более глубоким снегом и тонкой сверху ледяной коркой; где тонкий снег, там обыкновенно лед проникает весь слой снега и пасти табун невозможно» (Там же). «Повинуясь своим рефлексам,— отмечает Ю. Н. Барминцев,— обычно без понуждения со стороны человека, лошади во время буранов укрывались в естественных затишах — за холмами, в тугайных зарослях, у лесных колков, а в условиях открытой равнины собирались в плотный табун, укрываясь друг за другом. При этом общая форма табуна приобретала вид треугольника, обращенного острой вершиной к ветру. По мере того как находящиеся с наветренной стороны лошади зябли, они проникали в середину табуна, а на их месте оказывались другие» (Барминцев, 1958. С. 44).

Продолжительность стоянки коса на каждом месте составляла 10—15 дней. При этом один раз в 10 дней лошадей обязательно выпасали на солончаках. Но с уплотнением снега интенсивность выпаса возрастала и стоянки не превышали 2—3 дней. При неглубоком и рыхлом снеге лошади проходили в сутки до 6 верст, но при затвердевшем и глубоком снеге не могли пройти больше одной версты. На плохом пастбище число перекочевков резко возрастало (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 100, 126; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55, 56; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 155 и др.).

Таким образом, выпас лошадей в зимний период года существенно отличался от выпаса прочих видов скота. Отсюда и иной цикл производственной деятельности. Если овцы, козы, крупный рогатый скот и верблюды в это время года выпасались вокруг стационарной зимовки, тербовали устройства ночлега и не могли передвигаться на значительные расстояния по снежному покрову, то лошади в течение всего зимнего периода перегонялись с пастбища на пастбище и постоянно находились в движении. В силу большей подвижности лошадь, как это ни парадоксально звучит, не требовала активной кочевой жизни всего хозяйственного коллектива, всей общины, поскольку процесс производства в сфере коневодства был менее трудоемким, нежели труд овцевода, и вполне мог быть обеспечен усилиями небольшой группы людей. Лошадь, свидетельствует народный опыт, «дает средства к существованию при наименьшей затрате хозяйственной энергии» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 131).

Совсем другой характер носила система выпаса скота в экстремальные периоды, особенно во время гололеда, неурожая, сильных снегопадов, буранов и метелей. «Иногда снег покрывается такою толстою ледяною корою, что она не проламывается под ударами копыта лошади и скот скользит по ней, как по льду. В таких случаях скот гибнет массами...» (Джантюрин, 1883. С. 18). Голо-

лед образует зимой «при выпадении совместно снега и дождя, ледяную кору на поверхности снега, которую даже лошади не в состоянии пробить копытами, почему зимние пастбища не могут быть использованными и тогда открывается т. н. **джут** — массовая гибель скота от голодовки» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 11). «Если только в начале осени вместо пухлого снега покроеет землю твердая... гололед, тогда погибель великих табунов бывает неизбежна» (Гавердовский, 1803. Л. 100 обр.). Как мы уже отмечали, опасность гололедов возрастала по направлению с севера на юг и с запада на восток, достигая максимума в зоне пустынь и предгорной полосе.

Как правило, джуты охватывали огромные регионы и нередко носили повсеместный характер. Имели место и локальные джуты. Этому явлению была присуща цикличность. Народный опыт гласит, что большие джуты повторяются через каждые 6-8—10-12 лет и чаще всего бывают в год зайца (коян), тогда как малые джуты повторяются каждые 3—4 года (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 11; Хозяйство казахов... С. 79—81 и др.). В результате джутов погибали тысячи и тысячи голов скота, что пагубно сказывалось на экономическом положении кочевых населения (Ракитников, 1936. С. 92—106; Федорович, 1954. С. 20; Бичурин, 1950. Ч. I. С. 71, 76, 82, 191, 192, 254; Барминцев, 1958. С. 44—45; Диаров, 1963. С. 29—33; Аполлова, 1960. С. 48—49; Овцеводство Казахстана. С. 21—23; Хозяйство казахов... С. 80—81; Зиманов, 1982. С. 49 и др.). Во время сильных джутов процент падежа скота мог достигать 50 и даже 90 % (Ищенко и др. 1928. С. 167).

В экстремальные периоды кочевники были вынуждены прибегать к совместно-последовательному выпасу скота, который в обычное время не практиковался. Совместный выпас представлял собой выпас различных видов животных в определенной последовательности с учетом биологических особенностей вида и степени поедаемости кормов и позволял прокормить скот в условиях гололеда и глубоких снегов (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 122. С. 360; Потапов, 1949. С. 45 и др.). Совместно-последовательный выпас скота практиковался всеми кочевниками Евразии (Грум-Гржимайло, 1926. Т. III. Вып. I. С. 343—344; Вяткина, 1969. С. 72—73; Абрамзон, 1971. С. 73; Вайнштейн, 1972. С. 25; Шаниязов, 1973. С. 88; Шнайдштейн, 1974. С. 69; Артамонов, 1977. С. 9; Эрдниев, 1980. С. 129; Поляков, 1980. С. 50; Плетнева, 1982. С. 16 и др.). «Сей род прокормления, — отмечал еще Я. Гавердовский, — обыкновенен не у одних Киргизцев, но у всех кочевых народов...» (Гавердовский, 1803. Л. 100 обр.).

Практика совместного выпаса скота носила следующий характер: «Пускают сначала лошадей, которые копытами разрывают снег и едят верхушки трав. За ними на то же место выгоняют рогатый скот и верблюдов, продолжающих есть начатую лошадьми траву и съедающих средину стеблей. Но низшей части оных, близ корня находящейся, верблюды глотать не могут,... потому и овцы, выпускаемые на пастьбу после всего прочего скота, на одном и том

же месте находят себе пищу» (Левшин, 1832. Ч. III. С. 197—198). «...Сначала пускают лошадей... Они, разгребая сугробу копытами, поедают верхушки позябшей травы. За лошадьми следуют верблюды и рогатый скот, а за ними табуны овец и коз...» (Гавердовский, 1803. Л. 100 обр.). Аналогичные данные сообщают П. Паллас, А. И. Добросмыслов и многие другие авторы (Паллас, 1773. Ч. I. С. 582; Добросмыслов, 1895. С. 21—23, 43 и др.). При гололеде табун лошадей гоняли по льду до тех пор, пока лед не искрошится или дробили наст с помощью больших бревен, привязанных арканом к лошадям (Левшин, 1832. Ч. III. С. 197—198; Аполлова, 1960. С. 209 и др.). Таким образом, совместно-последовательный выпас скота практиковался лишь в исключительных случаях, во время гололеда и глубоких снегов. Он являлся важным средством обеспечения скота кормами в экстремальные периоды и основывался на высококоразвитом рефлексе лошадей — умении тебеневать при снежном покрове до 30—40 см глубины. Лошади в данном случае являлись настоящим орудием труда, с помощью которого обеспечивалась жизнедеятельность всей системы зимнего выпаса скота.

Удельный вес совместно-последовательного выпаса в общей системе зимнего выпаса, видимо, был немалым, если учитывать, что число невыпасных дней для овец на территории Казахстана колеблется в среднем в диапазоне от 10—30 на юге до 120 на севере (Федосеев, 1959. С. 3—10 и др.). При этом при проведении расчетов применительно к зимней тебеневке лошадей число невыпасных дней для овец уменьшается на 20—25% на равнинных пастбищах (там же. С. 10). Можно предположить в этой связи, что в среднем, учитывая повторяемость джутов, кочевники прибегали к совместному выпасу скота в течение почти всего зимнего периода не чаще, чем один раз в пять-шесть лет. Что же касается ежегодной практики совместного выпаса, то к ней эпизодически могли прибегать кочевники на юге региона лишь в тех случаях, когда зимний табун лошадей находился вблизи зимовки. Другое дело на севере Казахстана, где без совместного выпаса, по-видимому, обеспечить скот кормами было невозможно. Но поскольку наибольшая часть кочевников зимовала на юге, то справедливо будет заключение о том, что практика раздельного и совместного выпаса скота зависела от конкретных природно-климатических условий.

Существовали и другие средства борьбы с экстремальными природными явлениями. Во время снегопадов и гололеда кочевники отгоняли скот за пределы охваченных джутом территорий (Джантиюрин, 1883. С. 18; Чорманов, 1906. С. 3; Гавердовский, 1803. Л. 100 обр. и др.), загоняли скот в лес и ставили искусственные заграждения (Аполлова, 1976. С. 209 и др.). Нередко кочевники вручную разгребали снег и очищали пастбище для скота (Добросмыслов, 1895. С. 89 и др.). Так, Ю. Гагемейстер сообщает, что «...траву же выгребают под снегом своими руками...» (Гагемейстер, 1854. Ч. 2. С. 308). П. С. Паллас свидетельствует, что «если же выпал большой снег, то киргизы оной разгребают лопатами

для мелкого скота» (Паллас, 1773. Ч. I. С. 582). С. Броневский указывает, что обледеневший снег разбивали топорами (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 122. С. 360). «Хороший работник,— сообщает Б. Даулбаев,— прокармливал в день 100 баранов или 20 коров», очищая лопатой снег (Даулбаев, 1881. С. 99).

Таким образом, организация процесса производства в зимнее время основывалась на системе раздельного выпаса скота, что являлось следствием различной приспособляемости животных к условиям пастбищного содержания. Основная часть кочевого населения была сосредоточена на стационарной зимовке в течение всего снежного периода года (в среднем по Казахстану 3—6 месяцев), а его деятельность была направлена на обеспечение нормального выпаса и сохранности поголовья мелкого рогатого скота и других видов. Лошади объединялись в зимние табуны косы и выпасались вдали от зимовок. В экстремальные периоды, во время снегопадов, гололеда, буранов и метелей, когда наступал джут (бескормица), кочевники практиковали совместно-последовательный выпас скота (Масанов, 1984 и др.).

4.2. ВЫПАС СКОТА В ТЕПЛОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Логическим продолжением зимнего цикла выпаса скота являлся выпас скота в теплое время года, продолжительность которого составляла от 6 месяцев на севере до 9 месяцев на юге Казахстана. Начальная и конечная стадия теплого периода определялись временем схода и временем установления снежного покрова. В свою очередь, теплое время года подразделялось на три сезона — весенний, летний и осенний, каждый из которых характеризуется спецификой как в локализации пастбищных угодий, так и в организации процесса производства и системы кочевания. Важной отличительной чертой теплого периода года являлось то, что доминантным фактором организации системы материального производства было обеспечение скотоводческого хозяйства водой (см. параграф 3.2).

Весенние (коктеу) и осенние (кузеу) пастбища занимали промежуточное положение между зимними и летними пастбищами. В отличие от зимних эти пастбища относились к пастбищам неразово́й эксплуатации, на них преобладала разнотравно-злаковая растительность, обладавшая большими восстановительными способностями. Главной особенностью весеннего и осеннего периодов являлось то, что кочевники при меридиональном кочевании как бы увеличивали продолжительность теплого времени движением на юг, а прохладного и нежаркого — миграцией на север (Семенюк, 1969. С. 130). Однако полного совпадения весенних и осенних пастбищ, конечно, не могло быть, поскольку осенний период основывался на использовании злаков осенней вегетации, солянковых и полынных ассоциаций, тогда как весной использовались нередко наихудшие пастбища на глинистой и изреженной известняками почве с эфемеровой растительностью. Потребность в кормах покрывалась, главным образом, за счет интенсивного роста раститель-

ности благодаря атмосферным осадкам, таянию снегов, паводковому разливу рек и т. п. (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77; Кн. 124. С. 241; Нечаев, 1975. С. 58; Садыков, 1981. С. 34 и др.). В начале весны, свидетельствует П. Медведский, когда почва влажна и еще не жарко, лучшими пастбищами считаются участки, где растут ковыль и куга (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 297). В это время номады выпасали скот на южных склонах сопок и гор, возвышенных местах, северных склонах оврагов, лощин и понижений, т. е. там, где снег быстрее стаивал. При этом они нередко использовали малообводненные пастбища (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125—127; Барминцев, 1958; Нечаев, 1975. С. 58—59 и др.). В последующее время, используя пастбища с эфемерово-злаковой растительностью, они всячески интенсифицировали свое движение на летние пастбища и проходили ускоренным маршем безводные пустыни Устюрта, Мангышлака, Кызылкумы, Бетпак-Далу и др. (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87, 96—98, 126—128; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 92—96; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18; Маргулан, 1949. С. 70—77 и др.). «Наибольшая скорость движения... наблюдается, конечно, в полосе между собственно зимним и летним районами кочевания» (Фиельструп, 1927. С. 96).

Ранней весной, когда начиналось таяние снегов и кочевники начинали покидать свои зимние становища, на первый план выступала необходимость скорейшего отвода скота за пределы зимних пастбищ с тем, чтобы сохранить от погребения будущий растительный покров на зимних пастбищах. После отвода скота за пределы зимовки главной потребностью становилось обеспечение животных кормами, поскольку новая трава еще не выросла, а прошлогодней было очень мало (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87). У некоторых кочевников имелись на этот случай специальные ранневесенние пастбища, на которых они ожидали появления новой растительности (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114, 127 и др.), другие же — отправлялись на поиски прошлогодней травы (МКЗ. Т. II. С. XXII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.). В крайнем случае практиковался вторичный выпас на территории вокруг зимнего пастбища (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39 и др.). Для эффективной организации процесса производства номады дробили свои хозяйственные организмы на более мелкие группы и ранней весной стояли не аулами, а отдельными юртами (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87 и др.).

С появлением новой растительности, вегетация которой началась при 5°C, процесс кочевания возобновлялся. «Киргиз-казаки северных уездов, — пишет Б. Куфтин, — выкочевывают с зимних стоянок во второй половине марта, а южных уездов — в конце февраля и начале марта... Более ранняя выкочевка южных киргизов объясняется необходимостью пройти пустынные песчаные пространства до наступления жаров, пока они покрыты сочной растительностью и пока в них отсутствуют жалящие скот пауки и насекомые» (Куфтин, 1926. С. 15). Однако в первое время интенсивность кочевания была невелика, ослабевшие после тяжелого

зимнего периода и изнурительной тебеневки животные были не готовы к частым и быстрым передвижениям. Как свидетельствуют очевидцы, «...киргизам часто приходится на себе вывозить едва держащийся на ногах скот на ближайшие пастбища» (Там. же. С. 14). К этому времени номады снова сходились в аулы (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

Помимо этого процесс кочевания в этот период задерживался массовым расплодом молодняка. «В начале весны,— свидетельствует С. Броневский,— они передвижения свои замедляют, по причине рождения молодого скота» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77). «Вообще, при весенних перекочевках,— отмечает П. Медведский,— быстрые переходы невозможны, потому что весной за стадами следует и приплод от них, который иногда бывает до того слаб, что его приходится везти, навьючив на верблюдов» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 298). Появляющийся молодняк различных видов скота неодинаково адаптировался в процессе кочевания. Так, если например, жеребята могли двигаться самостоятельно вслед за табуном уже через день-два, а агнята — по прошествии 2—3 дней, то телята и верблюжата еще долго не были способны идти вслед за взрослыми животными (МКЗ. Т. II. С. XXVII; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 122, 131 и др.). Поэтому ритм кочевания был невысок и на стоянках номады задерживались на 2—3 дня (МКЗ. Т. II. С. XXVII и др.), чтобы дать возможность молодняку встать на ноги.

Наиболее благоприятным временем для рождения молодняка считался, согласно народному опыту, апрель месяц, когда началась активная вегетация растительного покрова, почва подсыхала, а температура воздуха в дневное время устойчиво достигала 5—10°C. Поэтому номады сознательно подгадывали сроки рождения молодняка к апрелю месяцу целенаправленной случкой овец в ноябре, а прочего скота — в весенние месяцы. Однако здесь прослеживается определенное влияние социальных факторов, поскольку беднейшая часть населения стремилась получить молодняк к марту, а то и к февралю месяцам, чтобы уже к концу зимнего — началу весеннего периодов обеспечить себя молочной пищей (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 128—129 и др.). Период массового рождения молодняка требовал от номадов больших затрат труда для того, чтобы обеспечить его сохранность (Добросмыслов, 1895. С. 47—48, 95—97, 185—187, 238—240, 272—273 и др.). Одновременно кочевники должны были в весенний период обеспечить и целый ряд других трудовых операций, в частности, стрижку овец, коз, верблюдов и лошадей (Масанов, 1959. С. 104—106 и др.), случку скота, его кастрацию, клеймение (Добросмыслов, 1895 и др.) и т. д. Особенно трудоемким был процесс ежедневной и многократной дойки скота (Муканова, 1974. С. 78—89 и др.). Большого труда требовало и производство предметов материальной культуры (Масанов, 1961. С. 45—52 и др.). Таким образом, в весенний период важное значение приобретала необходимость обеспечения различных эле-

ментов системы материального производства, которые оказывали существенное влияние на интенсивность и скорость кочевания.

По мере того как молодежь становился на ноги, номады резко интенсифицировали процесс кочевания. Это было связано с тем, что для многих номадов в короткий весенний период необходимо было пройти огромное расстояние — до 100—200 и более верст (Мацкевич, 1929. С. 3—6, 8, 10—28 и др.), а также с тем, что долго находиться на весенних пастбищах было невыгодно, поскольку пути движения зачастую были общими и для отстающих почти не оставалось корма. Мимо проходит много народу, сообщают сами кочевники, отсюда много пыли, не хватает воды, мало корма (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96 и др.). При этом они «начинали кочевать группой аулов (в 2—4 аула)» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). «В сие время начинают они опять скочевываться в средину степи и к привольным паствам» (КРО, 1964. С. 163). «По образу своей кочевой жизни, — свидетельствуют Поспелов и Бурнашев, — киргиз-кайсаки весной со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами, останавливаясь чрез неделю, или покуда удобность есть для корму скоту около речек, озер и колодец всей волостью вообще, дабы быть безопасными от других волостей; разделяются иногда по стеснению только мест...» (Там же. С. 149—150). В это время кочевники передвигались ежедневно на 15—30 верст, иногда с короткими остановками в 2—3 дня через 3—4 кочевки. При остановках в 2—3 дня ставили юрты, при более кратковременных — ставили «нечто вроде палаток из кереге, составленных в виде крыши и покрытых кошмой» (МКЗ. Т. II. С. XXVII; Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77 и др.). «Ставить юрту, — уточняет Б. Куфтин, — каждый день хлопотливо, поэтому во время быстрых передвижений они ограничиваются тем, что из решетчатых стен юрты устраивают род домиков, покрывают их войлоком и спят по несколько человек. В жаркое время кочуют ночью» (Куфтин, 1926. С. 16).

Выпас скота весной по-прежнему был раздельным. Во время остановок лошадей на ночь отгоняли от аулов и выпасали в 3—4 верстах от них (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 146 и др.). Обычно вечером с наступлением темноты отгоняли табун, а утром снова пригоняли к месту стоянки на водопой. После этого лошадей уводили в степь на выпас и к вечеру пригоняли на повторный водопой (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.). Кобыл с молодняком обычно держали на привязи вблизи аула (МКЗ. Т. II. С. XXV и др.). Овец и коз выпасали в радиусе 3—4 верст от места стоянки (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.), крупный рогатый скот находился на вольном выпасе и т. д.

Таким образом, весенний цикл подразделялся на ряд относительно автономных периодов, каждый из которых характеризуется своими особенностями. В температурном режиме от 0 до 5°C, когда происходило таяние снегов и имел место крайний дефицит кормов, на первый план выходила потребность скорейшего отво-

да скота за пределы зимних пастбищ и обеспечения его кормами, что обуславливало необходимость сегментации кочевых общин на отдельные хозяйства и небольшие отары по 50—70 овец в каждой. В температурном режиме от 5 до 10°C, когда начинал произрастать новый растительный покров, главная задача кочевников сводилась к обеспечению нормальной рождаемости и сохранности молодняка в рамках общинных структур. В температурном режиме от 10 до 15°C, когда пастбища были насыщены эфемерами, необходимо было в кратчайшие сроки до наступления жаркой погоды и в период весенних дождей пройти расстояние до летних пастбищ, что приводило к концентрации значительных групп кочевников на маршрутах кочевания и диктовало быструю скорость передвижений.

Природно-климатические условия среды обитания определили место локализации, систему выбора и использования летних пастбищ. Как мы уже отмечали, в равнинной части Казахстана в соответствии с ландшафтной зональностью они в основном располагались в степной и лесостепной зонах, а в предгорной и горной полосе — снизу вверх в вертикальном направлении. Это было связано с тем, что основным критерием выбора пастбищных угодий в теплое время года является степень обеспеченности их водными источниками. Этому требованию отвечала степная зона, где до 70—80% атмосферных осадков выпадало в теплое полугодие, а также альпийские и субальпийские луга и низкогорные районы.

Под джайлау кочевники старались выбирать плоские равнины и низменности в открытой степи с разнотравно-злаковой растительностью или районы, малодоступные для выпаса скота в зимний период из-за глубоких снегов, сильных ветров, буранов, гололеда либо быстрого усыхания растительного покрова. Широко практиковался выпас скота в ложбинах и лощинах, оврагах и западинах, тех местах, где травостой в зимний период заносился глубоким слоем снега и становился недоступен скоту. В горной и предгорной зонах кочевники стремились выпастить скот на подветренной стороне склонов гор и холмов, также широко использовали растительный покров на северных склонах гор и холмов, а также на южных склонах глубоких долин и лощин. В жаркую погоду скот пасли на обдуваемых ветрами возвышенностях, учитывая экспозицию пастбищных участков. В результате использования особенностей рельефа кочевники искусственно удлиняли продолжительность пребывания на летних пастбищах (МКЗ. Т. I. Приложение. С. 75—78; МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 13—14, 19—21; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 41—42; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 8—22; МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 1—40; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18, 20—21, 87; МКЗ. Перовский уезд. С. 27, 146—147, 155 и др.).

В отличие от весеннего периода, который носил характер интенсивной переколки с кратковременными остановками и базировался на сезонной продуктивности растительного покрова, летний цикл основывался больше на зональности фитоценозов и характеризовался продолжительными стоянками и кратковременным

периодом кочевания, что было наиболее присуще для кочевников типа естественного водопользования. Замедленный ритм передвижений в летний период был обусловлен сильной жарой, адаптация к которой требовала от людей и животных больших энергетических затрат. «С восходом солнца,— сообщает А. Евреинов,— начинающийся жар и доходящий в полдень до 40° в тени убивает всякую деятельность... Нет ни реки, ни дерева, во влаге или тени которых можно бы оживить себя. Наружу нельзя показаться: палит как огнем; а кошмы кибитки или стены дома нагреты так, что от них пышет какая-то особая духота» (Евреинов, 1851. С. 59). Поэтому интенсивность кочевания летом была наименьшей по отношению к весеннему и осеннему сезонам года (Чорманов, 1871 и др.). Другим фактором, объясняющим большую продолжительность стоянок в летний период, является более высокая продуктивность пастбищной растительности, которая не требовала интенсивных миграций.

Летом кочевники могли передвигаться лишь в районах, обеспеченных водными источниками, и поэтому их миграции носили характер перегона скота от одного источника к другому. В случае недостаточной обеспеченности пастбищных угодий водными источниками номады стремились разделиться на более мелкие социальные организмы (Kradner, 1963. PP. 209, 282—283; Idem, 1966. P. 164, etc.). Летом, сообщают очевидцы, аулы группируются совсем иначе, чем зимой. Стоят на джайляу тесно или редко в зависимости от качества пастбища и водопоя (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 119 и др.). Однако, в целом, в этот период года прослеживается тенденция объединения кочевников в более крупные группы, чем зимой (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74). «Прохладное лето,— свидетельствует Г. Потанин,— привлекает на Сары-Арка (Центральный Казахстан — Н. М.) киргизские аулы из горячих степей с юга и севера. Собравшиеся сюда на лето киргизы опять на зиму расходятся, часть идет на север, а часть на юг; так что тело киргизского народа в холодную пору года расширяется, а в жаркую сжимается...» (Потанин, 1914. № 82). Летом, свидетельствуют сами кочевники, несколько зимних аулов объединялись в группу, и каждый «летний аул» располагался вокруг своего особого колодца (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 88; МКЗ. Т. IV. Описание... С. 119 и др.). В засушливые годы, когда число водоемов сокращалось, происходила концентрация аулов вокруг естественных водоемов (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 89 и др.). Известны случаи, когда на джайляу номады объединялись в очень большие группы, иногда до нескольких сотен хозяйств (Там же. С. 94). Так, например, И. П. Шангин свидетельствует, что в районе реки Нуры на летовке собиралось до 1000 юрт (Шангин, 1820. С. 81). Небезынтересно и сообщение доктора Базинера о встрече им «громадной киргизской орды, состоящей из 30 аулов» (Базинер, 1873. № 46). На джайляу вблизи Бурул-Тохоа, отмечает В. В. Сапожников, казахи собираются в количестве свыше 400 аулов (Сапожников, 1911. С. 190). «Часто аулы киргизские,— свидетельствуют очевид-

цы,— бывают очень обширны; где кочуют ханы или султаны, там иногда находится от 500 до 1000 юрт» (Азиатский вестник. 1826. Ч. 1. С. 377).

Процесс кочевания в летнее время, как мы уже отмечали, представлял собой движение от одного водного источника к другому. На джайляу каждая община становилась около своих строго определенных колодцев, и мужчины первым делом принимались за их чистку либо реконструкцию (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88, 119; Общий очерк. С. 16; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 92 и др.). После того, как растительность вокруг стоянки была использована, номады снимались и кочевали дальше. Кочевки в летний период в среднем не превышали 12—15 верст в день. Если на летовке остаются только на ночь, то юрт не ставили, а устраивали «кошы» с прямыми ууками (МКЗ. Т. II. С. XXIII; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 18 и др.).

Летом пастбища выбирали также в зависимости от наличия и качества растительного покрова (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18, 20—21, 141 и др.). Важным условием летнего выпаса скота было требование разнообразия кормового рациона. Поэтому каждые 7—10 дней скот необходимо было выпасать на солонцах (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 42 и др.), без чего нельзя было обеспечить качественный нагул животных (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 147 и др.). Пасли скот главным образом на злаковом разнотравье, чередуя различные виды трав и солонцы, а к концу лета после дождей — нередко на эфемерах (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 42 и др.). При выпасе учитывали экспозицию местности, поэтому в начале лета, в основном, старались использовать те пастбища, растительный покров на которых к концу лета выгорал (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 146—147 и др.). Качество травостоя оказывало прямое воздействие на ритм и частотность системы кочевания. «В половине же лета,— сообщают очевидцы,— когда трава достигает полных размеров своего роста и время становится жаркое, киргизы стоят на одном месте даже по месяцу» (Чорманов, 1871. № 37).

Интенсивность кочевания зависела также и от величины стада и его видового состава, поскольку чем больше было скота, тем быстрее он потреблял растительный покров, а следовательно, быстрее должен был передвигаться (Шнайдштейн, 1974. С. 70 и др.). Бедные кочевники-казахи, свидетельствуют источники, в летний период кочевали 2—3 раза, тогда как богатые гораздо больше (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 126 и др.). «Богатому киргизу безусловно необходимо кочевать и кочевать подальше и подальше...» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 139). Действительно, многоскотные казахи кочевали интенсивнее, чаще меняли свои стоянки, а площадь выпаса их скота была гораздо больше и миграционный рисунок значительно сложнее. Беднейшие аулы далеко не кочевали и тяготели к стационарному выпасу на протяжении всего летнего периода (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.).

Летом скот выпасался не радиальными равномерными полосами, как зимой, а концентрическими кругами от места стоянки

вблизи водоема вглубь степи (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). Площадь пастбища в это время года не превышала того расстояния, которое мог пройти скот в этом и обратном направлении от аула в течение одного летнего дня. Лошадей, например, выпасали в радиусе 8-10—12-15 км от водного источника, а овец — 3—5 км (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 146; Садыков, 1981. С. 7 и др.).

Обычно практиковался отдельный выпас скота (Аполлова, 1976. С. 209 и др.), что было обусловлено различной скоростью передвижения животных, отличиями в степени поедаемости растительного покрова и т. п. Молодняк всех видов скота выпасали отдельно от взрослых особей, чтобы он не высасывал дойных маток (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.). Крупный рогатый скот находился на вольном выпасе, только в полдень его пригоняли на водопой к аулу, а коров в это время выдаивали (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88—89, 102 и др.). В момент дойки коров молодняк привязывали и отпускали на выпас только после ухода стада в степь (Там же. С. 103 и др.). Овец утром после восхода солнца угоняли в степь на выпас и только к полудню пригоняли в аул на водопой. Здесь выдаивали маток и до тех пор, пока не спадет жара, держали вблизи аула, после чего снова выдаивали маток и затем отправляли в степь на выпас. К ночи их пригоняли в аул на водопой и укладывали на ночлег (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.). Ягнят держали на выпасе вблизи аула и во время прихода отары привязывали (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.). Если овец в ауле было много, то их выпасали в 2—3 и более отарах отдельно величиной не более 600—800 голов в каждой (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.). «Дело в том, — свидетельствуют очевидцы, — что овцы идут по пастбищу сплошной массой, и если их очень много в стаде, то на долю овец, идущих сзади, не хватает корма» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.).

Выпас лошадей отличался тем, что их нагул в основном осуществлялся в ночное время, поскольку днем этому препятствовали жара, оводы и другие жалящие насекомые. С вечера табун отгоняли по ветру, а к утру он сам приходил против ветра к месту стоянки (Баскин, 1986. С. 151, 154—155 и др.). Дойных кобыл обычно держали вблизи аула отдельным табуном, жеребят к ним в дневное время не допускали, держа на привязи (МКЗ. Т. II. С. XXIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 89, 103; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145—146 и др.). На ночь кобыл вместе с жеребятами пускали на выпас в общий табун, который обычно находился вдали от аула и лишь дважды в день пригонялся к месту стоянки на водопой (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.).

Самым трудоемким процессом в теплое время года и особенно летом, как мы уже отмечали, было обеспечение скота водой — до 2—3 раз в день. В больших табунах, свидетельствует народный опыт, когда скот ждет очереди на водопой, случается давка, при этом слабые и одиночные лошади, как правило, остаются без воды, ибо косячные жеребцы не подпускают их к источнику. Из-за не-

достатка воды или ее загрязненности лошади плохо нагуливаются (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88—89 и др.). Техника водопоя была такая же, как и в весенний период (см. параграф 3.2).

Летний цикл охватывал чрезвычайно обширный круг трудовых операций. В это время номады заготавливали на зиму молочные продукты: курт, иримшик, масло, перетапливали жир, готовили катык, айран и т. п. (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 89 и др.). Весьма трудоемким был процесс создания различных предметов материальной культуры: валяние кошм, прядение шерсти, ткачество, витье веревок, выделывание шкур и т. п. (Там же. С. 89—90 и др.). Лето было также временем осуществления многих ритуалов и церемоний, в частности таких, как годовые асы, похороны и поминки, инициации, свадебная и прочая обрядность.

Как мы уже отмечали, отношения по поводу водных источников в кочевой среде были достаточно жестко урегулированы. В отношении естественных водоемов действовало «право первозахвата», в отношении искусственных водоисточников признавалось «право первого пользования» за его создателями (см. параграф 3.2.). Вполне естественно, что закрепляя за собой водопой, кочевники фактически закрепляли за собой и определенную территорию вокруг водного источника (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90, 92 и др.).

В этой связи следует заметить, что и отношения по поводу пастбищных угодий также были достаточно определенно урегулированы. Несмотря на то, что джайляу формально находились в общем пользовании, каждая кочевая группа выпасала скот на строго регламентированных пастбищах вокруг традиционных водоемов (МКЗ. Т. II. С. III—IV, X, XXIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99, 119, 126 и др.). Поэтому летние кочевья, как свидетельствуют источники, отчасти распределены между отделениями, которые «владеют оными, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может» (КРО, 1964. С. 158). «У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок; на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки; но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» (Живописный альбом... С. 330). «Обычным же правом,— пишет Б. А. Куфтин,— регулируется и пользование летовками, ...которые кроме пастбы скота ничем не могут быть заняты,— ни пашнями, ни зимовками. Каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргизов, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его ответвления, — но не каждый киргиз, который захотел бы воспользоваться тем или другим участком степи» (Куфтин, 1926. С. 15). «Каждый аул должен иметь особое зимовое место..., особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ» (Чорманов, 1871. № 33). «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют: «Джайляу (летовка) представляют в настоящее время наиболее свобод-

ное угодье... право пользования ими почти безгранично. По крайней мере, на одной и той же площади встречаются киргизы разных волостей, разных родов. Но тем не менее, если присмотреться к порядку кочевания различных родов, то можно заметить, что они имеют свои пути кочевания и свои стоянки на летовках, так что если скот их при пастьбе и смешивается, то все-таки у каждой группы или у многих групп имеются свои стоянки» (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 16). «...В виду строгого распределения летовок,— замечает Б. А. Куфтин,— ни один киргиз не решится остановиться на чужом месте более одного дня» (Куфтин, 1926. С. 15). При этом имеется весьма интересная запись, что казахи-кочевники одной из общин «на джайлау своих стоянок не имеют, кочуют вслед за другими и пользуются тем, что остается» (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 17). Иначе говоря, территория летних пастбищ была распределена между различными общинами и отношения земле-владения и землепользования были строго заурегулированы.

Таким образом, главная задача системы общественного производства в летний период года заключалась в обеспечении скота водными и кормовыми ресурсами, а также создании различных предметов материальной культуры. Реализация этих целей достигалась посредством кочевания от одного водного источника к другому и потребления растительного покрова вокруг колодца или естественного водоема. Ритм кочевания по сравнению с весенним и осенним периодом носил замедленный характер и перемежался сравнительно долговременными стоянками. В результате большей кормовой емкости пастбищных угодий и возможности миграций номады в летний период концентрировались в более крупные групповые объединения, чем в зимний период (см. параграф 6.1.).

К концу летнего сезона кочевники начинали движение в обратном направлении — в сторону зимних пастбищ. Маршруты этого движения, учитывая посезонную продуктивность растительного покрова, не в полной мере совпадали с кочевыми маршрутами весеннего периода. «В начале августа месяца,— свидетельствуют очевидцы,— киргизы начинают обратную кочевку точно таким же порядком, как и весной, но только не тем уже путем, а другим, где трава еще не вытравлена» (Чорманов, 1871. № 37). В осенний период года номады, в основном, использовали пастбища со злаками осенней вегетации, солянковой и полынной растительностью (МКЗ. Т. II. С. IV, VIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90, 96, 98, 110, 124—127; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 92—98; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 20; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18—21 и др.).

Система осеннего выпаса скота в отличие от летнего, в основном, базировалась на посезонной продуктивности пастбищной растительности и представляла собой сравнительно быстрое движение в сторону зимних пастбищ. Это было обусловлено тем, что в относительно короткий осенний период, который при меридиональном кочевании с севера на юг фактически удлинялся, необходимо было пройти весьма значительное расстояние до зимовки, нередко превышавшее 100—200 км. Однако в отличие от весеннего осен-

ний период был более длительным, поскольку переход на зимние пастбища мог быть осуществлен только после установления там устойчивого снежного покрова. Поэтому границы осеннего периода были изменчивы и неопределенны, а его продолжительность напрямую зависела от характера атмосферных осадков и температуры воздуха. Вследствие этого интенсивность кочевания по мере приближения к зимовкам падала.

Порядок кочевания и выпаса скота в осенний период находился в прямой зависимости от степени удаленности джайляу от зимовок. В августе в момент начала понижения среднесуточной температуры воздуха номады начинали движение в сторону зимних пастбищ и на первых порах выпасали свой скот по периферии летних пастбищ на территории общего пользования (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90, 96, 110; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 93 и др.). На пастбищах общего пользования кочевники группировались вокруг строго определенных водных источников как искусственного, так и естественного происхождения (МКЗ. Т. II. С. V; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 97—98, 90, 96, 110, 124; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 42; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 93, 94; Чорманов, 1871. № 37 и др.). Однако долго находиться на пастбищах общего пользования было невыгодно, так как там концентрировались огромные массы номадов, что вызывало нехватку воды и кормов.

В сентябре, когда среднесуточная температура воздуха понижалась до 10°C, начиналось массовое движение в сторону зимних пастбищ. Кочевники, у которых зимовки располагались недалеко от джайляу, оставались на пастбищах общего пользования и выпасали скот на границах своих зимних территорий (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 110 и др.). Номады, у которых зимовки были удалены от летних пастбищ, интенсивно двигались в сторону своих кстау и по мере приближения к ним замедляли темп кочевания, располагаясь по периферии зимних территорий в ожидании снежного покрова (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 13; С. IV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90 и др.). Как правило, все осенние пастбища, расположенные вблизи зимовок, были строго обособлены и находились в частном землепользовании (МКЗ. Т. II. С. V; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 42; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90; Общий очерк. С. 16; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 93 и др.). «...Здесь, — свидетельствуют очевидцы, — кочевые места уже разделены... Каждый из киргизов хорошо знает свои места и свято соблюдает это разделение» (Чорманов, 1871. № 37). Особенно последовательно это прослеживается на малообводненных пастбищах, где преобладали искусственные водоисточники, которые, как мы уже отмечали, находились в частном владении и пользовании (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90, 96—98, 124 и др.). На этой основе происходит присвоение соответствующей территории пастбищных угодий.

Правда, не всегда осенние пастбища непосредственно примыкали к зимним, нередко они были отделены от них чужими землями (МКЗ. Т. II. С. IV и др.). В этом случае переход на зимовку после установления там устойчивого снежного покрова носил ха-

ракетер интенсивного отгона, поскольку на обособленных пастбищах вблизи кстау останавливаться не позволяли (МКЗ. Т. II. XXVII и др.). Интересно в этой связи сообщение Рузбихана: «Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища. Так как на всем пути следования к зимовкам иногда не бывает достаточно воды, чтобы напоить скот, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда переправы и дороги покрываются снегом» (Рузбихан. С. 94). Иначе говоря, на малообводненных пастбищах переход на зимовку был возможен только после выпадения снега.

В осенний период выпас скота, в основном, осуществлялся на тех местах, которые зимой заносились толстым слоем снега и были недоступны скоту (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 13; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 85 и др.). Во время стоянки на поздне-осенних пастбищах скот не пускали ближе определенного предела к зимовкам (МКЗ. Т. II. С. IV и др.), оберегая растительный покров от потравы. Одновременно осенние пастбища приберегали для зимнего выпаса лошадей (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 96 и др.), которых уже в это время начинали объединять в зимние табуны косы (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96 и др.). «После стоянки на осенней кочевке,— свидетельствуют очевидцы,— киргизы входят уже на собственные свои зимовки, куда приводят с собой верблюдов, коров и баранов, а лошадей оставляют на осенних стойбищах, которые всегда бывают весьма недалеко от зимовок, верстах, например, в 15, 20 и 25-ти» (Чорманов, 1871. № 37). Выпас лошадей в позднеосенний период был построен таким образом, чтобы «дать время траве на джайлау вырасти еще раз под влиянием осенних дождей», только после этого формировали кос и отгоняли его на север в сторону летних пастбищ (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125 и др.).

Осенний период, несмотря на то, что число «доений» постепенно сокращалось, а к концу осени и вовсе прекращалось (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88, 103 и др.), охватывал большой объем трудовых операций. К этому времени молодняк переводили в общие табуны и стада (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.), а раздельный выпас скота практиковался только в видовом отношении. Осенью, незадолго до перехода на зимовку, проводился массовый забой скота на мясо, во-первых, потому, что животные находились в это время года в наилучшей физической форме и, во-вторых, потому, что долговременное хранение мясных запасов было возможно только зимой (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 169; Добросмыслов, 1895 и др.). Помимо этого осенью, чаще всего в ноябре, производилась случка овец (Диваев, 1901. Вып. 7. С. 71—74 и др.), а двумя месяцами раньше их вторичная стрижка (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 85 и др.). В это время года также заготавливалось топливо на зиму, производился ремонт зимовок и т. п.

Иначе говоря, осень была временем, когда кочевники стремились как можно быстрее выйти на границы своих зимних паст-

бищ и расположиться по их периферии в ожидании установления стабильного снежного покрова. Вследствие этого система кочевания по мере удаления от летних пастбищ интенсифицировалась и по мере приближения к зимним пастбищам замедлялась. Она основывалась на передвижениях от одного водного источника к другому либо на использовании сезона дождей, что позволялономадам утилизировать безводные пространства и преодолевать их быстрым маршем. В этой связи находились и формы социальной организации и отношения собственности. Медленный ритм кочевания соответствовал объединению номадов в небольшие социальные группы и регулированию отношений водо- и землепользования. И, наоборот, быстрый ритм кочевания соответствовал концентрации кочевников в большие группы и общности пастбищных угодий.

Таким образом, очевидно, что сезонная динамика природных процессов оказывала глубокое и всестороннее воздействие как на систему материального производства кочевников, так и на их образ жизни. Прежде всего налицо экологическая детерминированность всей системы выпаса скота и кочевания, выбора и использования пастбищных угодий и опосредствованно этому — социальной организации и социально-экономических процессов. Одновременно имеет место и посезонная специфика процессов взаимодействия природы и общества. Так, в наиболее неблагоприятный период года — зимой — главным являлось обеспечение скота кормовыми ресурсами, что обуславливало организацию процесса производства в мелких хозяйственных организмах, тогда как в теплый период года на первый план выходила потребность обеспечения скота водой, что определяло необходимость кочевания и возможность большей концентрации трудовых и материальных ресурсов в среде номадов (Масанов, 1984 и др.).

ГЛАВА V. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

5.1. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ДИСПЕРСНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОБРАЗА ЖИЗНИ НОМАДОВ

В процессе адаптации человека к специфическим природно-климатическим условиям ареальной экосистемы номадами был выработан особый механизм природопользования — закономерность дисперсной организации системы материального производства и образа жизни, с помощью которого обеспечивалось экологическое освоение аридной зоны Евразии. Закономерность оптимальной дисперсности кочевого скотоводческого хозяйства в пространстве детерминировала динамическое равновесие в природных и социально-экономических процессах, эффективное функционирование системы общественного производства.

Дисперсная организация процесса производства была обусловлена прежде всего низкой кормовой продуктивностью растительного покрова в аридной зоне Евразии и Северной Африке.

«Скудная растительность,— свидетельствует П. Медведский,— не позволяет слишком большого скучения народа. Чтобы удобнее прокормить свои стада, каждый несколько зажиточный киргиз старается поселиться особняком, и чем дальше от других, тем охотнее; вследствие этого очень нередко около аула не встречается жилья верст на 15 и 20» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 290). Низкая кормовая производительность растительного покрова, детерминируя динамическое состояние кочевников, вынужденных передвигаться в поисках подножного корма, обуславливала потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях. Для обеспечения одной лошади кормами в течение года в среднем было необходимо в зоне степей Казахстана не менее 20 га пастбищных угодий, овцы — 5—7 га. В зоне полупустынь и пустынь Казахстана данная норма резко возрастала, например, для овец до 15—24 га (Федорович, 1973. С. 217—218; Нечаев, 1975. С. 56—58; Казахстан, 1969. С. 452 и др.). В Монголии среднегодовая норма пастбищных угодий на одну овцу составляет от 1,5 до 6,7 га (Чогдон, 1980. С. 60 и др.). В сахарской и субсахарской зонах емкость пастбищных угодий составляет свыше 20 га на одну голову скота, а в саванно-сахельской — 6—12 га (Радченко, 1983. С. 51 и др.). Анри Лот отмечает, что в зоне Сахары необходимо не менее 60 га пастбища на одну голову крупного рогатого скота (Лот, 1984. С. 188). В этом случае очевидно, что разреженность и низкая кормовая производительность растительного покрова лимитировали численность скота и не допускали его большой концентрации в рамках любого типа хозяйства.

При этом известный минимум пастбищных ресурсов при рациональном их использовании мог обеспечить жизнедеятельность не только строго лимитированного количества животных, но и в течение лишь определенного отрезка времени (фактор сезонности продуктивности растительного покрова). Это обстоятельство также значительно ограничивало численность скота и время его пребывания на той или иной территории. При этом различные виды животных предъявляли особые требования к растительному покрову и требовали поэтому организации специфического режима выпаса. Так, например, из 180 видов семейства маревых (солянок), составляющих основу травостоя пустынных пастбищ Казахстана, овцами поедается 132 вида, а крупным рогатым скотом — только 24 (Ковешников, 1967. С. 201). Из 288 видов растений пустынной зоны Казахстана овцами поедалось 167 видов, верблюдами — 148, лошадьми и крупным рогатым скотом — 109 (Иванов, 1973. С. 63—65). Таким образом, возможность выпаса животных на той или иной территории и их численность лимитировались не только бедностью пастбищных угодий, но и сезонной продуктивностью и качеством растительного покрова и особым режимом выпаса различных видов скота.

Дисперсное состояние общественного производства было также обусловлено аридностью природно-климатических условий и прежде всего бедностью водных ресурсов, которые препятствовали

сколько-нибудь значительной концентрации скота. Это было следствием недостаточности атмосферных осадков и того, что потребность в воде не восполнялась за счет естественных водоемов (Кирста, Кузнецов, 1985 и др.), а искусственные водоисточники не могли удовлетворить потребности в воде большого числа скота. «...Для множества лошадей и верблюдов,— отмечал еще С. Броневский,— киргизские колодези недостаточны» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 240). Поэтому их использование носило кратковременный и посезонный характер. Кочевое скотоводческое хозяйство базировалось на равномерной сети искусственных водоисточников на очень больших пространствах, но с малым расходом воды в каждом из них и с возможностью быстрого и непродолжительного использования. Причем оптимальное расстояние между пунктами водопоя не должно превышать в условиях Казахстана для летних пастбищ 5 км, а для весенних и осенних — 10 км (Казахстан, 1969. С. 453—454). По данным Р. Капо-Рея, номады использовали колодцы только при условии, что они не слишком глубоки (не глубже 30 м) и не слишком удалены от пастбища (для овец не более 25 км) (Капо-Рей, 1958. С. 196).

Следует также в этой связи указать и на сильную минерализацию водных источников, что не позволяло равномерно использовать их всеми видами скота и требовало особого режима водопоя для каждого вида животных, поскольку верблюды, а за ними овцы и козы, гораздо лучше переносили отсутствие воды по сравнению с крупным рогатым скотом и тем более лошадьми, которые требовали регулярного водопоя. При этом воды с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодны только для овец и верблюдов и временно для крупного рогатого скота, а для людей и лошадей не пригодны вовсе (Казахстан, 1969. С. 453). Вследствие этого достаточно определенно прослеживается недостаточность водных ресурсов, что обуславливало потребность в передвижениях в поисках воды и принципиальную невозможность сколько-нибудь значительной концентрации скота, регулировало численность и видовой состав стада вокруг того или иного водоема.

Таким образом, недостаточность кормовых и водных ресурсов, как, впрочем, и топливных, строго ограничивала численность животных, отчасти и видовой состав стада, на той или иной территории и обуславливала невозможность концентрации скота сверх допустимого лимита ресурсов среды обитания. При этом самим процессом утилизации природных ресурсов и самой системой материального производства регулировалось время пребывания скота вокруг водного источника на том или ином пастбище. Именно поэтому скотоводческое хозяйство номадов существовало как бы в дисперсном состоянии в виде множества относительно мелких по числу скота хозяйственных организмов. В этом случае, несомненно, достигался наибольший эффект в использовании скудных пастбищных угодий аридной зоны Евразии и Северной Африки, позволявший в достаточной мере обеспечить скот необходимыми кормами и водой. «Киргизы,— отмечал еще А. И. Левшин,— ред-

ко кочуют большим числом вместе: ибо стадам их тогда бывает тесно...» (Левшин, 1832. Ч. III. С. 24). «Следствием обилия скота,— пишет Р. Капо-Рей,— является необходимость распыления становищ. Регейбаты кочуют группами по 5 или 6 шатров, ...а иногда отдельными шатрами» (Капо-Рей, 1958. С. 240). Совершенно справедливо в этой связи было замечено К. М. Тернбулом, что постоянные передвижения, процесс сезонного расщепления и слияния общин, а также рассеянное состояние населения — все эти факторы позволяют людям выжить в данных условиях среды обитания: «Система находится в соответствии с существующими условиями» (Тернбул, 1981. С. 64—65).

Дисперсное состояние кочевников было также обусловлено важностью сохранения плодородия почвы, экологического равновесия в природных и социально-экономических процессах. Значительное сосредоточение скота влекло за собой быстрое выбивание пастбищных угодий, уничтожение плодородного слоя почвы, что особенно прослеживается вблизи водных источников и поселений (Алланиязов, Викторов, Пельт, 1984. С. 19—25, 94, 100, 114; Григорьев, 1985. С. 88—89, 90, 94, 172, 210; Арнагельдыев, Костюковский, 1985. С. 102, 126, 130; Чигаркин, 1984 С. 164 и др.). «Огромные количества животных,— свидетельствуют очевидцы,— уничтожают растительность настолько, что во многих местах оголяются песчаные холмы и саванна превращается в пустыню. Особенно это бросается в глаза в окрестностях больших селений и в местах водопоя... На дюнах, окружающих эти места, нет и следа растительности» (Ковальска-Левицка, 1981. С. 191). В этой связи очень интересны некоторые результаты предварительных исследований в Монголии, которые показывают, что вокруг колодцев на расстоянии 20—40 м образуется вытоптаный участок без растительного покрова, на расстоянии 40—100 м травостой становится очень редким и складывается в основном из корневищных и малопитательных растений. В радиусе 0,4—1 км от колодца пастбище находится на последней стадии сбоя: почва уплотнена и имеет низкий растительный покров. На расстоянии 1—2 км от водоемистика степень сбоя пастбища становится почти незаметной, но урожайность травостоя понижается в среднем на 20—32%, в то время как резко возрастает урожайность малопродуктивных осок — в 2—5,3 раза, полыни — 3,2—6,2 раза (Чогдон, 1980. С. 125).

Скопление скота сверх допустимого лимита создавало для окружающей среды чрезвычайную опасность в виде так называемого «эффекта перевыпаса». Вследствие неравномерного размещения скота, превышения его лимита на единицу пастбища, растительный покров, чрезмерно истребляемый животными, не успевал накопить резервные вещества, необходимые для собственного воспроизводства, и поэтому не мог преодолеть конкурентного давления посторонних видов растительности. Усиленное вытаптывание приводило к уничтожению корней наиболее поедаемых скотом многолетних растений, которые играют основную роль в защите почвы. Отсюда при перевыпасе наблюдается тенденция к непре-

рывному увеличению числа видов растений с коротким вегетационным циклом, повышению доли однолетних растений (Формозов, 1981. С. 274—275; Мордкович, 1982. С. 186—188; Радченко, 1983. С. 194—195, 200—201, 205—210, 220—221 и др.). Вследствие этого имеет место пастбищная модификация (пасторальная дигрессия) растительного покрова — ухудшение видового состава кормовых угодий, снижение общей продуктивности и урожайности травостоя (Суворов, 1949. С. 67—77; Соболев, 1960; Быков, 1983; Алланиязов, Виктор, Пельт, 1984. С. 94—100; Сухие степи МНР: природные условия, 1984. С. 123, 126—128 и др.). В составе травостоя сильно сбитого пастбища от 23,6 до 45,9% в степной и от 48 до 50,2% в полупустынной зонах занимают растения, не имеющие большого кормового значения. В то время как продуктивность таких ценных кормовых трав, как злаки, снижается на 23,7—7,2% (Чогдон, 1980. С. 125—126). Специальные исследования свидетельствуют, что при средней нагрузке на пастбища было получено 264 новых всхода растений на 1 кв. м, а при максимальной — лишь 128 (Овцеводство Казахстана. С. 335).

Среди последствий перевыпаса различаются экосистемно-функциональные (нарушение взаимосвязи и устойчивости консорциев, энергообмена, минеральных циклов и т. п.) и подсистемные структурные изменения (в структуре почв, растительности и т. п.). (Смены пустынной... растительности... С. 17 и др.). При этом обращается внимание на то, что имеют место экологические катастрофы, порождаемые антропогенными факторами, которые приводят к повышению альбедо, создающему дефицит радиации, изменению климата, возникновению засух и т. п. (Григорьев, 1985. С. 74, 174 и др.). Иначе говоря, перевыпас скота влечет за собой весьма сложные, многообразные и нередко необратимые последствия. Пастбища как сложные структурно-функциональные экосистемы при интенсивном использовании не только снижают свой природный потенциал, но и теряют способность к саморегуляции и самовосстановлению.

Пастбищная дигрессия, в частности, приводит к труднообратимым нарушениям растительности, проявляющимся в выпадении высокопитательных облигатных доминантов, снижении полноты сообществ и их продуктивности, а также сильной засоренности (Смены пустынной... растительности... С. 202—203 и др.). В результате пастбищной модификации растительного покрова происходило уплотнение и засоление почв, их переунавоживание и чрезмерное статическое давление, что вело в конечном счете к разрушению дернины, развеиванию песчаных и других рыхлых и изреженных почв. Следствием этого является усугубляемое водной и ветровой эрозией опустынивание (Казахстан, 1969. С. 228, 230, 234, 455; Соболев, 1960. С. 5, 8, 15; Формозов, 1981. С. 25, 58—60, 99, 105—106; Кириков, 1983. С. 61—62; Кочакова, 1983. С. 70—78; Виктор, Чикишев, 1985. С. 67; Лот, 1984. С. 182—183, 187; Григорьев, 1985. С. 25, 52, 72, 90, 93, 162, 168—171, 173—174, 197, 207; Чигаркин, 1984. С. 75, 81, 113—114, 116, 162, 164; Арнагельдыев,

Костюковский, 1985. С. 44—46, 84, 102—103; Мордкович, 1982 и др.). Исследования пустынных пастбищ показывают, что в результате пастбищной дигрессии в течение уже 2—4 лет наступает деградация пастбищных угодий, для восстановления которых требуется до 30 лет (Смены пустынной... растительности... С. 203).

В этой связи можно привести классический пример опустынивания огромных пастбищных массивов во Внутренней орде (Плотников, 1871. С. 248—251; Москалева, 1957 и др.). Во второй половине XIX в. в замкнутой со всех сторон казачьими станицами и военными пикетами Внутренней орде из-за постоянно возрастающей нагрузки на пастбищные угодья (в 1819 г. на одну десятину приходилась одна голова скота, в 1829 г. — 2,7, а в 1852 г. — 4,2 головы и т. д.) только в Нарынской части площади голых песков ежегодно возрастала более чем на 17 тыс. десятин (Барминцев, 1958. С. 70). Например, в Казахстане только лишь в настоящее время в результате неоправданной концентрации скота и его нерационального выпаса насчитывается свыше 25 млн. га выбитых и более 30 млн. га эродированных пастбищ («Правда», 1979. 5 июня). В настоящее время на стадии сбоя находится еще порядка 30—35 млн. га. Особенно стремительным темпам опустынивания подвержена сахальская зона (Григорьев, 1985 и др.).

Таким образом, скудные природные условия среды обитания в сочетании со слабыми восстановительными способностями почвенного покрова и фитоценозов, необходимостью сохранения экологического равновесия объективно и независимо от желания самих кочевников обуславливали принципиальную невозможность концентрации скота в аридной зоне Евразии и Северной Африки и превышения его численности сверх допустимого лимита на единицу пастбища (Кириков, 1983. С. 3, 10, 18—19, 45, 61, 108, 113; Абатуров, Лопатин, 1985. С. 27—35 и др.). Как справедливо было замечено крупным советским геоморфологом Б. А. Федоровичем, «кочевое животноводство, составляющее основу хозяйства в глубинных районах пустынь, настолько приспособлялось к природным условиям, что сравнительно мало сказывалось на ландшафте даже песчаных пустынь, наиболее чутко реагирующих на воздействие человека» (Федорович, 1983. С. 182—183. См. также: Григорьев, 1985. С. 169—170; Чигаркин, 1984. С. 54 и др.).

Как правило, процесс деградации пастбищных угодий, спонтанно и спорадически возникавший время от времени, носил дискретный характер, поскольку существовал лимитированный предел, за порогом которого процесс концентрации скота в доиндустриальную эпоху совершенно объективно прерывался. Главная роль во взаимосвязанном круговороте биологических циклов принадлежала конкретным экологическим факторам, которые играли роль своеобразного регулятивного механизма прерывания процессов концентрации скота.

Для нормального воспроизводства стада было важно наличие не только соответствующих кормовых и водных ресурсов, потреб-

ность в которых в случае большого сосредоточения скота резко возрастала, но и *минимума времени*, необходимого для его передвижения и восстановления энергетических затрат в процессе кочевания, нормального поедания корма и его усвоения, обеспечения репродуктивных функций и т. п. При скоплении же скота сверх лимита среды обитания резко возрастала скорость и интенсивность его передвижения, поскольку чем более интенсивно эксплуатировались пастбищные угодья, тем большей была потребность в их смене. В этой связи следует указать на различную приспособляемость животных к условиям кочевания, особый режим выпаса различных видов скота. Так, скорость движения отары овец составляла в среднем 0,6—1,2 км/час при выпасе и 1,1—1,5 км/час при перегоне со сстраиванием травостоя, крупного рогатого скота — 0,5—1,6 км/час при вольном выпасе. При этом радиус выпаса от водопоя не должен превышать для мелкого рогатого скота 4—5 км, крупного — 2—2,5 км, лошадей — 5—8 км, верблюдов — 8—10 км (Чогдон, 1980. С. 187—195 и др.). При увеличении скорости движения и частых длительных перегонах возрастали потери скота в живом весе, резко ухудшались физические кондиции животных, что влекло за собой их слабую наживовку в теплое время года, недостаточное восстановление энергетических затрат в процессе кочевания, травматизм и в конечном счете, чаще всего зимой, массовый падеж скота. «...От скорой перегонки, — свидетельствуют М. Пospelов и Т. Бурнашев, — оный скот подвержен бывает повреждению и самой гибели...» (КРО, 1964. С. 150). Примером тому могут служить достаточно хорошо прослеживающиеся в источниках случаи, когда в периоды военных конфронтаций номады были вынуждены бегать от преследования своих врагов, наступала массовая гибель скота (Левшин, 1832. Ч. II. С. 69—70 и др.). Весьма интересный пример подобного рода можно привести в связи с практикой налоговых сборов царизма в Казахстане, зафиксированный в середине XIX в. А. Янушкевичем: «...Табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и более верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался» (Янушкевич, 1966. С. 211).

Следствием большого скопления скота и его беспорядочного перегона были массовая гибель животных, особенно молодняка (Нечаев, 1975. С. 59 и др.). Следовательно, морфологические признаки и видовые особенности животных, т. е. собственно биологические механизмы, лимитируя их численность, определяли принципиальную невозможность концентрации скота при кочевом режиме хозяйства в скудных условиях аридной зоны, а скорость его передвижения ограничивала интенсивность, ареал и время кочевания. Из этого видно, что кочевнический способ производства не являлся беспредельно экстенсивным, а был весьма значительно ограничен в различного рода перекочевках и базировался прежде всего на разумном и рациональном использовании продуктивных свойств раз-

личных видов животных. Поэтому биологические механизмы также способствовали прерыванию процессов накопления и концентрации скота независимо от воли и желания самих кочевников.

Правда, имелась возможность интенсификации системы кочевания за счет изменения видового состава стада, в частности увеличения поголовья и доли более мобильных видов животных (лошадей и верблюдов), что имело место в богатых хозяйствах и в особо засушливых районах (Першиц, 1961 и др.). Но и в этом случае экологические особенности вида в конечном счете также ограничивали число особей на единицу пастбища и оптимальные размеры стада. При этом цикл воспроизводства, функциональные и продуктивные качества ни одного из видов животных не могли обеспечить полного удовлетворения потребностей человека в необходимых для его жизнедеятельности средствах (см. параграф 3.1.).

Вместе с тем следует учитывать и отношение человека к длительности, ритму и режиму трудового процесса. В случае чрезмерного сосредоточения скота, а следовательно, и его более быстрого передвижения, происходило бы нарушение оптимального ритма жизни трудящихся индивидов, поскольку интенсивность кочевания также зависела от ритмичности трудовых и физиологических процессов самого человека. Так, например, для человека важное значение имело восстановление своих энергетических затрат в процессе труда (функция рекреации). «Рекреация характеризуется количеством времени, в рамках которого происходит восстановление сил человека (физических, интеллектуальных и эмоциональных), и деятельностью, осознанно или инстинктивно направленной на восстановление жизненных сил» (Кривошеев, Зорин, 1981. С. 62. См. также: Моммадов, Садиков, Тупикова, Графова, 1985. С. 75—84 и др.). Для обеспечения, в частности, функции рекреации необходимо было время для организации отдыха и быта, приготовления и приема пищи, сна, ухода за детьми, стариками, больными и ранеными, а также для отправления культов, ритуалов и т. п. В условиях кочевого хозяйства, на наш взгляд, смена деятельности в совокупности с аритмией трудового процесса могут быть соотнесены с функцией рекреации. Вместе с тем требовалось время и для осуществления социально-политической деятельности.

Таким образом, общественная деятельность в сочетании с ритмо-режимными характеристиками процесса производства регулировала взаимодействие экологического, биологического и социального факторов. Для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека была необходима оптимальная организация и сбалансированность всех условий и факторов бытия, что обуславливало принципиальную невозможность концентрации скота сверх лимита природных ресурсов среды обитания, морфологических свойств животных и жизненных сил самого человека. Поэтому вполне закономерно, что дисперсная организация системы материального производства и образа жизни кочевников являлась фундаментальным свойством кочевничества.

Материальным выражением закономерности дисперсного сос-

тояния, его внешней формой являлись общинная организация (см. параграф 6.1.) и малая плотность кочевого населения, составлявшая в среднем 0,5—1,5 чел. на кв. км (Брук, 1981; Андрианов, 1985 и др.).» Можно считать установленным,— пишет В. А. Ануцин,— наличие связей между природными ресурсами, условиями, уровнем развития производства и плотностью народонаселения» (Ануцин, 1982. С. 79). При этом «установлено, что в пределах экосистемы численность населения имеет тенденцию возрастать, пока не достигается точка динамического равновесия, определяемая притоком энергии (т. е. пищевыми ресурсами)» (Долуханов, 1979. С. 15). Иначе говоря, в доиндустриальную эпоху в ареальных экосистемах была достигнута опосредствованно кочевому скотоводству точка динамического равновесия (см.: Эванс-Причард, 1985. С. 86), регулирующим механизмом которой являлась закономерность дисперсного состояния номадного населения.

Дисперсное состояние, находившее свое непосредственное выражение в существовавшей у всех номадов организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организациях, имело посезонную специфику. Наиболее полное развитие дисперсность получала, например, у казахов в зимний период года из-за наличия снежного покрова, недостаточности кормовых ресурсов и невозможности кочевания (см. параграф 4.1.), а также поздней осенью и ранней весной (см. параграф 4.2). В это время года мелкие хозяйственные организмы номадов сегментировались на еще более мелкие производственные ячейки (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74; Букейхан, 1927. С. 68 и др.). В свою очередь, в зоне Сахары дисперсность становилась максимальной в засушливые периоды, когда из-за далеких расстояний между колодцами и недостатка пастбищ, пишет К. Тернбул, племена должны были делиться на мелкие кочевые группы, которые были изолированы друг от друга (Тернбул, 1981. С. 154).

Процессы концентрации скота, превышающие ресурсный потенциал среды обитания, совершенно объективно прерывались посредством как естественно-сегментирующей, так и социально-сегментирующей функций. Под первой из них мы понимаем различного рода экологические факторы, которые проявлялись в виде джутов и разных природных катаклизмов, приводивших к гибели скота, распространению эпизоотий, выкидышам и т. п. В качестве примера можно привести данные, свидетельствующие о том, что по мере возрастания степени обеспеченности скотом прямо пропорционально увеличивается и падеж скота. Так, в Петропавловском уезде в группе хозяйств, имеющих до 3 лошадей, от разного рода случаев гибели скота (джутов, болезней, нападение волков и т. п.) страдают в среднем 7—14,5% всех хозяйств данной группы; в группе хозяйств, имеющих от 4 до 10 лошадей,— от 22,6 до 33,6% хозяйств. В группе же хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, процент хозяйств с убылью колеблется в диапазоне от 40,3 до 52%, в группе хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей,— 59—65%, тогда как в группе хозяйств, имеющих более 50 лоша-

дей, он достигает своего максимума — 78—93% всех хозяйств (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 171).

Под социально-сегментирующей функцией мы понимаем такой комплекс социальных явлений, как обязательный раздел имущества после смерти его владельца, отдача скота в саун, уплата калыма, выделение имущества женатым сыновьям и приданого дочерям, устройство многочисленных пиров и празднеств по случаю рождения ребенка, инициации, свадьбы, похорон, поминок, система подарков-отдарков, законы гостеприимства и т. п., которые способствовали прерыванию процессов накопления скота и его перераспределению по всем этажам общества (см. параграф 7.3.). Как нам представляется, закономерность дисперсного состояния через естественно- и социально-сегментирующую функции детерминировала прерывание процессов накопления скота и способствовала рассеянию собственности в пространстве.

Таким образом, система кочевого режима хозяйствования строилась прежде всего на предельно рациональном использовании пастбищных угодий, кормовых и водных ресурсов среды обитания, продуктивных свойств животных и совершенно объективно вела к организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организмах. В результате этого происходило рассредоточение массы скота на возможно большей территории, что позволяло сохранять равновесие в природных и социально-экономических процессах, обеспечивать воспроизводство стада и в наиболее сбалансированной форме собственно процесс производства и общественную деятельность членов данного социума. Процесс концентрации скота строго лимитировался природными ресурсами, биологическими свойствами скота, целесообразностью общественного производства, функцией рекреации и т. п. Вследствие этого процессы концентрации трудовых и материальных средств совершенно объективно прерывались, если они превышали ресурсный потенциал среды обитания (Масанов, 1987 и др.).

5.2. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КОНЦЕНТРАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Лимитирующая роль среды обитания, которая определяла закономерность дисперсной организации системы материального производства и атомизацию общественной жизни кочевников, в процессе производства уравнивалась совокупностью факторов и стимулов, детерминировавших общность их интересов, необходимость объединения кочевников, развитие интеграционных процессов. На этой основе получает развитие закономерность концентрации общественного производства, означающая объективную необходимость в объединении трудовых и материальных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности и функционирования общества.

Среди множества факторов, обуславливающих объединение людей в различные социальные организмы, мы оставляем в стороне анализ инстинкта стадности, сексуального фактора (Васильев,

1983. С. 11 и др.), как присущих всем биологическим существам, и остановимся на рассмотрении лишь тех из них, которые способствуют удовлетворению специфически человеческих потребностей, либо являются результатом деятельности человека. Концентрация общественного производства порождалась, главным образом, технико-технологическими аспектами (см. параграф 7.3.), процессами кооперации и совместного труда массы непосредственных производителей, необходимостью найма и привлечения тяглого населения, а также социально-политическими и военными потребностями общества. Рассмотрим важнейшие интеграционные факторы жизнедеятельности кочевого общества.

Закономерность кооперации в кочевой среде анализируется нами в качестве основного уровня жизнедеятельной функции общества. Это было связано с тем, что осуществление разнообразных трудовых операций в сфере скотоводческого хозяйства требовало совместного труда различных групп индивидов, поскольку воспроизводство средств производства в рамках нуклеарной семьи было принципиально невозможно ввиду недостаточности их усилий и ограниченности энергетических затрат членов данной ячейки общества. Как мы уже отмечали, наиболее трудоемким был процесс обеспечения скота водой в аридных районах Евразии и Северной Африки, который в наибольшей степени требовал совместной деятельности, а следовательно, концентрации трудовых ресурсов.

Специальные исследования в этой области показывают, что в среднем на одну овцу в год расходуется следующее количество человеко-часов: на водоподъем 4.12, кормодобывание 3.2, стрижку 0.4, очистку шкуры 0.45, всего 7.87 человеко-часов (Чогдон, 1980. С. 105). В этих расчетах, как мы видим, не учтено очень многое, но они позволяют понять главное — направленность и характер трудового процесса в кочевой среде. Действительно, большая часть времени и энергетических усилий трудящихся индивидов расходуется на обеспечение скота водой. Процесс обеспечения скота водой в кочевой среде, как мы уже отмечали, подразделяется на процесс создания и поддержания в функционирующем состоянии искусственных источников воды и на процесс извлечения воды из колодцев и напоения ею скота.

Нам уже приходилось говорить о важной роли искусственных водоисточников в жизни кочевников. Практически во всех регионах, где функционировало кочевое скотоводческое хозяйство, за исключением лишь предгорных и речных долин, основным водоисточником, позволявшим освоить крайне скудные пастбищные ресурсы, являлись грунтовые воды. «В пустынях Аравии, — пишет В. Т. Зайчиков, — использование водоносных горизонтов с помощью колодцев издавна служит основным источником водоснабжения, и колодцы здесь представляются обычным элементом ландшафта...» (Зайчиков, 1974. С. 70. См. также: Пуляркин, 1982. С. 148; Радченко, 1983. С. 34 и др.). Даже в степных районах Казахстана, сравнительно неплохо обеспеченных естественными водоемами, зачас-

тую основным источником водоснабжения являлись грунтовые воды (Андреев, 1795. Ч. 112. С. 22; Спасский, 1820. Ч. 9. Кн. 2. С. 85; Хозяйство казахов... С. 68 и др.). «...Фактическая сторона положения, — отмечает в этой связи А. И. Корнеев, — указывает на недостаток... естественных поверхностных водных источников и на необходимость обратиться к сооружению плотин... и к устройству колодцев... Наибольшее значение имеют, конечно... колодцы» (Корнеев, 1906. С. 3). «Высыхание естественных водоемов, незначительное количество проточных вод и почти полное отсутствие ключей заставляет кочевников прибегать к устройству искусственных источников — колодцев и кое-где вблизи рек — запруд по логам. Во многих местах колодцы являются единственными водными источниками» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 8).

Для освоения подземных водоносных горизонтов, имеющих разную степень доступности, необходимы прежде всего значительные затраты совокупного общественного труда, а следовательно, необходима кооперация трудовых усилий. Так, например, на Мангышлаке ежегодно копалось от 200 до 600 новых колодцев (Турсунова, 1977. С. 15). Небольшой колодец в несколько метров глубиной обычно создавался самой общиной и не требовал больших затрат труда (Букейхан, 1927. С. 66 и др.), поскольку «колодец, глубиною в 4 м два человека могут вырыть на мягких породах, при усиленной работе, в 4 часа» (Ищенко и др., 1928. С. 65). Но создание глубоких колодцев требовало от одного до нескольких лет и стоило до 100 и более баранов (Там же. С. 65). Поэтому такого рода колодцы могли быть созданы только усилиями сравнительно большого коллектива трудящихся индивидов.

При этом необходимо учитывать, что поддержание колодцев в нормальном состоянии также являлось весьма трудоемким процессом, требовавшим кооперации значительной массы непосредственных производителей, ибо незакрепленные стенки колодцев постоянно обваливались, обсыпались, особенно в пустынной зоне (Полетаев, 1875. С. 2—3; Маев, 1872. С. 72 и др.). Вследствие этого продолжительность использования большинства колодцев была по-сезонной (Пуляркин, 1982. С. 148 и др.). Поэтому кочевники каждый год, приходя на сезонные пастбища, первым делом восстанавливали старые либо рыли новые колодцы (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 24 и др.).

Чрезвычайно трудоемким, как мы уже подчеркивали, являлся процесс извлечения воды из колодцев, который также требовал не-малых трудовых затрат. Так, на подъем воды из неглубокого колодца вручную для одной отары овец численностью в 600—800 голов требуется 2—3 часа в день (Чогдон, 1980. С. 105). Как свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», для того, чтобы напоить сотню лошадей из неглубокого колодца, глубиной не более 2-х аршинов, одному человеку требуется как минимум 1,5 часа. При этом лошадей надо напоить дважды в день (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88). Не менее трудоемким был про-

цесс водопоя скота из естественных водоисточников (см. параграф 3.2.).

Помимо водообеспечения практически все элементы и звенья производственного цикла также требовали значительных затрат коллективного труда. Прежде всего это относится к системе зимнего выпаса скота (см. параграф 4.1.). После обильных снегопадов, например, когда животные не могли самостоятельно тебеневаться, необходимо было расчистить пастбищные угодья от снега или от ледовой корки для того, чтобы обеспечить скоту доступ к естественному травостою. В этом случае все члены того или иного трудового объединения от мала до велика выходили откапывать траву из-под снега (Добросмыслов, 1895. С. 89 и др.). «К перечисленным мерам нужно отнести и то, — свидетельствует П. Медведский, — что во время метели все, от мала до велика, хлопочут около табунов, разъезжая верхом, стараются скучивать стада, подгоняют отставших животных, отыскивают отбившихся и проч.» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 292). Зимой кочевники раз в 10—20 дней были вынуждены растапливать в котлах огромную массу снега, льда для того, чтобы хоть изредка обеспечивать скот натуральной водой (МКЗ. Т. I. С. 46—47 и др.).

Вместе с тем значительных затрат коллективного труда требовали такие элементы производственного процесса, как отдельный выпас скота, его охрана, уход за молодняком, роды, случка, стрижка, дойка, забой на мясо, клеймение, кастрация и т. д. (см. параграф 6.1.) Немало трудовых усилий и времени требовало и создание предметов материальной культуры, организация быта, что могло быть обеспечено лишь взаимозаменяемостью и взаимопомощью трудящихся индивидов в процессе производства. При этом не следует забывать, что труд был строго регламентирован в половозрастном отношении, а часть детей, стариков, больные и роженицы вовсе не участвовали в производственном процессе.

Таким образом, практически все звенья и элементы системы материального производства в кочевой среде порождали необходимость в кооперированных формах труда, объединении трудовых усилий массы непосредственных производителей, их совместной трудовой деятельности. При этом кооперация в среде кочевников имела место лишь на уровне производственных групп и общинных структур, а за их пределами практически отсутствовала. Вследствие этого закономерность дисперсного состояния, являвшаяся результатом лимитирующего воздействия среды обитания и тяготевшая к атомизации общественной жизни, ограничивалась жизнедеятельной функцией кочевого общества — закономерностью концентрации, которая на уровне кооперации порождала необходимость объединения людей в низшие производственные ячейки социума — общины с целью обеспечения интегральной целостности элементов производственного процесса и функционирования всей системы материального производства (см. параграф 6.1.).

На наш взгляд, именно в процессе взаимодействия дисперсности и кооперации, охватывавшем все сферы жизни кочевнического об-

щества, следует рассматривать явления так называемой «реципрокации» (Хазанов, 1979 и др.) и многие другие элементы всей практики распределения общественного продукта. Известно, например, какое значение придавали номады так называемому «социально» престижному продукту, расходовавшемуся безвозмездно в пользу всей общины либо «рода» во время ритуальных церемоний и обрядов по поводу рождения ребенка, инициации, свадьбы, похорон, поминок, особенно годовых, и т. д. Не исключено, что именно дисперсность во взаимодействии с кооперацией обуславливали потребность в патернализме, дарении и отдаче скота на выпас, совместном безвозмездном труде в богатых хозяйствах, оказании родственной помощи, потлачестве и т. п. Очевидно, что именно принцип кооперации был первоосновой не только основных, наиболее устойчивых социальных ячеек общества (см. параграф 6.1.), но и очень многих социальных явлений, норм, обычаев и обрядов.

Продолжая разговор о процессах сосредоточения материальных и трудовых ресурсов в кочевой среде, укажем на наличие еще одного канала концентрации общественного производства, порождаемого спонтанно возникающими процессами накопления скота в отдельных богатых хозяйствах (подробнее см. параграф 7.3.). По мере накопления скота в этих хозяйствах постоянно возрастала потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов, способных обеспечить все элементы производственного процесса. Это обстоятельство порождало, в свою очередь, дальнейшую концентрацию материальных ресурсов. Отличие данного уровня от предыдущего заключается в том, что развиваются объединительные процессы, но не с целью кооперации трудовых усилий массы непосредственных производителей, а с целью включения их в производственный процесс в качестве тяглого населения, привлечения их труда для выполнения разнообразных трудовых операций в интересах субъекта собственности. «Богатый киргиз,— свидетельствуют источники,— имеет у себя несколько работников: пастухов лошадей (джилкачи), овец (койчи), коров (сиирчи), верблюдов (тюечи), и человека два-три из мужчин и женщин для домашнего обихода. Все эти люди работают неустанно целый день, и в сильный мороз и в солнечный зной». «Труд же этих работников безпрерывный: трудятся они весь день, а ночью дети их караулят мелкий скот и овец возле аула...» (Джайляу, 1886. № 51). Удельный вес хозяйств, практиковавших наем работников производства, например, составлял в Акмолинском уезде — 26,7% всех хозяйств (МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382, 387. Подсчет наш — Авт.), Усть-Каменогорском — 17,0% (МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290—291) и т. д. (подробнее см. параграф 8.2.).

Несомненный интерес в этой связи представляет система общественных связей типа «патрон — клиент». «Окружение» — это группа клиентов, объединившихся вокруг патрона. Основа слючения — взаимозаинтересованность. У патрона должны быть такие ресурсы, чтобы распределение их среди клиентов обеспечивало

каждого в большей мере, чем их индивидуальная, самостоятельная деятельность. Естественно, и патрон должен быть заинтересован в услугах клиентов. Правда, в этом случае при уменьшении ресурсов у патрона или появлении более богатого и влиятельного патрона данная система общественных связей может распадаться. При этом клиенты, как правило, не связаны друг с другом, их объединяет только патрон. С исчезновением патрона его «окружение» распадается. Следует отметить внутреннюю стабильность данного процесса в результате реально имеющего места неравенства в обществе и взаимозаинтересованности индивидов в обмене услугами. (Гордон А. В., 1980. С. 46—47. См. также: Смиренская Ш. Д., 1979. С. 44—60 и др.).

Данная закономерность общественного развития была тесно связана с универсальной закономерностью всеобщей кооперации, но по существу носила специфический характер и поэтому может быть выделена нами в качестве самостоятельного уровня накопления процесса концентрации общественного производства (закон накопления или капитализации). В этом случае имеют место специфические формы взаимодействия с закономерностью дисперсного состояния, поскольку дисперсность определяла «потолок» накопления и способствовала прерыванию процессов капитализации посредством разнообразных социально-экономических, правовых и морально-этических норм. Так, например, по достижении сыном совершеннолетия отец обязан был выплатить калым за его невесту, выделить его в самостоятельное хозяйство, наделить его необходимым минимумом средств к существованию (зимовка, предметы материальной культуры и быта) и т. д. Учитывая значительные размеры калыма, евши и т. п., можно прямо говорить, что женитьба нескольких сыновей способствовала полному прерыванию процессов накопления скота и имущества в среде кочевников.

И если процессы накопления и кооперации порождались преимущественно экономическими факторами, то следующий уровень объединения определялся качественно иными процессами, прежде всего процессами интеграции во внеэкономической сфере с целью, например, совместного проживания, организации защиты своих экономических интересов и т. д. Еще Дж. С. Миллем обращалось внимание на то, что «среди вторичных причин, обуславливающих производительность факторов производства, самая главная — безопасность» (Милль, 1980. С. 221). Действительно, в любом обществе, и тем более в кочевом, существовала постоянная необходимость в защите своих интересов, совместном проживании, регламентации внутри- и межобщинных отношений, организации военного дела и т. п. Отсюда устойчивая тенденция к интеграции и объединению во внеэкономической сфере и в сфере надстройки (см. параграф 6.2.). Данный уровень разворачивания закономерности концентрации отличается многообразием форм проявления. Думается, нам есть смысл хотя бы вкратце рассмотреть природу данной закономерности на примере процессов объединения людей посредством военной организации, которая, пожалуй, в наибольшей степени де-

монстрирует исключительную сложность и противоречивость этого аспекта проблемы, динамизм и консервативность общественных отношений в кочевом социуме.

В эпоху до появления и широкого распространения огнестрельного оружия, как мы уже отмечали, номады доминировали в военно-политической сфере на просторах Евразии. Достаточно вспомнить колоссальные по своим масштабам кочевые «империи» хунну, сяньби, тюрков-тюцзюе, огузов, кыпчаков, киданей, монголов и др., их военные акции и завоевательные походы, а также специфически даннические и другие многообразные формы взаимоотношений завоеванных и завоевателей (Першиц, 1973; Хазанов, 1975; Марков, 1976 и др.), чтобы представить в полной мере важность рассматриваемого нами экзополитарного уровня интеграционных процессов в среде номадов. (Крадин, 1992 и др.).

В этой связи отметим, что источники полны сообщений о военных объединениях среди кочевников, их структуре и принципах организации (см. параграф 6.2). В этом случае происходила значительная концентрация сравнительно больших людских масс и их совместная организованная деятельность (война) в интересах кочевого общества (экспансия, военный набег, оборона и т. п.). Все это сопровождалось концентрацией трудовых и материальных ресурсов в немалых масштабах. Не говоря об общеизвестных фактах из истории монголов эпохи Чингис-хана (Козин, 1941; Владимирцов, 1934; Сандаг, 1977; Викторова, 1980 и др.) и других континентальной значимости походов номадов, скажем, что у казахов, например, численность воинских контингентов во время военных кампаний Батыра Срыма, Кенесары Касымова, Исатая Тайманова в конце XVIII—середине XIX вв. доходила на гребне развития до 5—10 и даже 20 тыс. чел. (Шахматов, 1946; Вяткин, 1947; Бекмаханов, 1947 и др.).

Для того, чтобы такая огромная масса людей могла более или менее эффективно функционировать хотя бы в течение одного месяца вне сферы производства на поле военных действий, требовалось, чтобы существенно перестроилась вся традиционная система материального производства и общественного разделения труда. Видимо, это достигалось за счет резерва плотности самого кочевого хозяйства, когда гибкая система половозрастного разделения труда была в состоянии временно восполнить отсутствие мужской части населения. Другое дело — функционирование воинских контингентов. Для такой массы людей было необходимо, как минимум, аналогичное число овец, требовавших на указанное время примерно 5—10 тыс. га пастбищных угодий, и 15—20 тыс. га для выпаса конского поголовья, т. е. всего 20—30 тыс. га. Следует заметить, что на такой площади была возможна организация выпаса 5—6 тыс. овец в течение года.

В этом случае вполне правомерен вывод о том, что принцип военной интеграции находился в полном противоречии с системой материального производства и окружающей средой, которые препятствовали в самых различных формах концентрации людских

ресурсов. Поэтому объединение номадов даже в небольшие воинские контингенты, перекрывающие обычно сферу производственной целесообразности, противоречило самой природе кочевого общества. В свое время Н. А. Аристов справедливо обратил внимание на то, что «хотя многочисленность рода давала ему силу, но хозяйственные условия пользования пастбищами и другие причины не дозволяли роду сохранять неопределенное время свою целостность и вызывали рано или поздно разделение его на более или менее самостоятельные части. Вследствие этого в каждом роде существовали, с одной стороны, условия, требовавшие сохранения родового единства, с другой же — более или менее сильные стремления к разделению» (Аристов, 1896. С. 283—284). По-видимому, централизация кочевых обществ была возможна лишь в маргинальных зонах, где природные условия и социально-экономическая инфраструктура в гораздо меньшей степени препятствовали процессам интеграции.

Таким образом, помимо технологически детерминированных процессов объединения (см. параграф 7.3.), мы можем засвидетельствовать несколько уровней развертывания закономерности концентрации общественного производства: во-первых, кооперацию, порождаемую необходимостью совместной трудовой деятельности с целью обеспечения жизни общества и функционирования всех элементов системы материального производства, во-вторых, накопление, порождаемое процессами поляризации и как следствие обогащения и сосредоточения материальных ресурсов в хозяйствах немногочисленных субъектов собственности, в-третьих, интеграцию, порождаемую необходимостью совместного проживания, в-четвертых, потребностью в регламентации военно-политических и других внеэкономических форм взаимоотношений в обществе номадов. Каждый из указанных уровней закономерности концентрации имел свою особую сферу влияния и весьма разнообразные формы проявления, но основным, базисным всегда была кооперация, в наибольшей степени влиявшая на функционирование и жизнедеятельность кочевого общества (Марков, Масанов, 1985 и др.).

ЧАСТЬ II. СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛАВА VI. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В процессе общественного производства люди вступают в разнообразные отношения друг с другом. Эти отношения протекали в различных сферах общественной практики, а их функционирование обеспечивалось посредством различных каналов общественных связей. В результате существования разнообразных форм социального взаимодействия происходила интеграция людей в социальные группы с целью обеспечения жизнедеятельности и функционирования как отдельных элементов повседневной практики, так и всей системы общественного бытия. На этой основе возникает специфическая форма социальной организации, представляющая собой многоструктурное объединение многочисленных ячеек, образующих своего рода «несущую конструкцию», каркас всего общества. Социальная организация представляла собой сложную систему разнообразных социальных объединений индивидов, возникающих на базе широкой общности экономических и неэкономических интересов, всего спектра человеческих взаимоотношений. В рамках и посредством социальной организации обеспечивались все социальные функции человеческого общества.

Социальная организация была, с одной стороны, объединением большого множества социальных организмов (таксонов) с их сегментами, которые могли интегрироваться в целостные комплексы в результате общности тех или иных интересов. Таксоны образовывали как бы молекулярную структуру общества, на первый взгляд, свободно рассеянную во времени и пространстве в условиях всеобщей автаркии и партикуляризма, но в действительности строго упорядоченную. С другой стороны, социальная организация представляла собой сложную систему разнообразных функционально-детерминированных структурных объединений указанных социальных организмов (таксонов), иерархически и линейно взаимосвязанных в целостные и автономные образования по принципу единства общественных связей и общих свойств.

Воспроизводственный уровень жизнедеятельности номадного общества обеспечивался следующими основными социальными ячейками: семьей, группой семей, домохозяйством, общиной, хозяйственными и локальными группами. Все эти первичные ячейки, ба-

зовые группы характеризуются специфическими функциями и в своей жизнедеятельности практически никогда не совпадают друг с другом. Семья представляет собой социальную ячейку общества, в рамках которой обеспечивалось биологическое воспроизводство человека, удовлетворение потребности супругов в совместной интимной жизни, начальные этапы социализации и инкультурации индивида (овладение речью, усвоение минимальных навыков общения, накопление минимума информации, знаний о мире и т. п.), а также половозрастное разделение труда в объеме энергетического потенциала членов семьи. Основной формой семьи чаще всего была парная нуклеарная семья, которая изначально присуща человеку как биосоциальному виду.

Домохозяйство характеризуется тем, что его члены совместно ведут домашнее хозяйство, организуют свой быт, обеспечивают производственную деятельность в рамках единого подворья на основе половозрастного разделения труда и совместного проживания под одной крышей. Группа семей — представляет собой объединение нескольких нуклеарных семей в рамках единого домохозяйства.

Особый интерес привлекает генеалогическая организация, которая существует только в общественном сознании, но в действительности нигде и никогда не ведет к возникновению реальной общности. Объективно мы можем говорить о генеалогических сегментах, например, внутри семьи у кочевников-казахов (отец и его дети до их выделения, после которого они прекращают свое существование). Временно генеалогические сегменты могут также фиксироваться и в других структурах — домохозяйстве и группе семей, общине и локальной группе, но лишь до тех пор, пока молодежь не начинает выделяться в самостоятельные социальные ячейки. Даже понятие «родового кладбища» на поверку оказывается мифом, поскольку рядом с мужем у всех кочевников захоранивается его жена, являющаяся членом совершенно иного генеалогического линиджа, а не его сестра — член его генеалогического сегмента, которая в свою очередь захоронена на совсем другом кладбище — рядом со своим мужем. Поэтому рода нет и никогда не было в природе, но был и до сих пор есть у некоторых народов генеалогический счет родства (чаще всего патрилинейная филиация). Были и есть отношения генеалогического родства, которые играли чрезвычайно важную роль в позиционировании индивидов и регламентации их взаимоотношений в ситуационно возникающих обстоятельствах. При этом данная система координат могла распространяться на все многообразие взаимоотношений между людьми в процессе общественной жизни и их отношения с окружающей средой. Но все же ведущими, приоритетными всегда были экономические отношения.

В этой связи нами изучаются две ведущие системы общественных связей, которые определили функционирование соответствующих структурных комплексов с иерархической организацией таковых. Доминантная роль, несомненно, принадлежала формирую-

щейся в сфере материального производства системе территориально-общинных связей. Это было обусловлено тем, что ни один индивид не мог самостоятельно обеспечить выполнение всех минимально необходимых для жизни производительных функций. В результате этого имела место всеобщая потребность объединения непосредственных производителей в территориально-общинную организацию.

Другая система общественных связей, на базе которой также возникала специфическая форма социальной организации, охватывала сферу внеэкономических и военно-политических взаимоотношений. В связи с общностью интересов в области надстройки происходила интеграция социальных институтов, с помощью и посредством которых осуществлялась регламентация всей сферы неэкономических отношений. При этом регулирование многих сторон общественной практики происходило на основе принципов генеалогического родства.

В историографии уже отмечалась правомерность такого дифференцированного подхода к исследованию проблемы социальной организации (см.: Ольдерогге, 1975; Тернбул, 1981; Алексеев, 1984; Эванс-Причард, 1985; Кабо, 1986; Калиновская, 1989 и др.). Так, Г. Е. Марков совершенно справедливо отметил, что «многочисленные кровные, семейно-родственные, хозяйственные, генеалогическо-племенные, военные, политические, культурные, языковые и другие связи в общественной организации кочевников не были равноценными, и задача исследователя — выявить среди множества те, которые лежат в основе общественной структуры» (Марков, 1976. С. 309—310).

6.1. ОБЩИНА И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОБЩИННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Ведущая роль в социальной организации принадлежала территориально-общинной организации, которая являлась основой всей системы материального производства и жизнедеятельности кочевого общества. Именно данная организация обеспечивала функционирование всей системы общественных связей и взаимоотношений в процессе производства, являлась механизмом регулирования общественной деятельности. Порождаемая общностью прежде всего экономических интересов территориально-общинная организация детерминировала интегральную структуру кочевых обществ, которые предстают как многочленный и функционально интегрированный организм (см. в этой связи: Генинг, 1970. С. 14 и др.).

Минимальной ячейкой социальной организации являлась малая, нуклеарная семья, которая была важной хозяйственной и социальной единицей кочевого общества казахов (Кисляков, 1969; Аргынбаев, 1973 и др.). Рядом исследователей процесс возникновения и развития нуклеарной семьи связывается с генезисом собственно кочевничества (Маргулан и др., 1966. С. 429—430; Хазанов, 1975. С. 56, 74—75; Грач, 1980. С. 49—50 и др.). В действительности же нуклеарная семья объединяет брачную пару и их детей и представляет собой одну из наиболее естественных и универсаль-

ных форм социальной организации, присущую человеку изначально как биосоциальному существу. Семья характеризуется, с одной стороны, собственностью на главное средство производства — скот (Абрамзон, 1973; Аргынбаев, 1973 и др.), а с другой, тем, что она в рамках аграрного общества не могла самостоятельно обеспечить процесс производства в полном объеме вне пределов общины. Поэтому главной экономической ячейкой общества, основным производственным организмом являлась община, объединение трудящихся индивидов на производственной основе. К. Маркс и другие исследователи неоднократно подчеркивали, что производящий индивидуум выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому, он связан с общиной в различных ее формах (Маркс, Энгельс. Т. 12. С. 710).

В историографии известны различные трактовки понятия «кочевая община». Так, В. Ф. Шахматов считает, что объединение в общину происходило на основе родства, соседства и совместного владения и пользования землей (Шахматов, 1964. С. 45). По мнению С. Е. Толыбекова, кочевая община была союзом аулов, родов и племен по владению пастбищем (Толыбеков, 1971. С. 372). Но гораздо ближе к истине подошел, на наш взгляд, А. Н. Букейхан, который отмечал, что «...общину объединяет та же скотоводческая цель, которая создала... пастушеский аул и поддерживает его». В качестве такой целеполагающей установки, по его мнению, выступала необходимость обеспечения скота водой (Букейхан, 1927. С. 64, 66). И. Нураков справедливо полагает, что «община — это прежде всего хозяйственное объединение, вызванное экономической необходимостью, тесно связанное со спецификой ведения... кочевого и полукочевого животноводческого хозяйства» (Нураков, 1975. С. 71).

Следует отметить, что до сих пор мы не имеем адекватного теоретического понимания сущности общины (историографию см.: Зак, 1975. С. 233—311; Данилова, Данилов, 1978. С. 9—60; Семенов, 1979; Андреев, 1979. С. 3—20; Алаев, 1981; Першиц, Хазанов, 1979; Хазанов, 1979; История первобытного общества, 1983, 1986, 1988; Першиц, Трайде, 1986. С. 109—114; Кабо, 1986 и др.). В. Тэрнер остроумно заметил в этой связи, что Дж. Хиллери рассмотрел девяносто четыре определения термина «община» и пришел к выводу, что «помимо понятия о том, что люди включены в общину, не существует полного согласия на предмет того, в чем сущность общины» (Тэрнер, 1983. С. 197). Далее он цитирует известного философа М. Бубера, говоря, что он лучше всех определил эту сложную идею: «Община — это жизнь множества людей, но не рядом, а **вместе**. И это множество, хотя оно движется к единой цели, на всем протяжении пути сталкивается с другими, вступает в живое общение с ними, испытывая перетекание из Я в Ты. Община там, где возникает общность» (там же).

Кочевая община, на наш взгляд, — это прежде всего функционально интегрированная организация трудящихся индивидов, социальное образование, основанное на принципах трудовой коопе-

рации. В основе жизнедеятельности общины находился главным образом фактор обеспечения процесса производства совместными усилиями трудящихся индивидов (Бутинов, 1968. С. 110 и др.). Община характеризуется общностью трудовых усилий непосредственных производителей, коллективной организацией процесса производства. Это положение достаточно определенно доказывается тем, что именно в рамках общины осуществлялись воспроизводство средств производства, практически все трудовые операции в сфере скотоводческого хозяйства: выпас скота, обеспечение его кормами и водными ресурсами, изготовление предметов материальной культуры и т. п. (Масанов, 1984 и др.).

Необходимо различать общину и составляющие ее производственные или хозяйственные группы. Понятие общины в данном случае покрывает собой все множество и разнообразие различных групп населения, занятых в системе общественного производства. Можно назвать в этой связи такие производственные группы, как пастухи различных стад скота, в частности овец: для выпаса 400—600 голов нужно было два чабана (Толыбеков, 1971. С. 522). У калмыков два пастуха выпасали отару овец в 1000—1500 голов, а в Монголии — 2000 овец (Хазанов, 1975. С. 141). Для выпаса табуна лошадей в 300—500 голов требовалось 3—4 табунщика (Аргынбаев, 1973а. С. 159), 200 лошадей — 2-3 пастуха (Толыбеков, 1971. С. 527), по другим данным того же автора, для выпаса 150 лошадей требовался один пастух (Толыбеков, 1971. С. 540). «Материалы по киргизскому землепользованию» сообщают, что для выпаса 300 лошадей требовалось 2 табунщика, 500—1000 голов — 3-4 пастуха и 1000—1500 лошадей — 6-7 табунщиков (МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1). У калмыков два пастуха выпасали 300 лошадей (Хазанов, 1975. С. 141). Для выпаса 150—200 верблюдов нужно было два пастуха (Толыбеков, 1971. С. 527) и т. д. Для того, чтобы напоить водой 200 овец нужно было два человека (Толыбеков, 1971. С. 522). На подъем воды из колодца вручную для 600—800 овец необходимо затратить 2—3 часа работы в день (Чогдон, 1980. С. 105). 100 лошадей мог напоить из неглубокого колодца один человек за 1,5 часа (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88).

Такого рода производственные группы возникали также и при осуществлении других многочисленных элементов процесса производства, в частности стрижке скота, случке (верблюдов в основном случали вручную), забое животных на мясо, кастрации, клеймении, создании колодцев и т. д. Особенно много такого рода производственных групп возникало в среде женского населения для производства разнообразных предметов материальной культуры (кошем, ковров, одежды, в ткачестве, рукоделии), приготовления пищи во время ритуальных обрядов, дойке скота (известен случай, когда одну верблюдицу доили шесть раз в день 4 женщины см.: Фиельструп, 1927. С. 94) и т. д. Производственные группы возникали и в связи с потребностями земледельческого хозяйства — для сооружения ирригационных сооружений, обработки земли, посева,

полива, ухода за полями, сбора урожая, хранения, перевозки и др.; охоты и прежде всего облавной охоты, рыболовства, извоза, различных промыслов, ремесленного производства — кузнецы, шорники, сапожники, плотники и т. д.

Время объединения и функционирования таких «целевых» групп (см. Роуз, 1989. С. 215) могло охватывать период от нескольких часов до нескольких месяцев и более, что определялось конкретными нуждами процесса производства. Производственная группа интегрировалась спонтанно в зависимости от ситуации и целевой установки производственного цикла. В принципе, в рамках всеобщей системы половозрастного разделения труда участие индивида в деятельности той или иной производственной группы было обязательным и постоянным процессом, когда он в течение всей своей жизни в зависимости от возраста, социального положения и профессиональной квалификации был задействован в выполнении тех или иных трудовых операций в рамках соответствующей производственной группы. Так, например, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства существовала традиция поочередного выполнения многих трудовых обязанностей, особенно в сфере выпаса животных и т. д. Только лишь зажиточные индивиды могли нанять кого-либо для отправления своей очереди. В кочевом обществе производственные группы довольно часто возникали на основе найма работников (Чорманов, 1883. С. 42; Федоров, 1903. С. 17; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). Вследствие всеобщей социальной дифференциации и имущественного неравенства система найма пастухов для выпаса скота и вообще работников производства имела широкое распространение. Одновременно практиковалось участие всех членов общины во всех элементах производственного цикла на основе принципов взаимопомощи и взаимодополнения. Интересно, что узкопрофильная специализация, особенно в среде пролетарской части населения, приводила к формированию в рамках производственных групп как бы наследственных профессиональных каст с особым характером циркуляции межпоколенной информации по принципу «от отца к сыну, от сына к внуку» и т. д. Так, например, особенно почетной считалась каста «табунщиков лошадей» (жилкышы) по сравнению, например, с чабанами (койшы) и т. д. (Баскин, 1986 и др.).

Производственные группы могли формироваться как на основе родства, так и независимо от него, поскольку система материального производства функционировала на базе экономической целесообразности. Однако работа предоставлялась прежде всего близким родственникам, затем дальним и лишь потом «чужеродцам». В этой связи следует отметить, что община формально носила семейно-родственный характер (Курылев, 1978. С. 136—140 и др.). «Хозяйства, входящие в состав аула, — свидетельствуют источники, — связаны всегда родством. Только в редких случаях в ауле попадают киргизы разных родов и в этих случаях это наверняка припущенники, безземельные» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 13). «Но не кровное родство, — уточняет П. Шебеста, — сохра-

няет общину как целое, а совместная хозяйственная деятельность. Именно она стоит всегда на переднем плане» (Цит. по: Кабо, 1986. С. 120). Поэтому в реальной жизни община включала не только генеалогических родственников, но и брачных партнеров и нередко чужеродцев.

Следует подчеркнуть, что такого рода производственные группы функционировали внутри общины и в рамках ее социокультурных стереотипов и механизмов потому, что являлись ее производными дериватами и результатом ее деятельности и организации всех элементов процесса производства. И если община представляла собой кооперацию трудящихся индивидов по поводу всего производственного цикла, то функционирование производственных групп обуславливалось совместной трудовой деятельностью по поводу отдельных элементов системы материального производства. В данном случае община представляет собой целостную систему натурально-потребительской автаркии и самообеспечения, распределения и потребления, организации процесса производства в максимально полном объеме. Это своего рода микромир и микрокосм, социум, в котором конституируется вся социальная жизнь индивида, обеспечивается его жизнедеятельность и бытие.

Функционирование кочевой общины в значительной мере опосредствовалось посезонными особенностями процесса производства, поскольку «...условия летней и зимней пастбы, — по свидетельству источников, — совершенно различны. Для лета прежде всего нужен хороший водопой, — трава же везде найдется. Для зимы же водопой не безусловно нужен, — скот может обойтись и без него, пользуясь снегом; для зимы нужно пастбище, или свободное от снега, или вообще с легко добываемым из-под снега кормом» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 103). Поэтому в плане синхронной типологии следует выделить два типа общины, существование которых было обусловлено спецификой производственного процесса в различные периоды года. В зимний, ранневесенний и позднесенний периоды получает свое развитие первый тип общины, который в соответствии с принципом дисперсности можно обозначить как минимальную (дисперсную) общину. В случае преобладания принципа концентрации в теплый период года имеет место второй тип общины, для обозначения которого может быть использовано понятие концентрированной или расширенной общины. В этой связи К. М. Тернбулом было точно замечено: «В некоторые сезоны, когда воды и пастбищ мало, скотоводы или рассеиваются мелкими группами, или, наоборот, собираются в большие группы, в зависимости от того, разбросаны источники воды и пастбища на широком пространстве или же они сосредоточены в нескольких местах. Это означает, что общественные горизонты постоянно колеблются: люди, которые в определенное время года обособлены и изолированы, в другое время и в другом месте вынуждены общаться с сородичами. Естественно, это требует особой формы организации, чтобы избежать возможных конфликтов и создавать здоровые, но гибкие взаимоотношения» (Тернбул, 1981. С. 23).

Минимальная община характеризуется прежде всего объединением трудовых усилий по обеспечению скота кормовыми ресурсами. Она получает свое развитие в зимний, ранневесенний и позднеосенний сезоны года, когда скудные кормовые ресурсы препятствовали концентрации скота и, следовательно, сосредоточению трудящихся индивидов в крупные группировки, а наличие снежного покрова препятствовало кочеванию и обуславливало стационарное состояние кочевников. Размер общины в этот период года в наибольшей степени зависел от емкости пастбищных угодий вокруг зимовки и определялся количеством скота, способным прокормиться в течение зимы на данной территории. Община в данном случае функционирует как общественно-экономический институт, регулирующий использование кормовых ресурсов среды обитания.

Величина данного типа общины определялась, главным образом, условиями зимнего выпаса овец, которых выпасали равномерно-радиальными полосами на расстоянии 2—3 верст вокруг зимовки (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 83, 132 и др.). «Предел, до которого киргиз-скотовод может увеличивать свое овечье стадо,— сообщают очевидцы,— ограничен сравнительно незначительную площадью пастбищ, расположенных вокруг его зимовки» (Там же. С. 132). Отсюда и соответствующие размеры общины, величина которой определялась оптимальным размером отары овец — не свыше 400—600 голов (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 40; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 11—12; МКЗ. Т. VII. Общий очерк. С. 19; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.). Средний размер минимальной общины практически не превышал 5—10 хозяйств (Hudson, 1938. P. 24—25; Krader, 1963. P. 281, 283; Idem, 1966. P. 163; Толыбеков, 1971. С. 501; Марков, 1976. С. 172—173; Курылев, 1978. С. 136—139 и др.).

Размер минимальной общины зависел и от рельефа местности, и от природно-климатических условий. Как свидетельствуют источники, «в местностях с разчлененным рельефом аулы мелкие, в равнинных местностях — крупные. Так напр. в гористых Колбинской и Алтайской вол. на аул приходится 5,3 и даже 3,3 хоз., а в Уланской вол. уже 11,7 и в Курчумской 19 хозяйств» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 11). При этом общины, зимующие в лесистой местности, состояли из 5—10 хозяйств, а на равнине — из 11—24 хозяйств (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 83—84).

Помимо природных факторов значительное влияние на размер общины оказывала степень обеспеченности скотом. Как свидетельствуют источники, «...влияет состоятельность хозяев или лучше сказать численность принадлежащих им стад... Аулы бедные скотом могут быть многочисленнее, чем богатые. Случается, что богатый хозяин выделяется в самостоятельный аул» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 12). Так, например, в Петропавловском уезде самые мелкие аулы, состоявшие из одного хозяйства, были наиболее обеспеченными скотом (55,6 единиц скота в переводе на крупный рогатый скот), в то время как в самых крупных аулах — на одно хозяйство приходилось 13,8 единиц скота (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 86).

Данный тип общинной организации характеризуется также обеспечением целого ряда других элементов процесса производства, в частности, сбором топлива (КРО, 1964. С. 150; МКЗ. Т. II. С. VII и др.), очисткой поверхности пастбища от снежного покрова (Добросмыслов, 1895. С. 89; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87 и др.), устройством ночлега для скота (Чорманов, 1906. С. 3; МКЗ. Т. I. Приложения. С. 34; МКЗ. Т. II. С. XXVI; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 51; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132, 160 и др.), обеспечением его водой (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 92; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 128 и др.), сбережении слабого и больного скота, неспособного к самостоятельной тебеневке (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 34—35; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.) и т. д.

Минимальная община, как мы уже отмечали, получала свое развитие и в позднесенний период года, когда номады, ожидая установления устойчивого снежного покрова, находились в дисперсном состоянии и нередко стационарно располагались на своих кузеу (МКЗ. Т. II. С. IV и др.). В ранневесенний период кочевники дифференцировались на еще более мелкие хозяйственные группы со средним размером отары овец в 50—70 голов и, откочевав с территории зимних пастбищ, выжидали наступления периода произрастания растительного покрова в стационарном состоянии (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114, 103, 127; МКЗ. Т. II. С. XXII; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.). И в том, и в другом случае главным условием организации процесса производства выступала необходимость обеспечения скота кормами.

Вследствие этого минимальные общины характеризуются, главным образом, общинной собственностью на землю, в частности, на территорию в радиусе 2—3 км вокруг зимовки (МКЗ. Т. II. С. VI—VIII, XII; МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 103—104; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96, 97; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87—88, 97—101 и др.), позднесенние (МКЗ. Т. II. С. V, XII, XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96 и др.) и ранневесенние пастбища (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114, 127 и др.). В этой связи средневековые источники свидетельствуют: «Так как была зима, каждый человек находился на своих зимовках, где имелся корм для скота» (МИКХ. С. 217). «Всякое отделение,— сообщают авторы начала XIX в.,— для зимних кочевьев имеют определенные места... и владеют оными, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может» (КРО, 1964. С. 158). М. Бурнашев и Т. Поспелов отмечают, что казахи «зимой возвращаются на непреременные свои места» (Там же. С. 150). «...Киргизы каждый год зимуют на одних и тех же местах, и эти зимовки у них давния, родовые, которыми они дорожат больше, чем теми местами, на которых они кочуют в летнее время. Следовательно они зимой делаются, можно сказать, людьми оседлыми...» (Померанцев, 1871. № 21). «Зимовки,— пишет А. К. Гейнс,— обыкновенно сохраняются из рода в род, как нечто наследственное и драгоценное» (Гейнс, 1897. Т. I. С. 60). «На зимовки киргизы приходят ежегодно,— сообщает М. Чорманов,— в самую глубокую

осень, и весьма дорожат ими [как] наследственной собственностью» (Чорманов, 1906. С. 3). «Везде корук (зимнее пастбище — Авт.), — свидетельствуют очевидцы, — является предметом особых забот киргиз, его тщательно оберегают от потрав, сохраняя на самое трудное время. Поэтому корук обыкновенно находится в обособленном пользовании отдельных аулов. Хотя обычно он не ограничен от прочих пастбищ, но каждый аул хорошо знает свое пастбище; а в горах, где корук приобретает особенно важное значение, территория его нередко ограничивается от соседских пастбищ искусственными границами, — кучами камней» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 118). Обычное право в этой связи гласит: «Кто чужое землею завладеет, от того отбирается она, хотя бы чрез 15 лет...» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 278. § 59. См. также: Баллюзек, 1871. С. 151).

Общинная собственность на землю представляла собой совокупность прав собственности всех членов данной общины. Поэтому члены общины имели постоянные права на выпас скота на общинных землях. Община могла за плату отчуждать данное право собственности (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 112 и др.). Но ни один индивид не мог самостоятельно распорядиться своим правом собственности, в частности, не мог взять на выпас скот или взять к себе зятя, имеющего скот, без разрешения общины, не мог продать данное право и т. д. (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 31 и др.). «Община, — свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», — является охранительницей прав отдельных членов ея, когда она принимает к себе на равных правах отсутствовавшего члена ея, или когда она не допускает захвата части, скажем, покосов... Она охраняет интересы всей группы, когда не позволяет отдельным хозяевам продать их право на землю постороннему общине лицу... Община решает вопрос о допущении на ея территорию чужого скота для пастбы; она решает допустимо-ли наделение вновь образующагося хозяйства (отау) землею...» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 33).

Основным противоречием в процессе жизнедеятельности общины являлось противоречие между коллективной организацией процесса производства и общинной собственностью на пастбищные угодья, с одной стороны, и частно-семейной собственностью на скот, с другой. Именно последняя являлась основным источником сегментации общины. По мере увеличения количества скота либо женитбы сыновей происходила сегментация общины (см. параграф 7.1.).

Таким образом, община у кочевников — это функция специфических материальных условий труда и жизни массы непосредственных производителей. Она характеризуется частной собственностью на скот и общинной собственностью на землю. Другими словами, минимальная община являлась не только функционально интегрированным организмом, но и единицей землевладения и землепользования, общественно-экономическим институтом по наиболее рациональной организации процесса производства и обеспече-

нию скота кормовыми ресурсами. Она возникала в результате наименьшей емкости пастбищных угодий и наименьшей интенсивности движения номадов, как следствие наибольшей дисперсности общественного производства номадов в пространстве.

Второй тип нашей синхронной типологии — так называемая **расширенная община** — получает свое развитие в период наивысшей продуктивности растительного покрова, т. е. в теплое время года. В летний период номады концентрировались в значительно более крупные хозяйственные объединения, нежели в зимний, что компенсировалось кочеванием на небольшие расстояния (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77 и др.). Расширенная община в своих размерах не была столь жестко лимитирована как минимальная община, величина которой обуславливалась емкостью кормовых ресурсов на строго нормированной территории вокруг стационарной зимовки. Размеры общины в летний период гораздо больше зависели от целесообразности системы кочевания, поскольку используя растительный покров на одном пастбище, номады переходили на другое.

Поэтому расширенная община могла достигать больших размеров, но, в основном, составляла объединение двух-трех и реже большего числа минимальных общин. Летом, свидетельствуют очевидцы, несколько зимних аулов объединяются в группу (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). «...Различали зимний и летний аул. Последний более многочислен чем первый и состоит обыкновенно из нескольких зимних аулов. Впрочем иногда зимний аул разбивается на 2 и более части и частями входит в состав 2-х и более летних аулов...» (МКЗ. Т. IX. С. 11). «С начала кочевки группировка хозяйств изменяется. Обыкновенно несколько зимних аулов соединяются в один летний, который совместно совершает кочевку и распадается только по возвращении к своим кстау» (Там же. С. 13).

Продуктивность пастбищных угодий и возможность их использования в теплое время года, как мы уже отмечали, определялись не столько их кормовой производительностью, но сколько обеспеченностью водными источниками. Это обуславливалось тем, что недостаточная емкость пастбищных угодий восполнялась системой кочевания и периодической сменой территорий для выпаса скота. «При степном просторе всегда можно найти подходящее пастбище, — единственным затруднением в это время бывает подыскание водопоя» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 103). Поэтому главным требованием, которое предъявляли номады к организации летнего выпаса скота и качеству пастбищных угодий, являлась обеспеченность их водными источниками, что было обусловлено их всеобщим дефицитом в аридной зоне Евразии в теплое время года. Вследствие этого, как мы уже отмечали, прослеживается доминирующая роль искусственных водоисточников в водном балансе кочевого скотоводческого хозяйства (см. параграфы 3.2., 4.2. и 5.2.).

Поскольку создание искусственных водоемов и необходимость их ежегодного и посезонного восстановления, водопой скота требовали значительных трудовых усилий, то на этой основе и происхо-

дило объединение трудящихся индивидов в расширенные общины. Как мы уже отмечали, немалых трудовых затрат требовал и процесс водопоя скота из естественных источников. Вследствие этого данный тип общины характеризуется прежде всего общностью трудовых усилий и совместной производственной деятельностью по наиболее рациональному обеспечению своих хозяйственных потребностей водными ресурсами, а также обеспечению таких элементов процесса производства, как стрижка, дойка, случка, кастрация, клеймение скота, создание многочисленных предметов материальной культуры и т. д. Особенно важным и чрезвычайно трудоемким был процесс обеспечения сохранности молодняка. Как всегда углубленной кооперации требовал выпас скота (см. параграф 4.2.). В целом комплекс трудовых усилий в расширенной общине охватывал практически все виды деятельности, выполнение которых могло быть обеспечено в теплое время года и было абсолютно необходимо для полноценного функционирования кочевого скотоводческого хозяйства.

Вследствие первостепенной значимости воды для жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны и того, что одной из важнейших функций расширенной общины было обеспечение скота водой, данный тип общины распространял функции собственника на искусственные источники воды (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88, 90, 97—98, 100, 119; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 42; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90, 92—93; Букейхан, 1927. С. 67—68; Фиельструп, 1927. С. 105—106; Шахматов, 1956. С. 114—121 и др.). Общинная собственность на искусственные водоисточники закреплялась необходимостью ежегодных и сезонных работ по обеспечению их функционирования и поддержания в нормальном состоянии. В этой связи интересно сообщение А. Оразова о том, что за пользование чужим колодезем надо было отработать (Оразов, 1964. С. 7). Иначе говоря, создание колодца определяло право первого пользования: «...хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в первую очередь...» (Ищенко и др., 1928. С. 65), что в условиях всеобщего дефицита водных ресурсов фактически означало монопольное право на них.

На использование естественных водоемов, как мы уже отмечали, распространялось право первозахвата (Баллюзек, 1871. С. 150—151; Фиельструп, 1927. С. 79, 104 и др.). «Кочуют обычно одной и той же дорогой,— свидетельствуют очевидцы,— выбирая для стоянок по возможности одни и те же обычные водопои. Не редко бывает впрочем, что обычное место на водопое оказывается занятым ранее пришедшими родовичами; в таком случае опоздавший устраивается рядом. Спора из-за этого не бывает,— так как в данном случае происходит только как бы мена местами у одного и того же водопоя» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 106—107). Однако периодическое усыхание и посезонная минерализация естественных водоемов в сочетании с их дефицитом обуславливали преобладание регулированных отношений в использовании водных источников и, в целом, второстепенную роль института «первозахвата», ко-

торый, на наш взгляд, являлся всего лишь юридической фикцией (см. параграфы 7.2. и 7.3.).

В этой связи интересно то, что расположение колодцев не всегда было известно всем членам рода (Логашова, 1976. С. 35). И. Льюис сообщает, что кочевники всячески скрывали информацию о месте выпадения осадков и состоянии пастбищ даже от родственных кочевых групп (Никифоров, 1974. С. 217). В засушливое время года номады, как правило, группировались вокруг строго регламентированных водоемов как искусственного, так и естественного происхождения, а процесс кочевания строился таким образом, что представлял собой последовательное движение от одного водоема к другому (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 110; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 88, 94; Шнайштейн, 1974. С. 71 и др.).

Следует отметить, что община, присваивая источники воды, одновременно присваивала функцию собственника на пастбищные угодья, расположенные вокруг данного водного источника. Именно на этой основе происходило присвоение в общинную собственность кормовых ресурсов на территории, расположенной вблизи водоема (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90 и др.). Это было обусловлено тем, что использование пастбищ, не обеспеченных никакими водоемами, не могло иметь места в аридной зоне в силу биологической природы как самого человека, так и его скота (Гельдыханов, 1973 и др.). В виду этого использование пастбищных угодий во многом определялось правилами водопользования и водовладения. Следовательно, расширенная община, в отличие от минимальной, осуществляла функции собственника пастбищных угодий опосредствованно отношениям собственности на источники воды.

В данном случае община выступает не только в качестве общественно-экономического института, регулирующего систему водопользования и водовладения и обеспечивающего процесс производства в сфере скотоводческого хозяйства, но и как единица землепользования и землевладения*. Очевидцы свидетельствуют, что к аулу, стоящему на своем водоеме, несмотря на отсутствие ясно выраженных границ, нельзя было подгонять скот ближе, чем на 2 версты (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 110 и др.). «Отдадите ваши шатры, приблизьте ваши сердца», — гласит туарегская пословица (Капорея, 1958. С. 242). Поэтому представляются вполне закономерными сообщения источников о наличии «своих земель» на джайлау (МКЗ. Т. II. С. XXIII; XXVI; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99 и др.). «Всякое отделение... имеет определенные места... и для летних кочевьев, и владеет оными, как собственностью...» (КРО, 1964. С. 158). «По образу своей кочевой жизни киргиз-кайсаки весной со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами...» (Там же. С. 149). «Каждый аул, — со-

* Когда мы говорим о землепользовании и землевладении, то фактически речь идет о пастбищепользовании и пастбищевладении. Но мы просто пользуемся привычными терминами.

общают источники, — должен иметь... особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ» (Чорманов, 1871. № 33).

В социальном плане расширенная община в своих основных параметрах сближалась с минимальной общиной, поскольку характер и смысл внутриобщинных отношений опосредствовались частной собственностью на скот, что определяло неодинаковое положение членов общины. Степень обеспеченности скотом обуславливала отношение индивида к пастбищным угодьям, организации общественного производства и жизнедеятельности общины, возможность потребления произведенного продукта, а также различные формы зависимости, участие в работе производственных групп и т. д. (см. параграфы 7.2., 7.3. и 8.2.). Расширенная община, иначе говоря, характеризуется сосуществованием частной собственности на скот и групповой собственности на искусственные, а через право первозахвата и на естественные, водонсточники, а также опосредствованной общинной собственностью на кормовые ресурсы пастбищ, расположенных вокруг источника воды.

Таким образом, территориально-общинная организация, игравшая ведущую роль в социальной организации, может быть представлена в виде интегральной целостности разнообразных социальных организмов, регулировавших систему материального производства во всей ее полноте и всеобщности. Социально-экономическую инфраструктуру территориально-общинной организации, как и всего кочевого общества в целом, образовывали многочисленные производственные или хозяйственные группы, функционировавшие на основе единой системы разделения труда. Община на базе кооперации и совместного труда обеспечивала функционирование всей совокупности производственных процессов и регулировала систему жизнедеятельности кочевого общества, опосредствовала «обмен вещев» внутри данного социального организма, определяла характер и направленность развертывания всего комплекса производственных отношений. Дифференциация в способах жизнедеятельности по сезонам года обусловила функционирование минимальной общины в зимнее время года в условиях стационарного образа жизни (от 3 до 6 месяцев) по поводу обеспечения скота кормами и расширенной общины — в теплое время года в условиях регулярных перекочевов (от 6 до 9 месяцев) по поводу обеспечения скота водой (Масанов, 1984; Он же, 1984а и др.).

6.2. ПАТРОНИМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОТЕСТАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Многообразие форм и типов социальных отношений, возникающих в процессе производства и повседневной практике, совершенно объективно и независимо от воли и сознания людей обуславливало всеобщую интеграцию и формирование разнообразных социальных институтов с целью регламентации всего спектра общественной жизни. На базе широкой общности экономических и неэкономических интересов, требующих обеспечения коммуникативных функций и координации общественной деятельности, происходила

интеграция разнообразных социальных организмов в иерархически взаимосвязанные функционально-структурные образования. Эти объединения были призваны регулировать посредством социокультурных норм, и в том числе генеалогического родства, систему внеэкономического, военно-потестарного и социокультурного взаимодействия индивидов и обеспечивать их обобщенную, организованную и скоординированную деятельность, направленную на достижение общих социальных целей. В результате этого обеспечивалась регламентация межгрупповых отношений, в отличие от межличностных, регулировавшихся преимущественно в рамках общины.

При этом следует отметить, что в кочевой среде имело место совмещение одних и тех же функций различными социальными институтами, каждый из которых, однако, осуществлял их посредством далеко не адекватных норм и механизмов. Каждый из рассматриваемых типов общественных связей, хотя и был увязан в единую систему социальных институтов, обладал известной автономией и самостоятельностью. В этой связи можно выделить несколько основных типов организации общества: патронимическую, военно-потестарную и др.

Патронимическая организация. Характерной чертой кочевого общества является наличие развитой и многоступенчатой «родоплеменной» организации (Аристов, 1896; Тынышпаев, 1925; Жданко, 1950; Она же, 1974; Абрамзон, 1951; Аманжолов, 1959; Першиц, 1961; Востров, Муканов, 1968; Кузеев, 1974; Шаниязов, 1974; Кармышева, 1976 и др.), которая, по мнению ряда авторов, играла преобладающую роль в общественной жизни кочевников (Аристов, 1896. С. 283—285; Czaplicka, 1918; Hudson, 1938; Krader, 1963; Idem, 1966; Vason, 1958; Хазанов, 1975. С. 105 и др.). Другими же исследователями постулировалось отмирание «родовых отношений» в связи с развитием классов и государственности (Владимирцов, 1934. С. 73—74; Козьмин, 1934. С. 23—25; Трубецкой, 1977. С. 85—88 и др.). При этом зачастую провозглашается «вторичность» родовых образований у кочевников, которые «...переродились и приспособились к новым общественно-экономическим отношениям классового общества. По своему существу казахские роды были инструментами патриархально-феодального общества...» (Толыбеков, 1971. С. 516).

Данная система представляла собой иерархически организованное множество патронимических групп и подразделений (Кузеев, 1973; Давыдов, 1979; Першиц, 1988 и др.), тесно взаимосвязанных друг с другом традицией единого генеалогического древа — средством идеологического обоснования общности происхождения (Марков, 1973; Он же, 1976; Vainshtein, 1980; Калиновская, 1989 и др.). В этой связи Л. Крэдер заметил, что «кочевое общество представляло собой серию концентрических кругов» (Krader, 1966. P. 153). Но при этом не надо забывать, что генеалогическая организация существовала только в сфере общественного сознания.

Исходным пунктом, определяющим характер и степень родст-

ва между членами различных групп, являлась вертикальная генеалогическая линия по принципу патрилинейной филиации, которая имела большую глубину, достигающую 25—30 и более поколений. Как свидетельствует обычное право казахов, «родство считается до сорокового колена» (Гродеков, 1889. С. 27). Одновременно она носила ранговый характер, когда по различным признакам дифференцировались старшие, средние и младшие линии, главные и второстепенные ветви и т. д., позволявшие точно проследить родственные отношения между людьми в генеалогических категориях.

Главной причиной преобладания у кочевников генеалогической системы родства являлось то, что основным каналом жизнеобеспечения у них был диахронный способ передачи информации и собственности. Человек в течение своей жизни практически не мог самостоятельно приобрести имущество, он мог только получить его в наследство. Одновременно человек не мог в течение своей жизни самостоятельно приобрести минимально необходимый объем знаний о природных циклах, он мог только усвоить и использовать опыт, накопленный многими поколениями его предков. Иначе говоря, номадный образ жизни был возможен только на базе унаследованной собственности (скота и имущества) и высочайшей квалификации кочевника и скотовода, которые могли быть приобретены исключительно от своих предков и знаний, аккумулируемых, оберегаемых, сохраняемых и приумножаемых многими поколениями кочевников. При иной направленности информационных потоков кочевничество в принципе невозможно. Отсюда приоритет генеалогического родства и генеалогического принципа позиционирования индивидов в пространстве.

Однолинейный характер системы генеалогического родства детерминировал идентификацию индивидов как по признаку происхождения, так и посредством инкорпорации. В этом случае индивидуальная филиация являлась в структуре генеалогического родства частным случаем групповой филиации, вне которой ни один индивид не существовал и не мыслил себя как социальная личность (Эванс-Причард, 1985. С. 193—208). «Родовое начало,— свидетельствуют данные по обычному праву казахов,— на котором зиждется весь строй общественной киргизской жизни, настолько неблагоприятен для лиц, которые не имели бы родственников, что даже в тех редких случаях, когда появляются личности совсем чуждые, они стараются приобрести покровителей и с этой целью становятся под защиту какого-нибудь влиятельного киргиза и присоединяются к его роду. С того момента они становятся сородовичами...» (МКОП. С. 262). Инкорпорация приводила к тому, что индивид включался в групповую филиацию и утрачивал свою первородную. Особенно часто это имело место среди беднейшей части населения. В случае несовпадения индивидуальной и групповой филиации за индивидом закреплялся статус «керме» и он мог находиться в неадекватном, отчасти неравноправном, положении (Аристов, 1896. С. 371—372; Потанин, 1917. С. 56 и др.).

Традиция единого генеалогического древа, в свою очередь, обуславливала обязательную инкорпорацию иноэтничных или иноплеменных элементов на уровне общественного сознания в состав различных патронимических объединений номадов, их включение в традиционную генеалогию. Вследствие этого генеалогическая структура кочевого общества была реальной лишь в низших звеньях, преимущественно ограниченных экзогамным барьером — у казахов, например, в пределах 7—13 поколений (Аргынбаев, 1973 и др.), и идеальной, легендарно-мифической на высшем уровне (Першиц, 1961; Krader, 1963; Хазанов, 1975; Марков, 1976; Давыдов, 1979 и др.).

Социальный статус индивида во многом определялся степенью привилегированности его группы, статусом его рода по сравнению со статусом другой группы в каждой ситуационно возникающей обстановке. «На основании узнанной степени родства,— свидетельствуют материалы по обычному праву казахов,— гости принимают или хорошо, или дурно» (Гродеков, 1889. С. 27). Среди многочисленных критериев статусности важнейшими были прежде всего старшинство и право первородства. Так, например, в отношении Младшего жуза известно, что «в Киргизских народных сеймах, Алимудинцы первые подают голос, первые делают определение, и принятие его одним родом дает полную власть к общему согласию и исполнению; предположенное же младшим родом не обязывает к исполнению Алимудинцев. Как старейшим по первородству родоначальника своего, им везде и во всяком случае оказывается наружное предпочтение» (Бларамберг, 1848. С. 74—75). Как свидетельствует обычное право казахов, порядок старшинства соблюдался при разделе военной добычи, распределении мест во время застолий, наследовании власти, распределении подарков и пищи, очередности тостов, пения и т. п. (Гродеков, 1889. С. 7—10 и др.).

Важную роль в системе статусов играл и статус «женщины — родоначальницы»: «байбише» (первая жена), «токал» (вторая, третья и т. д. жена), наложница, рабыня, который наследовался ее детьми. Обычное право сообщает нам, что «...дети первого брака, называемые байбичинцами, издавна пользуются у киргизов большим преимуществом, чем дети второго брака — токалшина. — Первые ко вторым всегда относятся с пренебрежением...» (МКОП. С. 190—191). Что же касается адопции, то «усыновление у киргизов встречается довольно часто» и «усыновляемый причислялся к роду усыновителя и пользовался одинаковыми правами с детьми усыновителя» (там же. С. 260). В менее выгодном положении находились незаконнорожденные дети (там же. С. 260—261). Иначе говоря, система генеалогического родства базировалась на ранжировании различных патронимических групп в зависимости от тех или иных принципов, в частности, права первородства либо сложной комбинации разнообразных признаков, что обуславливало как бы нормативную предпочитаемость субъекта социального действия как на уровне ритуала и общественного сознания, так и на уровне повседневной практики и наличного бытия — при решении общест-

венно значимых вопросов, наследовании, выдвижении, занятии и исполнении социально престижных функций и т. д.

В повседневной жизни принадлежность к тому или иному подразделению патронимической организации, особенно в контактных зонах, определяла социальный статус индивида, его положение в обществе и нередко вплоть до мельчайших деталей регламентировала отношение к нему окружающих, систему общения с другими индивидами. Как свидетельствуют материалы по обычному праву казахов, «...исключенный из общества родовичей человек, лишаясь всякой поддержки в них, не имеет между киргизами никаких прав: он и имущество его суть добыча первого ловца-киргиза, высматривающего всегда подобных, лишенных родового покровительства людей» (МКОП. С. 211). Таким образом, данная система общественных связей конституировала индивида как социально значимую личность, определяла социальное пространство его жизнедеятельности.

При рассмотрении иерархической пирамиды патронимической организации исследователи выделяют обычно несколько наиболее важных уровней, сегментов, каждый из которых имел свои функции и особую сферу влияния. Низший уровень был представлен, по мнению ряда исследователей, так называемой «семейно-родственной группой» (Соколовский, 1926; Курылев, 1978. С. 134—143 и др.), которая была объединением 2—3, реже 3—4 поколений родственников. На наш взгляд, родственников, объединенных в пределах общего домохозяйства либо одного локального поселения (аула), правомее обобщать термином «минимальный линидж» (см. подробнее: Масанов, Мгеладзе, 1991 и др.). Именно на этом уровне могли иметь место совместная организация процесса производства, кооперация и взаимопомощь, общий выпас скота и совместное кочевание, общность зимних пастбищ и летних водоемов, коллективная аренда земли и т. д. В рамках данной группы помимо семьи осуществлялась социализация личности, приобщение индивида к нормам и идеалам традиционно-бытовой культуры.

Наряду с этим существовал комплекс вопросов, охватывающих различные сферы общественной жизни, который в процедурном отношении разрешался как бы поэтапно и если не мог быть решен в рамках минимального линиджа, то только тогда выносился на суд патронимической группы большего масштаба. Сюда прежде всего следует отнести часть вопросов хозяйственной жизни кочевников. Как свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», «родовые связи сказываются в различных хозяйственных вопросах, как напр. при составлении зимних табунов, при проведении арыков для орошения полей, при кочевании и др., где всегда киргизы группируются по родам...» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 8). Во-вторых, это касалось вопросов коллективной ответственности и круговой поруки за поступки родственников: за их долги, обязательность кровной мести, уплаты куна, защиты родственников, оказания им материальной помощи (Гродеков, 1889. С. 12, 38—40, 114—116 и др.).

Именно в рамках низших патронимических групп регулировались вопросы наследования имущества умершего индивида (до пятого поколения по агнатной линии), установления опекуинства над малолетними детьми, оставшимися без отца (до седьмого колена), левиратного права, согласно которому вдова должна была выйти замуж за одного из родственников мужа (до четвертого колена) и т. д. (Гродеков, 1889. С. 12, 38—40; МКОП. С. 144 и др.). Также находились в сфере влияния патронимических групп различные стороны ритуально-обрядового действия, в частности, все стадии жизненного цикла человека — рождение, инициация, свадьба, смерть, поминки и т. п. Источники свидетельствуют, например, что «при браках родовое начало играет большую роль... На похороны собираются не только кровные родственники умершего, а вся родовая группа... когда кто умрет на джайляу, как тут собирается много родовичей, так как все близко стоят друг от друга» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 8). Решение спорных вопросов (арбитраж) также осуществлялось посредством патронимической организации и т. д. Таким образом, в рамках низших патронимических объединений (до 6—7 поколения включительно) регулировался значительный круг вопросов повседневной жизни кочевников-казахов от семейно-брачных до хозяйственно-экономических.

В масштабах более крупных патронимических групп происходило многократное уменьшение объема функций и имела место их существенная трансформация. Патронимическая организация на данном уровне доминировала не в сфере производства и семейно-брачных отношений, а главным образом, в сфере внеэкономических отношений. Здесь осуществлялась регламентация межгрупповых отношений по поводу пастбищных угодий и водных источников, маршрутов весеннего и осеннего кочевания посредством принципов генеалогического родства. Материалы по обычному праву казахов свидетельствуют, что при возникновении поземельного спора «...нередко принимается в соображение старшинство их рода или отделения» (МКОП. С. 212). «При кочевании киргизы и до настоящего времени следуют древнему обычаю. Кочуют обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники» (Гродеков, 1889. С. 109). «Родственные узы, сплачивая многолюдные роды в одно целое, дают им средства охраняться общими силами против грабежей и отгонов скота со стороны соседей» (Живописный альбом... С. 329). «...Род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» (там же. С. 330).

На уровне высших звеньев патронимической организации (см. параграф 2.2.) значимость системы генеалогического родства, на наш взгляд, заметно понижалась, поскольку индивид в конкретно-ситуационном плане практически не выходил за пределы компетенции патронимических групп низшего звена. Но ее роль одновременно значительно возрастала в сфере мировоззрения и идеологии, распределения властных функций и т. д. Это было обусловлено тем, что генеалогические связи являлись не только средством

идеологического обоснования общности происхождения, единства целей и интересов, но и в условиях политической децентрализации общества были механизмом регламентации социально-потестарных отношений (Бларамберг, 1848. С. 74—75; Потанин, 1917 и др.). «Власть,— отмечает К. Тернбул,— регулировалась традиционными линиями происхождения, и это помогало обходиться без споров» (Тернбул, 1981. С. 236). Система социально-потестарного доминирования в кочевой среде осуществлялась в форме гегемонии одних патронимических группировок над другими (Аристов, 1896. С. 284—285 и др.).

Таким образом, патронимическая организация играла важную роль в общественной жизни кочевников вообще и социальной организации, в частности. На уровне низших генеалогических групп имело место регулирование хозяйственной и социальной практики, всего спектра межличностных отношений в соответствии с принципами генеалогического родства. И если на этом уровне объем регламентируемых функций был наибольшим, то на средних горизонтах патронимической организации полномочия концентрировались, в основном, вокруг вопросов внеэкономической координации земельных отношений и системы весенне-осеннего кочевания. Иначе говоря, происходило перетекание функций из хозяйственно-экономической во внеэкономическую сферу, из межличностной в межгрупповую. В свою очередь, высший уровень патронимической организации, в основном, контролировал с помощью принципов генеалогического родства сферу потестарно-политических взаимоотношений. Можно заключить, что данная функциональная организация осуществляла регламентацию многообразных процессов общественной жизни посредством генеалогической идентификации индивида либо группы, что отражало идеальные представления кочевников о социальной модели общества.

Ассоциативная группа. В кочевой среде существовала специфическая организация, объединявшая различные общинные группы и регулировавшая их взаимоотношения по поводу системы землепользования, распределения пастбищных угодий и водных источников, кочевых маршрутов (Гейнс, 1898. Т. II. С. 144; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99; Кауфман, 1907; Румянцев, 1910. С. 16, 54—55; Чулошников, 1924. С. 167, 189, 201, 221; Владимирцов, 1934. С. 47, 56—58, 63, 99, 136—137, 132—133; Капо-Рей, 1958. С. 249; Шахматов, 1962. С. 37—41; Оразов, 1964. С. 8; Трубецкой, 1966. С. 107; Он же, 1977. С. 85—88; Першиц, 1971; Толыбеков, 1971. С. 513, 517, 519; Федоров-Давыдов, 1973. С. 43, 111, 113, 116; Никифоров, 1974. С. 217; Хазанов, 1975. С. 106; Марков, 1976. С. 141; Давыдов, 1976. С. 43—44; Илюшечкин, 1980. С. 298; Петров, 1981. С. 81—83 и др.). Так, например, И. Г. Георги свидетельствует, что для соблюдения порядка при перекочевках договаривались между собой о пастбищах (Георги, 1799. С. 131). «...В степи установилось неписанное, но признаваемое всеми кочевниками право известных родов на определенные зимовки и на определенное направление летних кочева-

ний». «Каждый род и отдел имеют свой определенный участок...» (Живописный альбом... С. 329—330).

Данную социальную общность в историографии чаще всего именовали «родом», а также «племенем» (Радлов, 1893. С. 69—72; Руденко, 1961. С. 14 и др.), «патронимией» (Давыдов, 1976 и др.), «пастбищно-кочевой общиной» (Шахматов, 1964 и др.) и т. д. В «Материалах по киргизскому землепользованию» ее обозначали терминами «общинно-аульная группа» или «общинно-родовая группа» (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 19—20, 44; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14 и др.). А. М. Хазанов предложил понятие «territory of substance» (Khazanov, 1984). На наш взгляд, ни один из указанных терминов не отражает существа рассматриваемой общности и отражает только ее отдельные стороны. Так, обозначения «род» и «патронимия» раскрывают лишь один из принципов интеграции общин — генеалогический, который, однако, не являлся ведущим и не соответствовал смыслу данной общности, поскольку их объединение было экономически детерминировано и являлось необходимостью. Точно так же не подходит и понятие «территориальности», поскольку, как это верно заметил Б. Я. Владимирцов, «...территория могла быть, под влиянием военных действий и других обстоятельств сменена, но отношения на новых кочевьях оставались те же» (Владимирцов, 1934. С. 133). Для кочевников практически не существовало понятия территории, реальностью для них было пастбище. Поэтому более приемлемым, как нам представляется, является термин «ассоциация общин» либо «ассоциативная группа».

Ассоциативная группа являлась прежде всего объединением различных общин. Так, например, в Каркаралинском уезде в ее состав входило в среднем 20,5 аулов, а в некоторых случаях — до 105 аулов (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 19—20). Своего максимума ассоциативные группы достигали в период весенних и осенних миграций. Весьма значительными они были и в летний период, когда в их состав могло входить до нескольких сотен юрт (Шангин, 1820. С. 81; Сапожников, 1911. С. 190 и др.). Размер ассоциативной группы зависел от конкретных особенностей среды обитания и целесообразности совместного кочевания, наличия водных источников и кормовой емкости пастбищных угодий (Владимирцов, 1934. С. 136 и др.). Именно этим объясняется большая амплитуда в размерах ассоциативных групп, которая, например, в Усть-Каменогорском уезде превышала 300 хозяйств (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14).

В функциональном смысле ассоциация общин регулировала систему землевладения и землепользования прежде всего в теплое время года, что было обусловлено общностью пастбищных угодий и совместным выпасом скота, единством кочевых маршрутов и необходимостью регламентации межобщинных отношений, а также потребностью в защите интересов группы общин. В результате этого формируется право собственности ассоциативной группы на пастбищные угодья (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99; Hudson, 1938. P. 33—34, etc.). Осенью, сообщает М. Чорманов, «...кочевья места

уже разделены по родам главных родоначальников. Каждый из Киргизов хорошо знает свои места и свято соблюдает это разделение» (Чорманов, 1871. № 37). Таким образом, данная агломерация — не просто форма территориально-соседских связей низших производственных организмов общества общин, а социальный организм и одновременно общественно-экономический институт по совместному владению пастбищными угодьями в теплое время года (Гейнс, 1898. Т. II. С. 144; Румянцев, 1910. С. 54—55; МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 20, 35—36, 41—44; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14—15, 20 и др.), поскольку в зимнее время функции собственника были сосредоточены в минимальных общинах (см. параграф 6.1.).

В этом случае ассоциативная группа являлась весьма своеобразной единицей землевладения и землепользования. И если расширенная община в теплый период года была собственником лишь искусственных водонесточников и по «праву первозахвата» естественных водоемов, а также опосредствованным собственником пастбищных угодий, то ассоциативная группа была прямым и непосредственным собственником всех пастбищных площадей, на территории которых в летнее время располагались составляющие ее части. При этом она присваивала всю территорию кочевания подведомственных ей общин независимо от продуктивности пастбищных угодий и их кормовой емкости, тогда как связь общины с землей была жестко экологически детерминирована. Таким образом, ассоциативная группа была не только фактическим, но и юридическим собственником пастбищных угодий.

На наш взгляд, такая практика общественных отношений была закономерно обусловлена тем, что в самом процессе производства совершенно объективно существовала потребность в регулировании всего многообразия межгрупповых отношений как относительно условий и средств производства — земли, воды, так и взаимодействия общинных структур (обмен, взаимопомощь и т. п.). Эта потребность вырастала из недр системы материального производства, когда сам способ производства детерминировал возникновение социальных институтов, призванных осуществлять прежде всего координацию трудовой деятельности проживающих на смежных территориях групп кочевников, контроль, арбитраж и совместную организацию всего материального цикла. Важно отметить, что пространственное развертывание данного явления обуславливалось, главным образом, зонально-посезонной структурой биоценозов и целесообразностью выпаса скота.

Наряду с этим следует отметить, что ассоциативная группа являлась также весьма своеобразной единицей совместного кочевания на весенних и осенних маршрутах (Румянцев, 1910. С. 52; Чулошников, 1924. С. 201; Толыбеков, 1971. С. 513 и др.). «Киргизы во время общей перекочевки имеют таковой порядок, что все роды переходят как бы в одной параллели с тем, дабы не потерять выгодные места для пастбищ...» (КРО, 1964. С. 158). «Древне-монгольский род, — пишет Б. Я. Владимирцов, — знал общность пастбищных территорий, конечно в тех случаях, когда род кочевал, имея воз-

мояность кочевать совместно на одной территории, когда все сородичи сожительствавали вместе...» (Владимирцов, 1934. С. 56—57).

Интересно, что в источниках неоднократно встречаются указания на то, что ханами, старейшинами регулировалась система кочевания и землепользования (Козьмин, 1934. С. 13—14; Владимирцов, 1934. С. 98—99, 111—112; Еренов, 1960. С. 109; Зиманов, 1958. С. 175 и др.). Общеизвестно сообщение П. Карпини о том, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам» (Карпини, Рубрук, 1957. С. 45). Одни исследователи трактуют такого рода свидетельства источников как показатель системы феодального землепользования (Златкин, 1964; Пищулина, 1977 и др.), другие считают, что регламентация поземельных отношений имела не социально-экономическую, а военную основу (Марков, 1976. С. 83). В свою очередь, А. М. Хазанов полагает, что имел место процесс превращения общественно полезной функции в свою противоположность — в источник богатства и власти (Хазанов, 1975. С. 254).

На наш взгляд, следует говорить в данном случае только лишь о подаче сигнала к началу кочевания для общинных структур внутри ассоциативной общности (этой мыслью мы обязаны В. П. Юдину), а не о регламентации системы кочевания, поскольку в условиях кочевого хозяйства только экономическая целесообразность и посезонная ритмичность процессов определяли режим миграционных передвижений. Любая попытка регламентации системы кочевания и землепользования очень быстро бы выявила свою не состоятельность и привела бы к экономическому кризису и гибели хозяйственного организма. «Казахи,— сообщает «Тарихи Рашиди»,— по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки» (МИКХ. С. 227). В данном случае речь идет лишь о подаче сигнала к началу миграции и ни в коем случае о воле, навязанной всему сообществу кочевников.

Важной функцией ассоциативной группы являлась регламентация всего комплекса внеэкономических отношений, в частности, координация и урегулирование межобщинных отношений, арбитраж и контроль за выполнением норм обычного права, наказание нарушителей спокойствия и обидчиков, налаживание отношений с другими общинами и ассоциативными группами. «...Родовая община... определялась общим кочеванием, общей защитой от нападений и грабежа враждебных родов, и общими барымтами» (Румянцев, 1910. С. 52). «Родственные узы, сплотивая многолюдные роды в одно целое, дают им средства охраняться общими силами против грабежей и отгонов скота со стороны соседей» (Живописный альбом... С. 329). «Защита, покровительство, помощь своим сородичам,— отмечает Б. Я. Владимирцов,— были основными обязанностями рода...» (Владимирцов, 1934. С. 60). Так же, как община, возникавшая на базе кооперации и совместного труда, постепенно вовлекала в орбиту своего влияния весь спектр общественных отно-

шений (Данилова, Данилов, 1978. С. 15—53 и др.), так и ассоциативная группа, являвшаяся результатом развертывания системы материального производства в процессе перерастания хозяйственно-экономических связей во внеэкономические, постепенно поглощала весь диапазон организаторско-управленческих, регламентаторско-регулирующих и арбитражно-контрольных функций с частичным решением военно-потестарных вопросов.

При этом следует отметить, что механизм рассмотрения конкретных вопросов на уровне ассоциативной группы зависел прежде всего от сложной комбинации многообразных норм обычного права и в том числе принципов генеалогического родства. Важное значение имело также богатство, фактор социально-экономической стратификации общества кочевников, которому зачастую отдавали предпочтение при решении сложных вопросов (Марков, 1976. С. 152—155 и др.). Как свидетельствует И. Г. Георги, «...всяк как скоро разбогатеет, становится так же знатен...» (Георги, 1799. С. 135). Иначе говоря, если патронимическая организация основывалась на принципах генеалогического родства при регламентации всей сферы общественной жизни, то ассоциативная группа учитывала при этом гораздо больший круг факторов и регулировала социальную практику, исходя прежде всего из экономической целесообразности и общественного опыта. Вследствие этого становится понятным, что «ассоциативная группа» — более широкое понятие, чем патронимическая организация. При этом практика общественной жизни могла приходиться в противоречие с идеальной моделью устройства кочевого общества. Именно такая ситуация, на наш взгляд, засвидетельствована была Я. Гавердовским: «Кровные союзы почитались доселе неразрывными. Ни дальней родство, ни раздробительность поколений, ни внутреннее несогласие, ничто не ниспровергало сего священного чувствования для дел общественных... Все аулы стремились принять участие соединенно с коренным своим поколением и через то роды удерживались между собою как бы в равновесии. Но ныне, к сожалению, сии братские согласия не всегда бывают постоянны. Хотя редко, но случаются примеры, что даже дети, увидев на противной стороне личные свои выгоды, не дорожат родительским благосостоянием.

А от сего и произошло, что связи народные и общественные основаны у киргизов единственно на личной безопасности» (Гавердовский, 1803. Л. 71).

Таким образом, можно заключить, что в самом процессе производства независимо от воли и сознания людей, их представлений об идеальном устройстве общества на основе принципов генеалогического родства, имела место необходимость в координации и организации общественной деятельности, согласовании и арбитраже вопросов социальной практики, регламентации межгрупповых, межобщинных отношений, регулировании системы совместного кочевания и т. д. На этой общности экономических и неэкономических интересов возникает специфическая организация — ассоциативная группа, осуществлявшая обеспечение и интеграцию разнообразных

общественных функций за пределами компетенции отдельных общин. В результате сосредоточения функций внеэкономического регулирования отношений по поводу пастбищ и воды ассоциативная группа являлась единицей землевладения и землепользования, владения и водопользования, а вследствие этого осуществляла регламентацию всей системы кочевания.

Военно-потестарная организация. Практически всеми исследователями номадизма признается существование функциональной организации, которая регулировала систему военно-потестарных отношений в среде номадов (Владимирцов, 1934. С. 82—86; Першин, 1961. С. 153—168; Никифоров, 1974; Хазанов, 1975; Марков, 1976; Еремеев, 1981; Калиновская, 1989 и многие др.). Особенно основательно данная проблема разработана на примере древних кочевников (Grousset, 1941; Гумилев, 1967; Сандаг, 1977; Saunders, 1971; Krader, 1978; Khazanov, 1979; Idem, 1984; Idem, 1994; Викторова, 1980; Крадин, 1992 и др.). При этом, надо заметить, военная и потестарная организации общества могли развиваться одновременно и параллельно, но в мирное время они, взаимно дополняя друг друга, существовали в рамках одной иерархической структуры общества.

Для обозначения военно-потестарной организации чаще всего используется понятие «племени» (подробнее см.: Марков, 1976; Калиновская, 1989 и др.). Правда, исследователи обычно бывают недовольны этим термином для данного агрегатного состояния (Марков, 1973а. С. 6 и др.), которое, на наш взгляд, вполне приемлемо, но с оговоркой, что «потестарное племя» не адекватно «генеалогическому племени». Иначе говоря, одно дело, когда интеграция основывается на принципах генеалогического родства, и совсем другое, когда происходило объединение ассоциативных групп в специфические функциональные образования. При этом «генеалогическое» племя могло составлять основу «военно-потестарного племени», а объединение — осуществляться на принципах генеалогического родства, но этот вариант отнюдь не исчерпывает всех возможных путей возникновения племени. Гораздо чаще происходило наоборот: на основе интересов в политической сфере различные группы интегрировались в военно-потестарную организацию и лишь потом происходило идеологическое переосмысление этого процесса, выражающееся в принятии общего имени и создании единого генеалогического древа (Кузеев, 1974 и др.). В этом случае, как точно заметил Э. Э. Эванс-Причард, «реальные взаимоотношения политического типа... оказываются объясненными и подтвержденными через мифологические взаимоотношения...» (Эванс-Причард, 1985. С. 203).

Функционирование военно-потестарной организации кочевого общества было вызвано к жизни необходимостью регламентации той сферы общественных отношений, которая оставалась вне области регулирования как общины, главной константой жизнедеятельности которой являлись кооперация и совместное производство, так и ассоциативной группы, функции которой заключались в рег-

ламентации межобщинных отношений и координации социальной практики. Поэтому вполне закономерно, что из недр системы общественных отношений вырастает объективная необходимость в урегулировании большой совокупности вопросов общественно-политической жизни. На этой основе происходит интеграция различных ассоциативных групп в иерархически субординированную организацию — военно-потестарное образование. Интересно, что И. Эседди характеризует «племенную организацию» как «идеальную и высшую форму» социальной организации номадов (Escedy, 1977. Р. 6).

Среди основных причин возникновения и функционирования военно-потестарной организации кочевников следует выделить необходимость урегулирования взаимоотношений между ассоциативными группами по поводу пастбищных угодий, маршрутов кочевания, случаев барымты, притеснений одних другими, нарушения обычноправового «кодекса чести» и т. п. (Аполлова, 1960; Зима-нов, 1960; Першиц, 1961; Толыбеков, 1971; Федоров-Давыдов, 1973; Хазанов, 1975; Марков, 1976 и др.). В этой связи необходимо заметить, что именно поэтому потестарная организация, осуществляя властные функции, главным образом, на уровне ассоциативных групп и их объединений, практически не проникала на «общинные» этажи социальной организации и вследствие этого не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на систему производственных отношений и сам способ производства. Результатом этого было то, что социально-экономические отношения полностью регулировались в рамках общины и на межличностном уровне, редко в пределах ассоциативных групп и фактически никогда не регламентировались военно-потестарной организацией.

Важнейшим внешним фактором, обуславливающим интеграцию номадов, была потребность в урегулировании отношений с соседними как кочевыми, так и оседло-земледельческими народами, государствами и цивилизациями. Так, например, в XVIII в. казахам-кочевникам приходилось вступать в контакт не только с государствами Средней Азии, Китаем и Россией, но и с земледельческо-городским окружением на периферии казахстанского ареала, особенно в Южном Казахстане, — кочевниками джунгарами, киргизами, полукочевниками туркменами, узбеками, а также сартами, курамой, башкирами, русским казачеством, татарами, алтайцами и др. Именно племенная организация взяла на себя функции регулирования всего многообразного спектра взаимоотношений с соседними народами.

При этом следует иметь в виду, что решение всего комплекса торгово-экономических, поземельных и политических вопросов могло осуществляться как мирным, так и военным путем. Порою и тот, и другой способы решения спорных проблем так тесно переплетались, что невозможно было определить, где война есть продолжение мира, а где мир — войны. Достаточно вспомнить взаимоотношения кыпчаков с Хорезмшахами (Ахинжанов, 1989 и др.), половцев, печенегов, хазаров с древнерусскими княжествами (Плет-

нева, 1958; Она же, 1982; Гумилев, 1989а и др.), сюнну, сяньби, тюрков-тюцзюе, теле с Китаем (Бичурин, 1950. Ч. I—II; Гумилев, 1974; Таскин, 1989; Малявкин, 1989 и др.), казахов с Хивинским и Кокандским ханствами (Рязанов, 1926; Иванов, 1935 и др.) и т. д. Вследствие этого военные и политические функции зачастую концентрировались в рамках одной функциональной организации.

Рассмотрим в этой связи военную организацию кочевников, о важности которой свидетельствует не только классический постулат сюнну: «Могущие владеть луком все поступают в латную конницу» (Бичурин, 1950. Ч. I. С. 40), но и позднекочевнические нормы, засвидетельствованные обычным правом казахов: «Чтобы ни один Киргиз не являлся в собрания народныя иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места (Левшин, 1832. Т. III. С. 177. См. также Гавердовский, 1803. Л. 51). И. Г. Георги сообщает, что «во время... народом подтвержденной войны собираются все, к ратованию способные люди в определенное место... с двумя или больше лошадьми и вооружен. Толпы сии соединяются и вступают в поход под предводительством избранных военно начальников» (Георги, 1799. С. 124).

Известны различные типы военной организации кочевников, в частности, разделение на левый и правый фланги (Хазанов, 1975. С. 128; Пищулина, 1977. С. 204—205 и др.), триальная организация по принципу «левое крыло — центр — правое крыло» (Стратанович, 1974. С. 224—230; Зуев, 1967. С. 16—17; Хазанов, 1975. С. 129; Пищулина, 1977. С. 204—205 и др.), которые переносились также на потестарную структуру общества. Принадлежность к тому или иному звену, например, триальной системы могла означать привилегированность или, наоборот, приниженность в социально-политической сфере.

Классической формой военной организации является десятичная система, засвидетельствованная у сюнну (Таскин, 1989 и др.), тюрков-тюцзюе (Saunders 1971. P. 63 и др.), монголов эпохи Чингис-хана (Бартольд, 1963. Т. I. С. 449—451; Сандаг, 1977. С. 35 и др.) и т. д. В частности, Яса гласила, что все воины организуются в группы по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч человек (Spuler, 1972. P. 41. § 5; Карпини, Рубрук, 1957. С. 45). По мнению Дж. Саундерса, десятичная система была связана с генеалогической системой родства (Saunders, 1971. P. 63). Другие исследователи считают, что «...все монгольские племена, все поколения, роды, кланы были поделены... на группы айлов, которые могли выставить десяток, сотню, тысячу и т. д. воинов» (Владимирцов, 1934. С. 104). Отголосок десятичной системы у казахов можно видеть в разделении на жузы, т. е. сотни (Потанин, 1917 и др.).

Значение военной организации особенно возрастало по мере централизации потестарной системы в период обострения внешне-политического положения (Давыдов, 1979. С. 7—8; Марков, 1980. С. 313—314; Негря, 1981. С. 69; Бюттнер, 1981. С. 149 и др.). Л. С. Васильев точно заметил, что война и военное дело развивают-

ся пропорционально степени централизации политической структуры власти (Васильев, 1982. С. 73). Роль военно-потестарных образований существенно возрастала на периферии номадного мира в маргинальных зонах в связи с постоянной необходимостью регулирования отношений с соседними инохозяйственными, инокультурными, иноплеменными общностями, поскольку их экономические, территориально-политические и торговые отношения и интересы взаимопересекались и нередко приходили в противоречие (Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров, 1983. С. 105—130; Юдин, 1983 и др.). Вследствие этого, видимо, закономерно, что центры военно-потестарных и политических образований располагались чаще всего в городах, оседло-земледельческих оазисах и крупных поселениях на стыке кочевого и оседлого миров (Пищулина, 1969; Аполлова, 1960; Байпаков, Ерзакович, 1972 и др.). В Казахстане это традиционно имело место в присырдарьинских городах (Добросылов, 1912 и др.). Нередко центром военно-потестарных группировок становились спонтанно возникающие ставки — орды, расположенные в местах наибольшей плотности кочевых маршрутов, приуроченные к летним кочевкам, торговым точкам, караванным путям, ритуально-культовым центрам (Nagrodzka-Majchrzyk, 1978; Плетнева, 1982. С. 70—71; Юдин, 1983. С. 117—120 и др.).

Структура военно-потестарной организации строилась в специфически присущей всем кочевникам форме доминирования одних племен и племенных группировок («старшие племена») над другими («младшие племена») (Аристов, 1896. С. 284—285; Потанин, 1917 и др.). Крайней формой этого доминирования мог быть «ипаган богол» монголов, описанный Б. Я. Владимирцовым и до сих пор вызывающий многочисленные споры (см.: Марков, 1976 и др.). Отголосок этого явления у казахов можно отчасти усмотреть в институте «толенгутства» (Зобнин, 1902 и др.) и генеалогической системе «первородства» и «старшинства» племен (Бларамберг, 1848. С. 74—75 и др.). Вследствие этого политическая гегемония крупных общественных деятелей покоилась на силе и могуществе такого рода доминантных племен, например, Аблай-хана — на влиянии аргынов (Сулейменов, Моисеев, 1988 и др.), Кенесары Касымова — кыпчаков (Бекмаханов, 1947 и др.), Нуралы-хана — байулы (Рязанов, 1926. С. 177 и др.), Каип-хана — шекты и торткара (Вяткин, 1947. С. 224 и др.) и т. д.

На этой основе, по-видимому, происходило становление знатных династийных племен в составе различных кочевых объединений военно-политического характера, доминанта которых являлась базой всей потестарной структуры. Так, например, в огромной «империи» тюрков-тюцзюе доминировало племя ашина (Кляшторный, 1964; Он же, 1965; Зуев, 1967 и др.), теле — сеяньто (Кляшторный, 1986 и др.), кыпчаков — ельбори (Ахинжанов, 1976; Он же, 1989 и др.), тогуз-огузов — яглакар (Малаявкин, 1983 и др.) и т. д. И именно на этой основе могли возникать полугосударственные образования кочевников — каганаты, ханства и т. п. (Kradeg, 1978; Idem, 1981; Khazanov, 1979, etc.).

Потестарно-политическая организация кочевого общества, как это неоднократно отмечалось различными исследователями, отличается дискретностью во времени и пространстве, тенденцией к перманентной сегментации и дифференциации (Першиц 1971; Хазанов, 1975; Марков, 1976; Vainshtein, 1980; Плетнева, 1982 и др.). «Кочевые народы,— отмечает Н. И. Зибер,— благодаря обладанию скотом образуют почти сплошь более многочисленные группы и притом, по временам, под властью весьма сильных предводителей. Но все подобные союзы, за отсутствием надлежащих условий прочной организации бывают непродолжительны и с течением времени снова возвращаются в первоначальное состояние изолированных и разрозненных групп» (Зибер, 1959. С. 431). Монгольская государственность в эпоху Чингиз-хана, пишет А. М. Хазанов, «отлилась в сравнительно прочные и устойчивые формы» только в ходе широкой внешней экспансии (Хазанов, 1975. С. 254). Но такой ход развития был возможен только в эпоху античности и средневековья (см. параграф 1.2.).

Вследствие этого не следует переоценивать всеобщности и масштабов военно-потестарной организации в кочевых обществах, тем более, что она имела весьма ограниченный «потенциал» в глубине проникновения в структуру общественных отношений. Как мы уже отмечали, военно-потестарная интеграция находилась в противоречии с образом жизни кочевников, системой материального производства, которые определяли дисперсную организацию хозяйства и природопользования (см. параграф 5.1.). К. Тернбул верно заметил, что война требовала максимальной централизации, тогда как кочевой образ жизни, наоборот, требовал сегментации (Тернбул, 1981. С. 148). Таким образом, с одной стороны, способ производства и среда обитания обуславливали дисперсность кочевых обществ, тогда как военно-потестарная организация требовала их интеграции. Это противоречие разрешалось посредством того, что община и непосредственные производители не вовлекались в сферу влияния потестарно-политической организации, которая ограничивалась воздействием лишь на ассоциативные группы. Такое разделение «сфер влияния», говоря словами К. Тернбула, помогало «рассеиванию» власти и приводило к децентрализации всего общества. Поэтому военно-потестарная организация носила лабильный характер и тяготела к сегментации и дифференциации. Отрыв от кочевого базиса и возникновение крупных кочевых империй происходили лишь в случае организации внешней экспансии и тотальной милитаризации (Хазанов, 1975; Марков, 1976 др.).

Таким образом, военно-потестарная организация кочевого общества была вызвана к жизни необходимостью урегулирования большого спектра межгрупповых взаимоотношений по поводу пастбищных угодий и маршрутов кочевания, а также внешнеполитических аспектов жизнедеятельности кочевых обществ. Ее функционирование обеспечивалось посредством доминирования одних племенных группировок над другими. Однако ввиду автаркизма и натурально-потребительской направленности системы материального производст-

ва и особенностей стратегии природопользования в сферу военно-потестарной интеграции вовлекались лишь ассоциативные группы, тогда как община оставалась вне ее влияния. Это обстоятельство обуславливало лабильность военно-потестарной организации и преобладание центробежных тенденций.

В этой связи следует подчеркнуть отсутствие у всех кочевников сколько-нибудь развитых форм власти и ее институциональной формы — государственности. Координация общественных функций, лежавшая в основе процессов централизации, с последующей бюрократизацией общественной и политической жизни социума не могла эволюционировать у кочевников в сколько-нибудь развитые формы государственности, прежде всего, в силу дисперсной организации системы материального производства, «деспотии пространства», малой плотности населения, недостаточной его концентрации, отсутствия городов, оседлых поселений и сколько-нибудь развитой системы разделения труда. Ранние формы государственности могли получать развитие лишь в случае концентрации нomaдов вблизи городских центров (у казахов, например, в Присырдарьинском регионе) либо при завоевании оседло-земледельческих ареалов, но в собственно кочевых ареалах не известно ни одного случая возникновения государственности. Военно-потестарные организации не могут считаться государственными образованиями.

ГЛАВА VII. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

7.1. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА: ОБЫЧНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Преобладающая роль кочевого скотоводства в структуре хозяйственных занятий определила характер, а также основные параметры развития производственных отношений в казахском обществе. Специфика социально-экономических отношений в кочевом обществе казахов обуславливалась прежде всего тем, что в процессе производства утилизация природных ресурсов среды обитания осуществлялась по преимуществу биологическими по своей природе средствами, т. е. главным образом стадами животных.

В этой связи особую важность для анализа системы производственных отношений в кочевой среде имеет исследование вопроса о средствах производства, представляющих собой целостное единство предметов и средств труда. К числу предметов труда в кочевом обществе прежде всего относится скот, который в процессе производства посредством кормления и ухода подвергается целенаправленному преобразованию в продукт труда (Шахматов, 1964; Толыбеков, 1971; Петров, 1981. С. 16—22 и др.).

Что же касается земли, пастбищных угодий, то одни исследователи считают, что «процесс кочевания — это труд, приложенный не только к стаду, но и к данной пастбищной территории с целью восстановления ее кормовой производительности, без чего было бы невозможно возвращение производителя на данное место через

установленное время» (Златкин, 1955. С. 75; Он же, 1964. С. 401—402 и др.). Однако это справедливое утверждение вызвало возражения со стороны ряда исследователей (Шахматов, 1964; Петров, 1981; Бунятян, 1984 и др.). Так, например, С. Е. Толыбеков пишет в этой связи, что «землепользование у таких кочевников сводилось лишь к присвоению дикорастущей травы посредством животных...» (Толыбеков, 1971. С. 78). Вследствие этого «земля при кочевом скотоводстве использовалась в своем естественном состоянии как всякая полезная вещь природы. «Так бывает,— цитирует К. Маркса и Ф. Энгельса автор,— когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.» (Толыбеков, 1971. С. 95). Л. Крэдер пишет, что «номады лишь паразитировали на естественном плодородии почвы, ничего не давая взамен» (Kraeder, 1963. P. 317).

На наш взгляд, с этой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку она не учитывает антропогенного характера рассматриваемой экосистемы. В действительности же пастбищные угодья номадных ареалов также являлись продуктом человеческой деятельности. Это обуславливалось тем, что они с момента возникновения кочевничества уже не являлись ни «естественным травостоем», ни «диким пастбищем», а носили антропогенный характер. И поэтому они были не только средством, но и предметом труда, как это справедливо заметил И. Я. Златкин, поскольку в процессе выпаса скота и кочевания существенно были преобразованы деятельностью человека. Это было связано с тем, что в результате, например, перевыпаса скота происходила так называемая «пасторальная дигрессия» или «пастбищная модификация» растительного покрова, приводившая в конце концов к опустыниванию и эрозии пастбищных угодий (см. параграф 5.1.). Однако кочевники никогда не наносили непоправимого ущерба природным ресурсам среды обитания (Федорович, 1983. С. 182—183) без давления внешних факторов.

Наиболее очевидным доказательством антропогенного характера номадных ареалов, всего пустынно-степного ландшафтного пояса является негативное воздействие «эффекта недовыпаса» на растительный покров. В этом случае заметно понижалась урожайность «естественного травостоя» (Овцеводство Казахстана. С. 335 и др.), а систематический недовыпас оборачивался значительными изменениями в самом характере растительности и ее жизнедеятельности. Степи имели тенденцию превращения в поросшие бурьяном с густым слоем старой ветоши, совсем непригодные для выпаса скота, пустоши. Выпас скота благоприятно влиял на состояние растительного покрова, способствовал его омоложению и произрастанию многолетних трав (Одум, 1975. С. 534; Формозов, 1981. С. 274—275; Мордкович, 1982. С. 186; Кириков, 1983. С. 10, 19, 108—109, 113 и др.). Для «...нормального развития степной растительности,— считают специалисты геоботаники,— обязательно нужен умеренный выпас копытных животных. Без него на поверхности почвы накапливается слишком большое количество отмерших растительных

остатков, мешающих нормальному развитию степных растений, но очень нужных для сохранения почвенного плодородия и влаги. Умеренный выпас регулирует их накопление, не мешает развитию растений и в то же время не влияет отрицательно на водный режим почвы» (Семенова-Тянь-Шанская, 1986. С. 101). «На самом деле,— пишет один из крупнейших авторитетов в области экологии Ю. Одум,— оптимальным является выпас невысокой интенсивности, с использованием примерно трети чистой продукции, так как при этом улучшается качество как пастбища, так и животных и сильно уменьшается вероятность тяжелого ущерба в случае засухи» (Одум, 1975. С. 534).

Оптимальная норма отчуждения пустынной растительности, как показывают специальные исследования, составляет по одним данным не более 50% травостоя (Радченко, 1983. С. 52), а по другим, примерно около 75%. «При большей и меньшей нагрузке,— считают они,— растительность деградирует, часто необратимо» (Ретеюм, 1988. С. 133). Пастбища, пишет П. Джиллер, являются превосходным примером растительности, которая во многих случаях контролируется или даже создается выпасом (Джиллер, 1988. С. 76). Таким образом, мы вправе заключить, что растительный покров кочевнических ареалов в значительной степени являлся продуктом опосредствованного системой выпаса и кочевания труда человека. В этом случае скот по сути дела выступал в качестве средства труда, поскольку способствовал преобразованию пастбищных угодий *в предмет труда*.

Кочевничество, иначе говоря, есть не только стратегия природопользования посредством сезонного кочевания по определенным маршрутам в поисках удобных пастбищных угодий, но и объективно такая организация системы материального производства, которая находится в состоянии динамического равновесия со средой обитания и является фактором ее функционирования и кондиционирования ее жизнедеятельности. Интересно, что необходимость равновесного природопользования отчасти осознавалась и самими кочевниками, которые практиковали попеременное использование различных участков земли, чередовали их, оставляли под «пар» интенсивно использовавшиеся прежде пастбища (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 18—19; Чогдон, 1980. С. 57—58 и др.). Р. Капо-Рей заметил в этой связи, что «...сахарский скотовод должен кочевать непрерывно... чтобы не допустить истощения пастбищ...» (Капо-Рей, 1958. С. 195).

Таким образом, мы вправе заключить, что в процессе производства и земля, и скот в кочевой среде выступали в органическом единстве, неразрывной целостности, а их общность образовывала основные средства производства. При этом в процессе взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов как земля, так и скот являлись одновременно и средством, и предметом труда (см. в этой связи: Маркс, Энгельс. Т. 23. С. 193).

Для анализа того или иного способа производства, отмечают исследователи, принципиально важное значение имеет способ сое-

динения факторов производства (подробнее см.: Кронрод, 1987 и др.). «При описании любого способа производства,— пишет Л. В. Данилова,— необходимо в первую очередь дать представление о характере соединения рабочей силы со средствами производства и условиями труда. Отношения же собственности — это результативные отношения, оформляющие данный способ производства» (Данилова, 1968. С. 50). При этом отношения собственности характеризуют присущий тому или иному способу производства способ присвоения материальных и духовных благ (Колганов, 1962; Качановский, 1971; Румянцев, 1987; Емченко, 1987; Карпинская, 1989 и др.).

На наш взгляд, отношения собственности как сложная интегральная целостность отличаются многообразием форм проявления во времени и пространстве. Это связано с тем, что, являясь отражением форм и типов деятельности человека, отношения собственности так или иначе соответствуют природе функционирования различных элементов трудового процесса и выражают все многообразие взаимоотношений людей в процессе производства, результативная система общественного разделения труда. Наряду с этим, будучи объективной категорией, отношения собственности имели юридическое, нормативное выражение, преломляясь в сознании членов социума, их идеологии и мировоззрении.

В юридическом, точнее обыченправовом, аспекте в кочевом обществе казахов фиксируются отношения собственности, во-первых, на скот и продукты скотоводства, которые являлись основной формой собственности на индивидуальном, межличностном уровне; во-вторых, на землю, в частности, общинная собственность на зимние пастбища и водные источники искусственного происхождения и внеэкономическая собственность «ассоциативной группы» на пастбищные угодья нескольких общин (см. параграфы 6.1. и 6.2.). Остальные формы собственности не имеют принципиального значения для характеристики системы производственных отношений кочевого общества.

Как нам уже приходилось отмечать, практически ни по одному из вопросов истории кочевничества среди исследователей нет единства мнений и общности подходов. Даже вопрос о собственности на скот вызывал немало разночтений. Так, например, Н. И. Зибер, отражая взгляды довольно значительного круга ученых XIX в. и апеллируя к материалам по обычному праву казахов, бурятов, монголов, туркмен, афганцев, башкиров, туарегов, бедуинов и др., пришел к выводу о коллективной («родовой», «общинной», «улубной») собственности на скот (Зибер, 1959. С. 177—183).

В этой связи довольно широкое распространение получило мнение о том, что в древности бытовала «общинная» либо «родовая» собственность на скот. Так, например, С. Е. Толыбеков утверждает, что скот принадлежал «первоначально, безусловно, роду» (Толыбеков, 1971. С. 116), а «появление частной собственности на стада и табуны вызвало целую революцию в производственных отношениях людей» (там же. С. 232). Для некоторых исследователей «родо-

вая» собственность на скот видится в бытовании обычая «клеймение» скота так называемыми «родовыми» тамгами (Баллюзек, 1871. С. 165; Пэрлээ, 1979. С. 233 и др.). Однако, на наш взгляд, ближе к истине точка зрения К. П. Калиновской, которая заметила, что тамги «...едва ли следует рассматривать... как свидетельство наличия в прошлом... общеродовой собственности на скот» (Калиновская, 1989. С. 129).

Абсолютно наибольшая часть исследователей совершенно обоснованно отмечает наличие в кочевых обществах частносемейной собственности на скот (Владимирцов, 1934. С. 56; Зиманов, 1958; Еренов, 1960; Першиц, 1961 и др.). Так, Г. Е. Марков пишет по этому поводу: «Что касается собственности на скот, то здесь не может быть двух мнений. Все исторические и этнографические данные бесспорно свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был частной семейной собственностью» (Марков, 1976. С. 289). «Надо думать,— пишет в этой связи А. М. Хазанов,— что становление частной собственности на скот не только предшествовало развитию кочевого скотоводства, но и было одной из его предпосылок. Специфика скотоводства и животноводства как особых форм производительной деятельности, с одной стороны, и особенности скота как движимого имущества — с другой, явились причинами того, что, за редчайшими исключениями, скот всегда находился в частносемейной или индивидуальной собственности» (Хазанов, 1975. С. 93).

На наш взгляд, вывод о том, что частносемейная собственность на скот появилась еще до возникновения кочевничества (Хазанов, 1973. С. 1—2; Першиц, Хазанов, 1979. С. 51 и др.) в наибольшей степени соответствует истине, поскольку любой мало-мальски знакомый с содержанием животных человек поддержит мысль о том, что коллективная собственность на скот практически никогда не могла иметь место. Свидетельством тому является и советский опыт коллективного животноводства, результатом которого является повсеместный упадок и развал хозяйства. Содержание и уход за скотом всегда строго индивидуализированы. Поэтому трудно допустить мысль о существовании когда-либо «коллективной» собственности на скот. По-видимому, с самых первых шагов domestikации животных стали формироваться частнособственнические отношения по поводу них. Правда, разные виды животных по-разному реагируют на наличие или отсутствие «хозяина». Одни, например, собаки, лошади, верблюды и отчасти крупный рогатый скот в большей степени нуждаются в индивидуализированном уходе, другие, в частности, овцы и козы могут обходиться меньшей долей «личностного» труда. Но в любом случае без «хозяина» и его личной заинтересованности в результатах труда никакое производство невозможно.

Таким образом, скот изначально находился в индивидуальной собственности. У кочевников-казахов скот был объектом индивидуальной собственности, но, как правило, в частносемейной форме. Дело в том, что каждый индивид, член семьи имел свои права на

известную долю семейного имущества и прежде всего на скот. Функции собственника обычно осуществлялись главой семьи — отцом либо старшим на данный момент сыном (невыделенным), либо кем-то из ближайших родственников по патрилинейной филиации, но не дальше 5—6 колена. Каждый из сыновей главы семьи имел свое право на енши, т. е. минимум, необходимый для обзаведения собственным хозяйством, и на калым, т. е. имущество в уплату за невесту. Минимальный размер и енши, и калыма определялся традициями и обычным правом, максимальный — волей отца, но не в ущерб другим сыновьям. В случае бедности и невозможности выделения и енши, и калыма, строго обязательным минимумом для отца являлась уплата калыма за невесту сына. Свой права на известную часть имущества имели жены, дочери, усыновленные дети, а также ряд очень близких родственников (подробнее о системе собственности и наследования см.: Левшин, 1832. Ч. III; Мейер, 1865; Красовский, 1868; Алтынсарин, 1870; Баллюзек, 1871; Загряжский, 1876; Самоквасов, 1876; Маковецкий, 1886; Крахалев, 1888; Гродеков, 1889; Леонтьев, 1890; Максимов, 1897; Гурлянд, 1904; Словохотов, 1905; Мякутин, 1910; МКОП, 1948; Кульгелев, 1955; Аргынбаев, 1973; Кисляков, 1977; Фукс, 1981 и др.).

После уплаты калыма и женитьбы сыновей, каждому из них полагалась определенная часть отцовского наследства, оставшаяся часть состояния после смерти отца наследовал младший сын (система минората). Выдел сыновей вплоть до смерти отца носил неполный характер, поскольку лошади оставались в общем табуне. Дочерям и вдовам также следовала часть наследства, состоявшая обычно половину доли сыновей, которую они получали в качестве приданого и разного рода подарков (дочери). Преимуществом при разделе отцовского имущества пользовались дети от первой жены (байбише-баласы) по сравнению с детьми от других жен. В случае отсутствия сыновей, причитающуюся им долю (енши) наследовали ближайшие родственники мужчины по агнатной линии вплоть до пятого колена. Имущество, оставшееся от матери, которое она приносила в семью в качестве приданого и подарков, наследовали ее дети: дочь получала половину доли сына.

Из приведенных данных совершенно очевидно следует, что процессы накопления скота в руках отдельных индивидов постоянно прерывались системой обязательной уплаты калыма и выделения енши женатым сыновьям, наделением дочерей приданым и широко развитой системой подарков, особенно внукам, племянникам, родственникам жены и т. п. Иначе говоря, с юридической, точнее обычно-правовой, точки зрения **постоянно происходило всемерное перераспределение скота** как движимого имущества по различным социальным каналам, что препятствовало его концентрации в руках отдельных индивидов и способствовало его дисперсии. Таким образом, система обычного права носила как бы антимонопольный характер и детерминировала перманентную сегментацию всякого состояния в кочевой среде и регулировала каналы передачи этого имущества.

Рассмотрим формы собственности на землю. Согласно обычному праву казахов признавалось право общинной собственности на кормовые угодья пастбищной территории вокруг стационарно устроенного зимнего жилища (кстау). О том, что «зимовки обыкновенно сохраняются из рода в род, как нечто наследственное и драгоценное», сообщают практически все имеющиеся исторические и этнографические источники (Бронеvский, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 74—75; Левшин, 1832. Ч. III. С. 23; Баллюзек, 1871. С. 150; Чорманов, 1871. № 33; Померанцев, 1871. № 21; Гейнс, 1897. Т. I. С. 60; и др.). «Зимовка, — свидетельствует М. Чорманов, — считается наследственным достоянием аула, и место ее переменяется только в случае крайней необходимости» (Чорманов, 1883. С. 41). Располагавшиеся по периферии зимовки ранневесенние и позднеосенние пастбищные угодья также являлись собственностью минимальной общины (см. параграф 4.1. и 6.1.).

Наряду с этим существовала собственность различных сегментов «ассоциативной группы» на все типы пастбищных угодий, в частности, группы минимальных общин на всю территорию зимнего выпаса скота, группы расширенных общин на всю территорию летних пастбищ джайлау, а также на весенние и осенние маршруты кочевания (МКЗ. Т. II. С. V, XXIII—XXIV; МКЗ. Т. IV. Описание... С. 97, 99; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 103 и др.). Так, например, «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что «...зимними пастбищами все аулы, входящие в состав группы, пользуются совместно; между кстау этих аулов границ нет, но с посторонними аулами существуют определенные границы» (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 15—16). «У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок; на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки; но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» (Живописный альбом... С. 330).

Общинная и «ассоциативная» собственность на землю представляли собой совокупность прав собственности всех членов данной общности (подробнее см. параграфы 6.1. и 6.2.). Поэтому как члены общины, так и ассоциативной группы имели общепризнанные права на выпас скота на пастбищах принадлежавших тому или иному образованию. Но при этом никто не мог самостоятельно распорядиться своим правом собственности на землю (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 31; Описание... С. 112; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 33 и др.). Иначе говоря, отношения по поводу земли характеризуются «коллективной» (общинной, ассоциативно-групповой) собственностью как совокупностью прав собственности всех членов данной группы, ограниченных в распоряжении этой собственностью. Внутри ассоциативной группы права различных общин в теплый период года регулировались «правом первозахвата» (Баллюзек, 1871. С. 150; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14 и др.). Право первозахвата не распространялось на зимние пастбища и на искусственные водонисточники и являлось привилегией только членов ассоциа-

тивной группы. Обычное право в этой связи гласит, что «кто без позволения аульных прикочует к аулу, или пригонит свой скот, тот подвергается строгому выговору бия и немедленно должен откочевать и отогнать свой скот...» (Загряжский, 1876. С. 170—171).

В масштабах расширенной общины, как мы уже отмечали, имела место прежде всего собственность на водные источники искусственного происхождения (см. параграф 6.1.). Источники свидетельствуют, что «...каждый аул ревниво оберегает свои колодцы и не допустит посторонних к пользованию ими. И если случаются, так сказать, припущенники... так им приходится... довольствоваться тем, что им достанется на долю» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 29). Это право собственности было обусловлено усилиями, затраченными на создание колодца либо аргументировалось давностью лет пользования, принадлежностью колодца предкам (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 98; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 30; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 92, 93 и др.). На естественные водоемы — реки, озера, карасу, ключи, болота — распространялось право первозахвата, согласно которому любая община, входившая в ту или иную ассоциативную группу и кочевавшая на территории, находящейся под ее юрисдикцией, могла свободно расположиться у того или иного естественного водоисточника, прийдя на это место первой (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87, 93 и др.). Все остальные общины, соблюдая право первозахвата, не останавливались вблизи уже занятого места и передвигались к другим водоисточникам.

Таким образом, в структуре производственных отношений в кочевой среде существовали различные формы обычного права собственности на главные средства производства — скот, землю и воду. При этом масштабы и уровень «собственнических» полномочий ассоциативной группы обуславливались внеэкономическими факторами, не были прямо связаны с процессом производства и распространялись на всю территорию локализации общинных структур, составляющих ее, а сама она фактически выступала своего рода единицей землевладения и одновременно гарантом общинной собственности. В свою очередь, минимальная община являлась одновременно единицей землевладения и землепользования, распространяя функции собственника только на пастбищные угодья вокруг стационарно устроенной зимовки. Расширенная община являлась юридически только лишь единицей водовладения и водопользования. Как мы видим, отношения собственности на землю и воду были предельно рассеяны среди различных звеньев социальной организации. Практически ни одна из этих социальных групп не обладала монополией ни на землю, ни на воду.

При этом следует заметить, что собственно скотоводческое хозяйство определило органическое единство земли, воды и скота как факторов системы материального производства, поскольку элементарное воспроизводство скота как биологического вида было невозможно без известного минимума пастбищных угодий и водных ре-

сурсов. При отсутствии же скота отпадала необходимость в присвоении и использовании земли и водных источников, поскольку нескотоводческие занятия либо какая-то другая форма их утилизации не могли иметь места в ареальной экосистеме. Поэтому ни земля, ни вода не имели в условиях кочевого скотоводческого хозяйства самостоятельной ценности, ибо только скот придавал им потребительское значение. «...У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — например, на овец — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся» (Маркс, Энгельс. Т. 46. Ч. 2. С. 480). Пастушество «всегда предполагает присвоение земли либо для постоянного поселения, либо для скитания с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.» (там же. С. 481). Индивид, таким образом, присваивает землю вследствие того, что она является субъективно-объективной основой его существования, предпосылкой его труда (там же. С. 473—474). Однако поскольку индивид никогда не выступает в качестве свободного, обособленного и всегда принадлежит и существует как член исторически определенной формы коллектива, объединения (там же. С. 461—472), постольку его собственность выступает как собственность всего коллектива, членом которого он является (там же. С. 466).

Что же касается в этой связи непосредственных производителей, то необходимо подчеркнуть, что они были свободны и не являлись чьей-либо собственностью в юридическом смысле. Поэтому утверждения отдельных авторов о якобы «крепостнических» порядках в кочевой среде (Козьмин, 1934; Златкин, 1964 и др.) следует рассматривать как необоснованные. Если следовать за такого рода рассуждениями, отмечает Г. Е. Марков, «...то придется признать, что как на старых местах расселения, так и на новых рядовые скотоводы сами закрепощали себя и обращали свои кочевья в феодальное владение» (Марков, 1976. С. 87). Действительно юридически трудящиеся индивиды были свободны и ничем кроме принципов производственной кооперации (см. параграф 6.1.) и канонов генеалогического родства (см. параграф 6.2.) в структуре общественных отношений не были связаны. Но они были все же несвободны от условий труда, механизма функционирования производственного процесса, технологии системы выпаса и кочевания, необходимости жить, работать и добывать средства к существованию, объединяться с другими индивидами в общину для того, чтобы обеспечить все элементы трудового процесса. Поэтому масса непосредственных производителей была несвободна и зависела от самой системы материального производства. Что же касается рабства, носившего патриархальный характер, то оно в системе производственных отношений не играло какой-либо принципиальной роли (Семенюк, 1958; Он же, 1959; Хазанов, 1975; Он же, 1976 и др.).

Таким образом, мы вправе заключить, что с обычно правовой точки зрения в системе производственных отношений не существовало каких-либо условий монополизации средств производства: земли и воды в большей степени, скота — в меньшей. Обычное пра-

во, судя по всему, своими нормами «рассеивало» отношения собственности на средства производства по различным уровням социальной организации и многообразным каналам межличностных связей и детерминировало сегментацию имущества и прерывание процессов накопления и концентрации скота (Масанов, 1988 и др.).

7.2. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА

Объективный характер системы материального производства и целостность функционирования всех элементов трудового процесса детерминировали единство материального и социального в разрывании отношений собственности. «Собственность означает... первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства...» (Маркс, Энгельс. Т. 46. Ч. I. С. 480). В этой связи следует отметить необходимость исследования отношений собственности как объективной реальности, существующей вне сознания человека, поскольку известно, что юридические, а в нашем случае обычноправовые, нормы, как правило, неадекватно отражают реальную ситуацию (Колганов, 1962; Данилова, 1968; Качановский, 1971; Барг, 1984 и др.). В частности, В. П. Илюшечкин заметил по этому поводу: «Правовые формы собственности... должны быть объектом изучения правовой, а не политической науки. Последняя призвана исследовать не правовую, а чисто экономическую сторону отношений собственности...» (Илюшечкин, 1986. С. 97).

При этом следует иметь в виду, что «ни принадлежность условий одному из агентов экономического отношения, ни принадлежность одной лишь способности к труду другому агенту не могут составлять отношение собственности, ...условия производства без рабочей силы столь же лишены смысла, как и рабочая сила без условий осуществления труда. Собственность потому и выступает как экономическая категория, что эти объективно необходимые элементы опосредования обмена веществ между человеком и природой... поляризовались и субъективизировались на противоположных полюсах. Поэтому собственность как экономическая категория... не может являться ни собственностью на средства производства, ни собственностью на рабочую силу. Она есть нечто третье, представленное в их взаимном отношении, но не сводимое ни к первому, ни ко второму» (Хубиев, 1978а. С. 10). Таким образом, обычноправовые отношения собственности на средства производства отнюдь не исчерпывают всей целостности и содержания отношений собственности в экономическом смысле, являясь лишь институциональной формой их субъективного отражения в сознании людей.

При этом юридические формы собственности представляют интерес, в основном, в качестве исходного общественного отношения, поскольку «производственные отношения проявляются на поверхности действительности в превращенных формах... Индуктивное обобщение таких кажущихся связей и односторонний анализ их не

обеспечивают прорыва за внешнюю видимость явлений и могут породить самые вульгарные представления» (Метод политической экономии... С. 173). Нас же в данном случае интересуют *реальные отношения собственности* т. е. та материальная и социальная субстанция, которая детерминировала лежащие на поверхности юридические формы.

Вследствие этого необходимо рассмотреть ту плоскость отношений собственности, которая имела место в сфере производства, поскольку «собственность имеет предметом присвоения труд, затраченный на производство продукта. Отсюда ясно, что отношения собственности — это отношения между людьми в процессе общественного производства» (Данилова, 1968. С. 50). При этом подчеркивается, что «утверждение о том, что собственность есть социальная форма присвоения средств производства, дает отражение отношения собственности на уровне ее бытия как экономической предпосылки процесса производства. Далее... необходимо рассмотреть **движение** тождества или противоположности соотношения элементов собственности в процессе производства» (Хубиев, 1978а. С. 10), ибо «объективными элементами отношения собственности служат труд и условия его осуществления. Только в единстве соотношения этих элементов можно говорить о собственности в экономическом смысле» (там же. С. 9.).

Прежде всего следует рассмотреть ту причинно-следственную цепь явлений и процессов, которые имели исходной точкой движения отношения собственности на скот, поскольку им принадлежала доминантная роль в структуре производственных отношений. И в этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что *в зависимости от числа скота прямо пропорционально изменяется структура стада*. Так, в частности, по мере возрастания численности скота происходит уменьшение удельного веса менее подвижных видов животных, уравниваемое увеличением доли более подвижных видов, главным образом конского поголовья (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 15—16 и др.).

Особенно показательны в этом смысле данные по степени обеспеченности хозяйств лошадьми. Так, например, в Петропавловском уезде в группе хозяйств, в которых насчитывалось от 10 до 25 лошадей, удельный вес конского поголовья в общей структуре стада составлял 29—32%; в группе хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей,—36-38%; в группе хозяйств, имеющих от 51 до 100 лошадей,—42,2%; а в группе хозяйств, имеющих более 100 лошадей,—превышал 55% (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 130). В Каркаралинском уезде процент конского поголовья составлял: в первой группе хозяйств —20,5—22,6%, во второй —24—24,5%, в третьей —29,1% и в четвертой —39,2% (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53). Если посмотреть на состав стада с точки зрения количества лошадей в расчете на одно хозяйство, то интересующая нас картина приобретает еще более рельефные очертания (см. параграф 8.1.). «У богачей — кони»,— свидетельствуют практически все источники (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 54 и др.).

И наоборот, чем выше норма обеспеченности скотом, тем меньше в структуре стада доля крупного рогатого скота (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 15—16; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 129 и др.). Так, в Петропавловском уезде в безлошадных хозяйствах его доля составляла 66,5% в составе стада; в группе хозяйств, имеющих от 1 до 3 лошадей,—40-57%; имеющих от 4 до 10 лошадей,—23-31%; от 11 до 25—19-21%; от 26 до 50—17-18%; имеющих 50 и более лошадей —12-16% (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 130). В Каркаралинском уезде процент поголовья крупного рогатого скота составлял в группе безлошадных хозяйств —30,4%, имеющих от 1 до 3 лошадей —16,8-23,8%, имеющих от 4 до 10 лошадей —9,2-13,3%, от 11 до 25—6,2-7,6%, от 26 до 50—3,8-4,7%, имеющих более 50 лошадей —2,8-3,3% (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53). Иначе говоря, социально-экономические характеристики видовой структуры стада свидетельствуют о том, что доля конского поголовья, прямо пропорционально возрастающая в зависимости от степени общей обеспеченности скотом, имеет своим чуть ли не зеркальным отражением удельный вес крупного рогатого скота, прямо пропорционально уменьшающийся в зависимости от богатства того или иного индивида.

По степени обеспеченности мелким рогатым скотом прослеживается иной характер изменения структуры стада. Так, в Петропавловском уезде в группе хозяйств, имеющих до 15 лошадей, наблюдается заметный рост доли овец и коз в зависимости от степени обеспеченности скотом, но в наиболее состоятельных группах, наоборот, отмечается уменьшение их удельного веса. Так, в хозяйствах, имеющих более 25 лошадей, доля мелкого рогатого скота составляет 44,6%, а в хозяйствах, имеющих более 50 лошадей,—уменьшается до 41,1%. Еще меньше их доля в хозяйствах, имеющих более 100 лошадей,—30,8% (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 130). В одном из наиболее засушливых уездов — Каркаралинском — удельный вес мелкого рогатого скота довольно стабилен во всех группах хозяйств —68,5-71,4%, за исключением только самых богатых. В хозяйствах, имеющих от 51 до 100 лошадей, его доля составляла 65,8%, а в хозяйствах, имеющих более 100 лошадей —56,4% (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53). Это было обусловлено тем, что существовал определенный предел, за порогом которого насыщение стада овцами и козами становилось невозможным. Причиной тому являлись невысокая скорость передвижения и небольшой ареал выпаса мелкого рогатого скота (см. параграфы 5.1. и 3.1.). В результате этого высокий удельный вес овец в структуре стада не обеспечивал оптимальной скорости кочевания большого стада животных.

В зависимости от степени общей обеспеченности скотом происходит и изменение внутривидовой структуры стада, в частности, увеличение дойного крупного и мелкого рогатого скота в бедняцких хозяйствах и их соответствующее уменьшение в богатых хозяйствах. (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 108—109, 105; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 126—127 и др.). Это было обусловлено как

меньшей в нем потребностью и неэффективностью широкомасштабной дойки из-за больших затрат труда в состоятельных хозяйствах, так и практической сдачей дойного скота на выпас беднякам. По мере роста благосостояния наблюдается возрастание доли валугов, волов и дойных кобылиц (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 97, 105, 107—108; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 125—127 и др.).

Динамика изменений численности и удельного веса различных видов скота, на наш взгляд, обуславливается объективным характером социально-экономических процессов в кочевой среде. Напомним в этой связи, что для каждого вида животных был присущ свой режим выпаса (см. параграфы 3.1., 4.1., 4.2., 5.1.). Так, суточная длина гона и радиус водопоя составляли: для овец соответственно 8—12 км и 3—4 км, крупного рогатого скота — 6,6 и 2,6 км, лошадей — 14 и 6,2 км, верблюдов — 21—25 и 9—12 км (Чогдон, 1980. С. 187—195). На этой основе совершенно объективно происходила трансформация стада, ибо чем больше скота было сосредоточено на пастбище, тем быстрее потреблялся травостой и, следовательно, возрастала скорость кочевания в поисках других пастбищ.

При этом необходимо учитывать порядок кочевания и систему раздельного выпаса скота. Источники свидетельствуют, что «весь порядок следования аула при перекочевке заключается в нижеследующем: впереди гонют лошадей, потом стада баранов и наконец все имущество навьюченное на верблюдах» (МКОП, 1948. С. 149). В свою очередь, беднейшие придерживались другого порядка кочевания: «Хозяйственные аулы и котаны, у которых недостаток в рабочем скоте и которые не могут сразу сняться с места, кочуют в несколько приемов: сначала кочует часть аула или котана, потом рабочий скот с новой стоянки посылается оставшимся; у бедных киргиз это повторяется несколько раз и кочевка затягивается на 2—3 дня. Такая кочевка называется тасмал, она практикуется только бедняками, возможна только при коротких кочевках, не более как на 10—20 верст...» (МКЗ. Т. VI. Примечания. С. 134).

Вследствие этого закономерно, что в хозяйствах более состоятельных, имевших много скота и больше подвижных видов — лошадей, верблюдов, процесс кочевания не требовал больших затрат времени и осуществлялся на высокой скорости, тогда как в бедных хозяйствах с высоким удельным весом малоподвижных животных и при дефиците транспортных средств процесс кочевания требовал больших затрат времени и труда и осуществлялся очень медленно. Итак, в наличии большая разница в скорости, интенсивности и частоте кочевания в зависимости от степени благосостояния индивида. В результате этого имеют место высокая скорость кочевания в богатых хозяйствах и низкая — бедных хозяйств. Поэтому скорость кочевания выступает в качестве фундаментальной парадигмы социально-экономических процессов в кочевой среде.

Попытка уловить разницу между богатыми и бедными хозяйствами уже предпринималась исследователями. Так, Б. Я. Влади-

мирцов писал по этому поводу: «Чем больше стадо, тем больше оно вызывало перекочетов-переходов» (Владимирцов, 1934. С. 36). С. З. Зиманов заметил в этой связи, что «частота производимых перекочетов во многом зависела от размеров скотовладения. Содержание большого количества скота, ...требовало более частых переходов...» (Зиманов, 1958. С. 131). А. М. Хазанов также обратил внимание на то, что «...богатый скотовладелец кочевал больше и дальше и, следовательно, использовал большее количество пастбищной территории...» (Хазанов, 1975. С. 254). Как видно из приведенных положений, тезис о большей частоте и дальности перекочетов не привел исследователей к мысли о скорости кочевания как принципиально важном факторе социальных процессов в кочевой среде. Но именно этот момент, на наш взгляд, — доминантный признак неравенства в сфере поземельных отношений. Ведь главное заключается в том, кто быстрее кочует, тот и пользуется преимуществом «права первозахвата» и он же, естественно, кочует чаще и дальше.

Источники свидетельствуют о неадекватной ритмичности кочевания в зависимости от степени обеспеченности скотом. Так, «Материалы по киргизскому землепользованию» указывают на то, что бедные в течение лета кочуют 2—3 раза, а богатые гораздо больше (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 126). «...Богатому киргизу, безусловно, необходимо кочевать и кочевать подальше» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 139). У богатых наблюдается более растянутый цикл летнего кочевания (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 88), большая протяженность кочевых маршрутов и частая смена пастбищных угодий (МКЗ. Т. II. С. XXIII; Живописный альбом... С. 329 и др.). «Чем многоскотнее, богаче хозяйство, тем настоятельнее для него кочевание на далекия свободныя пастбища, тем неудобнее для него рогатый скот и тем возможнее для него разводить любезных для кочевника лошадей и овец» (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53—54). В результате этого прослеживается различная география процесса кочевания для разных слоев общества (Вайнштейн, 1972. С. 61—62; Пуляркин, 1976. С. 56 и др.).

Вследствие этого богатые хозяйства, имеющие более подвижную структуру стада, кочевали значительно быстрее малоимущих, что позволяло их скоту потреблять свежий, никем не тронутый растительный покров. В то время как менее обеспеченные скотом были вынуждены следовать за богатыми и довольствоваться лишь тем, что осталось после выпаса их скота. Источники прямо свидетельствуют, что при переходе на джайляу «...кто прежде прибудет, тот и занимает лучшее кочевье, другие ж, опоздав, не находят уже своих выгод» (КРО, 1964. С. 145). Очевидцы указывают, что идущие первыми во время кочевки снимают «сливки» с пастбищных угодий (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96). Иначе говоря, *качественно-видовой состав стада, зависевший от имущественного положения индивида, определял скорость движения животных во время выпаса и перегонов и тем самым обуславливал присвоение кормовых угодий в собственность богатых скотовладельцев.*

Таким образом, на основе различий в скорости кочевания фактически происходило присвоение кормовых и водных ресурсов в теплое время года классом богатых скотовладельцев, которые практически монополизировали пастбищные угодья благодаря более подвижному составу своего стада. Из этого можно заключить, что «право первозахвата» в действительности являлось всего лишь юридической фикцией, поскольку оно только вуалировало фактически существующее господство класса богатых скотовладельцев в сфере землепользования. При этом гегемония данной прослойки в области земельных отношений становится еще более очевидной, если учитывать, что значительная часть непосредственных производителей была зависима от богатых скотовладельцев уже в самом процессе кочевания. Источники неоднократно сообщают нам о перекочевках типа «тасмал» (МКЗ. Т. VI. Примечания. С. 134 и др.) и других аналогичных формах кочевания (Wardell, 1961 и др.). В частности, «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что богатые уходят на джайляу первыми, а бедные идут следом за ними и просят выюнный скот для кочевки и лишь затем переходят на летние пастбища» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88 и др.). В данном случае мы вправе заключить, что богатые скотовладельцы фактически бесконтрольно присваивали кормовые ресурсы, пользуясь преимуществами более подвижной структуры своего стада скота. Это обстоятельство позволяет, несомненно, отождествить их с субъектом собственности на землю. Тем более, что класс богатых скотовладельцев первым присваивал «естественное» плодородие земли, являясь фактически главным распорядителем пастбища как средства производства и обеспечивал тем самым его функционирование в качестве предмета и средства труда.

Вследствие этого, свидетельствуют источники, бедным даже находиться на одной стоянке с более обеспеченным скотом хозяйством было невыгодно, поскольку в этом случае они были бы вынуждены кочевать в аналогичном режиме и часто менять пастбища, тогда как структура их стада была к этому ритму передвижений не приспособлена. Поэтому, как показывает практика, бедные на джайляу всегда остаются позади, а богатые обычно кочуют дальше и захватывают лучшие пастбища. При этом бедные рядом с ними никогда не останавливаются и держатся всегда подальше от них (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

Следует иметь в виду абсолютную объективность и закономерность процесса присвоения пастбищных угодий в собственность классом богатых скотовладельцев, которое, как правило, неосознавалось даже самими номадами. Это было обусловлено тем, что время использования того или иного пастбища и сам процесс кочевания, его ритм и особенно стартовая позиция определялись такими объективными природными факторами, как посезонно-зональная продуктивность растительного покрова, наличие или отсутствие водных источников и т. п. Как мы уже отмечали, эффективность системы выпаса скота определялась моментом оптимального пребывания на пастбище именно в период наивысшего цветения рас-

тений, который мог длиться от 2—3 дней до нескольких недель. Поэтому процесс кочевания есть главным образом процесс использования пастбищных угодий в наиболее оптимальные сроки, во время наивысшей продуктивности кормовых ресурсов. И поскольку старт процессу кочевания давался всем одновременно — временем таяния снегов и устойчивым переходом суточных температур воздуха через 0°C и потом стимулировался началом вегетации растительного покрова, то в дальнейшем доминантную роль играла скорость кочевания, позволявшая в оптимальные сроки достигать и осваивать наиболее «зрелые» и готовые к выпасу скота угодья. И здесь, бесспорно, наиболее богатые и динамичные хозяйства первыми в необходимые сроки приходили на летние пастбища. Вследствие этого необходимо признать, что богатые скотовладельцы фактически полностью монополизировали пастбищные угодья посредством «права первозахвата», тогда как беднейшая часть населения в вопросах землепользования находилась в неравном и зависимом положении (см. параграфы 8.1. и 8.2.).

Признание монопольной собственности класса богатых скотовладельцев на пастбищные угодья на межличностном уровне отнюдь не исключает необходимости анализа отношений общинной собственности на землю в процессе производства, которые не в полной мере были адекватны обычноправовым формам собственности. В зимнее время года, как мы уже отмечали, минимальная община присваивала в собственность относительно небольшой участок земли, площадь которого не превышала 2—3 тыс. га. Однако, как свидетельствуют источники, богатые скотоводы имели не одну, а несколько зимовок (МКЗ. Т. II. С. XXV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 127 и др.). Иначе говоря, классом богатых скотовладельцев могло осуществляться присвоение небольших участков земли в индивидуальную собственность. Удельный вес данного типа собственности был, видимо, значительным, поскольку, например, в Каркаралинском уезде было зафиксировано 826 зимних аулов в составе одного хозяйства, что составляло 15,4% всех зимних аулов уезда (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 19) и т. д. Таким образом, мы вправе заключить, что в рамках общинной собственности в зимний период года сосуществовала фактически частносемейная собственность на пастбищные угодья.

Для теплого времени года, как мы уже отмечали, было свойственно присвоение в собственность разнообразных водных источников (см. параграфы 5.1. и 4.2.). Результатом этого было возникновение фактических отношений общинной собственности на пастбищные угодья вокруг того или иного водоемистика, поскольку «кто без позволения аульных прикочует к аулу... тот... немедленно должен откочевать и отогнать свой скот...» (Загряжский, 1876. С. 170—171). Таким образом, в летний период года также происходило вовлечение земли в отношения общинной собственности. При этом собственность расширенной общины на землю носила опосредствованный характер, поскольку кормовые угодья присваи-

вались посредством отношений собственности на водные источники.

Другой особенностью поземельных отношений являлось то, что в силу биологических особенностей различных животных отношения собственности на пастбищные угодья носили избирательный характер, ибо каждый вид требовал организации особой системы кочевания, выпаса и водопоя (см. параграфы 3.1., 4.1., 4.2. и 5.1.). Как мы уже отмечали, наименьшие требования к качеству воды и растительного покрова предъявляли овцы и козы, тогда как наибольшие — крупный рогатый скот и лошади. В результате этого отношения собственности на пастбищные угодья и водные источники могли опосредствоваться видовой структурой стада. При этом существовали, например, на солончаках, пастбищные участки, на которых было необходимо лишь периодически выпасать скот — один раз в 10—15 дней. Поэтому не было никакого смысла в присвоении такого рода земельных угодий в общинную собственность, они обычно принадлежали целой группе общин.

Следует также иметь в виду, что вовлечение земли в сферу природопользования происходило на основе посезонной продуктивности растительного покрова. Вследствие этого отношениями собственности были охвачены лишь те пастбища и только в тот период года, когда они были в состоянии обеспечить скот кормами. В результате этого на одних и тех же пастбищах в разные периоды года в силу сезонной производительности растительного покрова мог выпасаться скот различных общин. Известны случаи, например, когда на зимних пастбищах одних общин в летнее время выпасался скот других (Алланиязов, Викторов, Пельт, 1984. С. 94—103 и др.). Поэтому отношения собственности на землю могли носить посезонный характер.

Таким образом, отношения фактической собственности на пастбищные угодья носили достаточно сложный характер и регулировались конкретными особенностями среды обитания, посезонными циклами процесса производства, качественно-видовым составом стада и целым рядом других социально-экономических и экологических факторов. Вследствие этого отношения собственности на землю носили, во-первых, опосредствованный характер, поскольку кормовые угодья присваивались в теплый период года опосредствовано отношениям собственности на водные источники. Во-вторых, избирательный характер, ибо каждый вид животных требовал организации особого режима выпаса, водопоя и кочевания. И, в-третьих, посезонный характер, ибо практическая утилизация пастбищных угодий зависела от посезонного характера наивысшей продуктивности растительного покрова.

Как мы видим, отношения собственности характеризуются многообразием форм проявления. С одной стороны, система производственных отношений не дает в общинном аспекте никаких гарантий чьей-либо монополии на пастбищные угодья. Нет таких условий и с точки зрения влияния природных факторов на социально-экономические процессы, поскольку отношения собственности

на землю были жестко детерминированы ресурсами среды обитания и носили опосредствованный, избирательный и сезонный характер. Такая природа отношений собственности на землю, как мы уже отмечали, была обусловлена закономерностью всемерного рассеивания полномочий собственности по всем этажам социальной организации и социально-экономической структуры общества. Однако «дисперсность» отношений собственности на пастбищные угодья естественно снималась процессами кооперации в рамках общины и интеграции в ассоциативные группы, а также процессами концентрации скота в крупных хозяйствах, поскольку отношения собственности на скот были ведущими в структуре производственных отношений. Вследствие этого отношения собственности на скот в процессе производства по отношению к пастбищным угодьям выступают в качестве фактора их интеграции и вовлечения в систему общественных отношений.

Таким образом, земля, являясь одним из основных средств производства в кочевой среде, также вовлекалась в отношения фактической собственности посредством утилизации кормовых и водных ресурсов на уровне общин и через качественно-видовой состав стада на уровне межличностных отношений. И если на первом уровне функции собственника осуществляли в зимний период года — минимальная община, в теплое время — расширенная община, а в течение всего года — ассоциативная группа, то на последнем — класс богатых скотовладельцев, которые фактически образовывали класс земельных собственников. В общеправовом плане право собственности как общин, так и богатых скотовладельцев на землю и водные источники выражалось в «праве первозахвата», которое для массы непосредственных производителей превращалось в процессе производства в юридическую фикцию. Однако для окончательного заключения о всеобщности процесса монополизации отношений собственности на землю класса богатых скотовладельцев необходим анализ фактических отношений собственности на скот и другие средства производства в самом процессе трудовой деятельности.

7.3. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА СКОТ

В результате проведенного исследования общеправовых аспектов отношений собственности и взаимоотношений различных групп индивидов по поводу одного из важнейших средств производства — земли, мы смогли убедиться в доминантной роли отношений собственности на скот в системе производственных отношений кочевого общества. В этой связи встает вопрос о действительной природе отношений собственности на скот в процессе производства, поскольку юридические формы не всегда адекватны экономической реальности.

В кочевниковедческой историографии существуют различные подходы к данной проблеме (подробнее см.: Першиц, 1976; Коган, 1981; Исмаил, 1983; Крадин, 1987 и др.). Так, сторонники Б. Я. Владимирцова считают, что отношения собственности на скот не явля-

лись главным показателем в социальной дифференциации кочевников. Только вместе с отношениями собственности на землю, которые играли ведущую роль, они приобретали целостное классообразовательное значение (Владимирцов, 1934; Вяткин, 1947; Зиманов, 1958. С. 124—128; Еренов, 1960; Златкин, 1964; Пищулина, 1977 и др.). В свою очередь, Г. Е. Марков полагает, что «...кочевое скотоводческое хозяйство было порой не единственным и даже не главным источником возникновения резкой имущественной дифференциации. Обмен, торговля с земледельческими областями, войны и набеги... порождали значительные различия в имущественном положении...» (Марков, 1976. С. 301).

Некоторые исследователи идут еще дальше, утверждая, что «скот был легко отчуждаем и одновременно легко накопим», «но из этого,— полагают они,— как раз и вытекает непрочность. Легко доставшееся богатство — безразлично...» (Черников, 1978. С. 77). Отсюда делается вывод о том, что собственность на скот не могла быть экономической основой социальной дифференциации и приводила к нечеткости процессов классообразования (там же. С. 78). Думается, с приведенными суждениями нельзя согласиться, поскольку разведение скота всегда было очень сложным технологическим процессом и поэтому «легкое накопление» скота было невозможно, о чем красноречивее всего свидетельствует советский опыт животноводства. Да и любой мало-мальски знакомый с жизнью кочевников исследователь подтвердит, что скот в глазах кочевника был ВСЕМ, он значил больше родства, жизни, а отсюда обожествление, культ скота (см., например: Толыбеков, 1971. С. 195—201; Толеубаев, 1984; Он же, 1984а и др.).

На наш взгляд, гораздо ближе к истине те авторы, которые указывают на доминантную роль отношений собственности на скот в структуре производственных отношений и процессах классообразования (Толстов, 1934; Шахматов, 1964; Толыбеков, 1971; Фукс, 1981; Петров, 1981 и др.). Так, в частности С. Е. Толыбеков справедливо считает, «...что у кочевых народов... имущественное неравенство и классовое расслоение... могли возникнуть только на почве частной собственности на стада и табуны...» (Толыбеков, 1971. С. 113). В. П. Илюшечкин пишет в этой связи, что «в кочевых скотоводческих хозяйствах... основным и главным богатством, самым важным средством производства считается скот ...Частная, в том числе крупная частная собственность на скот существует во всех классовых обществах кочевников, она и служит там основой частнособственнической эксплуатации» (Илюшечкин, 1980. Ч. II. С. 299).

Следует заметить, практически все источники единодушно свидетельствуют, что «главнейшее благосостояние сего народа зависит единственно от количества скота. Оно разделяет круг их общества на богатых, посредственных и бедных» (Гавердовский, 1803. Л. 67 обр.). Так, М. В. Певцов сообщает, что «состояние монгола, как и других кочевников, определяется числом голов скота» (Певцов, 1883. С. 79).

Как показывает анализ статистических материалов, характерным признаком кочевого способа производства являлась концентрация скота в хозяйствах немногочисленного класса богатых скотовладельцев. Так, в частности, группа хозяйств, имевшая свыше 50 лошадей, составляла 3,3% всех хозяйств Атбасарского уезда, а владела 20,4% всего поголовья скота, в Кустанайском — соответственно 3,7% хозяйств и 32,6% скота, Усть-Каменогорском — 1,1% и 15,5%, Семипалатинском — 1,8% и 23,0%, Зайсанском — 0,9% и 3,4%, Каркаралинском — 2,0% и 19,7%, Акмолинском — 3,9% и 27,6%, Павлодарском — 3,6% и 29,1%, Омском — 4,6% и 30,6%, Петропавловском — 1,6% и 16,8%, Актюбинском — 1,2% и 11,7% (подробнее см. таблицу № 5). В социологии и экономике при анализе процессов социальной дифференциации общества широко используются коэффициенты неравенства, в частности коэффициент Лоренца, коэффициент Джини и др. (см. подробнее: Миронов, 1991. С. 30—38 и др.). Применение этих коэффициентов, показывающих степень равномерности распределения богатства между различными социальными группами, убедительно демонстрирует степень концентрации богатства в казахском кочевом обществе (см. подробнее таблицу № 6). При этом, как считают авторы данной методики, при значении коэффициента Джини с 0,3 до 0,7 фактически имеет место значительное экономическое неравенство. В этой связи остается лишь констатировать, что казахское кочевое общество, в котором фиксируются коэффициентом Джини значения от 0,330 до 0,524, было значительно экономически дифференцировано (подробнее см. таблицу № 6).

Более детальная профилировка по видам скота свидетельствует, что в хозяйствах богатых скотовладельцев, имевших свыше 50 лошадей, была сосредоточена значительная часть конского поголовья и верблюдов (см. таблицу № 7). Так, например, в Усть-Каменогорском уезде им принадлежало 24,1% всех лошадей и 19,6% всех верблюдов, Зайсанском — 22,9% и 12,8% соответственно, Каркаралинском — 28,8 и 14,2, Семипалатинском — 34,7 и 20,7, Акмолинском — 38,8 и 27,4, Петропавловском — 22,3% и 77,3%. Математический анализ с помощью коэффициента Джини подтверждает глубокое неравенство и процесс концентрации конского поголовья в хозяйствах богатых скотовладельцев. Так, в частности, значение коэффициента существенно возрастает по сравнению с данными по общей обеспеченности скотом, в частности, в Акмолинском уезде с 0,441 до 0,660, Зайсанском — с 0,330 до 0,605, Каркаралинском — с 0,404 до 0,648, Семипалатинском — с 0,415 до 0,683, Усть-Каменогорском — с 0,345 до 0,591, Капальском — с 0,474 до 0,558, Джаркентском — с 0,524 до 0,666, Верненском — с 0,489 до 0,546 и т. д.

При этом в среднем на одно хозяйство данной группы приходилось в Акмолинском уезде — 167,5 лошади и 153,2 овцы, Атбасарском — 133,7 и 228,0 соответственно, Зайсанском — 150,0 и 417,0, Каркаралинском — 136,1 и 236,3, Кокчетавском — 164,7 и 143,3, Кустанайском — 156,5 и 146,7, Омском — 160,9 и 90,0, Павлодар-

ском — 162,4 и 190,5, Петропавловском — 139,9 и 102,9, Семипалатинском — 153,6 и 262,5, Усть-Каменогорском — 152,2 и 186,7 (см. таблицу № 8).

Таким образом, крайне небольшая группа хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, составлявшая всего лишь 0,9—4,6% всех хозяйств в уездах, сконцентрировала в своих руках от 11,7 до 32,6% всего поголовья скота. Еще более впечатляющими выглядят эти показатели в разрезе отдельных видов скота, особенно лошадей и верблюдов. Так, в частности, в некоторых уездах до 40% конского поголовья принадлежало данной группе богатых скотовладельцев (см. таблицу № 7). В этой связи мы вправе зафиксировать реальность процессов концентрации скота в отдельных индивидуальных хозяйствах, как правило, связанных с общиной лишь в рамках ассоциативной группы.

С целью доказательства всеобщности процессов концентрации скота в среде кочевников, по-видимому, есть смысл обратиться к аналогичным свидетельствам исторических источников. Закономерность данного явления может быть подтверждена документальными материалами по древним сюнну (Таскин, 1968. С. 31—33 и др.), усуням (Бичурин, 1950. Т. II. С. 190 и др.), жуань-жуаням (там же. Т. I. С. 197; Хазанов, 1975. С. 92 и др.), калмыкам (Шилов, 1975. С. 82—83 и др.), монголам нового времени (Марков, 1976. С. 121 и др.), туркменам (Оразов, 1964; Он же, 1973; Марков, 1976. С. 229—230 и др.), арабам (Першиц, 1961 и др.) и многим другим кочевым народам.

Очень интересны сообщения источников по казахам. Так, например, И. П. Фальк отмечает, «...что у богатых киргизов считают во владении по 5 и даже 10 тысяч голов коней. Такие богачи не могут даже знать с точностью численность своих стад» (Прошлое Казахстана... Сб. I. С. 182). В свою очередь, другой русский академик И. Г. Георги пишет: «И у самого простого, но доброго скотовода, редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, несколько верблюдов и от 20 до 50 коз. В средней же особливо орде есть, как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 000 лошадей, до 300 верблюдов, от трех до четырех тысяч рогатого скота, около 20 000 овец, и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пяти лошадей и по соответствующему числу другого скота люди есть и в малой орде» (Георги, 1799. Ч. II. С. 126). Эти авторы сообщают нам также данные о богатстве ханов Нуралы и Аблая (Прошлое Казахстана... Сб. I. С. 184—186). Еще большие цифры о количестве скота у отдельных скотовладельцев приводят в своих работах А. И. Левшин (Левшин, 1832. Ч. III. С. 178, 191), С. Броневский (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 121. С. 180—181) и другие авторы. В этом смысле особенно интересно указание Г. И. Спасского на то, что «те, которые имеют от 20 до 50 лошадей, в половину против сего быков и коров, по 100 овец и коз и несколько верблюдов почитаются людьми посредственного состояния...» (Спасский, 1820. Ч. X. Кн. 6. С. 179—180). Сотник Махонин сообщает о крупных скотовладельцах,

имевших до 1000—1800 лошадей, 2000—3000 овец и 300 голов крупного рогатого скота (Махонин, 1827. С. 7). В. В. Радлов говорит, что «...встречаются, хоть и не часто, богачи, имеющие по 80—100 табунов» (Радлов, 1989. С. 280), в которых насчитывалось от 15 до 50 лошадей (там же. С. 275). Такого рода свидетельств разнообразных источников можно привести немало (см., например: Зимаков, 1957. С. 125; Аполлова, 1960; Еренов, 1960; Толыбеков, 1971 и др.). В данном случае очевидно, что социально-экономическому развитию кочевого общества в имманентной форме были присущи широкомасштабные процессы концентрации скота в хозяйствах немногочисленной группы богатых скотовладельцев (см. параграф 8.1.).

Однако, как нами было уже показано, процессы накопления скота в кочевой среде были жестко лимитированы комплексом экологических факторов (см. параграф 5.1.), что ограничивало и даже препятствовало концентрации животных в крупных индивидуальных хозяйствах. Вследствие этого спорадически и спонтанно возникавшие процессы накопления скота в конце концов совершенно объективно прерывались посредством естественно- и социально-сегментирующей функций закономерности дисперсного состояния. Так, например, процессы концентрации скота прерывались посредством аномальных явлений природы, вызывавших джуты (Шахматов, 1961. С. 44—54 и др.), но чаще всего посредством социальных явлений, в частности, разделом имущества после смерти индивида между довольно большим числом родственников, уплатой калыма, выделением имущества женатым сыновьям, приданого дочерям, устройством многочисленных богатых пиров по случаю рождения детей, их инициации, свадьбы, похорон, поминок, системой бесчисленных подарков-отдарков, обязательной помощью родственникам, законами гостеприимства, отдачей скота в сауны, большими штрафами за разного рода провинности, барымтой, множеством взаимных обязательств и т. д. В результате этого происходило перманентное «рассеивание» отношений собственности на скот, прерывание процессов накопления и массовое перераспределение движимого имущества по всем этажам социальной структуры общества.

Таким образом, процессы концентрации скота в отдельных индивидуальных хозяйствах носили в масштабах всего социума дискретный характер во времени, но в пространственно-временном континууме — имели место всегда и были имманентно присущи социально-экономическим отношениям в кочевой среде, поскольку постоянно воспроизводились самим способом производства. Это обстоятельство определяло, во-первых, бесконечные переходы из общинного типа организации производства в индивидуальный, во-вторых, ограниченный потенциал развития и дискретность функционирования индивидуального типа хозяйства и, как следствие, процессы широкой возвратной «общинизации» прежде богатых хозяйств в результате действия механизма всеобщего перераспределения общественного продукта. Иначе говоря, в условиях жесткой

экологической зависимости номадного способа производства при наличии даже глубокого неравенства в степени обеспеченности скотом — всеобщность «индивидуализации» общественного производства имела место лишь как одна из сторон системы материального производства, которая не в полной мере характеризует специфику функционирования кочевничества.

Признание ограниченных возможностей кочевого способа производства в процессах концентрации средств производства отнюдь не означает нереальности еще более глубокого социально-экономического неравенства в номадной среде. И здесь фундаментальным фактором нарастания имущественного неравенства в недрах самого способа производства выступает так называемый «принцип дополнительности», согласно которому «действующие в пределах замкнутой системы закономерности дополняют друг друга, что и обеспечивает саморазвитие системы» (Алексеев, 1984. С. 70). В условиях кочевого общества принцип дополнительности означает единство и целостность всех элементов системы материального производства, их взаимообуславливающее и взаимодополняющее функционирование, обеспечивающее собственно процесс производства в оптимальном режиме.

Основная закономерность принципа дополнительности заключается в достижении так называемой «критической массы» производственного процесса, которая обеспечивалась оптимальным уровнем концентрации трудовых, материальных и интеллектуальных ресурсов в их единстве и взаимодополнении, что достигалось в самом процессе производства вне сознания трудящихся индивидов. «Критическая масса» обеспечивалась огромным множеством факторов, главными среди которых были: оптимальный размер и структура стада (порядка 400 овец в зимний период года, 500—600 овец в теплое время, 50—60% маточного состава, наличие конского поголовья, обязательное ядро животных из одного хозяйства и т. д.), соответствующая концентрация трудовых ресурсов (2—3 чабана на отару овец, 2—3 человека на выпас других животных и т. д.), соответствие затрат труда ожидаемому результату с тем, чтобы полученными продуктами труда можно было покрыть необходимый минимум (5—6 хозяйств в зимнее время, не более 10—12 хозяйств в летний период), наличие необходимого числа водных источников, апробированных маршрутов кочевания, соответствующий запас знаний о характере функционирования природных ресурсов среды обитания и особенностях жизнедеятельности животных, известный уровень профессиональной квалификации скотовода и номада, наличие минимума транспортных средств, предметов материальной культуры и т. д. При отсутствии какого-либо из перечисленных элементов и компонентов трудового процесса «критическая масса» не обеспечивалась и такая община становилась экономически неэффективной и неконкурентоспособной, следствием чего являлось обеднение и последующая пауперизация индивидов.

Достижение «критической массы», обеспечивающей своего рода «цепную реакцию» рационального природопользования, эконо-

мическую эффективность трудовых процессов и соответствующее качество общественного продукта, было возможно как в рамках отдельных индивидуальных хозяйств богатых скотовладельцев (15% случаев), так и, главным образом, в рамках общины. Именно в последнем случае ведущая роль принципа дополнительности проявлялась в наиболее рельефно выраженной форме.

Казалось бы, интеграция индивида в общину возможна, как минимум, при наличии своего скота, но в действительности объединение в хозяйственную группу не было произвольным процессом. Оно было обусловлено прежде всего рядом эколого-биологических факторов. Концентрация скота в целостную стадную систему была возможна лишь в случае наличия определенного ядра животных, принадлежащих одному владельцу, а также оптимального взаимодополнения различных видов животных, сбалансированности внутривидовой и половозрастной структуры, соответствующего минимума маточного поголовья, обеспечения их необходимыми производителями и т. д.

Так, например, лошадей зимой выпасали отдельно от прочих животных в общих табунах «косах», поскольку совместный их выпас был объективно невозможен (см. параграфы 4.1. и 4.2.). Объединение же в кос было доступно сравнительно небольшому числу многолошадных хозяйств (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. I и др.). Обычно кос формировался богатым скотовладельцем вокруг ядра — принадлежавшего ему табуна большой величины (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). При этом «...присоединить своих лошадей к косу богача, — свидетельствует народный опыт, — можно только в виде целого косяка, состоящего из 8—15 голов; одиночные же лошади в чужом табуне плохо будут накармливаться и легко могут отбиться от табуна. Затем, артели для общего зимнего выпаса лошадей могут составлять только теми хозяевами, которые имеют десятки или сотни лошадей, для более бедных хозяев такая форма общего выпаса также недоступна, так как пришлось бы для одного коса составлять артель из очень большого числа хозяев и при этом живущих на очень далеком расстоянии друг от друга и т. п.» (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1—2). Причем за присоединение своих лошадей к табуну богатого скотовладельца менее обеспеченные выплачивали им соответствующую плату (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1—2 и др.).

Помимо этого в связи с угрозой джута появлялась насущная потребность прогона табуна лошадей по обледеневшему или глубокому снежному покрову, что позволило бы другим видам скота добыть корм. Иначе говоря, обеспечение большинства трудовых операций было возможно только при условии тесной интеграции с хозяйствами богатых скотовладельцев. Среди многочисленных каналов этой интеграции в едином комплексе общественного разделения труда в номадном социуме следует выделить такие, как помощь в осуществлении перекочевков, выпасе скота, изготовлении предметов материальной культуры, строительстве хозяйственных построек, обмене производителями и маточным поголовьем, дача

скота в саун и многие другие. Жизнедеятельность и функционирование беднейших хозяйств было возможно только при условии тесной интеграции с хозяйствами богатых скотовладельцев.

Именно в единстве и взаимодополнении всех элементов общественного производства и заключался принцип дополнительности, когда жизнедеятельность как отдельных индивидов, так и общинных групп осуществлялась исключительно путем интеграции их с хозяйствами богатых скотовладельцев. В этом случае имело место обеспечение «критической массы» в общине, а следовательно, происходило обеспечение непосредственных производителей необходимым продуктом. Вследствие этого общины, как правило, представляли собой объединение бедных скотовладельцев вокруг более зажиточных и обеспеченных. Поэтому скот бедняков в рамках общины объединялся вокруг ядра стада, принадлежащего богатому скотовладельцу. В противном случае, учитывая невысокий уровень воспроизводства стада (см. параграф 3.1.), из-за несбалансированности затрат труда и ожидаемого общественного продукта скот бедных кочевников не мог быть интегрирован в сложную модель стадного комплекса. В результате этого община фактически являлась своеобразным атрибутом отношений собственности на скот по отношению к массе непосредственных производителей, результатом принципа дополнительности. В данном случае более состоятельные скотовладельцы фактически монополизировали весь процесс производства в рамках общины. Таким образом, процессы концентрации скота имели тенденцию подчинять общину, детерминируя тем самым ее зависимое положение от класса богатых скотовладельцев.

Иначе говоря, скот фактически являлся объектом монопольной собственности класса богатых скотовладельцев, которым процесс производства посредством принципа дополнительности совершенно объективно «делегирует» соответствующие организаторско-властные полномочия по обеспечению функционирования всех элементов системы материального производства. Это обуславливалось тем, что для большей части трудящихся индивидов необходимые условия для выпаса скота, обеспечения производства и кочевания могли быть созданы только за счет интеграции их хозяйства с хозяйствами богатых скотовладельцев. В этом случае обеспечивалась «критическая масса», позволявшая в оптимальном режиме функционировать системе материального производства. В противном случае технологический оптимум не достигался и воспроизводство стада не обеспечивалось. Тем самым процесс производства совершенно объективно определял монополию класса богатых скотовладельцев как на средства производства (скот, землю и воду), так и на сам процесс производства, а следовательно, на всю систему материального производства.

Таким образом, в недрах кочевого способа производства закономерно происходила поляризация агентов экономического отношения, приводившая к концентрации большого числа скота в отдельных индивидуальных хозяйствах. Однако сегментация движи-

мого имущества определяла дискретный характер процессов накопления скота, что в конечном счете приводило к «рассеиванию» отношений собственности по всем этажам социальной структуры общества и перераспределению общественного продукта (см. параграфы 7.1. и 5.1.). Казалось бы, дальнейшее развитие процессов концентрации скота в результате действия разнообразных лимитирующих механизмов, в частности, дисперсного состояния, невозможно. Действительно, в рамках индивидуального хозяйства дальнейшая поляризация невозможна, поскольку социально-сегментирующая функция объективно прерывает процессы накопления скота. Но на практике посредством принципа дополнительности и механизма социальной дифференциации системы внутриобщинных отношений, обусловленных собственнo экологическими и биологическими факторами, в недрах самого способа производства происходила деструкция равновесного кооперированного взаимодействия различных элементов общины.

Вследствие этого община фактически включалась в процесс концентрации скота, поскольку основной «капитал», т. е. ядро стада и конское поголовье, принадлежал богатому скотовладельцу, неспособному, однако, обеспечить единолично «критическую массу». В этом случае процессы концентрации скота на уровне индивидуальных хозяйств дополнялись аналогичными процессами на уровне общины. А обратная «общинизация» индивидуальных хозяйств, определяемая сегментацией и рассеиванием собственности, отнюдь не нарушала всеобщности процессов концентрации скота и в принципе не препятствовала монополизации средств производства и системы материального производства классом богатых скотовладельцев.

Поэтому мы вправе говорить о том, что сама община включалась в сферу влияния субъектов собственности, поскольку ее функционирование и жизнедеятельность определялись процессами интеграции с хозяйством богатых скотовладельцев. В результате этого община в процессе производства выступала в целостном единстве с хозяйствами зажиточных скотоводов, которые функционировали как составные части единого социально-экономического организма, возникшего вследствие общности интересов и потребности в интеграции имущественно дифференцированных агентов экономического отношения.

Вместе с тем для окончательного вывода о монопольной собственности класса богатых скотовладельцев на все элементы системы материального производства необходимо проанализировать реальное социально-экономическое положение массы непосредственных производителей. Тем более, что в общинном отношении трудящиеся индивиды выступали как свободные люди, независимые от субъектов собственности. Проблема собственности на работников производства, как мы уже отмечали, нередко упрощенно представляется в виде крепостничества или сословной неполноценности (Владимирцов, 1934. С. 118, 158—164; Златкин, 1964; Вяткин, 1947; Зиманов, 1958; Бижанов, 1969. С. 115—116 и др.).

На наш взгляд, зависимость работников производства, реально существовавшая в системе производственных отношений кочевого общества, в действительности обуславливалась не крепостничеством или сословной неполноправностью и уж ни в коем случае не внеэкономическим принуждением, а главным образом чисто экономическими факторами. Во-первых, поскольку ни экономическое, ни социальное существование того или иного индивида вне общины, а следовательно, и всей социальной организации, было немислимым в кочевом обществе, то обязательное членство индивида в хозяйственном коллективе (см. параграфы 5.2. и 6.1.) фактически являлось способом его социально-экономического закрепощения. Только очень богатые скотовладельцы могли существовать вне этой системы. При этом наличие у непосредственных производителей своих личных хозяйств являлось по сути дела детерминированной процессом производства системой прикрепления трудящихся индивидов к общине. А отсюда вполне закономерно зависящее положение индивида от общины в связи с потребностями в кооперации своего личного хозяйства, а следовательно, и от богатых скотовладельцев.

Во-вторых, у основной массы непосредственных производителей прослеживается отсутствие минимальной квоты скота, достаточной для обеспечения необходимых условий для жизни. Так, например, в Семипалатинском уезде хозяйств, имевших до 10 лошадей, насчитывалось 88,1% всех хозяйств в уезде, Усть-Каменогорском — 88,9%, Кустанайском — 74,7%, Омском — 66,5%, Атбасарском — 70,8%, Петропавловском — 82,5%, Актюбинском — 86,1%, Зайсанском — 91,7%, Кокчетавском — 74,5%, Павлодарском — 75,9%, Акмолинском — 72,3%, Каркаралинском — 82,7% и т. д. (см. таблицу № 5). Налицо отсутствие минимума скота у абсолютно наибольшей части кочевого населения. Отсюда развитие и всеобщность вполне закономерных процессов массового обеднения, обнищания и пауперизации.

Вследствие этого нельзя согласиться со сторонниками точки зрения Б. Я. Владимирцова, утверждавшего, что «все монголы... имели в своем личном владении скот...» (Владимирцов, 1934. С. 113). Как показывает анализ статистического материала, водораздел между различными социальными группами и классами проходил, главным образом, через отношения собственности на скот, что очень ярко иллюстрируется математическими методами измерения социального неравенства, в частности, наиболее совершенным из них коэффициентом Джини (см. таблицу 6). В результате этого на одном полюсе происходило перманентное накопление значительной массы скота (процесс концентрации) и соответственно этому аккумуляция многочисленных функций по обеспечению процесса производства (принцип дополнительности), тогда как на другом прослеживается недостаточный для социального и биологического воспроизводства человека минимум скота, не обеспечивающий необходимого продукта трудящимся индивидам (см. параграф 8.1). Вследствие этого масса непосредственных производителей бы-

ла экономически несвободна порабощена условиями производства и полностью зависима в своих основных жизненных параметрах и установках (см. параграф 8.2.).

В этой связи интересно привести свидетельства источников о процессах обеднения в первой половине XIX в., о бытовании в кочевом обществе казахов группы пауперов (Шангин, 1820. Ч. IX. Кн. 1. С. 19; КРО, 1964. С. 169—173, 180—181, 187—198 и др.). Так, Ф. Назаров пишет: «Близь речки Кузукуч, впадающей из Нуры в Ишим, мы встретили близь озера Маликуль проходящих киргизов, не имеющих никакого скота, все они были пешие, в разодранных рубищах и несли на себе детей». «Большая часть из них для снискивания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении, которые заставляют их переходить на кочевье за собою пешими. Нещастные сии собственных детей своих, чтобы они не умерли с голода, продают проходящим караванам под видом калмыков» (Назаров, 1968. С. 26). Я. Гавердовский, лично на себе испытавший все превратности жизни зависимого работника, свидетельствует: «Киргисцы бедные с малыми семействами вступают обыкновенно в аул под покровительство богатого старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия...» (Гавердовский, 1803. Л. 71 ообр.).

Довольно значительный материал о пауперах приводится в работе Ф. И. Германа: «...Они столь умножились, что составляют, так сказать, особливую часть Киргизского народа» (Герман, 1821. Ч. 121. № 22. С. 134). В бедности он обвиняет барымту и пишет в этой связи: «В поражениях истребительной **баранты** лишаясь последнего стада и всего имущества, в рубищах, едва прикрывающих наготу, живут они по берегам озер или немногих рек своих. В камышах, как дикие звери и вместе с ними укрываются от суровости перемен воздушных; они в ежечасном страхе новаго нападения от лютых притеснителей, и малейший шорох в окрестностях приводит их в трепет. Они гибнут от голода и болезней, им порождаемых; рыбная ловля... едва дает им насущное пропитание. Так они сохраняют по крайней мере жизнь в летние месяцы года; но с наступлением зимы другой бич ожидает их — снег и холод. Предупреждая пагубныя следствия, они собирают ветхия лоскутья войлоков, находимыя в оставленных аулах; из одних делают обувь и одежду; из других — подобие шалаша; в сем приюте безпрестанно жгут тростник и в горячем пепле отогревают нагих и голодных детей своих» (там же. С. 134—135). Эти пауперы, отмечает он, либо нанимаются в работники, либо продают своих детей за «меру хлебных семян» (там же. С. 136). «Бедный класс Киргизов, — свидетельствует С. Броневский, — с охотою отдается в услужение за малую плату...» (Броневский, 1830. Ч. 142. Кн. 121. С. 176). Один из наиболее авторитетных авторов середины XIX в. И. Ф. Бларамберг сообщает: «Есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубищ, без крова и насущной пищи» (Бларамберг, 1848. С. 106). Он же уточняет, что «внутри степи, где бед-

ных гораздо более, у кого нет скота, умирают с голода, или за оглоданные кости, со всем семейством, идут в услужение к богатому и против воли делаются его рабом. Богатый киргиз, имея у себя таких нахлебников-рабов, волен в их жизни и смерти, и положение несчастных в самом деле достойно сожаления» (там же. С. 97).

Таким образом, отношения по поводу работников производства обуславливались чисто экономическими факторами. В кочевом обществе они определялись зависимым положением массы непосредственных производителей, которая была неспособна обеспечить необходимый продукт и функционирование процесса производства вне общины. Поэтому трудящиеся индивиды в вопросах своего жизненного бытия и социальной деятельности были несвободны и изначально экономически зависимы, ибо были вынуждены искать средства к существованию за пределами своего собственного скотоводческого хозяйства, которое не удовлетворяло их минимальные потребности. В дополнение к этому непосредственные производители были заинтересованы в интеграции с хозяйствами богатых скотовладельцев для обеспечения воспроизводства лично им принадлежащего скота. В противном случае происходило выпадение из процесса производства, из всей сферы общественного бытия и жизнедеятельности, а вследствие этого обнищание, отверженность и пауперизация.

Можно констатировать, что отношения собственности на скот и процессы его концентрации обуславливали не только отношения собственности на землю и воду, зависимое положение общины, но фактически детерминировали несвободу трудящихся индивидов и различные формы их зависимости. К. Маркс подчеркивал, что «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...» (Маркс, Энгельс. Т. 25. Ч. II. С. 354). В этой связи становится понятной доминантная роль отношений собственности на скот в системе производственных отношений, определяющая специфику кочевого способа производства.

Глава VIII. Социальная структура общества и формы эксплуатации зависимого населения

8.1. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Особенности системы материального производства в кочевой среде предопределили характер и основные параметры развития производственных отношений и прежде всего монополизацию средств производства. На этой основе происходило спонтанное становление и пространственно-временное разрывывание специфически кочевых форм собственности и социально-экономической структуры общества. Рассмотрим в этой связи различные типы зависимости трудящихся индивидов от класса богатых скотовладель-

цев и основанные на них формы эксплуатации зависимого населения.

В кочевниковедческой историографии существуют далеко не адекватные подходы к изучению данной проблемы. Большая часть исследователей считает, что формы зависимости массы непосредственных производителей определялись, главным образом, внеэкономическими факторами, когда трудящихся индивидов принуждали к выполнению тех или иных работ (Владимирцов, 1934; Вяткин, 1947; Златкин, 1964 и др.). Сторонники данного подхода полагают, что основной формой эксплуатации являлись так называемые «саунные отношения», т. е. принудительное наделение скотом зависимых индивидов (Толстов, 1934; Вяткин, 1947; Потапов, 1955; Шахматов, 1962; Толыбеков, 1971. С. 160). В свою очередь, Г. Е. Марков полагает, что «известны два наиболее распространенных вида эксплуатации: найм пастухов и рабочих и отдача скота на выпас» (Марков, 1976. С. 301).

Иная точка зрения была высказана С. З. Зимановым, который отмечал, что «саун не имел всеобщего характера, не был основой отношений зависимости и господства; саун был одним из средств усиления зависимости крестьян от феодальной знати, одной из форм феодальной эксплуатации» (Зиманов, 1958. С. 124). В. Ф. Шахматов среди различных форм эксплуатации выделяет не только саун и его самые разнообразные виды («жунберу», «ат-майнберу» и т. п.), но и совместный выпас скота различными по степени обеспеченности скотом индивидами, найм, родовую взаимопомощь и т. д. (Шахматов, 1962. С. 30—32). В последнее время внеэкономический подход к изучению системы эксплуатации зависимого населения получил всеобщее распространение (см. Крадин, 1987 и др.) в связи с концепцией власти-собственности, отстаиваемой группой медиевистов и востоковедов (Васильев, 1982; Он же, 1983 и др.). В результате этого делается вывод о том, что сословно-корпоративные группы с помощью различных социальных институтов (власть, государство, публичное право и т. п.) принуждают трудящихся индивидов безвозмездно производить прибавочный продукт для господствующих классов общества.

На наш же взгляд, преобладали, главным образом, экономические формы зависимости. В результате специфики функционирования системы материального производства в кочевых обществах совершенно объективно и независимо от сознания людей отношения собственности на скот и процессы его концентрации в хозяйствах богатых скотовладельцев определяли основные формы зависимости и эксплуатации трудящихся индивидов. Эта изначальная зависимость была фундаментальным императивом всей системы материального производства в среде номадов. Она обуславливалась следующими векторами общественного развития.

Во-первых, в виду отсутствия у наибольшей части населения необходимого минимума средств для обеспечения прожиточного уровня, масса непосредственных производителей была зависима от господствующего класса богатых скотовладельцев в буквальном

смысле в вопросах «жизни и смерти», поскольку их биологическое и социальное воспроизводство было возможно лишь в качестве «работников производства». Как мы уже отмечали, от 60 до 90% всех номадов не имели необходимого минимума жизненных средств (см. параграф 8.2). Поэтому для этой части населения существовала настоятельная потребность расширения сферы социального пространства посредством поиска дополнительных источников жизнеобеспечения за пределами своего личного хозяйства, которое не удовлетворяло их минимальные потребности.

Во-вторых, в виду невозможности обеспечить воспроизводство лично им принадлежащего скота, масса непосредственных производителей должна была интегрироваться в единую общинную организацию с хозяйствами состоятельных индивидов. Фактически масса трудящихся индивидов была зависима от класса богатых скотовладельцев буквально во всех вопросах хозяйственного цикла, в частности, в формировании стада, его структуры, выпасе скота, особенно в зимний период года, процессе кочевания, использовании кормовых и водных ресурсов и т. д. (см. параграф 7.3.).

Как мы уже отмечали, концентрация скота в целостную стадную систему была возможна лишь в случае оптимального состава различных видов животных, соответствующей половозрастной структуры с учетом минимума маточного поголовья, обеспечения их соответствующим подбором производителей и т. д. Вследствие этого общинные группы, как правило, представляли собой объединения скота бедных владельцев вокруг ядра стада, принадлежавшего более состоятельному субъекту собственности. В противном случае скот бедных кочевников не мог быть интегрирован в сложную модель стадного комплекса номадов в оптимальных параметрах. В этом случае более состоятельные скотовладельцы фактически монополизировали процесс производства в общинных структурах (см. параграф 7.3.).

При этом бедные и маломощные хозяйства не могли самостоятельно образовать общину, поскольку тогда бы затраты труда не уравнивались получаемым общественным продуктом. Так, например, самый простой подсчет показывает, что, скажем, десять хозяйств, имеющих в среднем по 50 овец при отсутствии других видов скота, не могли бы объединиться в минимальную общину, поскольку получаемой продукцией не обеспечивался прожиточный минимум ни для одной семьи. Следовательно, налицо несбалансированность трудовых затрат результатами труда. С точки зрения оптимальной концентрации овечьего стада, наиболее целесообразным было паритетное объединение скота 2—3 хозяйств, по 150—200 овец, но таких хозяйств было очень немного (см. параграф 8.2). Поэтому община представляла собой объединение 5—6 маломощных хозяйств вокруг одного богатого, имевшего 200—300, а то и более голов мелкого рогатого скота.

В-третьих, зависимость непосредственных производителей могла порождаться по преимуществу самой системой материального производства и носить чисто технологический характер. Так, из-за

невозможности совместного выпаса различных видов скота лошадей выпасали отдельно в особых зимних табунах «косах». Объединение в кос было доступно сравнительно небольшому числу многолошадных хозяйств (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1. и др.), вокруг которых и формировался зимний табун (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). Отсюда зависимость маломощных хозяйств в зимний период года в вопросах выпаса и сохранности конского поголовья (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1—2 и др.). Особенно значительной, как мы уже отмечали, была зависимость трудящихся индивидов в процессе кочевания, когда без помощи со стороны богатых скотовладельцев переселение на джайляу было невозможно. Фактически масса непосредственных производителей без прямой помощи со стороны богатых скотовладельцев не могла обеспечить чисто технологически ни одного элемента процесса производства.

В-четвертых, зависимое положение трудящихся индивидов носило многомерный и опосредствованный характер и порождалось неравнозначным отношением к средствам производства. Так, в частности имеется указание на монополию наиболее обеспеченных скотом на топливные ресурсы, несомненный дефицит которых имел место в аридной зоне Евразии. «...Богатые,—свидетельствуют очевидцы,—снабжают кием (пометом овец — Авт.) бедных, не имеющих баранов и отработывающих за кий» (Чорманов, 1906. С. 2—3).

Особенно значительной была зависимость в вопросах землепользования, поскольку более обеспеченные скотом фактически присваивали себе наиболее продуктивные в кормовом отношении пастбища в форме первого использования природных ресурсов. Отсюда монополия класса богатых скотовладельцев на земельные угодья в теплое время года (см. параграф 7.2). При этом, если к богатому скотоводу на джайляу присоединялись бедные из других аулов, то от него зависело, пускать их к своему колодцу или нет (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). Зависимость непосредственных производителей в вопросах землепользования выражалась в том, что в выборе мест стоянки и использовании пастбищных угодий они были полностью несвободны. Источники свидетельствуют, что бедные рядом с богатыми не становятся и если их стоянки оказывались по соседству, то бедняки стремились поскорее откочевать от них подальше (там же). Дело в том, что при совместном кочевании и одновременных стоянках менее обеспеченные были бы вынуждены подстраиваться под ритм движения более состоятельных скотоводов, что мешало бы нормальному нагулу скота, учитывая различия в структуре стада. Поэтому на джайляу кочевали обычно раздельно в зависимости от степени обеспеченности скотом. Менее состоятельные все время отставали в процессе кочевания от более обеспеченных скотом (там же).

Данная форма зависимости могла иметь место и в зимний период года. Для беднейших было важно в этот период заручиться поддержкой более зажиточных с тем, чтобы они не гоняли свой скот, в особенности конские табуны, вблизи их зимовок (МКЗ.

Т. II. С. XXIII и др.), поскольку если по пастбищу зимой прошел табун лошадей, то выпас овец и другого скота становился на нем невозможным (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 147 и др.).

Таким образом, собственно процесс производства порождал разнообразные формы зависимости трудящихся индивидов от сравнительно немногочисленного, но чрезвычайно могущественного класса богатых скотовладельцев, которые фактически являлись собственниками основных средств производства, прежде всего скота и в опосредствованной форме воды, земли, топлива и т. д. (см. параграфы 7.2. и 7.3.). В результате этого мы вправе говорить о функционировании класса непосредственных производителей, с одной стороны, и класса собственников основных средств производства, с другой. Существование в пределах общины двух полярно противоположных классов определяло зависимое положение не только трудящихся индивидов, но и всей общины в вопросах землепользования, выпаса скота, организации всего производственного цикла, процесса кочевания и т. п.

Это было обусловлено основополагающими принципами интеграции в общину, которая представляла собой объединение мало-мощных хозяйств вокруг одного богатого. «Современный аул,— пишет А. Н. Седельников,— не представляет... равноправных семей: в каждом можно выделить несколько зажиточных семей, в экономической зависимости от которых находится все остальное население аула» (Киргизский край, 1903. С. 215). Вследствие этого община, являвшаяся средоточием функций производства и одновременно единицей водо- и землепользования, водо- и землевладения, попадала в зависимость от класса богатых скотовладельцев, которые присваивали не только организаторские функции общины, но и саму общину. В этом случае, полагают некоторые исследователи, община являлась орудием и средством внеэкономического принуждения (Поршнев, 1964. С. 48—49; Каштанов, 1970. С. 191; Темирханов, 1972. С. 63 и др.). Не отрицая этого, хотелось бы подчеркнуть главное, что община в данном положении являлась своего рода атрибутом отношений собственности на скот и работников производства.

Что же касается внеэкономических форм зависимости, основанных на власти-собственности (Васильев, 1982; Он же, 1983 и др.) либо иных форм принуждения, например, барымты, отчуждения налогов и т. п., то следует заметить, что несмотря на широкое хождение точки зрения о насилии как повседневном атрибуте кочевого образа жизни, основанного на грабеже и воровстве (Черников, 1978 и др.), в действительности они играли, на наш взгляд, второстепенную роль в обществе кочевников. Во всяком случае в процессе производства внеэкономические формы зависимости в силу особенностей системы материального производства никогда не имели принципиального значения, поскольку доминантным фактором, как мы уже отмечали, всегда являлся опыт ведения скотоводческого хозяйства в специфических условиях среды обитания и знания об алгоритме природных процессов и циклов.

Конечно, выполнение различных общественно необходимых функций по организации, координации, регламентации, регулированию всего спектра социальной жизни играло определенную, но далеко не ведущую, роль в жизни кочевников. В частности, выполнение разнообразных организаторско-регламентаторских функций автоматически влекло за собой некую зависимость непосредственных производителей, значение которой, однако, не следует переоценивать. В источниках указывается, что лицам, выполняющим различного рода общественно значимые функции, полагалась некая доля общественного продукта: ханам — ханлык, биям — бийлык, батырам — военная добыча, торе — согум, зякет и шигага и т. д. (МКОП, 1948. С. 138—139, 149; Баллюзек, 1871. С. 63 и др.). Повидимому, на всех этажах социальной стратификации кочевого общества находились лица, которые посредством исполнения регламентаторско-регулирующих функций присваивали некую часть произведенного продукта. Но поскольку основной ячейкой нomaдного общества являлась община, то именно она абсорбировала решение большинства общественно значимых вопросов (см. параграф 6.1.). При этом следует помнить и о том, что принципы генеалогического родства в сочетании с геронтократической ориентацией идеологических постулатов и социально-экономической дифференциацией общества существенно ограничивали сферу влияния внеэкономических способов решения спорных проблем. Вследствие этого мы вправе говорить о внеэкономической зависимости трудящихся индивидов от разного рода лиц, организованных институционально в корпоративные объединения, лишь в том социальном пространстве, которое оставалось незаполненным экономическими формами зависимости.

Рассмотрим теперь конкретные формы эксплуатации массы зависимого населения. Прежде всего необходимо высказаться по поводу саунных отношений, которые, по мнению ряда исследователей, были главной формой эксплуатации трудящихся индивидов (Толстов, 1934; Толыбеков, 1971 и др.). При этом, полагают они, имело место якобы насильственное принуждение к выпасу скота, принудительное вовлечение в саунные отношения, которые были той первичной клеточкой, из которой вырастала вся система «кочевого феодализма» или патриархально-феодалных отношений. И поскольку саунные отношения были выявлены у всех кочевников от Средиземноморского побережья до восточных окраин Центральной Азии, то постольку ставился вопрос об универсальности и всеобщности «саунного» феодализма на всем ареале расселения кочевников. Смысл данной системы общественных отношений заключался якобы в том, что класс богатых скотовладельцев принуждал класс зависимого населения брать скот на выпас на экономически невыгодных условиях, т. е. «наделял» его скотом наподобие того, как феодал «наделял» земель зависимых крестьян (Толстов, 1934. С. 188—189 и др.).

Действительно, источники сообщают нам о наличии саунных отношений в среде кочевников. В частности, широкую известность

получило свидетельство И. Г. Георги, который писал по этому поводу: «По-елику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны; если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благоворений табуны свои как будто вечными» (Георги, 1799. С. 131). Иначе говоря, в процессе производства класс богатых скотовладельцев и класс непосредственных производителей вступали в саунные отношения, в результате которых первые отдавали часть скота на выпас и в пользование беднейшей части населения в качестве, главным образом молочного скота, потребность в котором составляла один из важнейших элементов всей системы жизнеобеспечения.

Наряду с этим следует заметить, что анализ конкретного материала не подтверждает точки зрения о широком распространении саунных отношений в практике производственных отношений кочевого общества. Так, например, в Петропавловском уезде скот в саун брали всего лишь 6,4% всех хозяйств уезда, Каркаралинском — 4,2%, Зайсанском — 9,3%, Семипалатинском — 5,0%, Усть-Каменогорском — 2,7%, Акмолинском — 2,1% и т. д. Интересно, что в Петропавловском уезде даже в группе безлошадных доля хозяйств, бравших скот в саун, была невелика и составляла всего лишь 19,3%; в группе хозяйств, имевших 1 лошадь, — 17,7%, а в группе хозяйств, имевших от 2 до 3 лошадей, — вдвое меньше — 8,8% и т. д. В свою очередь, в Актюбинском уезде группа хозяйств, имевших до 3 лошадей, характеризуется еще меньшей долей хозяйств, бравших скот на выпас, — 3,2%. В Каркаралинском уезде в группе безлошадных к саунным отношениям прибегало лишь 11,7% хозяйств, а в группе хозяйств, имевших от 1 до 5 лошадей, — 5,0% хозяйств (см. таблицу № 9).

На наш взгляд, приведенный материал убедительно свидетельствует, что саунные отношения не имели в среде кочевников широкого хождения. Причиной этого, как нам представляется, являлось нежелание недостаточно обеспеченных скотом слоев общества брать его на выпас, а то, что богатые хозяйства, заинтересованные во вступлении в саунные отношения, было очень мало. Так, например, в Кокчетавском уезде в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей, в саун давали скот лишь 24,3% хозяйств, а в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, — 48,9% хозяйств (МКЗ. Т. I. Поаульные таблицы статистических сведений. С. 401. Подсчет наш — Авт.). Иначе говоря, неразвитость саунных отношений объясняется, на наш взгляд, прежде всего и главным обра-

зом малочисленностью хозяйств, способных давать скот в саун, по сравнению с огромной массой малоимущих хозяйств, жаждущих получить скот на выпас и остро нуждающихся в молочном скоте. Показательно, что в саун, в основном, брали крупный рогатый скот, что, несомненно, было связано с его большей молочной продуктивностью и большей продолжительностью лактационного периода. В Петропавловском уезде, например, в саун было взято 95% коров от всего саунного скота (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 169). По-видимому, дача скота в саун беднякам была больше милостью, нежели эксплуатацией. В свое время А. И. Першиц справедливо заметил, что саунные отношения в большей степени были обусловлены реципрокационными явлениями (Першиц, 1973а. С. 105—106).

На наш взгляд, доминантными формами эксплуатации массы непосредственных производителей в среде номадов являлись, главным образом, найм и «совместный труд» в рамках общины. Пожалуй, наиболее распространенной формой эксплуатации массы непосредственных производителей, практически не получившей отражения в источниках и не ставшей предметом научного исследования, являлся «совместный труд» имущественно дифференцированных индивидов в рамках общины. Первым, насколько нам известно, обратил на это внимание В. Ф. Шахматов, который писал по этому поводу, что «...бай, имевший большое стадо, и бедняк, у которого было всего несколько голов, выставляли одно и то же количество рабочей силы для выпаса, т. е. бедняк фактически бесплатно пас байский скот» (Шахматов, 1962. С. 31). Правомерность данного суждения подтверждается самим процессом интеграции различных хозяйств в общину, когда объединение происходило посредством концентрации малоимущих хозяйств вокруг богатого, составлявшего ядро общины. При этом наиболее трудоемкий элемент производственного процесса — выпас скота — производился, как правило, во всех общинах поочередно, т. е. каждое хозяйство, член общины, выпасало скот всей общины по очереди независимо от того количества скота, которым оно владело (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). Правда, в этом случае от очереди освобождались мелкие хозяйства, у которых было менее 5 овец (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 58 и др.). Это объяснялось тем, что эти хозяйства не вписывались в традиционную систему разделения труда в рамках общинных структур, поскольку пять овец не покрывали минимума трудовых затрат в процессе выпаса, а также тем, что плата за наем была примерно равна этому количеству скота. Богатые скотовладельцы по большей части оплачивали общине свою очередь либо нанимали взамен себя работников, которые отрабатывали очередной выпас своих нанимателей. Наряду с этим «совместный труд» в рамках общины применялся также при создании искусственных источников воды, напоении водой скота всей общины, создании предметов материальной культуры и т. д.

Иначе говоря, посредством «совместного труда» осуществлялась массовая эксплуатация класса непосредственных производи-

телей, в основном, в рамках общины. Факт эксплуатации выражался в организации коллективного производства при равных трудовых затратах независимо от первоначального «капитала», в частном распределении и индивидуальном потреблении продуктов этого совместного труда в зависимости от первоначального вклада. Разница между затратами труда и полученным продуктом составляла величину прибавочного продукта для одних и норму эксплуатации для других.

Широко распространенным в этой связи являлся порядок оказания помощи индивиду, объявлявшему «асар», т. е. просьбу о помощи. Вполне очевидно, что «асар» объявлялся, главным образом, теми хозяйствами, которые нуждались в дополнительной рабочей силе. Асар объявлялся как для оказания «помощи» в сфере производства, особенно в зимний период года, так и в создании предметов материальной культуры, при строительстве зимовок, осуществлении разного рода ритуалов, церемоний и т. п. «У зажиточных людей,— свидетельствует С. Броневский,— стрижение овец, вычесывание с коз пуху, разбирание шерсти и валяние войлоков делается помощью; хозяйка приглашает всех знакомых женщин и девиц, и они, сделав что нужно, с веселием и песнями бывают угощаемы по их обычаю.— Такие звы безпрестанно случаются» (Броневский, 1830. ч. 43. Кн. 124. С. 232).

Объективный анализ системы производственных отношений в кочевом обществе со всей очевидностью свидетельствует о том, что поскольку основным источником существования трудящихся индивидов являлось хозяйство субъекта собственности, то постольку имели место и специфические формы эксплуатации непосредственных производителей, в основном, в форме докапиталистического найма (см.: Илюшечкин, 1980. С. 13 и др.). О широком бытовании системы найма в среде кочевников свидетельствуют статистические данные. Так, в Каркаралинском уезде удельный вес хозяйств, нанимавших работников, составлял 13,2%, Зайсанском —12,2%, Семипалатинском —21,4%, Усть-Каменогорском —17,0%, Акмолинском —26,4%, Петропавловском —19,1%, Джаркентском —11,4%, Вербинском —15,7%, Капальском —17,6% и т. д.

Эта статистика становится еще более впечатляющей, если анализировать ее сквозь призму социально-экономической структуры общества (см. параграф 8.2.). В итоге выясняется, что по мере роста экономического благосостояния хозяйства оно все чаще и чаще вступало в отношения найма работников производства. Так, хозяйства, имевшие от 26 до 50 лошадей, нанимали работников: в Акмолинском уезде 74,8% всех хозяйств, Атбасарском —62,2%, Кокчетавском —67,1%, Омском —61,4%, Усть-Каменогорском —76,7%, Павлодарском —70,5%, Каркаралинском —73,4%, Зайсанском —80,2%, Кустанайском —81,1%, Петропавловском —84,3%, Семипалатинском —85,2%, Актюбинском —94,6% и т. д. (см. таблицу № 10). А в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, этот процент был еще выше: Кокчетавском —82,7%, Омском —88,6%, Атбасарском —88,1%, Акмолинском —92,9%, Актюбин-

ском — 100%, Зайсанском — 96,8%, Каркаралинском — 93,4%, Кустанайском — 98,1%, Павлодарском — 94,0%, Петропавловском — 97,7%, Семипалатинском — 97,9%, Усть-Каменогорском — 94,8% и т. д. (см. таблицу № 10). Вследствие этого мы вправе говорить о том, что найм был наиболее широко распространенной формой эксплуатации массы непосредственных производителей за пределами общины и одновременно был доминантным способом организации крупного индивидуального скотоводческого хозяйства, позволявшим обеспечивать извлечение прибавочного продукта.

Закономерность широкого бытования практики найма совершенно очевидно определялась тем, что в кочевой среде всегда существовала значительная прослойка работников (от более чем 60 до более чем 90% всего населения), которая не имела необходимого для жизни минимума средств и была вынуждена прибегать к продаже своей рабочей силы для обеспечения необходимого продукта. При этом немногочисленный класс богатых скотовладельцев, имевших в своей собственности скота намного больше того количества, выпас и уход за которым мог быть обеспечен своими силами, был вынужден вследствие этого практиковать наем работников производства для обеспечения процесса производства и извлечения прибавочного продукта.

В этой связи вполне закономерно, что получает широкое распространение практика продажи своей рабочей силы со стороны малоимущих классов богатых скотовладельцев. Так, например, в Каркаралинском уезде к продаже рабочей силы прибегало 20,9% всех хозяйств уезда, Зайсанском — 21,2%, Акмолинском — 12,1%, Усть-Каменогорском — 44,6%, Петропавловском — 46,3%, Семипалатинском — 48,5% и т. д. Естественно, что к этому средству, в основном, прибегали малоимущие слои общества (см. таблицу № 10).

Наем рабочей силы мог осуществляться как на весь производственный цикл, так и на отдельные сезоны года. Так, например, в Каркаралинском уезде из 2419 хозяйств, практиковавших наем работников производства, 1657 хозяйств, что составляло 68,5%, нанимали работников на отдельные сроки, тогда как к найму на целый год прибегали лишь 802 хозяйства (33,1%). При этом разница в процентных подсчетах объясняется тем, что 40 хозяйств практиковали обе формы найма рабочей силы (МКЗ. Т. VI. Поаульня таблицы... С. 686, 692. Подсчет наш — Авт.). В Акмолинском уезде насчитывалось 1805 хозяйств со сроковыми работниками (36,2%) и 1741 хозяйство с годовыми работниками (34,9%) (МКЗ. Т. III. Ч. I. Таблицы. С. 387).

Вследствие этого закономерно наличие в кочевой среде значительного числа богатых хозяйств, организованных самим процессом производства таким образом, что они целиком базировались на эксплуатации чужого труда посредством найма (Румянцев, 1909. С. 116 и др.). Это было связано с тем, что выпас большого числа скота, учитывая при этом необходимость его раздельного как в половозрастном, так и в видовом отношении выпаса, и обработка огромной массы скотоводческой продукции вполне естест-

венно требовали приложения труда значительного числа трудящихся индивидов. И поскольку беднейшие казахи для своего «прокормления» нанимались к богатым на работу (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 121. С. 176—177 и др.), то именно они осуществляли весь многообразный комплекс трудовых операций в данном хозяйстве (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). «Богатый киргиз,— сообщают источники,— имеет у себя несколько работников: пастухов лошадей (джилкышы), овец (койши), коров (сииршы), верблюдов (тюеши), и человека два-три из мужчин и женщин для домашнего обихода. Все эти люди работают неустанно целый день, и в сильный мороз и в солнечный зной... Труд же этих работников беспрерывный; трудятся они весь день, а ночью дети их караулят мелкий скот и овец возле аула...» (Джайляу, 1886. № 51). Я. Гавердовский свидетельствует, что «Киргизцы бедные с малыми семействами вступают обыкновенно в аул под покровительство богатого старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия» (Гавердовский, 1803. Л. 71 обр.). И. Ф. Бларамберг сообщает, что «внутри степи, где бедных гораздо более, у кого нет скота... за оглоданные кости со всем семейством идут в услужение к богатому...» (Бларамберг, 1848. С. 97).

Как свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», в среде кочевников чаще всего практиковался наем пастухов для выпаса коса, т. е. зимнего табуна лошадей, а также для выпаса овец. При этом условия найма работников производства богатыми скотовладельцами были почти везде примерно одинаковыми. Оплата за труд, в основном, производилась натурой — овцами или лошадьми, и в течение всего срока найма работодатель обеспечивал работников производства минимумом одежды, пищи и жилищем (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 48—49 и др.). Так, например, пастух, нанимаемый на работу табунщиком (жилкыши) сроком на 6 зимних месяцев, получал за свой труд «...овчинную шубу, заменяемую иногда жеребячьим джаргаком (доха)... овчинные штаны, пару нижнего белья... сапоги с войлочным чулком... крытый меховой казакин... малахай... чапан... Если пастух остается и на лето, так ему прибавляют некоторые принадлежности одежды, как лишняя перемена белья, халат... Денежная часть вознаграждения, выдаваемая... натурой... в среднем же равна 10 руб. 20 коп. В уплату табунщик получает тая (жеребенка — Авт.)...» или 3—4 молодых барашка, или одного быка-производителя. «Что касается пищи табунщиков, то она... состоит, главным образом, из мяса зарезанных им лошадей, некоторого количества муки... кирпичного чая и курта». При этом им разрешалось резать в пищу одного-двух жеребят и в качестве продовольствия им выделялось несколько овец (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 59—60 и др.).

Очень часто в кочевой среде в качестве работника использовали бедных родственников (Вяткин, 1947; Зиманов, 1958; Толыбеков, 1971; Марков, 1976 и др.). Так, источники свидетельствуют, что «богатый человек берет к себе бедного родственника с детст-

ва — и взрослого если обеднеет тоже берет — обувает его, одевает, кормит, потом женит. Этот приемыш и пасет скот богача» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 58). Это обстоятельство в известной мере деформирует общую картину отношений найма в кочевой среде. В целом можно констатировать, что отношения «купли-продажи» рабочей силы являлись важным принципом системы производственных отношений, а наем работников производства был доминантной формой эксплуатации массы непосредственных производителей за пределами общины.

Таким образом, отсутствие у абсолютного большинства кочевников-скотоводов необходимого минимума скота в сочетании со спецификой функционирования системы материального производства и особенностями стратегии природопользования детерминировали многообразные формы зависимости трудящихся индивидов от класса богатых скотовладельцев. На этой основе возникают различные формы эксплуатации массы непосредственных производителей. Ведущими типами эксплуатации рядовых кочевников-скотоводов являлись, с одной стороны, наем беднейшего класса номадного общества классом богатых скотовладельцев, осуществлявшимся, в основном, за пределами общины, а с другой, — «совместный труд» экономически дифференцированных производителей в рамках общины.

8.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

В результате развития системы производственных отношений формируется специфическая социально-экономическая структура общества, отражающая одну из важнейших сторон системы общественного разделения труда — процесс имущественной дифференциации и экономической поляризации различных классов и социальных групп, их роль в процессе производства. «Классами, — указывал В. И. Ленин, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин. Т. 39. С. 15). Несмотря на отрицательное, в целом, отношение к ленинскому наследию, данное определение представляется нам более или менее соответствующим действительности.

Питирим Сорокин пишет в этой связи, что «социальная стратификация — это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного общества. Конкретные формы социальной стратификации разнообраз-

разны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения...» (Сорокин, 1992. С. 302).

Анализ существующих в историографии точек зрения показывает, что различные исследователи далеко неоднозначно оценивают уровень классообразовательных процессов в обществе кочевников-скотоводов. По мнению одних ученых, номады в социально-экономическом развитии в принципе не могли спонтанно перешагнуть рубеж классового общества (Марков, 1967; Он же, 1973; Он же, 1976; Он же, 1979; Першиц, 1973; Хазанов, 1973; Он же, 1975; Павленко, 1989 и др.). Так, Г. Е. Марков пишет, что «классовая структура выступала у кочевников в недоразвитом виде. Весьма характерно, что у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы... Средства производства не стали монополией класса или сословия... Как только в обществе кочевников начиналось интенсивное классообразование, выражавшееся в лишении непосредственных производителей средств производства, — кочевничество как самостоятельный вид хозяйства начинало разлагаться» (Марков, 1976. С. 305).

В противовес этому целый ряд исследователей с разного рода уточнениями признает наличие классов в кочевом обществе либо на базе отношений собственности на скот (Толстов, 1934; Толыбеков, 1959; Он же, 1971; Шахматов, 1962; Он же, 1964; Илюшечкин, 1980 и др.), либо на основе отношений собственности на землю (Владимирцов, 1934; Козьмин, 1934; Вяткин, 1947; Потапов, 1955; Зиманов, 1958; Он же, 1960; Еренов, 1960; Аполлова, 1960; Ахмедов, 1965; Златкин, 1964; Он же, 1971; Он же, 1982; Семенюк, 1974; Лашук, 1967; Он же, 1967а; Он же, 1973; Федоров-Давыдов, 1973; Он же, 1976; Пищулина, 1977; Султанов, 1982 и др.). В частности, Б. Я. Владимирцов считает, что классовое общество у монголов возникло на основе института *ипаган bogol* и системы вассальных отношений (Владимирцов, 1934. С. 110—121). «...Там, где господствует частная собственность на средства производства, — пишет С. Е. Толыбеков, — ... она неизбежно приводит его к классовому расслоению» (Толыбеков, 1971. С. 115). «Мы же убеждены в том, — продолжает он, — что кочевое общество казахов было классовым обществом...» (там же. С. 160). «Казахское общество первой половины XIX в., — утверждает С. З. Зиманов, — было феодальным» (Зиманов, 1958. С. 183). К. А. Пищулина отмечает при этом, что классовое неравенство в кочевой среде было такой же закономерностью социального развития, как и у оседло-земледельческих народов (Пищулина, 1977. С. 187).

Анализ системы производственных отношений, на наш взгляд, в достаточной мере продемонстрировал, что процессы имущественной дифференциации и социально-экономической поляризации общества совершенно объективно возникали и разворачивались в самом процессе производства и вполне закономерно обуславливали развитие классообразования. Вследствие этого постоянно воспро-

изводящиеся процессы концентрации скота на одном из общественных полюсов в совокупности с технологическими и экономическими преимуществами в способах ведения хозяйства в богатых хозяйствах и недостаточность скота для обеспечения необходимого продукта на другом полюсе в сочетании с технологической и экономической необходимостью интеграции с богатыми субъектами собственности обуславливали реалии социально-экономической структуры кочевого общества.

Согласно «Материалам по киргизскому землепользованию», процессы социально-экономической дифференциации ярко иллюстрируют классовую структуру кочевого общества. Так, например, по главному показателю — степени общей обеспеченности скотом в среднем на одно хозяйство — экономическая поляризация общества неоспоримо очевидна (см. таблицу № 8). Так, в Акмолинском уезде в группе хозяйств, имевших до 5 лошадей и составлявших 53,2% всех хозяйств уезда, в среднем на одно хозяйство приходилось 9,5 единиц скота. В группе хозяйств, имевших от 6 до 10 лошадей, — 18,3 единицы скота; имевших от 11 до 25 лошадей, — 31,6 единиц скота; имевших от 26 до 50 лошадей, — 60,9 единиц скота; имевших свыше 50 лошадей, — 174,8 единиц скота. В Каркаралинском уезде — соответственно 7,4 единицы скота, 17,6 единиц, 31,7 единицы, 62,6 единицы и 163,4 единицы скота; Усть-Каменогорском — 6,8, 15,5, 28,7, 57,8 и 162,4 единицы скота; Зайсанском — 7,1, 22,0, 39,9, 77,4 и 200,3 единицы скота; Петропавловском — 6,1, 14,6, 27,7, 54,5 и 152,7 единицы скота; Семипалатинском — 6,5, 17,6, 31,6, 60,3 и 178,9 единицы скота; Павлодарском — 9,8, 20,0, 34,9, 67,8 и 206,5 единицы скота; Атбасарском — 13,1, 22,7, 37,9, 71,6 и 177,0 единицы скота; Кустанайском — 6,9, 15,8, 29,4, 59,4 и 197,3 единицы скота; Омском — 7,9, 16,2, 28,7, 56,1, 172,9 единицы скота (подробнее по видам скота см. таблицу № 8). Как видим, контраст поразительный, ярко иллюстрирующий экономическую дифференциацию кочевого общества казахов. Как мы уже отмечали, математические методы анализа социального неравенства, в частности, коэффициенты Джини и Лоренца, ярко и достаточно убедительно подтверждают всю глубину далеко зашедших процессов экономической дифференциации в кочевом обществе казахов (см. таблицу 6).

Очевидно, что в самом процессе производства элементарно происходило размежевание трудящихся индивидов, когда высокий профессионализм, знания, компетентность, желание работать определяют процесс экономического процветания одного из агентов экономического отношения. И наоборот, нежелание работать, лень, отсутствие необходимых трудовых навыков и знаний определяют неуспех любого предприятия, будь то выпас скота или выпуск компьютеров. Это было следствием того, что труд скотовода-кочевника был индивидуализирован не в меньшей степени, чем любой иной труд. Поэтому, конечно же, не может быть и речи о равенстве всех кочевников в степени обеспеченности скотом, как полагал в свое время Б. Я. Владимирцов, а вслед за ним Г. Е. Марков

и другие исследователи. Из самого характера труда, высокой степени его зависимости от знаний и опыта кочевника, вполне закономерно вытекало неравенство в степени обеспеченности скотом. В итоге, у одних было такое мизерное количество скота, что его не хватило бы на покрытие месячного рациона одной малодетной семьи, а у других — скота было так много, что его при желании даже очень многодетная семья не смогла бы израсходовать для своих нужд и в течение нескольких лет. Вследствие этого дифференциация кочевого общества по степени обеспеченности скотом носила всеобщий и универсально стабильный характер, выступала в качестве доминантной парадигмы в процессах общественного развития кочевников, отражала специфику кочевнического способа производства и находила свое выражение во всеобщих и универсальных классообразовательных процессах.

В этой связи следует рассмотреть основные параметры и социально-экономические характеристики процесса функционирования классов. Прежде всего необходимо выявить тот минимальный уровень жизнеобеспечения, который определял одну из сторон процесса классовой поляризации общества, т. е. процесс воспроизводства человека как биологического и социального индивидуума. Речь идет о необходимом продукте, отношения по поводу которого являются фундаментальным свойством любого человеческого социума и императивно предопределяют природу всякого социального организма, а следовательно, систему взаимоотношений различных индивидов, характер производственных отношений и процессов классовой поляризации общества. Рассмотрим тот экономический базис, который и определял систему общественного взаимодействия по поводу необходимого продукта.

Существующая историография достаточно единодушна при решении данного вопроса. Целым рядом авторов было высказано соображение, что необходимым для жизни минимумом является наличие 25 лошадей либо 150 овец (Руденко, 1961. С. 5; Хазанов, 1975. С. 165; Косарев, 1981. С. 235; Он же, 1984. С. 136 и др.). Так, например, С. Е. Толыбеков утверждает, что при количестве скота менее чем 100—150 овец и коз, 20—25 голов крупного рогатого скота, 15—20 верблюдов и 4—5 лошадей — невозможно даже простое воспроизводство поголовья животных (Толыбеков, 1971. С. 158). В свою очередь, В. Ф. Шахматов говорит о необходимости как минимум 50 овец, 15 лошадей, 6 голов крупного рогатого скота и 2 верблюдов (Шахматов, 1962. С. 28). «Подсчитано...», — пишет Г. Ф. Радченко, — что для обеспечения дневного потребления 2300 килокалорий на душу семье из 6—7 человек... при обеспечении питания на $\frac{1}{4}$ за счет молока и на $\frac{1}{4}$ — за счет мяса в год необходимо получать 5600 л молока и 700 кг мяса». А это значит, что одному человеку в год требуется для потребления 30 овец, а всей семье для получения молока 60 коз (Радченко, 1983. С. 145—146).

Как показывают бюджетные обследования «Материалов по киргизскому землепользованию», структура пищевого рациона в системе потребления кочевников в среднем в течение года выгля-

дела следующим образом. Данные, например, по Каркаралинскому уезду засвидетельствовали, что в среднем одна семья, в которой насчитывалось 5,5 членов, потребляла в течение года 38,6 пудов мяса, 28 пудов муки и порядка 250 ведер молока (МКЗ. Т. VI. Общий очерк. С. 36, 42, 45). Однако и этот показатель сильно колеблется в кочевой среде в зависимости от общей обеспеченности скотом. Так, в группе хозяйств, имевших до 5 лошадей, в среднем на душу населения в течение года приходилось от 2,8 до 5,75 пудов мяса (44,8—92 кг); в группе хозяйств, имевших от 6 до 10 лошадей,—6,89—7,82 пуда (110,2—125,1 кг); в группе хозяйств, имевших от 11 до 25 лошадей,—9,7—12,5 пудов (155,2—200 кг); в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей,—17,0—20,1 пуда (272—321,6 кг); в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей—28,2—53 пуда (451,2—848 кг). Аналогичная дифференциация прослеживается и в степени употребления мучной и молочной продукции (там же. С. 36). В среднем по уезду на одного индивида в течение года приходилось около 7 пудов мяса (112 кг) и 5,1 пуда муки (81,6 кг). Более специализированные бюджетные обследования выявили следующие среднестатистические данные: 5,7—5,9 пудов муки (91,2—94,4 кг), 5,1—5,4 пудов мяса (81,6—86,4 кг) и 43,8—48,5 ведер молока в течение года в среднем на одного индивида (там же. С. 44).

Интересные данные фиксируются и по Усть-Каменогорскому уезду, которыми мы считаем возможным ограничиться, поскольку анализ всего обширного статистического материала по этому вопросу потребовал бы специального исследования. В среднем в течение года на одного человека в уезде приходилось 3,6 пудов мяса (57,6 кг), 8,6 пудов муки (137,6 кг) и 35 ведер молока и кумыса (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 43). Учитывая, что средний вес туши овцы был принят в ходе обследования в 1,25 пуда или 20 кг (там же. Прим. 1), мы можем высчитать, что в среднем для жизни одного человека было необходимо потребление в Каркаралинском уезде, как минимум, 5 овец, а в Усть-Каменогорском—3 овец и т. д. Правда, в литературе бытуют и другие цифры: 24 кг мяса и 11 кг сала с одной овцы (Ищенко и др., 1928. С. 154). Несложный пересчет всех цифр показывает, что средней семье в 5,5 человек было необходимо в течение года, как минимум, 25 овец только для обеспечения мясной части своего пищевого рациона.

Что же касается молочной продукции, то, учитывая среднегодовой надой с одной овцы в 3,2 ведра молока (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 43. Прим. 1), а по другим данным—4—5 ведра (Ищенко и др., 1928. С. 154), для ее получения было необходимо, как минимум, в Каркаралинском уезде—примерно 15 дойных овец, а в Усть-Каменогорском—11 и т. д. Несложный подсчет дает нам минимальную цифру в 65 дойных овец в среднем на одну семью в течение года для обеспечения прожиточного уровня.

Таким образом, для того чтобы обеспечить самый низкий жизненный минимум, было необходимо в течение года забить на мясо 25 овец и иметь порядка 65 дойных овец. При этом необходимо

учитывать, что в забой у бедняков шла четвертая часть всего стада (Чорманов, 1883. С. 44). Следовательно, чтобы использовать 25 овец на мясо, необходимо было иметь, как минимум, 100 овец общего стада для обеспечения воспроизводства данного стада и получения данного минимума на следующий год. В этой связи следует отметить, что в рассматриваемых уездах маточное поголовье в составе стада составляло от 39 до 48% (МКЗ. Т. VI. Общий очерк. С. 65), а яловость и выкидыши достигали 25%, гибель молодняка — 20% (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 52). Иначе говоря, минимальный уровень жизнеобеспечения требовал более чем сотни овец как для воспроизводства 25 овец, ежегодно потребляемых в пищевой рацион (минимум 70 голов маточного поголовья, учитывая раннее созревание и достижение к 2 годам половой зрелости), так и для обеспечения в составе стада 60—65 дойных маток. Отсюда следует, что минимальный уровень жизни требовал наличия порядка 140—150 овец, но учитывая, что в аграрных обществах, как правило, значительная часть населения периодически голодала и в условиях ограниченной емкости рынка рабочих рук не могла обеспечить минимальный порог необходимого продукта, этот минимум может быть понижен до 100—120 овец. Итак, минимальный предел жизнеобеспечения в кочевой среде для семьи, состоящей из 5—6 человек, составлял 100—150 овец.

При этом жизненный минимум обеспечивался также за счет потребления зерновой продукции. Так, для обеспечения 8,5 пудов муки в условиях аридной зоны Казахстана была необходима минимальная запашка двух десятин посева (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 42), что дает для средней семьи цифру в 45—50 пудов муки и более 10 десятин посева либо из расчета, что три пуда муки стоят одну овцу (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 60), — необходимо было ежегодно менять 15—17 овец на муку. Учитывая необходимость ежегодного воспроизводства этого количества овец, кочевник при отсутствии посевов должен был иметь еще порядка 60—70 овец.

Только в этом случае, по-видимому, имелась возможность обеспечить тот минимум средств к жизни в размере 2500 ккал в день, который необходим для того, чтобы человек был способен жить, работать и воспроизводить себе подобных (Девиньо, Танг, 1973. С. 267; Мордкович, 1982. С. 268 и др.). Г. Ф. Радченко дает для населения Сахеля цифру в 2300 ккал (Радченко, 1983. С. 145). В свою очередь, И. И. Крупник отмечает, что для приморских зверобоев Севера Азии было необходимо 3000 ккал в день для взрослого мужчины, 2500 ккал — для женщин и стариков и 2000 ккал — для детей (Крупник, 1989. С. 53, 99).

Следует также иметь в виду, что недостаток в продуктах питания довольно часто покрывался за счет собирательства, широко распространенного в среде кочевников (Юнатов, 1964; Дикорастущие полезные растения флоры МНР. С. 166—177 и др.), но, к сожалению, еще очень мало изученного. Полевые материалы свидетельствуют, что кочевники казахи активно и широкомасштабно занимались собирательством практически уже с момента появле-

ния первых ростков зелени ранней весной и вплоть до глубокой осени. Разнообразные растения широко использовались не только в народной медицине и ветеринарии (Аргынбаев, 1963 и др.), но и употреблялись в пищу.

В этой связи интересно привести мнение самих кочевников с минимальном прожиточном уровне жизнеобеспечения. Так, в одном случае отмечается, что хозяйство, имеющее 5—9 лошадей, 10—20 овец, 2 коровы, а в другом — имеющее 10 лошадей, 30—40 овец и 3—4 головы крупного рогатого скота, обеспечены скотом явно недостаточно и их владельцы должны искать средства к существованию за пределами своего хозяйства (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 55). Средним, по одним данным, считалось хозяйство, имевшее 100—200 овец, 20—30 лошадей и 10 голов крупного рогатого скота, по другим — имевшее 20 лошадей, 70 овец, 2—3 верблюда, 5—6 голов крупного рогатого скота и урожай в 20 пудов пшеницы; в третьем случае — имевшее 20 лошадей, 100 овец, 5 коров и урожай в 2—3 пуда проса; в четвертом — имевшее 100 овец, 20 лошадей, 2 верблюда, 5—6 голов крупного рогатого скота и пашни в 1,5 десятины (там же. С. 55—56).

Сопоставление и анализ всех вышеприведенных данных убеждают нас в том, что на уровне полуголодного существования семье в среднестатистическом варианте в 5—6 чел. было необходимо, как минимум, 100—150 голов овечьего стада либо 17—25 единиц скота, а для нормальной жизнедеятельности — не менее 150—200 голов овец либо 25—33 единицы скота из общепринятого расчета, когда взрослая лошадь приравнивалась к двум двухлеткам, шести жеребят, половине верблюда, шести овцам и козам, а две головы крупного рогатого скота — полутора лошадям и т. д. (МОТ. Т. III. Текст. С. 327).

Сопоставление реальной степени обеспеченности скотом кочевников-казахов и вышеприведенных цифр показывает, что «полуголодного» минимума жизнеобеспечения в 100 овец или 17 единиц скота не имели: в Акмолинском уезде 53,2% всех хозяйств, Каркаралинском — 67,0%, Усть-Каменогорском — 75,2%, Зайсанском — 81,5%, Петропавловском — 82,5%, Семипалатинском — 78,0%, Павлодарском — 56,2%, Аتبасарском — 51,7%, Кокчетавском — 50,4%, Кустанайском — 74,7%, Омском — 45,5%, а также в Лбищенском — 89,2%, Темирском — 87,5%, Уральском — 85,2%, Иргизском — 76,8%, Тургайском — 63,2%, Аулие-Атинском — 76,4%, Чимкентском — 93,9%, Перовском — 90,3%, Казалинском — 89,5%, Джаркентском — 59,3%, Верненском — 67,8%, Капальском — 73,9%, Лепсинском — 79,2% (см. таблицы 4 и 5).

Если же мы в качестве минимального прожиточного уровня примем размер отары овец в 150 голов, то картина общей необеспеченности скотом станет еще более рельефно выраженной. Так, в частности, данного количества скота не имели в Акмолинском уезде — 72,3% всех хозяйств, Каркаралинском — 82,7%, Усть-Каменогорском — 88,9%, Зайсанском — 91,7%, Петропавловском — 82,5%, Семипалатинском — 88,1%, Павлодарском — 75,9%, Аتبасар-

ском — 70,8%, Кокчетавском — 74,5%, Кустанайском — 74,7%, Омском — 66,5%, Актюбинском — 86,1%, Тургайском — 68,9%, Верненском — 82,8%, Джаркентском — 75,9%, Капальском — 87,2%, Лепсинском — 90,5% и т. д. (см. таблицу 5).

Таким образом, очевидно, что абсолютное большинство кочевников-казахов было недостаточно обеспечено скотом и не могло в рамках собственного хозяйства обеспечить минимума жизненных потребностей, достаточного для самостоятельного и независимого существования. Следствием недостатка скота было то, как мы уже отмечали, что основная масса непосредственных производителей была вынуждена искать средства к существованию за пределами своего собственного хозяйства. При этом функционирование личного хозяйства могло быть обеспечено также лишь посредством помощи со стороны богатых хозяйств (принцип дополнительности), а отсюда двойная норма эксплуатации и зависимости трудящихся индивидов.

Именно на этой основе, как мы уже отмечали, происходило формирование класса зависимого населения, которое с целью обеспечения необходимого продукта для своего собственного как физического, так и социального воспроизводства было вынуждено искать средства к существованию за пределами своего личного хозяйства и вследствие этого было вынуждено заниматься дополнительными промыслами и приработками. В частности, прослеживается прямая связь между степенью обеспеченности скотом и частотой обращения к нескотоводческим занятиям. Обедневшие группы населения, как правило, прибегали к продаже своей рабочей силы, брали скот в саун, занимались различными промыслами и т. д. (см. таблицы 9, 10 и 11).

Таким образом, наибольшая часть кочевого населения, которая была не в состоянии обеспечить необходимый продукт в рамках собственного индивидуального хозяйства, была вынуждена в поисках дополнительных источников существования вступать в **отношения по поводу необходимого продукта**, т. е. продавать свою рабочую силу — до 50% населения, заниматься промыслами — до 50—60%, брать скот в саун — до 10% и т. д. При этом статистика, на наш взгляд, не учитывала другие традиционные способы обеспечения жизненного минимума, в частности, многообразные каналы «взаимопомощи», оказываемой различными родственниками, освященной патерналистскими «покровами» и носившей как будто бы реципрокационный характер (см. параграф 8. 1.).

На основании вышеизложенного мы можем утверждать, что среди кочевников-казахов существовала значительная социальная прослойка (66,5—91,7% всего населения), которая фактически по своему социально-экономическому положению в обществе может быть обозначена в качестве зависимого класса непосредственных производителей. Это определяется тем, что их общественная деятельность и реальное бытие определялись потребностью обеспечения необходимым продуктом. Вследствие этого для данного общественного класса в структуре производственных отношений главными,

ведущими, доминантными, господствующими были отношения по поводу необходимого продукта.

Отношения по поводу необходимого продукта для массы непосредственных производителей включали в себя, во-первых, организацию эффективного функционирования своего личного индивидуального хозяйства, что могло быть обеспечено лишь в общине в условиях хозяйственной интеграции с богатыми скотовладельцами (см. параграфы 7.3. и 8.1.). И, во-вторых, поиск дополнительных источников существования за пределами своего собственного хозяйства, обеспечение которых было возможно либо посредством продажи своей рабочей силы, т. е. найма в хозяйства богатых скотовладельцев (см. параграф 8.1.), либо посредством вспомогательных хозяйственных занятий. И в том, и в другом случае налицо зависимость от класса богатых скотовладельцев. Иначе говоря, само экономическое положение наибольшей части кочевого населения, которое было не в состоянии самостоятельно обеспечить минимальный прожиточный уровень жизни, совершенно объективно детерминировало их вовлечение в отношения по поводу необходимого продукта и определило их в качестве зависимого класса.

Класс непосредственных производителей в зависимости от степени обеспеченности скотом может быть дифференцирован на несколько социальных групп или прослоек. Во-первых, следует выделить группу производителей, в распоряжении которых находилось столько скота, что, хотя оно и могло обеспечить минимум жизни — 25 овец в пищу, 15 овец в обмен на хлеб и 65 дойных овцематок — в данный конкретный год, но не могло гарантировать воспроизводство данного числа скота на последующие годы. Хозяйства этой группы были вынуждены прибегать к сравнительно незначительным дополнительным приработкам, когда усилиями одного члена семьи мог быть достигнут необходимый уровень воспроизводства. К данной социальной группе, на наш взгляд, следует отнести хозяйства, имевшие в эквивалентном выражении около 150 овец или 25 единиц скота.

Другая социальная группа даже при занятии дополнительными хозяйственными работами едва могла обеспечить необходимый продукт в своем личном хозяйстве, фактически жила впроголодь и совершенно не была гарантирована от дальнейшего процесса обеднения. К этой группе следует отнести хозяйства, имевшие в эквивалентном выражении около 100 овец или 16—17 единиц скота. В этом случае усилий одного члена семьи в обеспечении дополнительными средствами существования было явно недостаточно. И если для первой социальной группы приработки носили, по-видимому, больше сезонный характер, так сказать, от случая к случаю, то для хозяйств данной группы, вероятно, следует говорить о стремлении к постоянным круглогодичным заработкам. Именно эта группа, как нам представляется, чаще других прибегала к нескотоводческим занятиям.

У последней черты бедности, по-видимому, на грани пауперизации, находилась социальная группа, имевшая в эквивалентном

выражении порядка 50 и меньше овец либо менее 8—9 единиц скота, т. е. совершенно неспособная обеспечить необходимый продукт в пределах своего личного хозяйства и вынужденная полностью переключиться на поиски дополнительных средств существования. В этом случае, по-видимому, имело место стремление обеспечить необходимый продукт в полном объеме только за пределами своего индивидуального хозяйства, которое, в свою очередь, было лишь «резервным фондом» либо служило для удовлетворения социально престижного продукта, т. е. гостеприимства, подарков-отдарков и т. п. Мотивация общественной деятельности определялась только желанием выжить, не умереть голодной смертью, во что бы то ни стало найти дополнительные источники и средства существования.

Для каждой из этих трех групп класса зависимого населения процессы социально-экономической жизнедеятельности протекали по-разному. Так, для первой социальной группы хозяйств, имевших около 150 овец, минимальный прожиточный уровень и воспроизводство стада обеспечивались преимущественно в рамках и посредством общины, где они группировались вокруг хозяйства более богатого скотовладельца. При этом недостающая часть необходимого продукта могла обеспечиваться в пределах общины реципрокационными явлениями либо посредством «невидимых глаз» зарботков на основе их внутриобщинной эксплуатации (см. параграф 8.1.).

Для второй экономической группы хозяйств, имевших около 100 овец, воспроизводство стада и необходимый продукт обеспечивались как внутри общины, так и за ее пределами в хозяйствах богатых скотовладельцев. В этом случае индивидуальное хозяйство и хозяйство основного субъекта собственности примерно на паритетных началах обеспечивали необходимый продукт трудящимся индивидам.

И совсем другое дело, третья группа хозяйств, имевшая менее 50 овец, которая была полностью ориентирована на обеспечение необходимого продукта за пределами своего личного хозяйства. Вследствие этого она могла даже вытесняться за пределы общины и группироваться только вокруг индивидуальных хозяйств богатых скотовладельцев. Именно данная социальная прослойка выделяла каждый раз массу пауперизированного населения, практически полностью лишенную скота и в результате этого выпадающую из процесса производства и системы традиционного кочевания. На этой основе возникал и воспроизводился обнищавший слой общества, концентрировавшийся на периферии номадного ареала и пополнявший ряды оседлого населения в маргинальных зонах. Поэтому закономерно, что наибольший процент оседлого населения фиксируется в Перовском, Казалинском, Аулие-Атинском, Ташкентском уездах (см. таблицу 12).

В этой связи необходимо заметить, что отсутствие в среде номадов какой-либо классовой борьбы (Зиманов, 1958; Марков, 1976 и др.) как раз и было обусловлено тем, что беднейшая, пауперизированная и люмпенская часть общества спонтанно и совершенно

объективно вымывалась из кочевого социума и оседала на его периферии. Тем самым классовые противоречия никогда не доходили до обострения и всеобщего конфликта. Иначе говоря, специфика кочевнического способа производства «сняла» остроту классовых антагонизмов и определяла мирное сосуществование различных классов.

Вместе с тем, учитывая многообразные сложности процесса производства и всеобщность прерывания процессов накопления скота, трудности системы природопользования в совокупности с действием аномальных явлений (гололеда, атмосферных засух, буранов, снежных заносов и т. п.), следует говорить о достаточно широкой циркуляции значительной части индивидов по различным этажам социально-экономической структуры общества. Движение это носило по большей части односторонний характер — постепенного обеднения части кочевников-скотоводов. Особенно тяжелым было положение пауперов и балансировавших на грани полуголодного существования групп беднейшего населения. «Пауперы, — пишет А. И. Левковский, — это люди, фактически вытесненные из старой хозяйственной деятельности, обеспечивавшей им средства к существованию... В целом они нищенствуют, живут в тяжелейших жилищных условиях, терпят всевозможные материальные лишения...» (Левковский, 1981. С. 4). В этой связи можно лишь напомнить свидетельства очевидцев, что «есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубищ, без крова и насущной пищи» (Бларамберг, 1848. С. 106).

По-видимому, следует выделить еще одну социальную группу кочевников, которая была в состоянии полностью обеспечить себя необходимым продуктом и имела скота в эквивалентном выражении порядка 200 овец или около 35 единиц скота. В данную группу следует включить те хозяйства, которые по методике «Материалов по киргизскому землепользованию» имели от 11 до 25 лошадей. Это были достаточно самостоятельные и самообеспечивающиеся хозяйства, состоящие в общинах и вполне независимо функционировавшие на протяжении почти всего календарного года, за исключением лишь отдельных зим. Характерной чертой экономического положения данной прослойки хозяйств было то, что в зимний период года они не всегда могли самостоятельно обеспечить нормальный выпас и сохранность принадлежащего им стада скота. Во время гололеда, обильных снегов, буранов появлялась острая необходимость в организации совместно-последовательного выпаса скота (см. параграф 4.1.), без которого принадлежащий им скот мог погибнуть от бескормицы без помощи со стороны владельцев больших табунов лошадей (косов). Фактически речь идет о свободных и самостоятельных хозяйствах, которые в связи с особенностями кочевнического способа производства могли в отдельные экстремальные периоды попадать в зависимое положение от богатых скотовладельцев и нуждаться в хозяйственной интеграции с ними. Доля такого рода хозяйств составляла: в Петропавловском уезде — 12,7% всех хозяйств, Семипалатинском — 7,4%, Зайсанском — 5,6%,

Усть-Каменогорском — 8,0%, Каркаралинском — 11,6%, Акмолинском — 18,3%, Кустанайском — 16,7%, Омском — 21,5%, Атбасарском — 19,4%, Актюбинском — 9,8%, Кокчетавском — 17,7%, Павлодарском — 15,6%, Джаркентском — 15,3%, Капальском — 9,4%, Верненском — 11,6%, Тургайском — 19,8% и т. д. (см. таблицы 4 и 5). При этом мотивация общественной деятельности данной группы хозяйств определялась не отношениями по поводу необходимого продукта, а отношениями по поводу организации и обеспечения воспроизводства стада в отдельные зимы в рамках общины посредством помощи со стороны богатых скотовладельцев. В целом это была промежуточная социальная группа кочевого общества между его полюсами.

На противоположном полюсе социально-экономической структуры общества номадов находился **класс богатых скотовладельцев**. К этому общественному классу следует отнести те немногочисленные хозяйства богатых скотовладельцев, которые обеспечивали фактически производство общественного продукта в интересах всего общества. В данном случае речь идет о социальной группе, способной организовать высокоэффективное, рентабельное и достаточно прибыльное хозяйство как на общинном, так и на индивидуальном уровне. При этом все остальные слои и группы, как мы уже отмечали, могли существовать и функционировать только посредством экономической и хозяйственной интеграции с классом богатых скотовладельцев. Этот класс массой вырабатываемого в его хозяйстве общественного продукта фактически обеспечивал наибольшей части трудящихся индивидов необходимый продукт для их жизнедеятельности, будучи для них важным источником дополнительных средств существования, а согласно принципу дополненности образовывал основной, базовый «капитал» общинных стад.

Одновременно хозяйства богатых скотовладельцев служили экономическим базисом для производства прибавочного продукта, который не только был основой для жизни массы непосредственных производителей, но и обеспечивал своим владельцам высокий уровень потребления, власть и возможность регулировать процессы общественного бытия, а также противостоял процессам сегментации и «рассеивания» средств производства. Поэтому вполне закономерно, что мотивация общественной деятельности класса богатых скотовладельцев определялась стремлением обеспечить прибавочный продукт, т. е. приумножить и увеличить свои стада. Вследствие этого имеет место доминанта отношений по поводу прибавочного продукта в структуре производственных отношений для данного класса субъектов собственности.

Удельный вес такого рода хозяйств был невелик, а их роль в общественной жизни была чрезвычайно велика. Господствующий слой кочевого общества казахов образовывала, на наш взгляд, группа хозяйств, имевшая, согласно методике «Материалов по киргизскому землепользованию», свыше 25 лошадей. Так, в Семипалатинском уезде их удельный вес составлял 4,4% всех хозяйств, Петропавловском — 4,7%, Зайсанском — 2,6%, Усть-Каменогорском —

3,1%, Каркаралинском — 5,6%, Кустанайском — 9,3%, Омском — 11,9%, Атбасарском — 9,6%, Актюбинском — 4,0%, Кокчетавском — 7,6%, Павлодарском — 8,4%, Акмолинском — 9,4%, Тургайском — 10,9%, Джаркентском — 8,5%, Капальском — 4,3%, Верненском — 5,5%, Лепсинском — 2,9% и т. д. (см. таблицы 4 и 5).

В хозяйствах класса богатых скотовладельцев была сосредоточена значительная часть скота при высоком уровне его концентрации в среднем на одно хозяйство. Так, например, хозяйствам такого рода принадлежало в Семипалатинском уезде 34,2% всего скота в уезде, а в среднем на одно хозяйство приходилось 108,7 единиц скота или порядка 652 овец, Усть-Каменогорском — 96,8 единиц скота, Акмолинском — 107,2 единицы скота, Каркаралинском — 99,4 единицы скота, Петропавловском — 87,5 единицы скота, Зайсанском — 119,4 единицы скота, Джаркентском — 92,1 единицы скота, Капальском — 93,9 единицы скота, Верненском — 86,2 единицы скота и т. д. (см. таблицу 8). Иначе говоря, в среднем на одно хозяйство рассматриваемой группы приходилось в эквивалентном выражении порядка 600—700 овец, т. е. тот оптимум скота — «критическая масса», — который позволял им самостоятельно организовывать и в полном объеме обеспечивать все ключевые элементы процесса материального производства.

Такая значительная масса скота, сконцентрированная в отдельных индивидуальных хозяйствах обуславливала специфику общественных отношений для данной группы хозяйств. Для того, чтобы обеспечить в полном объеме выпас и содержание всего имеющегося у них скота по видам животных, половозрастному составу и разнообразным потребностям всего хозяйственного организма они были вынуждены вступать с массой непосредственных производителей в отношения по поводу прибавочного продукта. Это делалось для того, чтобы обеспечить функционирование, воспроизводство и прирост принадлежащего им стада скота посредством привлечения дополнительной рабочей силы, тяглого населения, поскольку их собственный энергетический потенциал был ограничен и богатые скотовладельцы не могли в полной мере удовлетворить насущную потребность в работниках производства для обеспечения всех элементов трудового процесса.

Вследствие этого закономерно, что значительная часть класса богатых скотовладельцев прибегала к найму рабочей силы (см. параграф 8.1). Так, в Омском уезде в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей, нанимало работников 61,4% всех хозяйств данной группы, а в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, — 88,6%; Атбасарском — соответственно 62,2 и 88,1%, Кокчетавском — 67,1 и 82,7%, Павлодарском — 70,5 и 94,0%, Каркаралинском — 73,4 и 93,4%, Акмолинском — 74,8 и 92,9%, Усть-Каменогорском — 76,7 и 94,8%, Семипалатинском — 85,2 и 97,9%, Зайсанском — 82,9 и 96,8%, Кустанайском — 81,1 и 98,1%, Актюбинском — 94,6 и 100%, Петропавловском — 84,3 и 97,7% и т. д. (см. таблицу 10).

Вполне естественно, что класс богатых скотовладельцев в наи-

меньшей степени обращался к занятию различными промыслами (см. таблицу 11). Иначе говоря, индивидуальные хозяйства класса богатых скотовладельцев имеют большую кочевническо-скотоводческую специализацию. В данном случае налицо взаимосвязь между типом хозяйства и степенью общего благосостояния кочевников-скотоводов, проиллюстрированная нами ранее в связи с показом большей интенсивности кочевания богатых скотовладельцев (см. параграф 7.2.). Нельзя в этой связи не сказать и о том, что, как это ни парадоксально, именно богатые скотовладельцы в наибольшей степени способствовали развитию земледелия в степи (см. Хозяйство казахов... С. 162—163 и др.). Поэтому, видимо, закономерно, что именно на хозяйства богатых скотовладельцев падает наибольший процент посевных хозяйств (см. таблицу 11), а также наибольший размер запашки. Это было обусловлено тем, что минимум, необходимый для занятия земледелием в ареальной экосистеме, значительно превышал минимум, необходимый для занятия скотоводством. Вследствие этого земледелие в пустынно-степном ареале всегда было своего рода «привилегией» богатых скотовладельцев.

Таким образом, можно заключить, что социально-экономическая структура кочевого общества не оставляет никаких сомнений в существовании глубоко зашедших и стабильных процессов имущественной дифференциации агентов экономического отношения и наличии двух полярно противоположных общественных классов, резко отличающихся друг от друга по их роли в жизни общества, функционировании системы материального производства и т. д. На одном полюсе располагался **класс непосредственных производителей**, составлявший абсолютное большинство кочевого населения — от 66 до 91% всех хозяйств номадов, в собственности которого находилось такое количество скота, которое не удовлетворяло минимальные потребности системы жизнеобеспечения и не гарантировало им необходимого продукта. На другом полюсе кочевого общества находился **класс богатых скотовладельцев**, составлявший абсолютное меньшинство населения — от 2 до 11% всех кочевников-скотоводов, в собственности которых находилось так много скота, что его выпас, содержание и уход за ним не могли быть обеспечены в соответствии с потребностями хозяйственного цикла только личными усилиями субъектов данного общественного класса.

На основе экономической необходимости эти два полярно расположенных класса номадного общества совершенно естественно вступали в объективно закономерные взаимоотношения друг с другом по поводу обеспечения всех элементов процесса производства и создания общественного продукта для удовлетворения потребностей всего общества. Со стороны класса непосредственных производителей экономической мотивацией вступления в альянс с богатыми скотовладельцами являлась насущная потребность обеспечения необходимого продукта, т. е. минимального прожиточного уровня для того, чтобы жить, работать и воспроизводить себе подобных. Это осуществлялось как посредством найма в хозяйства богатых

скотовладельцев, так и посредством интеграции с ними в рамках общинных структур. Вследствие этого в реальном процессе производства класс непосредственных производителей может практически существовать и воспроизводить себя только лишь как составная часть единой целостности, дополняя в системе производственных отношений и социально-экономической структуре общества класс богатых скотовладельцев.

В свою очередь, со стороны экономически господствующего класса кочевого общества фундаментальным фактором вступления в систему производственных отношений являлось стремление получения прибавочного продукта, позволяющего противостоять процессам «рассеивания» и обеспечивать высокий уровень жизни и полноту власти. Производство прибавочного продукта осуществлялось как посредством найма работников производства, так и посредством «совместного» труда в рамках общины. Вследствие этого можно заключить, что два полярно противостоящих друг другу общественных класса кочевого мира — непосредственных производителей и богатых скотовладельцев — взаимно дополняли друг друга в процессе производства и были составными частями единого социально-экономического комплекса производственных отношений кочевнического способа производства.

ГЛАВА IX. СТАДИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

9.1. ФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА И МЕТОД

Проблема формационной природы докапиталистических обществ представляет огромный научный интерес не столько для познания этого особого культурно-исторического феномена, сколько в связи с необходимостью познания общих закономерностей пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса. Следует заметить, что практика изучения данной проблемы, особенно оживленно обсуждаемой в последние два десятилетия в связи с критикой пятичленной схемы (первобытность — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм), отличается дискуссионной направленностью и обилием нередко диаметрально противоположных суждений (см.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, 1966; Данилова, 1968; Текен, 1975; Илюшечкин, 1980 и др.). При этом зачастую имеет место апелляция к «классическим» канонам пятичленной схемы, изложенным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», попытка искусственно подогнать многообразие конкретно-исторических путей развития докапиталистических обществ к «идеальной» модели феодального способа производства (Качановский, 1971; Никифоров, 1977; Кобищанов, 1966 и др.). Только лишь в последнее время наметились новые и оригинальные подходы в творческом поиске ученых относительно формационной природы доиндустриальных обществ.

Особенно сложный и многоплановый характер носит дискуссия о стадийном уровне развития кочевых обществ (см. Сулейменов,

1989 и др.). Неоднозначность суждений, как нам представляется, основывается в значительной степени на весьма неадекватных методах исследования и подчас полярных подходах к пониманию как отдельных терминов и понятий, например, таких, как «способ производства», «кочевничество», «отношения собственности», «государство», «община», «феодализм» и т. д., так и всей целостности номадного социума и его места в истории человечества. В диахронном плане историография кочевничества эволюционировала от «бесклассовой» оценки системы общественных отношений в среде номадов до «классовой», а затем «маятник» пошел в обратную сторону, остановившись на показателе деления «раннеклассовое» общество. При этом активно обсуждался по существу лишь один аспект проблемы формационного развития общества — наличие или отсутствие классовой поляризации. Рассмотрим более основательно ныне существующие точки зрения в концептуальном срезе, опуская в целях экономии места историю изучения данной проблемы, которая получила освещение в ряде специальных работ (см.: Марков, 1967; Он же, 1976; Федоров-Давыдов, 1973; Хазанов, 1975; Першиц, 1976; Илюшечкин, 1980; Коган, 1981; Исмаил, 1983; Крадин, 1987; Сулейменов, 1989 и др.).

Доклассовая стадия общественного развития. Данная точка зрения, получившая в принципе широкое распространение в русской дореволюционной и зарубежной историографии, в основном базировалась на ведущей роли в системе общественных отношений так называемых «родовых» отношений, отсутствии развитой государственности и преобладании «демократических» элементов в жизни общества. Так, например, А. Н. Седельников писал по этому поводу, что «общественный строй киргиза можно назвать демократическим...» (Седельников, 1903. С. 214). П. Е. Маковецкий полагал, что «весь строй общественной киргизской жизни» «зиделся на родовом начале» (МКОП, 1948. С. 262). В наиболее «концептуальной» форме это положение было сформулировано выдающимся русским этнологом Н. А. Аристовым: «...При патриархально-родовом быте тюрков-кочевников, роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные союзы действительно имели преобладающее во всех отношениях значение» (Аристов, 1896. С. 283). Однако в целом данная точка зрения так никогда и не была конституирована как целостная модель общественного развития кочевых народов, поскольку проблема формационного развития номадов не являлась предметом специального и самостоятельного исследования в русской дореволюционной историографии. И. Пахомовым в этой связи было справедливо замечено, что «...для изучения экономического строя и эволюции его сделано очень мало» (Пахомов, 1911. С. 1).

В последующее время данная точка зрения получила дальнейшее обоснование в работах ряда авторов 20—30-х гг. Одним из первых исследователей, предпринявших научный поиск в этом направлении, стал А. П. Чулошников, который после изучения широкой панорамы общественной жизни кочевников-казахов пришел к

выводу о том, что «патриархально-родовой уклад» «всегда и везде был неразрывно связан с кочевым бытом» (Чулошников, 1924. С. 193). А. Ф. Рязанов писал в этой связи, что у кочевников «...не сложилось единой государственной власти, казаки жили родовым строем. Родовая организация, как естественная форма кочевого общежития, вполне соответствовала тогдашним формам хозяйственной жизни народа» (Рязанов, 1926. С. 187). Однако с изменением общественно-политической ситуации в стране в конце 20-х гг. точка зрения о бесклассовости номадных социумов была отвергнута в связи со вставшей на повестку дня «необходимостью» доказательства тезиса об обострении классовой борьбы в казахском кочевом ауле и революционном характере преобразований в 20—30-е гг. Социальный заказ провозгласил доминанту классового подхода, а «бесклассовая» оценка кочевого общества была объявлена происками буржуазных националистов, создававших миф о патриархальном равенстве и патерналистских тенденциях в развитии кочевников (см.: Дахшлейгер, 1965; Он же, 1969 и др.). Курс на «классовость» стал ведущим в советской историографии вплоть до наших дней. Иначе говоря, концепция «бесклассовости» общественного строя кочевых народов, воспринимавшаяся большинством исследователей XIX — начала XX вв. как сама собой разумеющаяся закономерность социального развития номадов, поддержанная практически всеми теоретиками общественной жизни, например, Н. И. Зибером, К. Каутским, П. Кушнером, К. М. Тахтаревым и многими др., в принципе не успела оформиться в целостную научную концепцию со всеми сопутствующими атрибутами.

В последующее время тезис о бесклассовом характере развития номадного общества постулировался либо на материалах кочевников Ближнего и Среднего Востока (Алитовский, 1966; Васильев А. М., 1967; Он же, 1982 и др.), либо в отношении номадов древности (Черников, 1978; Плетнева, 1982 и др.) и т. д. Но в целом данная точка зрения не получила сколько-нибудь значительных аргументов в виду присущей всем номадам резкой имущественной дифференциации, легко прослеживаемой как по письменным источникам и этнографическим данным, так и по археологическим исследованиям на материалах практически всех народов во все исторические эпохи. Вследствие этого, видимо, закономерно появление концепции «раннеклассовых отношений», возникшей в 60-е гг. на базе гипотезы «бесклассового» характера общественных отношений в кочевой среде.

Западная историография номадизма, характеризующаяся отсутствием формационного понимания социально-экономических процессов, первоначально не проявляла особого интереса к рассматриваемой проблеме. Большинство исследователей обычно ограничивались тезисом об отсутствии социальной поляризации общества в кочевой среде (см. историографию проблемы: Першиц, 1976 и др.). Не отрицая в принципе сословной и имущественной дифференциации в кочевом обществе казахов (Schuyler, 1876. Vol. I. P. 32; Moser, 1885. P. 23—24; Atkinson, 1857, etc.), монголов средневеко-

вой эпохи (Howorth, 1876. Vol. I; Cahun, 1896, etc.), исследователи тем не менее считали, что в среде номадов доминировали «родовые отношения», «патернализм» (Czaplicka, 1918; Riasanovsky, 1938; Hudson, 1938, etc.). Лишь в последнее время в западной историографии стали появляться более или менее специализированные работы по данной проблеме, первоначально историографического характера (Feudallism in Kazakhstan, 1961; Krader, 1958. P. 76—99, etc), затем непосредственно затрагивающие различные аспекты формационного развития кочевых социумов. В этих работах отмечается, что социально-экономическая поляризация кочевого общества требовала государственного регулирования лишь в случае организации системы внешней эксплуатации (Bacon, 1958; Idem, 1965; Krader, 1963; Idem, 1966; Riasanovsky, 1965; Idem, 1965a; Saunders, 1971; Patai, 1973, etc.).

В концептуальном плане большое значение имел тезис, выдвинутый автором капитального «Исследования истории» А. Тойнби, о том, что кочевые общества выступают как недифференцированные организмы, целиком противостоящие соседним оседло-земледельческим обществам (Тойнби, 1991 и др.). Вслед за ним Дж. Саундерс пишет, что «неспособные к общественному и экономическому прогрессу, номады от века к веку шли по одному и тому же кругу...» (Saunders 1971. P. 12). В настоящее время в западной историографии большая часть исследователей по-прежнему придерживается точки зрения о бесклассовости кочевых социумов. Так, в частности А. Бурже полагает, что за редкими исключениями «кочевые общества предстают как равноправные» (Bourgeot, 1978. P. 16). Главным аргументом в пользу такого вывода, полагает он, является отсутствие у номадов государства и наличие системы «сегментных линиджей», препятствующих развитию неравенства и иерархизации общества (Ibid. P. 17—22). В свою очередь, П. Бонт, соглашаясь с тем, что общества номадов были отчасти стратифицированы, а социальный и экономический статусы различались, тем не менее считает, что в условиях коллективного использования природных ресурсов среды обитания и организации общественного производства тенденция развития неравенства уравнивалась разнообразными механизмами воспроизводства «равенства» (Bonte, 1978. P. 2—8). В результате этого кочевые общества выступают, в целом как равноправные и недифференцированные социумы, а тенденция к поляризации общества приобретает самостоятельное значение и приводит к образованию государства лишь в случае организации внешней эксплуатации соседних оседло-земледельческих народов.

Феодальная стадия общественного развития. Частная собственность на скот и наличие в кочевой среде ярко выраженного расслоения общества стали, несомненно, главными причинами возникновения концепции «феодальной» идентификации кочевых социумов. Интересно, что впервые о феодализме высказался Я. Гаввердовский, который еще в 1803 г. писал: «Собственное правление в киргизских ордах можно было бы причислить к феодальному

есть ли бы незатеивалось оно ныне правом сильного» (Гавердовский, 1893. Л. 72 обр.). В последующее время это положение было сформулировано выдающимся русским ученым П. П. Румянцевым следующим образом: «...В социальном строе киргиз, как он сложился в XV—XVIII столетиях, наблюдается два противоположных начала: патриархально-родовое и феодальное. Последнее, однако, проявлялось только в первичных формах» (Румянцев, 1909. С. 92). И далее, заключал он, «самые условия жизни и хозяйства киргиз, в противоположность средневековым условиям Европы, не благоприятствовали борьбе феодализма с родовым строем, только победиз феодализм мог бы развиваться» (там же. С. 93). При этом следует, однако, помнить, что ни Я. Гавердовский, ни П. П. Румянцев не понимали под феодализмом способ производства, а представляли его в виде системы общественно-политических институтов надстроечного характера.

На рубеже 20—30-х гг. социальный заказ потребовал от кочевниковедов создания «классовой» модели общественного развития номадов. И поскольку концепция «рабовладельческих отношений», предложенная первоначально С. П. Толстовым (критику и историографию проблемы см.: Семенюк, 1958; Он же, 1959; Хазанов, 1975; Он же, 1976; Першиц, 1976; Крадин, 1987 и др.), была решительно отвергнута в виду ее очевидной неприменимости к кочевникам, а гипотеза «казиатского» способа производства находилась под запретом, то единственной официально разрешенной общественно-экономической формацией — классовой и докапиталистической — оставался феодализм. Поэтому вполне закономерно появление концепции «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцова и концепции «феодальных отношений» в кочевой среде С. П. Толстова. Вскоре точка зрения о феодальном характере общественных отношений у кочевых народов была растиражирована и стала всеобщим достоянием — официальной доктриной дореволюционного прошлого бывших номадов СССР. Она была воспроизведена во всех научных и учебных изданиях и стала истиной в последней инстанции, провозглашенной, в частности, в четырех изданиях «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», «Истории Киргизской ССР», «Истории Калмыцкой АССР», нескольких изданиях «Истории СССР», «Истории МНР» и т. д.

Сформулированная Б. Я. Владимирцовым концепция «кочевого феодализма», основывающаяся на доминантной роли в структуре производственных отношений, отношений по поводу земли и логически наиболее соответствующая общепринятому пониманию феодализма в медиевистике (Вайнштейн, Косминский, 1932; Поршнев, 1964 и др.), получила широкое распространение. В основу теории «кочевого феодализма» был положен постулат о феодальной собственности на пастбища в виде распоряжения и регулирования системы землепользования, вывод о крепостной зависимости рядовых скотоводов, которые выпасали скот и кочевали согласно указаниям своего сеньора и исполняли в пользу своего феодала разнообразные натуральные повинности (Владимирцов, 1934. С. 110—119 и др.).

С. П. Толстов, учитывая в отличие от Б. Я. Владимирцова специфику общественного развития кочевников, сформулировал свой вариант концепции феодальных отношений в кочевой среде. Основой последних, полагал он, были отношения собственности на скот, а первичной клеточкой, из которой прорастали феодальные отношения, являлись «саунные отношения», находящие ближайшую аналогию в западноевропейском прекарии, одном из элементов классической модели феодализма (Толстов, 1934. С. 188—189). С теми или иными оговорками концепцию феодальных отношений в кочевой среде поддерживал и целый ряд других исследователей (Козьмин, 1934; Асфендиаров, 1935; Чулошников, 1936; Вяткин, 1941 и др.).

В послевоенное время началась и продолжала углубляться поляризация между точкой зрения о господствующей роли отношений собственности на землю в системе феодальных отношений, последовательно отстаиваемой С. З. Зимановым, А. Е. Ереновым, М. П. Вяткиным, С. В. Юшковым, Ф. К. Жеребятьевым и другими авторами, и концепцией доминантной роли отношений собственности на скот в структуре феодальных производственных отношений, защищаемой в работах С. Е. Толыбекова, С. Л. Фукса, В. Ф. Шахматова. Результатом широко развернувшейся дискуссии о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов стало Ташкентское совещание 1954 г. Попытки Л. П. Потапова найти компромисс и примирить обе точки зрения не дали результатов (Потапов, 1955 и др.). В последующее время дискуссия вышла на монографический уровень и каждая из указанных гипотез обросла множеством аргументов и развернутых обоснований (в наиболее законченной форме они представлены в следующих работах: Златкин, 1964; Толыбеков, 1971 и др.). В настоящее время концепция феодализма, в основном, в трактовке Б. Я. Владимирцова, поддерживается практически всеми исследователями кочевого общества в Казахстане (Семенюк, 1974; Пищулина, 1977; Султанов, 1982; Зиманов, 1982 и др.), Монголии (Златкин, 1982; Он же, 1983; Попов, 1986; Таскин, 1980; Он же, 1989 и др.), калмыков (Эрдниев, 1980; Карагодин, 1988 и др.) и других кочевников. При этом концепция феодализма в глазах большинства исследователей представляла собой единственную в рамках традиционной пятичленной схемы альтернативу гипотезе бесклассовости кочевых обществ и поэтому вполне закономерно пользуется широкой поддержкой исследователей различных кочевых социумов (Федоров-Давыдов, 1973; Васильченко, 1974; Трубецкой, 1977; Еремеев, 1981; Кшибеков, 1984 и др.).

Правда, не все исследователи принимают отождествление общественных отношений в среде кочевников обязательно с феодализмом. В частности, признавая социально-экономическую дифференциацию кочевников на базе отношений собственности на скот, В. П. Илюшечкин рассматривает их в качестве одного из элементов так называемого «рентного способа производства» (Илюшечкин, 1980. С. 297—300 и др.). В свою очередь, Ю. И. Семенов предлагал

считать саунные отношения проявлением кабальных отношений (Семенов, 1968а и др.). Наряду с этим высказывались суждения о принадлежности общественного строя номадов к азиатскому способу производства, особому кочевничьему варианту социально-экономического развития и т. д. (см.: Седов, 1966. С. 48—55; Марков, 1967; Вайнштейн, Семенов, 1977; Семенов, 1985 и др.). Иначе говоря, соглашаясь с тем, что производственные отношения в среде номадов носили классовый характер, исследователи начинают все больше расходиться в том, как обозначать специфическую форму общественного развития кочевых народов.

Раннеклассовая стадия общественного развития. Директивно-санкционированный отказ от концепции доклассового уровня развития номадов и попытки большинства исследователей в рамках «законодательно» конституированной пятичленной схемы доказать в их среде «классовость» и «феодалность» общественных отношений так или иначе вызвали чувство неудовлетворенности у наиболее объективных ученых-кочевниковедов, которые понимали надуманность концепции «кочевого феодализма». Наиболее ярко, на наш взгляд, это проявилось в том, что рядом ученых упорно отстаивалась доминанта отношений собственности на скот, несмотря на жесткую и порой злую критику. Результатом этого стало, на наш взгляд, появление особой концепции раннеклассовых отношений, явившейся своего рода компромиссом между реально имеющими место среди номадов процессами социально-экономической дифференциации и патерналистско-реципрокационными тенденциями в развитии кочевого общества в сочетании с отсутствием государственности и классовой борьбы. Одними из первых, насколько нам известно, данную точку зрения высказали Л. А. Седов (Седов, 1966), Г. Е. Марков (Марков, 1967) и позднее, наиболее последовательно и «концептуально», А. М. Хазанов (Хазанов, 1973; Он же, 1975 и др.).

Сторонники этой концепции полагают, что самостоятельно кочевники достигают только раннеклассовой стадии общественного развития (Хазанов, 1975. С. 35, 254, 267 и др.), которая характеризуется отсутствием отношений собственности на землю, монополией собственности на скот, государственности, завершенности процессов классообразования, классовой борьбы (Марков, 1976. С. 289, 293, 297—301, 304—305, 308), наличием общины, родоплеменной аристократии (Хазанов, 1975. С. 130, 162, 172, 237, 254 и др.). Дальнейшее развитие номадов определяется их взаимоотношениями с оседло-земледельческими обществами (Хазанов, 1973; Он же, 1975. С. 35 и др.), в частности возникновение государственности связывается с внешнеполитической экспансией, системой эксплуатации земледельческого населения и установлением даннических отношений (Першиц, 1973; Он же, 1976; Хазанов, 1973; Он же, 1975; Марков, 1976; Он же, 1979; Павленко, 1989 и др.).

Точка зрения о том, что раннеклассовая ступень развития является пределом в эволюционном движении кочевого общества становится в современной историографии доминирующей и полу-

чает все более широкое распространение. С этой концепцией советских ученых очень тесно смыкаются взгляды значительной части зарубежных авторов, приверженных диффузионистскому подходу к объяснению природы общественных явлений (Boigeot, 1978. P. 16), которые полагают, что кочевники либо заимствовали политические и социальные институты у своих соседей, либо развивали их лишь при взаимодействии с земледельческими цивилизациями. Однако, как заметил У. Айронс, механизм такого рода заимствований остается все еще неясным (*Production pastorale et societe*, 1978. P. 24).

В рамках раннеклассовой концепции общественного развития номадов Г. Е. Марковым был высказан ряд интересных мыслей о специфике социально-экономической эволюции кочевничества, в которых фактически содержится попытка вычленить новый способ производства (Марков, 1967 и др.). «Как только,— пишет он,— в обществе кочевников начиналось интенсивное классовообразование, выражавшееся в лишении непосредственных производителей средств производства,— кочевничество как самостоятельный вид хозяйства начинало разлагаться» (Марков, 1976. С. 305), а скотоводы превращались в оседлое население (там же. С. 309).

* * *

Таким образом, мы вправе зафиксировать в современной историографии номадизма наличие по меньшей мере трех основных концепций общественного развития номадов: доклассовой, раннеклассовой и классовой (по преимуществу феодальной) в самых различных вариантах. При этом фактически гипотезы «доклассового» и «раннеклассового» уровня развития тесно смыкаются и представляют собой различные модификации одного и того же подхода. Как видно из приведенного краткого историографического анализа, водораздел проходит по линии классовой дифференциации общества и государственности при выделении и характеристике различных уровней общественного развития кочевников. При этом интересно то, что зарубежные исследователи, зачастую совершенно справедливо критикуя марксистский подход к изучению истории кочевых народов, сами широко пользуются методами и критериями формационного анализа, принятыми в советской историографии (см., например Boigeot, 1978. P. 17—22, etc.).

Важно отметить, что большинством исследователей из одних и тех же данных, как это мы могли убедиться, делаются совершенно противоположные выводы. На наш взгляд, это обусловлено догматическим пониманием таких фундаментальных научно-познавательных категорий, как «общественно-экономическая формация», воспринимаемой большинством ученых как система общественных и прежде всего классовых отношений, а не как единство производительных сил и производственных отношений (Теория общественно-экономической формации, 1982 и др.); «собственность», интерпретация которой носит чисто юридический, вещный характер и сводится к категориям «владения», «пользования» и «распоряжения» вещами, землей и т.п.; «государство», сущность которого опре-

деляется способностью организации классового угнетения одних социальных групп другими; «община», которая будто бы имела место лишь в первобытном обществе; «классы», которые должны были быть юридически оформлены и сословно детерминированы; «феодализм», смысл которого сводился к наличию юридической формы земельной собственности и государственно-иерархической системы эксплуатации; «род» и генеалогическая структура общества, выступающие якобы наиболее ярко выраженными индикаторами неразвитости общественных отношений в кочевой среде и т. д. Таких весьма ограниченных по существу положений, совершенно не отражающих реальность исторического процесса, можно привести огромное множество.

Прежде всего и главным образом такая узость и поверхностность мышления определяются декретированным характером практически всех научных дефиниций в условиях тоталитарной модели управления, господства и засилья командно-административной системы, когда любое научное понятие должно было быть конституировано на вершине иерархического строения науки, облуживавшей пирамиду «Великого Государства». Отсюда и гипертрофированное восприятие самого государства; условиях «нарастания классовой борьбы» — классового фактора в истории общества; при наличии статусной системы распределения, привилегий и льгот — сословного аспекта социальной стратификации общества; в условиях колхозно-совхозной и государственно-бюрократической собственности на землю — поземельного фактора и т. д.

Иначе говоря, большинство наших заблуждений порождено прежде всего «кривым зеркалом» нашего социального опыта на протяжении последних 70 лет. Следствием этого является искаженное и неадекватное реальной действительности понимание едва ли не всех социальных институтов и законов общественного развития. Нам трудно и по сей день представить, что государство может, как это давно имеет место во всех развитых странах мира, в частности, в США, Англии, Канаде, Швеции, Голландии, Финляндии и др., защищать главным образом интересы мелких производителей, ориентировать общественное производство на функционирование мелкого и среднего предпринимательства, прерывать процессы накопления и концентрации средств производства посредством системы прогрессивного налогообложения, способствовать демополизации системы материального производства и принимать антитрестовские законодательства и т. д. При этом, проводя политику «свободного рынка» и «свободного предпринимательства», государство стремится совершенно не вмешиваться в систему общественного производства и в целях обеспечения сбалансированного сосуществования всех групп общества проводит политику преимущественного учета экономических интересов малоимущих и неимущих слоев общества, национальных и расовых меньшинств. Вполне естественно, что в этом случае, и во всех других, государство отнюдь не является и, возможно, никогда и не было, в первую очередь орудием классового угнетения, как это безосновательно пыталась доказать

«советская» официальная общественная наука, а является и всегда являлось, главным образом, средством координации системы общественного разделения труда, координации и согласования деятельности и политики отдельных групп, слоев и корпораций, регламентации общественного порядка и безопасности в интересах всего общества, снятия социальной напряженности и достижения консенсуса, регулирования всего спектра социальных и в том числе классовых отношений, гарантом общественной справедливости, исполнения внутри- и внешнеполитических функций и т. п.

Особенно поразительным примером заблуждений является, на наш взгляд, отношение к общине, которую все время пытались выдавать за атрибут первобытного бесклассового общества, несмотря на ее широкое распространение и бытование во многих европейских и афро-азиатских обществах вплоть до наших дней. Так, например, в России община была подорвана внедрением машинной техники в конце XIX в., Столыпинскими аграрными реформами 1906—1910 гг. и далеко не полностью уничтожена лишь насильственной коллективизацией крестьянства. И если следовать в этой связи за ходом рассуждений представителей официальной науки, то в России эта важная компонента первобытного общества окончательно перестала существовать лишь в XX в. Примеров такого рода несоответствий элементарной логике всемирно-исторического процесса можно привести немало.

В действительности же, на наш взгляд, речь должна вестись о том, что с момента полной победы производящего хозяйства и вплоть до появления промышленного производства имеет место аграрный этап в развитии системы общественного разделения труда, который может быть обозначен в качестве универсальной аграрной цивилизации. **Всеобщность** аграрных форм общественного производства определяла сращенность непосредственного производителя со средствами производства, общинную организацию системы материального производства, низкую плотность населения, неразвитость государственно-правовых норм регламентации общественной жизни, преобладание преимущественно экономических форм зависимости и эксплуатации, натурально-потребительскую направленность производственного процесса, максимальную приспособленность техники, технологии и трудовых приемов к утилизации природных ресурсов данной экологической ниши, отсутствие развитой инфраструктуры органов власти и внеэкономического господства и т. д. Идея единой «аграрной стадии» развития либо «феодальной формации» не нова (см. в этой связи: Седов, 1966. С. 48—50; Кобищанов, 1966; Кууси, 1988 и др.), но именно она, на наш взгляд, в наибольшей степени учитывает целостность и единство социально-экономических и технико-технологических процессов в эволюционном движении общества. Научный поиск в данном направлении, как нам представляется, является наиболее перспективным и плодотворным в познании законов развития общества.

Внутри предлагаемой таким образом аграрной цивилизации, на наш взгляд, могут быть выделены десятки различных спосо-

бов производства, порожденных особенностями социокультурной адаптации в различных экологических нишах, спецификой пространственной организации трудового процесса и системы общественного разделения труда (см. в этой связи: Эванс-Причард, 1985. С. 52—124 и др.), несинхронным уровнем развития материальной культуры, техники и технологии, а следовательно, производственных отношений, различиями в способах утилизации наличных ресурсов среды обитания, неадекватной способностью к восприимчивости и усвоению инноваций (о явлении «осмоса» см.: Арутюнов, 1982 и др.) и т. д. Поиск в этом направлении, на наш взгляд, позволит значительно углубить понятия ХКТ и антропогеоценоза, наполнить их новым содержанием и увязать с теорией цивилизационного развития.

Логически обоснованным представляется нам выделение внутри аграрной цивилизации «номадного способа производства», «общинно-иерархического способа производства» при господстве ХКТ поливного земледелия с помощью ирригационных сооружений и т. д.

Характерными чертами «номадного способа производства», выделение которого было в особую научную категорию хотя и с иным содержанием было впервые предложено Г. М. Марковым (Марков, 1967), представляются: натурально-автаркический характер общественного производства, невыделенность ремесла и торговли, которые служат лишь интересам сферы потребления; система общественного разделения труда функционирует, главным образом, на уровне кооперации, взаимопомощи и совместного труда. Вследствие этого имеет место полное господство общинной формы социальной организации. При этом производственный цикл на базе принципа дополнительности полностью обеспечивается в небольших по числу скота хозяйственных организмах. Существует неразрывное единство и целостность всех элементов системы материального производства как на уровне средств производства (скот, земля, вода, орудия труда и т. д.), так и на уровне непосредственных производителей (сращенность и неотчуждаемость индивида с общиной, средой обитания, образом жизни, трудовым циклом, средствами производства, материальной и духовной культурой).

Утилизация природных ресурсов осуществлялась биологическими, т. е. скотом, средствами производства, что обуславливало постоянную величину трудовых затрат и ее соответствие экологическому потенциалу среды обитания. В результате этого спонтанность и всеобщность процессов социально-классовой дифференциации общества приводили к отторжению обнищавшей и пауперизированной прослойки за пределы кочевого мира, господствующей роли экономических форм собственности, зависимости и эксплуатации при минимальном значении внеэкономических форм отчуждения и т. д. Пребладание центробежных тенденций в развитии общества определяло слабость и неразвитость социально-правовых институтов и государственно-властной инфраструктуры. Основное противоречие номадного способа производства заключалось в противоречии между коллективной организацией общественного производства и сов-

местным трудом в общине, с одной стороны, и частным присвоением продуктов этого труда. Результатом этого являлись монополизация процесса производства классом богатых скотовладельцев, неспособность малоимущих индивидов организовать рентабельное производство, обязательность их хозяйственной интеграции с богатыми субъектами собственности, составлявшими абсолютное меньшинство кочевого населения, но без которого функционирование «номадного» способа производства было совершенно немыслимым.

В наиболее обобщенной форме *номадизм* — это специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации, порожденный особенностями утилизации природных ресурсов среды обитания биологическими по своей сущности средствами производства, т. е. скотом, и характеризующийся целостностью и взаимообусловленностью всего спектра общественных отношений прежде всего по поводу главного средства производства — скота.

При таком понимании уровня стадийного развития кочевничества, как нам представляется, совершенно отпадает необходимость в подгонке реалий номадного способа производства к идеальной модели «феодализма» либо иного «классического» способа производства, что неоднократно и справедливо критиковалось в советской и зарубежной историографии (см.: Седов, 1966. С. 49; Марков, 1976. С. 288 и др.). В этом случае появляется возможность творческого и объективного исследования всей целостности социальных явлений и институтов, имманентно присущих номадному способу производства. Только так можно избежать схематического противопоставления различных обществ с разным уровнем жизни и способом производства.

9.2. КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО КАЗАХОВ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В XVIII—XIX вв. большая часть кочевых народов вошла в состав крупных централизованных государств, в частности, казахи, киргизы, туркмены — в состав Российского государства, монголы, ойраты — Китая и т. д. В результате этого кочевники-скотоводы оказались включенными в орбиту политического и экономического влияния оседло-земледельческих государств, попали в колониальную зависимость. Вследствие этого вполне закономерно возникает вопрос — насколько глубоким было «облучение» кочевого мира иными социокультурными ценностями и в какой степени оно способствовало трансформации системы материального производства, стратегии природопользования и социально-экономических отношений традиционного номадного социума?

В историографии по данному вопросу (см. подробнее: Галузо, 1971; Ерофеева, 1979; Дулатова, 1984 и др.) существуют далеко не адекватные представления о степени изменения социальной природы кочевых обществ в составе централизованных государств, которые в сущности могут быть объединены общностью «миссионерского» мышления о добре и благе, прогрессе и цивилизации, в основном, связанных с идеей седентаризации кочевников. Ж.-П. Гар-

руа заметил в этой связи, что «какой бы ни была его концепция прав опекающей нации на земли колоний, европеец всегда стремился закрепить это мигрирующее население...», сократить кочевое скотоводство и содействовать значительному оседанию номадов (Гарруа, 1954. С. 277—278).

В этой связи вполне закономерно, что именно с оседлостью большинство исследователей связывает прогресс в социально-экономическом развитии кочевников в составе централизованных государств. Так, например, С. Е. Толыбеков полагает, что уже с конца XVIII в. в связи с присоединением Казахстана к России началось оседание кочевников, которое к началу XX в. захватило едва ли не все казахское население (Толыбеков, 1971. С. 375—494). Правда, остается совершенно непонятным, на чем и на каких фактах основывается этот вывод. В свою очередь, Г. Е. Марков считает, что социально-экономическое развитие Казахстана в составе России вело к разложению кочевого скотоводческого хозяйства, переходу к занятию земледелием, оседанию номадов и развитию капиталистических отношений (Марков, 1976. С. 156—205). В той или иной мере многие исследователи провозглашают прогрессивность оседания кочевников, что создавало, по их мнению, благоприятные возможности для развития капиталистических или социалистических отношений в зависимости от научных интересов того или иного автора (Сулейменов, 1963; Дахшлейгер, 1966; Турсунбаев, 1967; Он же, 1973; Абрамзон, 1971; Он же, 1973; Грайворонский, 1979 и др.).

Не все исследователи, однако, приняли такой подход к истории номадов в составе централизованных государств, понимая, что невозможно говорить всерьез о массовом оседании кочевников в условиях почти безводной пустыни (см. в этой связи Пуляркин, 1976. С. 62 и др.). «Подобное отношение,— справедливо отмечает Г. Ф. Радченко,— приводило к тому, что игнорировались интересы кочевников, делались попытки обосновать необходимость перевода их на оседлость и осуществить седентаризацию» (Радченко, 1982. С. 87). Теперь мы знаем, чем обернулось насильственное оседание в Казахстане в 1931/32 гг.—50% погибших от голода и 15% безвозвратно откочевавших (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 и др.). Кстати сказать, сама кампания по «добровольному оседанию» напроць опровергает вышеприведенный постулат о якобы еще дореволюционном массовом оседании кочевников-казахов. В этой связи следует заметить, что ни о каком спонтанном оседании номадов в Казахстане не приходится всерьез говорить вплоть до 30-х гг. нашего столетия. Если оно и имело место, то только на периферии кочевого мира в маргинальных зонах.

Наряду с этим некоторые авторы пытаются постулировать тезис о том, что в условиях колониальной политики в составе централизованных государств осуществлялся переход кочевников от первобытных доклассовых к патриархально-феодальным отношениям (Зарипов, 1989. С. 118 и др.), либо от патриархально-феодальных к капиталистическим (Галузо, 1965; Сундетов, 1970 и др.).

Однако механизм и процесс трансформации системы социально-экономических отношений в кочевой среде в составе централизованных государств не были, на наш взгляд, раскрыты и проанализированы в научно аргументированной форме. Рассмотрим в этой связи объективный ход социально-экономических процессов на примере кочевого общества казахов в составе Российского государства в XIX—начале XX вв.

В процессе присоединения Казахстана к России наряду с патронимической, территориально-общинной и социально-потестарной структурами важное и самостоятельное значение в социальной организации приобрела государственно-административная система управления краем. В начале XIX в. на территории Казахстана сформировались три различные системы управления: в восточной половине — так называемое «Сибирское ведомство», в западной — «Оренбургское ведомство». В дополнение к этому в 1801 г. в результате перехода за Урал пяти тысяч кибиток в междуречье Волги и Урала возникла Букеевская орда (с 1812 г. — Букеевское ханство).

С целью установления государственной и политической системы господства Российского самодержавия в Казахстане в 1822 г. была отменена ханская власть в Среднем жузе, в 1824 г. — в Младшем жузе, в 1845 г. — в Букеевской, или — с этого времени — Внутренней, орде и принят ряд законодательных актов. В частности, для управления казахским населением Сибирского ведомства были приняты «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.), «Положение об отдельном управлении Сибирскими киргизами» (1838 г.), «Положение об управлении Семипалатинской области» (1854 г.) и др.; Оренбургского ведомства — «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» (1844 г.) и др.; Присырдарьинского региона, после его захвата в середине XIX в., — «Инструкция об управлении Присырдарьинскими киргизами» (1855—1856 гг.); Старшего жуза, после его захвата в тот же период, — «Положение об управлении Алатавским округом» (1862 г.) и т. д.

В Оренбургском ведомстве, в состав которого вошли казахи Младшего и отчасти Среднего жузов, в 1824 г. были созданы три внешних зауральских округа, переименованных в 1828 г. в Восточную, Среднюю и Западную части. В своем внутреннем устройстве эти «части» были подразделены на «дистанции», а те, в свою очередь, на «административные аулы». Во главе частей стояли «султаны-правители» со штатом сотрудников, дистанций — дистанционные начальники, административных аулов — аульные начальники, назначавшиеся царской администрацией в крае. На содержание этого огромного по тем временам аппарата расходовалось ежегодно более 64 тыс. рублей. (см.: ПСЗ. Собрание второе. Т. XIX. Отд. I. № 17998; ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. I. Д. 373. П. 63—64; Добросмыслов, 1902 и др.).

В Сибирском ведомстве, в состав которого вошли казахи Среднего жуза, были образованы: в 1822 г. — Омская область с Омским, Петропавловским, Семипалатинским и Усть-Каменогорским внут-

ренными округами, 1824 г. — Каркаралинский и Кокчетавский, 1831 г. — Аягузский, 1832 г. — Акмолинский, 1833 г. — Баян-Аульский и Уч-Булакский, 1834 г. — Аман-Карагайский, позднее переименованный в Кушмурунский, 1844 г. — Кокбектинский внешние округа (Крафт, 1898. Отд. II. С. 15; Приложение. С. 153, 161, 163—164, 187—188 и др.). В 1854 г. вся территория Сибирского ведомства была поделена на «Область сибирских киргизов» с Каркаралинским, Кокчетавским, Акмолинским, Баян-Аульским и Кушмурунским округами и Семипалатинскую область с Кокбектинским, Аягузским (с 1860 г. — Сергиопольским) и Семипалатинским округами (ПСЗ. Собрание второе. Т. XXIX. № 28255). В каждый округ входило в среднем 15—20 волостей, каждая из которых состояла из 10—12 административных аулов, в каждом из которых насчитывалось 50—70 кибиток (Материалы по истории политического строя... С. 93. § 5,7). Во главе округов находились окружные приказы под руководством «старших султанов», волостей — волостные султаны, административных аулов — аульные старшины (там же. С. 94, 98, 99). На содержание этого мощного административного аппарата и казачьих отрядов (до 200—400 сабель в каждом округе) ежегодно расходовалось более 92 тыс. рублей серебром (ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 70 обр.).

В 1847 г. была создана особая система управления казахами Старшего жуза (с 1856 г. — Алатавского округа), в 1855—1856 гг. — Присырдарьинского региона, объединявшего отчасти казахов всех трех жузов. Букеевское ханство в 1845 г. было переименовано во Внутреннюю орду, в которой реформами 1854—1860 гг. взамен 16 «административных родов» были созданы Первый и Второй Прикаспийские округа, Камыш-Самарская, Нарынская, Калмыцкая, Таловская и Торгунская верхние части (ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3689. Л. 11—11 обр.; Ф. 78. Оп. 2. Д. 72. Л. 4; Ф. 78. Оп. 2. Д. 79. Л. 20 обр. и др.).

Реформами 1867—1868, 1886 и 1891 гг. вся эта громоздкая система административного управления была унифицирована и приведена к единому знаменателю. Было образовано 6 областей; Семипалатинская — с Семипалатинским, Усть-Каменогорским, Зайсанским, Каркаралинским и Павлодарским уездами; Акмолинская — с Акмолинским, Петропавловским, Атбасарским, Кокчетавским и Омским уездами; Тургайская — с Кустанайским, Актюбинским, Иргизским и Тургайским уездами; Уральская — с Уральским, Гурьевским, Лбищенским, Темирским уездами; Семиреченская — с Лепсинским, Капальским, Жаркентским и Верненским уездами; Сыр-Дарьинская — с Аулие-Атинским, Чимкентским, Казалинским, и Перовским уездами. Мангышлакский уезд вошел в состав Закаспийской области, а Внутренняя орда — Астраханской губернии.

Система государственно-административного управления стала играть чрезвычайно важную роль в социальной организации кочевников, поскольку каждый аул, община, ассоциативная группа, патронимия были приписаны к определенному звену системы политического управления краем. В целом, можно констатировать, что

низшее звено государственно-административной системы — «административный аул» — базировался на ассоциативных группах, следующее звено — волости — на потестарно-племенной организации и т. д. Иначе говоря, посредством Российского самодержавия были преодолены центробежные тенденции и обеспечена государственная централизация казахского кочевнического социума.

В результате создания государственно-административной системы управления стало возможным налогообложение кочевого населения Казахстана. Первоначально в соответствии с трехчленной системой «ведомственного» управления сложилось три различные формы налогообложения казахского населения. Так, в течение 30-х гг. произошло налогообложение казахов Сибирского ведомства так называемой «ясачной» податью — натуральным прогрессивным государственным налогом, когда со ста голов скота взималась в казну одна голова (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 134. С. 424), а кочевого населения Оренбургского ведомства — так называемой «кибиточной податью» — денежным фиксированным государственным налогом, когда с каждой кибитки, под которой понималось любое жилище, хозяйственная постройка, взималось 1,5 рубля серебром (ПСЗ. Собрание второе. Т. XIX. № 17998. § 79. С. 400). В 1854 г. налоговые квоты в Семипалатинской области были повышены и составили теперь одну голову скота с шестидесяти голов (ПСЗ. Собрание второе. Т. XXIX. Отд. 1. № 28225. § 106. С. 503). Всего в ясак к середине 60-х гг. было собрано более трех миллионов рублей серебром, а в счет кибиточной подати — более четырех миллионов рублей. Во Внутренней орде первоначально кочевники-казахи были обложены налогами «зьякетом» и «согумом» в пользу казны (ЦГА КазССР. Ф. 78. Оп. 2. Д. 4. Л. 72), а с 1860 г. — «окладной податью» (там же. Д. 4826. Л. 6—6 обр.).

В 1867—1868 гг. все казахское население было обложено единой и унифицированной системой налогов — «кибиточной податью», размер которой возрос до 3 рублей, а по реформам 1886 и 1891 гг. — до 4,5 рублей с любого вида казахского жилища. Одновременно казахское население платило «билетный сбор», «акциз за перепуск скота за линию», «ремонтную пошлину», а также исполняло почтовую и подводную повинности и массу других платежей, податей и повинностей, часть из которых во второй половине XIX в. была преобразована в «земский сбор» и т. д.

Таким образом, можно заключить, что если прежде разного рода сборы и подати в условиях традиционного кочевого общества (зьякет, согум, шибига и др.) в пользу казахских ханов и властителей были незначительны, нерегулярны и носили скорее добровольный характер, то отныне была установлена жесткая фискальная система, с помощью которой российское самодержавие ежегодно выкачивало из степи несколько сотен тысяч, а затем миллионов рублей серебром на содержание, нужды и потребности колониального аппарата в крае, воинских соединений, администрации и т. п. Отсутствовавшее в кочевой среде изъятие прибавочного продукта внеэкономическими методами стало всеобщим в составе Российско-

го государства. В дополнение к этому система налогообложения породила так называемую «частноправовую» нефиксированную ренту, взимавшуюся должностными лицами сверх налоговой квоты во время сбора налоговых платежей и податей (подробнее см.: Масанов, 1980 и др.). Иначе говоря, в составе Российского государства произошло значительное возрастание внеэкономических форм эксплуатации казахского кочевого населения как посредством налоговой системы, так и посредством многочисленных злоупотреблений со стороны должностных лиц и государственных чиновников.

В поземельном отношении политика Российского государства первоначально заключалась в так называемой «военно-казахьей» колонизации края, когда создавались «пограничные» линии, все больше и больше продвигавшиеся в глубь степи, военные крепости, редуты, пикеты, посты, которые заселялись казахьим и частично военным населением, а иногда и ссыльными поселенцами. Эта политика «медленного» вторжения в степь преобладала во взаимоотношениях России и Казахстана в течение XVIII и первой половины XIX вв. и только лишь в середине XIX в. в связи с успешной экспансией в Средней Азии она была полностью пересмотрена. Реформа 1868 г. объявила территорию Казахстана государственной собственностью. Правда, Букеевская орда с момента своего возникновения находилась в государственной собственности (ПСЗ. Т. XXVI. № 19773; ПСЗ. Собрание второе. Т. VIII. № 5999. С. 112 и др.). Сам факт налогообложения казахского населения трактовался колониальной администрацией как свидетельство государственной собственности на территорию Казахстана (ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2156. Л. 71 обр., 93; Материалы по истории политического строя... С. 240; Веселовский, 1887. С. 022 и др.).

В этой связи находится и так называемый «хозяйственный» аспект земельной и экономической политики Российского государства в Казахстане. Широко известно, что под влиянием Оренбургских генерал-губернаторов П. Сухтелена и В. А. Перовского, считавших, что казахи выгодны России только в качестве кочевников-скотоводов, в Оренбургском ведомстве вплоть до середины XIX в. проводилась запретительная политика на развитие земледелия среди казахского населения (Добросмыслов, 1902 и др.), тогда как в Сибирском ведомстве, наоборот, проводилась политика поощрения занятия земледелием. Так, каждому желающему заниматься земледелием «Устав о сибирских киргизах» отводил по 15 десятин земли (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 172).

Одновременно проводилась политика, направленная на поддержание привилегированного положения должностных лиц, освобождения их от налогообложения, премирования и наделения за хорошую службу разного рода льготами, в том числе «земельными» владениями. Так, высшее звено казахской государственно-административной иерархии в Сибирском ведомстве «старшие султаны» наделялись 5—7 кв. верстами «удобных для земледелия, скотоводства и других заведений земель», «которыми он может пользоваться, пока пребывает в должности, не лишаясь права на участие в

общих пастбищах» (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 167). «Устав о сибирских киргизах» также гласил: «Отвести на том же основании по две квадратных версты для каждого Киргизского заседателя» (там же. § 169). Иначе говоря, если прежде кочевое общество казахов не знало юридической формы частной собственности на землю, то теперь Российское государство санкционировало ее. Но поскольку система поземельных отношений среди номадов определялась отношениями частной собственности на скот (см. параграф 7.2.), то система юридической регламентации поземельных отношений не получила сколько-нибудь значительного распространения в среде кочевников-казахов.

В течение второй половины XIX и начала XX вв. поземельная политика царизма в Казахстане, основываясь на праве государственной собственности на территорию края, постепенно трансформируется в сторону изъятия наиболее плодородных угодий у номадов и в связи с проведением Столыпинских аграрных реформ приобретает характер широкомасштабной экспроприации земли для размещения русского переселенческого крестьянства, казачества и других инонациональных мигрантов (уйгуров, дунган и др.). Процесс изъятия земельных угодий у казахского населения в основном коснулся наиболее плодородных участков в Северном, Восточном и Юго-Восточном Казахстане, в наибольшей степени пригодных для развития земледельческого хозяйства.

В экологическом отношении этот процесс коснулся прежде всего лесостепной ландшафтной зоны в регионе Западносибирской низменности, богатой озерами, речной сетью, лесами, хорошими почвами, и предгорной полосы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Киргизского Алатау с количеством атмосферных осадков более 400 мм, развитой системой горных рек и богатой лесами, горными лугами и т. п. Данный комплекс природно-климатических условий позволял культивировать здесь неполивное земледельческое хозяйство — именно тот тип хозяйства, который был привнесен русско-украинскими мигрантами в Казахстан — в сочетании с сенокосением и стойловым содержанием животных.

Только лишь к концу XIX в. в пользу казачества и русского переселенческого крестьянства было изъято в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях около 14 млн. десятин наиболее плодородной земли, что составило 8,2% всей земельной площади «степных областей» (Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 224. Подсчет наш — авт.). После переселения уйгурских и дунганских мигрантов из Кульджинского края в 1881—1884 гг. в Семиреченскую область в их пользу было изъято более 100 тыс. десятин плодородной земли (Баратова, 1989. С. 16 и др.). Как мы уже отмечали, в результате Столыпинских аграрных реформ этот процесс резко интенсифицировался и изъятие земли у казахского кочевого населения приобрело массовый характер (Турсунбаев, 1950; Сулейменов, 1963; Галузо, 1965 и др.). Всего было изъято более 40 млн. десятин земли (Турсунбаев, 1973. С. 224), что

составляло пятую часть всех сельскохозяйственных угодий в Казахстане.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что отчуждались не просто наиболее плодородные земли, а именно те земли, на которых прежде практиковалось во вспомогательной форме земледельческое хозяйство кочевников-казахов (Хозяйство казахов... С. 137—166 и др.). Вследствие этого, с одной стороны, заметно сужалась земельная площадь кочевого скотоводческого хозяйства, которое лишалось лучших зимовок и летних пастбищ, а с другой, фактически ликвидировались необходимые предпосылки для развития земледельческого хозяйства собственно казахского населения. Тем более, что происходило вытеснение казахского земледелия не только посредством изъятия земли, но и аренды, и, самое главное, экономически более рационально организованным и эффективным земледелием русского крестьянства, сартского, уйгурского и дунганского населения.

Вследствие этого, на наш взгляд, в условиях резко континентального климата, ранних заморозков и поздних снегопадов, аридности и атмосферных засух, при изъятии наиболее плодородных земель, стало проблематично говорить о сколько-нибудь значительном обращении казахского населения к земледельческому хозяйству и тем более тотальном оседании кочевников-скотоводов, поскольку для этого отсутствовали как материальные (земля, почва, вода и т. п.) и социально-экономические стимулы, так и соответствующие природно-климатические условия.

Следует также иметь в виду и традиционные стереотипы номада, с пренебрежением относившегося к земледельческому хозяйству и оседлому образу жизни. Р. Капо-Рей заметил в этой связи, что «в области морали соперничество, проявляющееся у европейских народов, кажется безобидным по сравнению с теми чувствами, которые питают друг к другу кочевники и оседлое население. Кочевники выражают одинаково гордое презрение ко всем, кто не живет под шатрами: ремесленникам, торговцам, земледельцам... Как древние евреи и буры, они считают себя господами, народом, избранным богом» (Капо-Рей, 1958. С. 191—192). «Быт кочевника,— отмечает А. А. Словохотов,— в своем крайнем развитии представляет такую своеобразную и отлитую в определенную форму культуру, так кристаллизируется, что кочевник не может понять другой образ жизни... чем тот, с которым он свыкся веками... Он сопротивляется всякому стремлению изменить образ его жизни точно так же, как пионер оседлости... не понимает жизни кочевника...» (Словохотов, 1905. С. 64)..

В вопросах внутреннего землепользования, касающихся непосредственно системы поземельных отношений в кочевой среде, Российское самодержавие довольно стабильно придерживалось политики невмешательства и сохранения «статус-кво», которое понималось как признание общинно-родового землевладения и норм обычного права при регулировании и регламентации межличностных отношений. «Устав о сибирских инородцах», например, провозгла-

шал, что «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» (ПСЗ, Т. XXXVIII, № 29126, §26). «Инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных» (там же, § 29). При этом «утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые...» (там же, § 25), а «подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям» (Там же, § 27).

Следует также отметить, что наряду с невмешательством в систему традиционного землепользования проводился курс на прикрепление кочевых общин и «родов» к своим территориально-административным звеньям. Так, в законодательных актах постоянно подчеркивалось, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства» (ПСЗ, Т. XXXVIII, № 29127, § 9). «Далее сих пределов запрещается Киргизам откочевывать» (там же, § 78). Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, это положение не всегда могло быть реально осуществлено, поскольку процесс кочевания и выпас скота определялись главным образом экологическими факторами (см. параграфы 4.1. и 4.2.), а не территориально-административными границами.

В этой связи интересно отметить, что «Материалами по киргизскому землепользованию» было выявлено в Каркаралинском уезде 556 посторонних хозяйств и 1480 отсутствующих, Усть-Каменогорском — соответственно 265 и 1288 хозяйств, Петропавловском — 256 и 1071 хозяйство и т. д. Число отсутствовавших хозяйств составляло в Зайсанском уезде — 4200, Джаркентском — 2631, Верненском — 3050, Семипалатинском — 1817, Лбищенском — 6097 и т. д. (см. таблицу 14). Иначе говоря, довольно значительная часть кочевого населения не вписывалась в государственную систему административного устройства и была вынуждена кочевать за пределами своих территориальных единиц.

Наряду с этим проводилась политика предпочтительного наделения земель мигрантов по сравнению с местным аборигенным населением. Так, в частности, казахи-кочевники, желающие заниматься земледелием, должны были заручиться поддержкой своей общины и изыскать соответствующие земельные резервы внутри своей ассоциативной группы, тогда как крестьяне-переселенцы сразу же получали первоначально по 30 десятин земли на каждого члена семьи, с 1882 г. — по 15 десятин, а позднее — по 10 десятин земли (Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 236; Седельников, Букейханов, Чадов, 1903. С. 156—157 и др.), русское казачество — первоначально по 25 десятин земли на душу населения, а позднее — по 20 десятин (Седельников, 1903. С. 177; Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 237 и др.), а офицерство — по 200 десятин на душу населения. Уйгурским мигрантам выделялось по 10 десятин земли на семью в целом (Баратова, 1988).

Таким образом, поземельная политика царизма в Казахстане

была направлена, во-первых, на поощрение и увеличение численности оседло-земледельческого населения посредством предоставления льгот и привилегий в наделении земельными участками, в основном, русскому казачеству и переселенческому крестьянству; во-вторых, на отчуждение и массовое изъятие наиболее плодородных земельных площадей у кочевников-скотоводов в пользу тех, кто занимался земледельческим хозяйством; в-третьих, на сохранение статус-кво в структуре поземельных отношений кочевников, в частности общинного и «родового» землевладения и землепользования; в-четвертых, на поддержание привилегированного положения должностных лиц.

В целом, во всей политической линии Российского самодержавия красной нитью проходила «идея» массового оседания кочевников, в результате которого облегчалось бы управление краем, его колонизация и освоение как государственно-административными способами, так и социально-экономическими средствами. И поскольку курс на «седентаризацию» номадов, которого придерживалась за редкими исключениями колониальная администрация в течение XVIII—XIX вв., не дал сколько-нибудь позитивных результатов, то с конца XIX и особенно в начале XX в. он был полностью пересмотрен и взят новый курс на изъятие земельных угодий у кочевников-казахов и широкомасштабное переселение крестьянского элемента из европейских губерний России.

Вследствие этого сложилась чрезвычайно интересная ситуация в пространственной локализации различных хозяйственно-культурных типов. Так, в предгорных и низкогорных районах, лесостепной зоне, где количество атмосферных осадков превышало 400 мм, культивировалось преимущественно земледельческое хозяйство казахского и русско-украинского крестьянского населения, носившее неполовной характер. В Юго-Восточном Казахстане в предгорной полосе Джунгарского и Зайлийского Алатау в речных долинах локализуется ирригационное земледельческое хозяйство уйгурского населения, а в низовьях полноводных рек — рисовое хозяйство дунган; в Присырдарьинском регионе — оазисное поливное земледелие сартов и лишь в засушливых районах степи, полупустыни и пустыни с минимальным поверхностным стоком — казахское земледельческое хозяйство, которое в силу бедности почвенных ресурсов, скудости водных запасов и аридности климата функционировало только в качестве вспомогательной и второстепенной отрасли кочевого хозяйства.

Отсюда и различный уровень и характер развития земледельческого хозяйства у разных этнокультурных общностей, его как бы «этническая» специализация: у казахов — натурально-потребительская с уклоном на просо, у дунган — рисовая с балансом рыночных и автаркичных ориентаций, у уйгуров — комплексная зерновая, кормовая, овощная и фруктовая специализация с натурально-потребительской направленностью, у русско-украинских переселенцев — преимущественно зерновой уклон с рыночной ориентацией и т. д. Вследствие этого взаимодействие различных этнокуль-

турных общностей в сфере производства и хозяйственной деятельности носило весьма поверхностный характер и не приводило к социально-экономической интеграции и формированию общности интересов. Такой характер дифференциации различных ХКТ по разным экологическим нишам с тенденцией формирования специфического комплекса социокультурных признаков в полной мере сохранился и поныне, за исключением лишь целинных совхозов (Востров, Кауанова, 1972; Калышев, 1989 и др.).

В этой связи, на наш взгляд, не приходится говорить о значительном развитии земледельческого хозяйства у кочевников-казахов. Процесс распространения земледельческой культуры в среде номадов в Казахстане носил сложный и далеко неоднозначный характер. С одной стороны, практически все источники свидетельствуют о высоком удельном весе казахских хозяйств, занимавшихся земледельческим трудом (см. таблицу № 10). Так, в Зайсанском уезде земледелием занималось 72,4% всех хозяйств, Усть-Каменогорском — 69,4%, Акмолинском — 61,4%, Семипалатинском — 49,5%, Каркаралинском — 17,1%, Петропавловском — 24,9%, Капальском — 81,5%, Омском — 3,1%, Джаркентском — 68,5%, Верненском — 79,2%, Лепсинском — 77,7%, Актюбинском — 94,4%, Атбасарском — 30,6%, Аулие-Атинском — 92,1%, Казалинском — 49,9%, Иргизском — 22,9%, Кокчетавском — 22,2%, Кустанайском — 77,2%, Лбищенском — 47,0%, Павлодарском — 24,2%, Перовском — 74,8%, Темирском — 77,9%, Тургайском — 21,8%, Уральском — 85,1%, Чимкентском — 80,6%.

Но с другой стороны, источники прямо указывают на минимальные размеры запашки в хозяйстве казаха-кочевника. Так, средний размер посевных участков у казахского населения Тургайской и Уральской областей не превышал 1—2 десятин, а у номадов Семипалатинской и Акмолинской областей — 0,1—0,2 десятины (Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 231, 237 и др.). Правда, «Материалы по киргизскому землепользованию» дают больший размер запашки: в Атбасарском уезде — 1,5 десятины, Омском — 1,9, Павлодарском — 1,6, Кокчетавском — 2,0, Усть-Каменогорском — 1,3, Акмолинском — 1,4, Каркаралинском — 0,4 и т. д. (см. таблицу 13).

Известно, что минимальный размер посева, обеспечивающий необходимый продукт трудящимся индивидам, составлял порядка пяти десятин запашки (подробнее см. Баратова, 1989 и др.). Учитывая в этой связи засушливость климата, ограниченный потенциал водных и почвенных ресурсов, низкую урожайность, примитивность приемов и методов экстенсивного, залежно-переложного земледелия кочевников Казахстана, следует, по-видимому, этот минимум исчислять 6—7 десятинами посева. Поэтому мы вправе заключить, что земледельческое хозяйство казахов так и не стало надежной материальной базой для жизнедеятельности кочевого населения и не приобрело самостоятельного значения, оставаясь, как и прежде, второстепенной и вспомогательной отраслью номадного хозяйства.

Что же касается кочевого способа производства, его возможной трансформации в составе Российского государства, то, несмотря на массовое отчуждение и изъятие наиболее плодородных земельных угодий, (что, кстати, не приводило к каким-то серьезным конфликтам), определенное развитие земледельческого хозяйства, на наш взгляд, не существовало ни экологических, ни технико-технологических, ни материальных условий для тотального оседания кочевников-казахов. Казахское население по-прежнему продолжало вести кочевой образ жизни и заниматься главным образом кочевым скотоводческим хозяйством. И поскольку производственный цикл и ритмо-режимные характеристики трудовой деятельности, собственно процесс производства зависели прежде всего от природно-климатических условий и были жестко экологически детерминированы, то как и прежде, так и ныне никаких сколько-нибудь значимых изменений в стратегии природопользования, системе материального производства не произошло и не могло произойти.

Выпас животных, процесс кочевания, выбор и распределение пастбищных угодий, а также другие основные элементы трудового процесса не претерпели никаких изменений в течение XIX—начала XX вв. и диктовались, определялись только экономической и хозяйственной целесообразностью в процессе утилизации природных ресурсов среды обитания. Эта консервативность обуславливалась, прежде всего, неизменностью морфологии и физиологии основных средств производства — скота, а также земли, растительного покрова, водных и почвенных ресурсов и т. д. Тем более невозможно коренное преобразование материально-технической базы кочевого скотоводческого хозяйства (см. в этой связи Бунятян, 1984 и др.) в условиях аграрного доиндустриального общества, даже в рамках крупного централизованного государства.

В этой связи следует указать на исключительную чувствительность казахстанской экосистемы и всех ее компонентов к внешним воздействиям, особенно к развитию земледельческого хозяйства, а в настоящее время — процессам коллективизации, индустриализации и урбанизации, неоправданному укрупнению колхозов и совхозов. Вследствие этого вполне закономерно неизбежны различные экологические катастрофы. Уже в дореволюционный период фиксируются многочисленные случаи засоления, выщелачивания, заболачивания, эрозии и опустынивания земельных площадей, на которых культивировалось земледельческое хозяйство как казахского, так и русского и уйгурского населения. Ярким примером экологической лимитированности земледельческого хозяйства в Казахстане является процесс освоения целинных и залежных земель, приведший к эрозии уже в начале 60-х гг. 10 млн. га. Именно земледельческое хозяйство стало главной причиной экологической катастрофы планетарного масштаба — обмеления и усыхания Аральского моря и Балхаша, агонизирующих на протяжении последних 30 лет (Григорьев, 1985 и др.). Недавний мощный сель из сточного озера вблизи Алма-Аты и загрязнение Капчагайского водохранилища напомнили, что и процессы урбанизации здесь, в пус-

тыне, исчерпали свой потенциал. Советские жестко централизованные методы ведения животноводства в сочетании с неоправданной концентрацией огромных отар и табунов привели фактически эту отрасль сельского хозяйства к полному развалу и способствовали, как мы уже отмечали, эрозии 55 млн. га пастбищных угодий. Экологически детерминированная стратегия природопользования номадов вплоть до наших дней не имеет разумной альтернативы в освоении аридной зоны (см.: Пуляркин, 1976; Он же, 1976а; Он же, 1982; Радченко, 1982; Она же, 1983 и др.) и, будучи максимально сбалансированной формой взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов, не наносит ущерба окружающей среде (Федорович, 1983 и др.). Вследствие этого кочевой способ производства и в составе Российского государства вплоть до 30-х гг. сохранил в полной мере все свои основные параметры функционирования и не претерпел сколько-нибудь значительных изменений в XVIII—начале XX вв.

В социально-экономическом отношении можно выделить три важнейших аспекта политики Российского самодержавия в Казахстане: во-первых, поддержание и сохранение статус-кво в системе производственных отношений, поскольку ведущая, доминантная форма собственности — собственность на скот не регламентировалась государственным законодательством, а класс богатых скотовладельцев не ограничивался в процессе концентрации скота и монополизации системы материального производства. Во-вторых, проводилась стабильная политика поддержания привилегированного положения должностных лиц государственной администрации на всех уровнях иерархической системы (Крафт, 1898; Добросмыслов, 1902 и др.).

В-третьих, первоначально был взят курс на поддержание элитарного положения казахской аристократии по сословному признаку, их преимущественное назначение на престижные должности, поддержание их привилегированного положения в вопросах землеустройства и землепользования, платежей налогов, финансовой помощи и т. д. Однако многолетняя борьба казахской знати против экспансии самодержавия в Казахстане, отмены института ханской власти, введения нового порядка управления, изъятия пастбищных угодий, строительства военных укреплений, пикетов и редутов, налогообложения кочевников и т. п., в частности султанов Касыма, Саржана, Ишима, Кенесары и др., привела к пересмотру политических ориентаций Российского государства в степи. С середины XIX в. происходит постепенный отказ от поддержки административными органами престижа и авторитета лиц по сословному признаку.

В целом, мероприятия царизма в Казахстане никоим образом не затронули отношения собственности на средства производства и прежде всего на скот, а следовательно, не нарушили традиционного механизма социально-экономических отношений в кочевом обществе казахов. Пожалуй, единственная новация коснулась социальной стратификации общества, когда за пределами общины взамен сословно-генеалогических принципов важное значение при-

обрели государственно-бюрократические отношения. Однако это не повлекло за собой существенных изменений в системе общественных отношений, поскольку полностью сохранялась доминантная роль отношений собственности на скот.

Таким образом, несмотря на то, что в процессе присоединения Казахстана к России произошли значительные и положительные изменения в политическом и экономическом развитии края, в основном связанные с начальным этапом возникновения городов, промышленности, проникновением и интенсивной миграцией русско-украинского населения, развитием земледельческого хозяйства, формированием рынка труда, а также установлением системы государственно-административного управления и т. д., кочевой способ производства не претерпел каких-либо трансформаций и полностью сохранил основные механизмы своего воспроизводства. В частности, система материального производства, базирующаяся на кочевом скотоводческом хозяйстве, подверглась «облучению» лишь в незначительной степени — возросло количество кочевников-казахов, практиковавших земледельческое хозяйство, которое, тем не менее, продолжало оставаться второстепенной вспомогательной отраслью кочевой экономики и не могло приобрести важного и самостоятельного значения в условиях перманентного сокращения пастбищных угодий, массового отчуждения наиболее плодородных земель и ограниченных ресурсов среды обитания. В социально-экономическом отношении кочевой способ производства полностью сохранил свои императивные приоритеты и структуру воспроизводственных отношений, в частности, доминанту общинной организации процесса производства, частную собственность на скот и традиционные формы зависимости и эксплуатации массы непосредственных производителей.

Пожалуй, самой крупной новацией функционирования кочевого общества в составе Российского государства явилось то, что если прежде обнищавшие и пауперизированные массы кочевников в случае отсутствия спроса на их труд были обречены на голодное вымирание в степи или в лучшем случае на оседание на окраинах кочевнического ареала, то с вхождением Казахстана в состав России резко возросли возможности для жизнедеятельности данной прослойки общества. Как свидетельствуют данные по «билетным сборам», ежегодно до 20 тыс. казахов устремлялись в города, казачьи станицы, крестьянские селения, военные укрепления для найма на работу. Как правило, большая их часть там навсегда и оставалась, исполняя ряды уральского, оренбургского, сибирского казачества, крестьянского элемента, городского населения и т. д. С развитием промышленности в крае именно из этой массы пауперов и маргиналов вербовались рабочие и т. п.

В заключение можно лишь констатировать, что кочевой способ производства, будучи порожден объективным процессом взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов, не претерпел каких-либо качественно значимых изменений в составе Российского государства

ЭКОЛОГИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ-КАЗАХОВ (Вместо заключения)

В заключении целесообразно поставить вопрос о том, в какой мере выявленная нами специфика системы материального производства, образа жизни и способа производства, а следовательно, и среда обитания как первичная субстанция всех общественных явлений, влияют на формирование и развитие этнических процессов в среде кочевников? Казалось бы ответ на этот вопрос очевиден: особенности экологической ниши детерминируют способ адаптации человека к природно-климатическим условиям, в результате чего возникает специфическая система материального производства, которая, в свою очередь, обуславливает особый способ производства. Вследствие этого формируется конкретный образ жизни и особая система ценностных ориентаций. Иначе говоря, приспособление человека к особым условиям среды обитания осуществляется соответствующим механизмом адаптации — специфическим типом культуры (Маркарян, 1981. С. 112; Козлов, 1983. С. 5—16; Алексеев, 1984. С. 348 и др.). Закономерным итогом этой логической цепи взаимосвязанных явлений становится возникновение и формирование особой этнической общности. Однако современная историография неадекватно интерпретирует этническую историю кочевых народов, что вынуждает нас специально остановиться на рассмотрении этой проблематики.

Как показывает анализ кочевниковедческой литературы, в работах по проблеме этногенеза казахов доминирует диахронный метод исследования субстратно-суперстратных процессов и генеалогическо-родоплеменных аспектов этнической истории (Аристов, 1896; Чулошников, 1924; Асфендиаров, 1935; Вяткин, 1941; Бернштам, 1949; Шахматов, 1950; Адильгиреев, 1951; Ахинжанов, 1957; Аманжолов, 1959; Востров, Муканов, 1968 и др.). Весь процесс этногенеза преимущественно трактуется с этнополитической точки зрения и сводится к возникновению казахской государственности (Вельяминов-Зернов, 1864; Красовский, 1868; История Казахской ССР, 1957; Пищулина, 1977; История Казахской ССР, 1979. Т. 2 и др.). Тем самым вне сферы исследования фактически остаются ключевые вопросы проблемы, в частности социокультурные параметры этногенеза, механизм этнических процессов интеграции и

дифференциации, их хозяйственно-экономический базис и само содержание этничности.

В этой связи рассмотрим экологические аспекты этногенеза среди кочевников Казахстана. Среда обитания является исходной предпосылкой, предметно-вещественной основой функционирования системы материального производства и поэтому в известной степени опосредствует уровень производительных сил общества (особенно в доиндустриальную эпоху). Тем самым природные ресурсы экологической ниши определяют социально-экономические параметры этноса. Вследствие этого представляется возможным, как это справедливо заметил Ю. В. Бромлей, «...рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность — этно-экологическую систему» (Бромлей, 1983. С. 222).

В этом плане считаем целесообразным анализировать процесс этногенеза сквозь призму понятий «ареала» и «маргинальной зоны» (см. параграф 1.1.), которые играли далеко неоднозначную роль в структуре хозяйственных занятий и уровне развития социально-экономических отношений живущего здесь населения. В частности, в номадном ареале в специфических условиях среды обитания и в силу особенностей кочевого хозяйства имело место дисперсное расселение с присущей для всех кочевников плотностью населения от 0,5 до 1—2 чел. на один кв. км. Здесь преобладали, несомненно, партикуляризм и автаркия, поскольку хозяйство кочевников носило натурально-потребительский характер, было полностью ориентировано на самообеспечение всеми необходимыми продуктами и ресурсами. Вследствие этого в кочевой среде господствовали диахронные, межпоколенные информационные связи (терминологию см.: Арутюнов, Чебоксаров, 1972 и др.). Так, например, главное средство производства — скот, отношения по поводу которого играли доминантную роль в системе производственных отношений и социально-экономической структуре общества, в основном передавался как объект собственности по вертикальным каналам. Один из важнейших факторов жизнедеятельности кочевого общества — опыт экологической адаптации — также передавался от отца к сыну, от сына к внуку и т. д. Аналогичным образом функционировали практически все остальные элементы духовной и материальной культуры кочевников. Отсюда приоритет генеалогических связей в сфере общественного сознания, в отличие от земледельческих, местнических отношений, преобладающих в оседло-земледельческой среде.

В маргинальных зонах имел место иной порядок вещей. Прежде всего здесь была выше плотность населения, поскольку наряду с кочевниками-скотоводами в оазисах и речных долинах, предгорных и низкогорных районах проживали значительные группы земледельческого населения. Вследствие этого экономическая структура общества была многоукладной и характеризовалась многообразием форм взаимодействия различных типов хозяйства. Здесь в большей мере наблюдалась ориентация производимого продукта

на сферу обмена и имел место паритет рыночных и натурально-потребительских тенденций. В результате этого преобладали межгрупповые отношения и значительно большую роль играли синхронные горизонтальные инфосвязи. В частности, циркуляция общественного продукта осуществлялась не столько по вертикальным каналам, сколько по горизонтальным, что было обусловлено постоянной трансформацией хозяйственных занятий населения маргинальных зон. Ежегодно часть кочевников оседала и утрачивала кочевые традиции и стереотипы. В результате этого в маргинальных зонах наблюдалось огромное множество различных вариантов и переходных типов от кочевничества к полной оседлости (см., например, Кармышева, 1976 и др.). Очевидно, что маргинализация прежних кочевников была постоянно действующим фактором общественного развития на периферии кочевнических ареалов, что обуславливало неустойчивость социально-экономической ситуации в этих районах.

Вследствие такого характера развития информационных связей процессы этногенеза должны были интенсивнее происходить в хозяйственно- и культурно однородных ареалах, нежели в маргинальных зонах, поскольку в первых значительно быстрее складывалась культурная общность, порожденная однотипной экономикой, единым образом жизни и особым способом производства в сходных условиях среды обитания. В маргинальных зонах в процессе постоянной трансформации хозяйственных занятий и перманентного притока оседающих кочевников-скотоводов, их маргинализации и утраты ими прежних стереотипов, несинхронности процессов адаптации к оседлому образу жизни и овладения приемами технологии земледельческого труда, складывание культурной общности происходило значительно медленнее, либо могло вовсе не происходить. А. Хорошхин заметил в этой связи, что «...киргизы пристают к полукочевым узбекам ежегодно и через несколько лет, кроме привычек, некоторых обычаев, утрачивают многие статьи туалета записных кочевников, а отчасти и свой резкий казацкий (киргизский) акцент меняют на более мягкую речь узбеков-полукочевников» (Хорошхин, 1874. С. 319).

Иначе говоря, в кочевнических ареалах гораздо быстрее происходил конвергентный процесс накопления однотипных культурных признаков, нежели в маргинальных зонах, что позволяет рассматривать их в качестве своего рода «этнических сгустков». Именно на этой основе произошло формирование культурной общности кочевников-казахов. «Киргизы,— писал В. В. Радлов,— подлинно кочевой народ, скитающийся круглый год по степям... Нравы, обычаи, образ мышления, словом, вся жизнь и деятельность киргизов тесно связаны с этими переездами ради животных...» (Радлов, 1989. С. 253). Выдающийся русский этнолог Н. А. Аристов справедливо отмечал, что казахи «больше всех тюркских народностей сохранили скотоводческий и кочевой образ жизни...» (Аристов, 1896. С. 350).

В этой связи А. Словохотовым было точно замечено, что «быт кочевника в своем крайнем развитии представляет такую своеобраз-

разную и отлитую в определенную форму культуру, так кристаллизуется, что кочевник не может понять другой образ жизни... чем тот, с которым он свыкся веками. До поры, до времени он сопротивляется всякому стремлению изменить образ его жизни точно так же, как пионер оседлости... не понимает жизни кочевника...» (Словохотов, 1905. С. 64). Вследствие этого В. В. Радлов справедливо указывал на то, что «понимать историю кочевого народа — вообще трудная задача для всякого, кто знаком с воззрениями оседлых народов» (Радлов, 1893. С. 65).

Поэтому закономерно, что кочевничество характеризуется весьма специфическим взглядом на культуру. «Нечего говорить,— подчеркивает А. Словохотов,— что кочевой быт создал целую структуру кочевого человека...» (Словохотов, 1905. С. 59). В этом плане интересно привести слова А. Вамбери о том, что «...ничто не могло бы мне дать более ясного понятия о кочевой жизни; когда я впоследствии спросил у одной Киргизской женщины о причинах, побуждающих их перекочевывать с места на место, она отвечала со смехом, «Мы не так ленивы, как вы... нам не усидеть по целым дням на одном месте! Человек должен двигаться, потому что посудите сами: солнце, месяц, звезды, вода, животные, птицы, рыбы — все движется, только земля и мертвые остаются на месте» (Вамбери, 1865. С. 80). «Говоря о кочевой жизни,— свидетельствуют очевидцы,— редкий киргиз не скажет: «Только дерево стоит на одном месте и питается тем, что находится вокруг него; на то оно и дерево; вольная птица летит туда, где ей лучше» (КРО, 1964. С. 300).

Таким образом, налицо стремление кочевников противопоставить свою культуру и ценностные стереотипы восприятию мира оседло-земледельческих народов. На наш взгляд, это является ярким свидетельством этничности кочевой культуры и номадного образа жизни. В этой связи вспоминаются слова В. В. Бартольда о том, что принадлежность к определенному культурному типу была в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка (Бартольд. Т. II. Ч. I. С. 461). «Проявляющиеся всюду противоречия,— пишет Р. Капо-Рей,— возникают поэтому не между людьми различных рас, ни даже между различными социальными классами, а прежде всего между группами населения, ведущими различные образы жизни». «Следовательно,— заключает он,— образ жизни не является следствием принадлежности к той или иной расе, но наоборот, накладывая на людей определенный отпечаток, который передается по наследству, он сам создает этнические группы» (Капо-Рей, 1958. С. 191—192).

Продолжая разговор об экологических аспектах проблемы этногенеза, следует указать на точку зрения о том, что природные условия, по мнению основателя теории POSSIBILISMA П. Видаля де ла Блаша, по-разному воспринимаются людьми с разным образом жизни (см.: Джеймс, Мартин, 1988. С. 282). Это положение было воспринято многими современными исследователями этноса, которые вслед за ним постулировали тезис о том, что именно образ

жизни — основным фактор, определяющий стратегию природопользования. Так, Ю. В. Бромлей полагал, что различные этносы по-разному реагировали на однотипные условия среды обитания: «...Истории известно немало случаев, когда народы, находившиеся, примерно, на одинаковом уровне социально-экономического развития и в одинаковых природных условиях, не создавали одних и тех же хозяйственно-культурных типов, используя аналогичные ресурсы весьма различно» (Бромлей, 1983. С. 216). На наш взгляд, это положение верно только в той части, которая касается традиционного-бытовой культуры, но с ним трудно согласиться, когда речь заходит о системе материального производства. Как нам представляется, инадаптивные формы рано или поздно неизменно вытесняются эвадаптивными типами хозяйства.

Важным механизмом этногенетического процесса в доиндустриальную эпоху являлась этнизация хозяйственно-культурных типов, под которой понимается «такое явление, когда конкретный хозяйственно-культурный тип несет важные этнодифференцирующие и этноинтегрирующие свойства...» (Чеснов, 1982. С. 111). Этнизацией является процесс, когда особенности ведения хозяйства и функционирования культуры в специфических условиях среды обитания влекут за собой накопление особых черт, свойств и признаков, которые в конечном счете и определяют неповторимую комбинацию этнических стереотипов и самосознания, обуславливающую этнос как историко-культурный феномен. В результате этого складывался симбиоз между населением и освоенной им средой обитания (антропогеоценоз), который детерминировал специфику общественной деятельности человека, автономный комплекс взаимосвязанных между собой структурных компонентов культуры, своеобразное информационное поле, функционирующее на основе оптимального равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, что и приводило к особому характеру циркуляции информации внутри данного социального организма (Алексеев, 1984. С. 356—371). «Информация, циркулирующая внутри антропосоциогенеза, может быть разложена на несколько уровней. Первый из них — этнический уровень, то есть тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и предопределяют включение именно в состав данного народа и никакого другого» (Алексеев, 1984. С. 370—371).

Рассмотрим в этой связи процесс этногенеза кочевников-казахов сквозь призму указанных процессов и в том числе явления этнизации хозяйственно-культурных типов. Многими исследователями XIX — начала XX вв. высказывалась мысль о взаимосвязи кочевого образа жизни и культурной обособленности казахов и ряда других кочевников (Левшин, 1832; Красовский, 1868; Потанин, 1881—1883; Харузин, 1895; Аристов, 1896 и др.). Однако научное осознание зависимости этногенеза от типа хозяйства в наибольшей мере проявилось в работах В. В. Бартольда, Н. Н. Козьмина, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. П. Чулошникова, С. Д. Асфендиарова

и других исследователей. Так, Н. Н. Козьмин фактически впервые теоретически сформулировал мысль о ведущей роли типа хозяйства и образа жизни в процессе этногенеза (Козьмин, 1928 и др.). В концептуальной форме идея «этнизации» была высказана Я. В. Чесновым (Чеснов, 1982 и др.) и параллельно с ним Ю. В. Павленко (Павленко, 1982 и др.).

К середине I тысяч. н. э. заканчивается процесс генезиса кочевого хозяйственно-культурного типа на всем ареале Евразии (см. параграф 1.2.) и, видимо, в это время он стабилизируется в своих классических формах (Вайнштейн, 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984 и др.). Вследствие этого происходит диверсификация процесса этнизации, поскольку на этапе сформировавшегося кочевого ХКТ распространение и развитие общеномадных хозяйственных и культурных стереотипов, конвергентно имевшее место в предшествующий период, достигло своего объективного предела, за порогом которого начинается в основном дивергенция и возрастание этнической специфики различных элементов культуры (Вайнштейн, 1973 С. 8—11 и др.). Иначе говоря, в течение I тысяч. до н. э. и первой половины I тысяч. н. э. в основном развивалось культурно-историческое единство, порождаемое в эпоху увлажнения спонтанным процессом генезиса номадизма на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, т. е. происходило накопление этноинтегрирующих черт культуры, а социокультурная специфика проявлялась в отживающих свой век субстратных элементах, связанных с особенностями социально-экономического функционирования в каждом регионе. На этой основе возникает в среде номадов идеология хозяйственно-культурного оппозиционирования по отношению к оседло-земледельческим народам. Так, одна из основных заповедей мировоззрения огузов, приписываемая мифическому родоначальнику всех тюркских народов Огуз-кагану и, по-видимому, восходящая к духовной культуре хунну, юечжи, усуней и других номадов рубежа нашей эры, гласила: «Передвигайтесь, не будьте оседлыми; кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и побережьям (рек), не зная недостатка» (цит. по: Агаджанов, 1969. С. 113). Исключительная важность этого изречения для мировосприятия тюрков-кочевников подтверждается тем, что принципы и нормы общественной жизни, приписываемые Огуз-кагану, являлись на протяжении многих столетий идеологическим канонем для всех тюрков Евразии (см.: Юдин, 1983 и др.).

С середины и особенно со второй половины I тысяч. н. э. резко возрастает этнодифференцирующая роль различных элементов ХКТ номадов, поскольку акцент из сферы хозяйственных занятий смещается в более подвижную и подверженную наибольшей проницаемости сферу материальной, бытовой и духовной культуры, когда специфика социокультурного развития проявляется в адаптации указанных элементов культуры к сформировавшемуся типу хозяйства. И не случайно, что именно в этот период происходит едва ли не всеобщая тюркизация языка всех номадов Евразии, сращение шаманизма с исламом и т. д. С этого времени по нарастающей ли-

нии происходит накопление уже не этноинтегрирующих в масштабах всей кочевой зоны признаков в сфере хозяйства, а этнодифференцирующих в основном в сфере традиционно-бытовой культуры и в масштабах локальных социокультурных общностей. Иначе говоря, этногенетический процесс сегментируется в пространственном отношении, что обуславливает при идентичном типе деятельности и в силу специфических особенностей среды обитания в различных ареалах, появление разнородных социокультурных стереотипов, традиций, разнообразных эвадаптивных механизмов, тенденции к оппозиционированию формирующихся кочевых народов друг другу.

В этой связи несомненный интерес вызывает экологический аспект процесса этнизации. Так, например, ибн-Батута сообщает о кочевниках Дашт-и Кыпчака: «Дешт... на тюркском языке значит степь. Степь эта зеленая, цветущая, (но) нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут они (жители ея) только (сухой) помет... Видишь, как (даже) старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе как на телегах, а разстилается она на шесть месяцев пути...» (СМИЗО. Т. I. С. 279). И далее о кыпчаках: «Тюрки эти не едят ни хлеба, ни плотной пищи, а готовят еду из какого-то (водящегося) у них (проса)...» (СМИЗО. Т. I. С. 283). При этом Яса Чингис-хана, ставшая идеологической доктриной всех кочевников Евразии, запрещала переход номадов на оседлость (Бартольд. Т. V. С. 173).

После «монгольского» нашествия, в котором участвовали как тюркские (основное ядро), так и монгольские кочевники-скотоводы, продолжается накопление однородных признаков на базе общего процесса нивелировки их особенностей в Казахстанском ареале, т. е. наступает третий этап развития процесса **этногенеза**. Если в древнетюркско-кыпчакское время (VI—XII вв.) происходило накопление специфических этнодифференцирующих свойств и черт, так сказать, от своего истока, то к началу XIII в. различные этнокультурные группы приходят с находящимся в завершающей фазе генеза комплексом социокультурных признаков. Так, в частности, в Восточном Дашт-и Кыпчаке кыпчакская народность достигла, несомненно, большой степени однородности (Ахинжанов, 1989 и др.), тогда как мигрировавшие сюда тюрко-монгольские общности, также достигнув этнокультурного единства на территории Центральной Азии в иной экологической и историко-культурной ситуации, значительно отличались как друг от друга, так и от кыпчаков. Иначе говоря, процесс этногенеза кочевых народов Евразии является своего рода зеркальным отражением процесса эволюции кочевого хозяйственно-культурного типа (см. параграф 1.2), преломляясь сквозь призму его приспособления к специфическим условиям среды обитания в каждой данной экологической нише посредством традиционных субстратно-эвадаптивных механизмов на каждом новом витке технологических циклов. Эта глубоко прослеживаемая сопряженность социокультурных и общественно-экономических процессов обуславливала прямую зависимость этнокультурных явле-

ний от социально-хозяйственных и прежде всего от образа жизни, наиболее сильно воздействующего фактора на формирование этнической общности (Капо-Рей, 1958. С. 191—192 и др.).

В этой связи принципиальное значение имеет анализ природы и характера процессов социокультурного взаимодействия местного, аборигенного субстрата и пришлого суперстрата, поскольку Казахстан с древнейших времен и вплоть до нового времени постоянно являлся объектом агрессии и экспансии со стороны многочисленных племен центральноазиатского происхождения. Несмотря на общность основных принципов системы материального производства кочевников Казахстана, Центральной Азии и Понто-Каспийского региона, мы должны учитывать базирующуюся на натурально-потребительской автаркии специфику производственного процесса в казахстанском ареале, которая обуславливала направленность параметров этнокультурного взаимодействия пришлых и аборигенных групп населения. Поскольку система материального производства местного субстрата была в наибольшей степени приспособлена к природно-климатическим условиям данной экологической ниши, то она, а следовательно, и материальная культура, весь образ и уклад жизни, как и способ производства, практически не были подвержены воздействию извне и являлись сильнейшим доминантным фактором, способствующим ассимиляции иммигрантов в доиндустриальную эпоху. Вследствие этого местный субстрат постоянно как бы интродуцирует, вбирает, поглощает, ассимилирует центральноазиатских мигрантов. Так, например, Ал-Омари сообщает, что «в древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары, то кыпчаки сделали их подданными. Потом татары смешались и породнились с ними (кыпчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто бы одного с ними рода, от того, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)» (СМИЗО. Т. I. С. 235).

В свою очередь, такие малоадаптированные к условиям жизнедеятельности и среде обитания элементы культуры, как язык и духовная культура, в наибольшей степени были подвержены проникновению инноваций и аккультурации. Собственно, на этом и базируются процессы ассимиляции и интеграции. Достаточно вспомнить интенсивно протекавшие в I тысяч. н. э. процессы утраты иранских языков и постепенной тюркизации местного населения мигрантами, исламизации и т. п. Отсюда — заданность параметров этнокультурного взаимодействия в доиндустриальную эпоху и огромная роль местного субстрата в этногенетической истории рассматриваемого ареала как носителя жизненно наиболее важного слоя адаптивного механизма культуры в хозяйственно-экономической сфере и стратегии природопользования, тогда как в сфере языка и духовной культуры ассимиляционно-интеграционные процессы регулировались не в меньшей мере потестарно-политическими факторами.

Как нам представляется, именно в свете данной методологической посылки следует исследовать процесс формирования социокультурных ориентаций, традиционных способов и механизмов взаимодействия субстрата, суперстрата и адстрата. Здесь важно подчеркнуть, что социокультурные общности и в том числе этносы представляют собой открытые динамичные системы, которые инкорпорируя иноэтнические группы, постоянно стремятся к равновесию со средой обитания, достижению эвадаптивной стратегии природопользования. Внутри же этой адаптивной системы постоянно усложняются и дифференцируются составные части, поскольку именно с помощью механизма обратной связи постоянно протекают взаимоотношения с окружающей средой. (Вереш, 1985. С. 115). «Среда,— отмечает В. П. Алексеев,— не влияет на производственную деятельность прямо — учет ее специфики хозяйственным коллективом преобразует его информационное поле, уже через него вносятся в производственный процесс соответствующие полезные изменения» (Алексеев, 1984. С. 363).

Этногенетический процесс на территории Казахстана вступил в фазу кристаллизации в середине II тысяч. н. э. в связи с функционированием ряда потестарно-политических объединений, которые детерминировали образование новой социокультурной общности — казахов (Вельяминов-Зернов, 1864; Красовский, 1868; Асфендиаров, 1935; Бернштам, 1949; Шахматов, 1950; Адильгиреев, 1951; Ахинжанов, 1957; Пищулина, 1977 и др.). Именно у казахов принцип хозяйственной и культурной оппозиции проявлялся наиболее ярко. Так, еще в позднесредневековую эпоху Касым-ханом, считающимся объединителем всех кочевых казахских племен, была дана едва ли не исчерпывающая характеристика казахскому социокультурному образованию: «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений — пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» (МИКХ. С. 226).

Таким образом, доминанта кочевого типа хозяйственной деятельности обеспечила историческую преемственность позднесредневековых социокультурных образований, их этногенетическую связь с древними и раннесредневековыми насельниками региона. При этом аккумуляционные процессы неоднократно затормаживались и нередко прерывались миграционными явлениями, в основном нашествиями кочевников центральноазиатского происхождения. Но главной определяющей чертой этногенетического процесса являлись непрерывность и преемственность, достаточно надежно прослеживающиеся в формах хозяйства и организации системы материального производства. Внешним по отношению к этногенезу гарантом непрерывности являлась среда обитания, которая обуславливала преемственность навыков и технологических приемов в сфере хозяйства и культуры.

Иначе говоря, кочевой образ жизни казахов явился главным этноинтегрирующим фактором их формирования и сложения в целостную социокультурную общность. Одновременно именно кочевничество являлось стержневым системным качеством, дифференцирующим казахов от всех других социокультурных образований Средней Азии, Западной Сибири, Алтая и Юго-Восточной Европы. В случае утраты признаков номадизма и выпадения из процесса кочевания имела место и утеря специфического социокультурного (кочевого) самосознания и соответственно этнонима «казах». Так, на протяжении всего позднего средневековья и нового времени происходило оседание казахов на периферии кочевого ареала, что приводило либо к возникновению каких-то специфических этнокультурных группировок, например, узбеков, курама и т. п., либо к их инкорпорации в состав проживающих на окраинах Казахстана населения: в частности, казачества, башкиров, сартов и т. п. (см., например: Хорошкин, 1874. С. 319 и др.).

Фактически мы можем с полным правом говорить о существовании на протяжении XVI—начала XX вв. достаточно однородной социокультурной общности, возникшей на базе кочевого образа жизни, — казахах с достаточно развитым чувством группового самосознания. Выдающийся русский ученый акад. В. В. Радлов в этой связи заметил, что мы «...должны констатировать, что в настоящее время и в языковом, и в социально-политическом отношениях киргизы представляются настолько как бы сплывшимися в одно нераздельное и прочное целое, что мы вправе их называть особым народом, так как им в высшей степени присуще чувство национального единства и крепкой взаимной спайки» (Радлов, 1929. С. 21. См. также: Радлов, 1887. С. 22; Он же, 1989. С. 111). И далее он уточняет: «...Всюду бросается в глаза единообразие их обычаев, привычек, быта, характера и повсюду их резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казаков...» (Радлов, 1989. С. 250).

Таким образом, этничность казахов была рождена хозяйственно-культурной оппозицией «кочевник — некочевник», поскольку интеграция осуществлялась главным образом типом хозяйства и образом жизни, а дифференциация проходила по социокультурному водоразделу. Тем более, что не соответствующие социокультурному стереотипу и «идеальному стандарту» кошпелі (номада) просто-напросто отторгались за пределы казахской общности. Иначе говоря, сама этничность стала атрибутом хозяйственно-культурной обособленности казахов. Точно так же, как вплоть до недавнего времени государственность превалировала над этничностью в Западной Европе, а конфессиональность — на Востоке, так и у кочевников хозяйственно-культурная специфика доминировала в системе ценностных ориентаций (см. в этой связи: Крюков, 1989; Арутюнов, 1989; он же, 1989а; Андрианов, 1989; Руденский, 1989; Шнирельман, 1989 и др.). Только после оседания казахов этническое самосознание заменяет хозяйственно-культурное и становится самодостаточной ценностью.

ТАБЛИЦЫ

Численность и хозяйство казахов по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Таблица 1

Область	Численность и удельный вес казахского на- селения	Число и уде- льный вес ка- захов, зани- мающихся скотоводством	Число и уде- льный вес ка- захов, зани- мающихся земледелием	Число и уде- льный вес ка- захов, прожи- вающих в городах
Уральская	460173 71,3	400967 87,1	42877 9,3	3014 0,6
Тургайская	410904 90,6	389167 94,7	17027 4,1	1352 0,3
Акмолинская	427389 62,6	402369 94,1	11361 2,6	6758 1,5
Семипалатинская	604564 88,3	484334 80,0	79195 13,0	16030 2,6
Семиреченская*	515001 77,5	325492 63,2	173931 33,7	4611 0,8
Сырдарьинская**	741811 88,7	437806 59,0	287434 38,7	8066 1,0
Мангышлакский уезд	63795 93,0	62810 98,4	72 0,1	327 0,5
Внутренняя орда	207299 96,5	202230 97,5	521 0,2	— —
Итого	3430936 80,7	2705175 78,7	612418 17,8	40158 1,1

Источник: ПВПН. Вып. 88. Уральская область. СПб., 1904. С. 1—3, 48—49, 87; Вып. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 1—3, 38—39, 71; Вып. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 1—3, 50—51, 91; Вып. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 1—3, 54—55, 97; Вып. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 1—3, 52, 109, 111, 113 115 117, 119, 121; Вып. 86. Сырдарьинская область. СПб., 1905. С. 1—3, 56, 148, 152, 156, 160, 164, 168, 172; Вып. 82. Закаспийская область. СПб., 1904. С. 54—55, 133; Вып. II. Астраханская губерния. СПб., 1904. Тетрадь 2. С. IV, 42—43 и др.

* Без Пишпекского и Пржевальского уездов.

** Без Ташкентского уезда и Амударьинского отдела.

Таблица 2

**Численность и удельный вес основных видов домашнего скота в Казахстане
на рубеже XIX—XX вв.**

(в числителе — число скота, в знаменателе — процент)

Уезды	Лошади	Крупный рогатый скот	Верблю- ды	Овцы	Козы
1	2	3	4	5	6
Акмолинский	285856	208525	19775	463411	46650
	28,0	20,4	1,9	45,2	4,5
Актюбинский	166709	349586	21312	532870	128910
	13,9	29,2	1,7	44,5	10,7
Атбасарский	186793	77238	53955	525949	36063
	21,2	8,8	6,1	59,8	4,1
Аулие-Атинский	230412	154792	74338	1476627	308367
	10,3	7,0	3,3	65,7	13,7
Верненский	156541	91147	24840	1118663	148302
	10,2	5,9	1,6	72,7	9,6
Внутренняя орда	230799	378876	122243	1014361	190680
	12,0	19,7	6,3	52,7	9,3
Гурьевский	52606	58372	78178	464583	20673
	7,7	8,6	11,5	69,2	3,0
Джаркентский	122499	92130	3829	836508	86039
	11,0	8,0	0,3	73,2	7,5
Зайсанский	105389	53186	11421	656178	48642
	12,1	6,1	1,3	75,0	5,5
Иргизский	143161	93493	88548	553397	70827
	15,0	10,3	9,2	58,1	7,4
Казалинский	72963	82005	132940	634019	109629
	7,0	8,0	12,9	61,5	10,6
Капальский	164479	110326	25306	1141586	182227
	10,1	6,8	1,6	70,3	11,2
Каркаралинский	181401	94947	18641	584146	57245
	9,4	10,2	2,0	62,3	6,1
Кокчетавский	185527	105532	646	239064	66977
	31,0	17,6	0,2	40,0	11,2
Кустанайский	269160	269220	8873	368626	94295
	26,6	26,7	0,9	36,5	9,3

(продолжение)

1	2	3	4	5	6
Лбищенский	63619	135793	18815	463952	86719
	8,8	17,9	2,5	60,0	11,3
Лепсинский	125287	88813	16317	687273	102980
	12,3	8,7	1,6	67,3	10,1
Мангышлакский	80110	1368	71700	1492325	118631
	4,6	0,1	4,0	34,6	6,7
Омский	123468	90158	902	113866	13207
	36,1	26,3	0,3	33,4	3,9
Павлодарский	303586	310545	16003	598621	59361
	23,8	24,0	1,2	46,4	4,6
Перовский	79123	119512	119573	747967	236964
	6,1	9,1	9,2	57,4	18,2
Петропавловский	113981	91857	326	129979	26239
	31,4	25,4	0,1	35,8	7,2
Семипалатинский	173069	114358	11894	528056	49674
	19,7	13,0	1,4	60,2	5,7
Темирский	68767	128421	42367	332814	59518
	11,0	20,3	6,7	52,6	9,4
Тургайский	171555	161589	51945	738191	108157
	13,9	13,1	4,2	60,0	8,8
Уральский	78201	156133	10634	328155	54828
	12,4	24,9	1,7	52,3	8,4
Усть-Каменогорский	106587	49640	2190	331420	48180
	19,8	9,2	0,4	61,3	9,3
Чимкентский	67768	79070	125921	1194756	635073
	3,3	3,7	6,0	56,8	30,2

Источник: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 94—97.

Удельный вес хозяйств, не имеющих скота в %

Таблица 3

У е з д ы	Не имеют лоша- дей	Не имеют круп- ного рогатого скота	Не имеют овец	Не имеют коз	Не имеют верблю- дов	Не имеют вообще скота
Акмолинский	5,5	2,0	47,7	71,8	67,4	0,2
Актюбинский	4,6	1,2	56,5	66,4	68,9	0,7
Атбасарский	4,7	19,9	34,5	74,1	24,9	0,1
Аулие-Атинский	12,8	—	—	—	—	4,9
Верненский	4,3	27,2	33,0	65,8	65,7	1,3
Внутренняя орда	—	—	—	—	—	—
Джаркентский	7,7	5,7	31,3	68,5	87,9	0,9
Зайсанский	11,5	14,5	36,0	69,0	68,0	—
Иргизский	16,2	22,0	43,7	62,4	25,3	0,6
Казалинский	23,6	50,2	53,4	72,7	27,4	2,5
Капальский	7,6	24,8	34,4	63,3	61,5	1,4
Каркаралинский	5,2	8,4	33,6	67,8	53,9	—
Кокчетавский	3,1	2,2	45,6	50,3	98,6	0,7
Кустанайский	1,2	1,3	49,8	55,3	89,0	0,2
Лбищенский	23,6	11,9	51,5	57,2	69,7	2,9
Лепсинский	9,7	15,3	34,0	63,4	71,1	1,1
Омский	1,0	0,4	27,3	53,5	75,6	0,1
Павлодарский	3,9	0,5	50,4	72,0	76,5	0,1
Перовский	20,4	36,5	64,3	62,7	48,3	2,7
Петропавловский	1,5	0,7	47,2	64,0	99,5	0,2
Семипалатинский	7,3	8,8	49,4	74,1	75,3	0,6
Темирский	20,0	18,0	48,7	48,7	52,2	1,1
Тургайский	2,1	5,0	27,9	27,9	39,1	0,1
Уральский	12,8	2,6	47,8	47,8	79,0	1,2
Усть-Каменогор- ский	4,3	10,0	39,0	56,0	91,0	0,6
Чимкентский	21,2	55,6	45,2	36,0	31,3	3,2

Источник: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. С. 98—101.

Группировка хозяйств по степени обеспеченности скотом (в процентах)

Уезды	Хозяйства, имеющие до 5 лошадей	Хозяйства, имеющие от 6 до 10 лошадей	Хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей	Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	53,2	19,1	18,3	5,5	3,9
Актюбинский	86,1		9,8	2,8	1,2
Атбасарский	51,7	19,0	19,4	6,3	3,3
Аулие-Атинский	76,4	—	—	—	1,8
Зайсанский	81,5	10,2	5,6	1,7	0,9
Иргизский	76,8	9,2	8,9	2,9	2,0
Казалинский	89,5	—	—	—	0,4
Каркаралинский	67,0	15,6	11,6	3,6	2,0
Кокчетавский	50,4	24,1	17,7	4,7	2,9
Кустанайский	55,9	18,8	16,7	5,6	3,7
Лбищенский	89,2	5,6	3,7	1,0	0,4
Омский	45,5	20,9	21,5	7,3	4,6
Павлодарский	56,2	19,2	15,6	4,8	3,6
Перовский	90,3	—	—	—	0,8
Петропавловский	62,6	19,9	12,7	3,1	1,6
Семипалатинский	78,0	10,1	7,4	2,6	1,8
Темирский	87,5	5,4	4,8	1,6	0,6
Тургайский	63,2	15,6	14,6	4,5	1,9
Уральский	85,2	8,6	1,6	3,0	1,4
Усть-Каменогорский	75,2	13,7	8,0	2,0	1,1
Чимкентский	93,9	—	—	—	0,2

Источник: см. сноску к таблицам 3 и 5.

Группировка хозяйств по степени обеспеченности скотом

Уезды	Хозяйства, имеющие до 10 лошадей		Хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей		Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей		Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей	
	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы
Акмолинский	72,3	34,9	18,3	23,5	5,5	13,8	3,9	27,6
Актюбинский	86,1	55,0	9,8	21,8	2,8	11,3	1,2	11,7
Атбасарский	70,8	38,4	19,4	25,3	6,3	15,7	3,3	20,4
Зайсанский	91,7	60,0	5,6	16,5	1,7	10,0	0,9	13,4
Каркаралинский	82,7	45,5	11,6	21,6	3,6	13,1	2,0	19,7
Кокчетавский	74,5	—	17,7	—	4,7	—	2,9	—
Кустанайский	74,7	30,3	16,7	22,0	5,6	15,0	3,7	32,6
Омский	66,5	28,1	21,5	24,7	7,3	16,5	4,6	30,6
Павлодарский	75,9	36,9	15,6	21,0	4,8	12,7	3,6	29,1
Петропавловский	82,5	46,9	12,7	24,4	3,1	11,8	1,6	16,8
Семипалатинский	88,1	48,9	7,4	16,7	2,6	11,3	1,8	23,0
Усть-Каменогорский	88,9	56,3	8,0	18,8	2,0	9,2	1,1	15,5

Источник: МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382—388; МКЗ. Т. VII. Порайонная таблица. С. 62—70; МКЗ. Т. II. Поаульные таблицы. С. 344—351; МКЗ. Т. VIII. Комбинационная таблица. С. 22—25; МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы. С. 686—693; МКЗ. Т. I. Поаульные таблицы. С. 396; МКЗ. Т. V. Порайонная таблица. С. 92—96; МКЗ. Т. XI. Поаульные таблицы. С. 142—149; МКЗ. Т. IV. Поаульные таблицы. С. 340—349; МКЗ. Т. XII. Групповая таблица. С. 60—66; МКЗ. Т. X. Таблица статистических сведений о хозяйствах. С. 22—25; МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290—297. Подсчет наш — авт.

Таблица 5

(продолжение)

Группировка хозяйств по степени обеспеченности скотом в процентах

Группировка	Капаль- ский уезд	Джар- кент- ский уезд	Вернен- ский уезд	Лепсин- ский уезд
I. Хозяйства, имеющие до 15 еди- ниц скота:	73,9	59,3	67,8	79,2
им принадлежит скота:	31,5	19,1	26,8	
II. Хозяйства, имеющие от 16 до 25 единиц скота:	13,3	16,6	14,9	11,3
им принадлежит скота:	17,8	15,5	17,9	
III. Хозяйства, имеющие от 26 до 50 единиц скота:	9,4	15,3	11,6	6,7
им принадлежит скота:	22,2	25,3	24,9	
IV. Хозяйства, имеющие от 51 до 100 единиц скота:	3,2	6,0	4,3	2,1
им принадлежит скота:	15,3	19,8	18,1	
V. Хозяйства, имеющие свыше 100 единиц скота:	1,1	2,5	1,2	0,8
им принадлежит скота:	13,1	20,1	12,1	

Источник: МОТ. Т. II. Таблицы. С. 510—525; МОТ. Т. III. Таблицы. С. 372—377; МОТ. Т. IV. Таблицы. С. 430—437; МОТ. Т. I. Таблицы. Подсчет наш — авт.

Таблица 6

Коэффициент социального неравенства по степени общей обеспеченности скотом

Уезды	Коэффи- циент Джини	Коэффици- ент Лоренца
Акмолинский	0.441	37.2
Актюбинский	0.435	31.2
Атбасарский	0.381	32.3
Верненский	0.489	41.0
Джаркентский	0.524	41.3
Зайсанский	0.330	38.2
Капальский	0.474	41.8
Қарқаралинский	0.404	37.8
Кустанайский	0.507	44.0
Омский	0.466	38.4
Павлодарский	0.449	38.7
Петропавловский	0.386	35.8
Семипалатинский	0.416	41.7
Тургайский	0.482	36.6
Усть-Каменогор- ский	0.345	36.6

Коэффициент социального неравенства по степени обеспеченности конским поголовьем

Уезды	Коэф- фициент Джини	Уезды	Коэф- фициент Джини
Акмолинский	0.660	Каркаралинский	0.648
Верненский	0.546	Капальский	0.558
Джаркентский	0.666	Семипалатинский	0.683
Зайсанский	0.605	Усть-Каменогор- ский	0.591

Таблица 7

Степень монополизации скота классом богатых скотовладельцев (%)

Группировка	Акмо- линс- кий уезд	Зай- сан- ский уезд	Карка- ралин- ский уезд	Петро- павло- вский уезд	Семипала- тин- ский уезд	Усть- Камене- гор- ский уезд
I. Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей	5,5	1,7	3,6	3,1	2,6	2,0
Им принадлежит:						
лошадей	16,1	13,4	16,0	13,6	14,8	11,7
овец	15,2	9,9	14,1	12,7	10,9	9,2
верблюдов	14,4	10,8	12,3	9,8	11,7	12,9
крупного рогатого скота	8,5	3,3	5,5	8,2	5,4	3,7
II. Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей	3,9	0,9	2,0	1,6	1,8	1,1
Им принадлежит:						
лошадей	38,8	22,9	28,8	22,3	34,7	24,1
овец	23,8	10,2	15,7	14,3	19,4	9,5
верблюдов	27,4	12,8	14,2	77,3	20,7	19,6
крупного рогатого скота	9,4	3,3	5,0	8,0	6,0	5,0

Источник: МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382—388; МКЗ. Т. VIII. Комбинационная таблица. С. 22—25; МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы. С. 686—693; МКЗ. Т. XII. Групповая таблица статистических сведений с группировкой хозяйств. С. 60—66; МКЗ. Т. X. Таблица статистических сведений о хозяйствах. С. 22—25; МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290—297. Подсчет наш — авт.

Таблица 8

Количество скота по видам, которое приходится в среднем на одно хозяйство, по группам в зависимости от степени обеспеченности скотом

(в числителе — лошади, в знаменателе — крупный рогатый скот)

Уезды	Хозяйства, имеющие до 5 лошадей	Хозяйства, имеющие от 6 до 10 лошадей	Хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей	Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей
1	2	3	4	5	6
Акмолинский	2,4	9,9	20,3	44,7	167,5
	9,0	10,2	13,0	17,1	27,3
Атбасарский	2,5	10,1 (?)	20,4	44,6	133,7
	4,2	5,8	7,8	9,9	15,2
Зайсанский	1,9	9,8	20,6	45,7	150,0
	2,7	3,4	4,3	5,7	11,1
Каркаралинский	2,2	9,6	20,1	43,3	136,1
	4,5	5,3	6,5	7,9	12,6
Кокчетавский	3,2	10,2 (?)	20,6	45,2	164,7
	5,2	7,8	11,6	18,4	32,8
Кустанзайский	2,5	9,1	19,2	41,9	156,5
	6,3	9,4	13,3	21,7	51,3
Омский	3,2	10,5 (?)	21,2	45,4	160,9
	8,3	11,7	16,5	25,1	46,3
Павлодарский	2,5	9,3	19,1	41,9	162,4
	10,4	13,6	17,4	24,2	48,7
Петропавловский	1,6	9,7	20,0	43,4	139,9
	5,3	8,5	13,1	21,2	40,5
Семипалатинский	1,9	9,7	20,5	45,1	153,6
	4,3	7,0	8,3	11,0	17,6
Усть-Каменогорский	2,6	9,5	19,7	44,0	152,2
	3,2	3,5	4,7	6,5	14,7

В числителе — овцы, в знаменателе — единиц скота

Акмолинский	9,4	19,6	35,0	68,2	153,2
	9,5	18,3	31,6	60,9	174,8
Атбасарский	18,2	31,7	56,2	105,3	228,0
	13,1	22,7	37,9	71,6	177,0
Зайсанский	19,7	66,8	118,0	210,3	417,0
	7,1	22,0	39,9	77,4	200,3

(продолжение)

в числителе — овцы, в знаменателе — единиц скота

1	2	3	4	5	6
Каркаралинский	13,8	34,5	60,5	121,4	236,3
	7,4	17,6	31,7	62,6	163,4
Кокчетавский	4,4	14,0	33,3	69,9	143,3
	3,4	11,2	24,8	53,2	146,7
Кустанайский	6,9	15,8	29,4	59,4	197,3
	5,4	13,5	23,0	42,7	90,0
Омский	7,9	16,2	28,7	56,1	172,9
	8,7	22,7	43,6	89,4	190,5
Павлодарский	9,8	20,0	34,9	67,8	206,5
	3,8	13,5	27,0	46,4	102,9
Петропавловский	6,1	14,6	27,7	54,5	152,7
	12,1	31,7	58,8	101,9	262,5
Семипалатинский	6,5	17,6	31,6	60,3	178,9
	13,3	32,3	59,9	108,4	186,7
Усть-Каменогорский	6,8	15,5	28,7	57,8	162,4

Источник: МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382—388; МКЗ. Т. II. Поаульные таблицы. С. 344—351; МКЗ. Т. VIII. Комбинационная таблица. С. 22—25; МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы. С. 686—693; МКЗ. Т. I. Поаульные таблицы. С. 396—403; МКЗ. Т. V. Порайонная таблица. С. 92—96; МКЗ. Т. XI. Поаульные таблицы. С. 142—149; МКЗ. Т. IV. Поаульные таблицы. С. 340—349; МКЗ. Т. XII. Групповая таблица статистических сведений с группировкой хозяйств. С. 60—66; МКЗ. Т. X. Таблица статистических сведений о хозяйствах. С. 22—25; МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290—297. Подсчет наш — авт.

Таблица 9

Хозяйства, берущие скот на выпас в саун (%)

Уезды	Хозяйства, имеющие до 5 лошадей	Хозяйства, имеющие 6-10 лошадей	Хозяйства, имеющие 11-25 лошадей	Хозяйства, имеющие 26-50 лошадей	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	3,3	0,9	0,5	0,4	0,5
Зайсанский	11,3	1,2	0,2	—	—
Каркаралинский	6,0	0,9	0,1	—	—
Кустанайский	6,9	1,5	0,6	0,01	—
Омский	8,0	2,4	0,9	—	—
Петропавловский	9,7	1,1	0,2	—	—
Семипалатинский	6,2	1,5	0,2	—	—
Усть-Каменогорский	3,8	0,6	0,08	—	—

Источник: см. сноску к таблице 8.

Хозяйства, нанимающие и выделяющие батраков (%)

(в числителе — нанимают работников, в знаменателе — выделяют)

Уезды	Хозяйства имею- щие до 5 лошадей	Хозяйства имею- щие 6-10 лошадей	Хозяйства имею- щие 11-25 лошадей	Хозяйства имею- щие 26-50 лошадей	Хозяйства имею- щие свыше 50 лошадей
Акмолинский	9,6	24,8	49,5	74,8	92,9
	19,4	7,1	2,2	0,6	—
Актюбинский	—	—	78,5	94,6	100,0
	—	—	0,7	—	—
Атбасарский	1,3	8,2	23,2	62,2	88,1
	15,9	7,1	3,3	0,3	—
Зайсанский	5,6	26,8	53,2	80,2	96,8
	24,8	6,3	3,9	3,5	4,9
Каркаралинский	3,0	14,7	39,9	73,4	93,4
	29,3	8,4	3,2	0,4	—
Кокчетавский	0,7	7,5	31,3	67,1	82,7
	14,3	24,2	48,2	81,1	98,1
Кустанайский	30,6	9,0	2,4	0,2	—
	—	—	—	—	—
Омский	6,3	19,8	41,5	61,4	88,6
	51,4	26,5	11,6	4,4	0,3
Павлодарский	1,6	9,5	31,4	70,5	94,0
	—	—	—	—	—
Петропавловский	5,7	22,6	39,0	84,3	97,7
	—	—	—	—	—
Семипалатинский	14,3	27,6	54,3	85,2	97,9
	44,5	21,8	7,2	1,4	0,7
Усть-Каменогорский	11,5	22,6	43,2	76,7	94,8
	58,7	24,9	11,8	3,0	0,5

Источник: см. сноску к таблице 8.

Таблица 11

Хозяйства, имеющие посевы и занимающиеся промыслами (%)
 (в числителе — хозяйства с посевами, в знаменателе — с промыслами)

Уезды	Хозяйства имеющие до 5 лошадей	Хозяйства имеющие 6-10 лошадей	Хозяйства имеющие 11-25 лошадей	Хозяйства имеющие 26-50 лошадей	Хозяйства имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	62,6 27,6	61,2 14,1	63,3 8,4	55,8 6,7	47,5 5,2
Актюбинский			16,4	21,5	27,0
Атбасарский	22,1	11,9	6,3	2,5	2,3
Зайсанский	72,6 18,3	73,3 5,1	71,9 3,5	70,0 3,2	74,5 4,3
Карқаралинский	11,8 35,1	11,2 13,1	13,2 8,6	13,4 5,1	14,4 6,2
Кокчетавский	54,4	33,8	15,6	6,0	4,3
Кустанайский	40,9	23,1	17,9	17,5	18,1
Омский	78,1	58,7	43,6	29,7	21,9
Павлодарский	42,1	21,7	12,6	5,5	8,2
Петропавловский	21,2	27,8	33,6	39,4	33,7
Семипалатинский	49,3	53,3	49,6	44,1	41,1
Усть-Каменогорский	73,6 65,2	77,0 30,9	78,3 17,2	77,0 11,6	69,5 9,1

Источник: см. сноску к таблице 8.

Таблица 12

Распространение земледелия и оседлости

Уезды	Год обследования	Общее число хозяйств	Земледелие		Оседлость	
			Число хозяйств с посевами	%	Число оседлых хозяйств	%
Акмолинский	1896/1900	18643	11462	61,4	798	4,2
Актюбинский	1898/99	17689	16703	94,4	—	—
Атбасарский	1897	12837	3938	30,6	823	6,4
Аулие-Атинский	1907/09	35283	32507	92,1	17606	49,9
Верненский	1911	26794	21238	79,2	4092	15,2
Джаркентский	1910	14594	9968	68,5	529	3,6
Зайсанский	1899	17784	12889	72,4	2410	13,5
Иргизский	1911	17328	3970	22,9	—	—
Казалинский	1911	24223	12088	49,9	13842	57,1
Капальский	1909/10	31931	26027	81,5	9001	28,1
Каркаралинский	1898/99	19016	3265	17,1	836	4,3
Кокчетавский	1896	12498	2782	22,2	581	4,6
Кустанайский	1898	19474	15048	77,2	144	0,7
Лбищенский	1912	17939	8435	47,0	—	—
Лепсинский	1909	26301	20450	77,7	7883	28,0
Омский	1901	6593	206	3,1	—	—
Павлодарский	1897	21837	5291	24,2	687	3,1
Перовский	1910	23689	17722	74,8	14494	61,2
Петропавловский	1901	11399	2843	24,9	527	4,6
Семипалатинский	1899/1900	21512	10665	49,5	2480	11,5
Темирский	1908	16616	10434	77,9	—	—
Тургайский	1908	15344	3355	21,8	—	—
Уральский	1904/06	12620	10503	85,1	—	—
Усть-Каменогорский	1900	15100	10488	69,4	1502	9,9
Чимкентский	1907/08	29526	23802	80,6	13729	46,5

Источник: см. сноски к таблицам 2 и 5.

Таблица 13

Средний размер запашки в расчете на одно сеющее хозяйство (десятин)

Акмолинский уезд	— 2,1	Актюбинский уезд	— 6,1
Атбасарский уезд	— 1,5	Аулие-Атинский уезд	— 4,5
Верненский уезд	— 3,4	Джаркентский уезд	— 0,9
Зайсанский уезд	— —	Казалинский уезд	— 1,9
Капальский уезд	— 2,0	Каркаралинский уезд	— 2,1
Кокчетавский уезд	— 2,0	Кустанайский уезд	— 3,6
Лбищенский уезд	— 3,6	Лепсинский уезд	— 1,7
Омский уезд	— 1,8	Павлодарский уезд	— 1,6
Перовский уезд	— 1,7	Петропавловский уезд	— 2,1
Темирский уезд	— 3,7	Тургайский уезд	— 1,7
Усть-Каменогорский уезд	— 1,2	Чимкентский уезд	— 5,0

Число отсутствовавших и посторонних хозяйств

Уезды	Общее число хозяйств	Число отсутст- вовав- ших хо- зяйств	‰	Число посто- ронних хозяйств	%
Каркаралинский	19016	1480	7,7	556	2,9
Усть-Каменогорский	15100	1288	8,5	265	1,7
Зайсанский	21984	4200	19,1	—	—
Петропавловский	12470	1071	8,5	256	2,0
Джаркентский	17225	2631	15,2	—	—
Верненский	29844	3050	10,2	—	—
Лбищенский	25934	6097	23,5	—	—
Семипалатинский	23329	1817	7,7	883	3,7

Источник: см. сноски к предыдущим таблицам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абатуров Б. Д., Лопатин В. Н. Влияние пастбищного удаления фитомассы на продуктивность растительности// Млекопитающие в наземных экосистемах. Вопросы териологии.— М., Наука, 1985.— С. 27—37.
- Абдраимов С. А. Аридные пастбища Казахстана.— Алма-Ата, Кайнар, 1988.— 140 с.
- Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., Изд-во АН СССР, 1951.— С. 132—156.
- Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ.— 1970.— № 6. С. 61—72.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.— Л., Наука, 1971.— 403 с.
- Абрамзон С. М. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы). IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.— 20 с.
- Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // СЭ.— 1975.— № 6.— С. 28—41.
- Абрамов Н. А. Река Каратал, с ее окрестностями// ЗРГООГ.—1867.—Т. I.— С. 269—278.
- Абрамов Н. А. Город Копал с его округом, в 1862 году // ЗРГООГ.—1867а.— Г. I. С. 279—320.
- Абрамович Д. И., Арефьева В. Е., Иогансон В. Е. Реки и озера // Казахстан. Общая физико-географическая характеристика.— М.— Л., 1950.— С. 177—206.
- Абульханов Р. Ф. Принципы общественной организации производства (теория общественной формы труда К. Маркса).—М., МГУ, 1982.—176 с.
- Абусейтова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1985.—103 с.
- Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации: 1920—1930-е гг.—Алма-Ата, Наука, 1991.—240 с.
- Абылхожин Ж. Б., Қозыбаев М. К., Татинов М. Б. Демографическая катастрофа// ВИ.—1989.—№ 7.
- Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.—М., Наука, 1970.
- Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии.— М., Наука, 1979.—288 с.
- Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.— Ашхабад, Ылым, 1969.—295 с.
- Агг А. Мир человека как субъекта производства.— М., Прогресс, 1984.—199 с.
- Аггесс П. Ключи к экологии.— Л., Гидрометеиздат, 1982.—97 с.
- Агроценозы степной зоны.— Новосибирск, Наука, 1984.— 246 с.
- Адилгиреев Х. М. К истории образования казахского народа// ВАН КазССР,— 1951.—№ 1(70).— С. 81—96.

- Азиатский вестник.—1826.—№ 1.
- Акишев А. К. Искусство и мифология саков.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1984.—176 с.
- Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1972.— С. 31—46.
- Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские. (Общее и особенное в культуре). // Археологические исследования в Казахстане.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1973.— С. 43—58.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1963.—321 с.
- Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана.— Алма-Ата, Мектеп, 1979.— 160 с.
- Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции.— М., Наука, 1981.—240 с.
- Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века.— М., Наука, 1982.— С. 6—59.
- Алаев Л. Б. Проблема добуржуазных формаций на Востоке // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы.— М., Наука, 1988. С. 151—155.
- Александров Е. Пути кочевков киргизов Малой орды Перовского и Казалинского уездов // ТВ.—1884.—№ 51.
- Александров Н. Н. Земледелие в Сыр-Дарьинской области.— Ташкент, 1916.
- Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в странах Востока.— М., Наука, 1988.—168 с.
- Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека.— М., Мысль, 1977.—302 с.
- Алексеев В. П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // Природа.— 1975.— № 7.— С. 18—23.
- Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 32—55.
- Алексеев В. П. Становление человечества.— М., Политиздат, 1984.—462 с.
- Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас.— М., Мысль, 1985.—236 с.
- Алексеев В. П. Этногенез.— М., Высшая школа, 1986.—176 с.
- Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез.— М., Наука, 1989.—445 с.
- Алексеев Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870—1914 гг.).— Алма-Ата, Наука КазССР 1981.—111 с.
- Алекторов А. Е. Киргизы // ОЛ.—1886.— Ч. 13—20, 22—25.
- Алекторов А. Е. Скотоводство киргизов // ОЛ.—1888.—№ 17—19.
- Алекторов А. Е. Киргизы-казаки. Исторический очерк // ОЛ.—1889.—№ 30, 32, 42, 44, 45, 47, 50—52.
- Алекторов А. Е. Образ жизни киргизов // ОЛ.— 1890.—№ 16, 17.
- Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900.—969+14 с.
- Алитовский С. Н. Аграрный вопрос в современном Ираке.— М., Наука, 1966.—175 с.
- Аллиязов А., Викторов С. В., Пельт Н. Н. Экологические аспекты освоения пустыни Устюрт.— Ташкент, Фан, 1984.—125 с.
- Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // ЗООРГО.—1870.— Вып. 1.— С. 101—136.
- Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1959.— Ч. 1.—452 с.
- Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.). // СА.—1973.—№ 4.
- Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., Наука, 1981.— С. 10—23.
- Андреев И. Г. Описание Средней орды Киргис-Каисаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Кольванской

- и Тобольской губерний, крепостей дополнениями // НЕС.—1795—1796.— Ч. 110—118.
- Андреев И. Л. Происхождение человека и общества.— Изд. 2-е.— М., Мысль, 1988.—416 с.
- Андреанов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс// СЭ.—1968.—№ 2.
- Андреанов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия).— М., Наука, 1969.—254 с.
- Андреанов Б. В. Неоседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии.— М., Наука, 1978.— С. 119—122.
- Андреанов Б. В. Земледелие наших предков.— М., Наука, 1978а.—167 с.
- Андреанов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // СЭ.—1982.—№ 4.— С. 76—80.
- Андреанов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование).— М., Наука, 1985.—280 с.
- Андреанов Б. В. «Этническая непрерывность»: миф или реальность? // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 19. 1989.— М., Наука, 1989.— С. 18—21.
- Андреанов Б. В. Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989а.— С. 8—21.
- Андреанов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // ВИ.—№ 8.— С. 3—15.
- Аничков И. В. Очерки народной жизни северного Туркестана. Сборник.— Ташкент, 1899.— IV+148 с.
- Аничков И. В. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль.—1902.—№ 5.— Отд. II.— С. 50—73.
- Аннапесов М. Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв.— Ашхабад, Ылым, 1972.—283 с.
- Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества.— М., Мысль, 1982.—334 с.
- Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в.— М., Изд-во АН СССР, 1960.—456 с.
- Аполлова Н. Г. Опыт поливного земледелия казахов и каракалпаков в районах Сырдарьи и Амударьи в XVII—первой половине XIX в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР.— Сб. VII.— М., Наука, 1969.— С. 99—116.
- Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI—первой половине XIX в.— М., 1976.
- Аргынбаев Х. А. О казахском народном опыте по лечению болезней сельскохозяйственных животных.— Алма-Ата, Казсельхозгиз, 1963.— 52 с.
- Аргынбаев Х. А. Этнографические очерки по скотоводству казахов (на каз. яз.).— Алма-Ата, Наука КазССР, 1969.—171 с.
- Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов (историко-этнографический очерк). На каз. яз.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1973.—327 с.
- Аргынбаев Х. А. Некоторые особенности хозяйства казахов Копальского уезда Семиреченской области (в конце XIX — начале XX в.). // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1973а.— С. 154—160.
- Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— Алма-Ата, 1975.—130 с.
- Аргынбаев Х. А. Казахское прикладное искусство.— Алма-Ата, Онер, 1987.—127 с.
- Арешиян Г. Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии// Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 21—24.
- Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина.— Вып. III—IV.— СПб., 1894.— С. 391—486.

- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина.— Вып. III—IV.— СПб., 1896.— С. 277—456.
- Арманд Д. Л. Наука о ландшафте.— М., Наука, 1975.
- Арманд А. Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем.— М., Наука, 1988.— 264 с.
- Арнагельдыев А., Костюковский В. И. Пустыня Каракумы. Природа и человек.— М., Наука, 1985.— 161 с.
- Артамонов М. И. История хазар.— Л., Госэрмитаж, 1962.— 523 с.
- Артамонов М. И. Сокровища саков.— М., Искусство, 1973.— 279 с.
- Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник.— Вып. 1.— Л., ЛГУ, 1977.— С. 4—13.
- Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным).— М., Наука, 1987.— 199 с.
- Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 24—60.
- Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ.— 1981.— № 2.— С. 97—99.
- Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М. Наука, 1982.— С. 55—82.
- Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ.— 1982а.— № 1.— С. 8—21.
- Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры.— М., Наука, 1985.— С. 31—49.
- Арутюнов С. А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ.— 1986.— № 4.— С. 58—64.
- Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие.— М., Наука, 1989.— 247 с.
- Арутюнов С. А. Фантом безэтничности // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 19. 1989.— М., Наука, 1989а.— С. 22—24.
- Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 2.— М., Наука, 1972.— С. 19—29.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблемы соотношения // Проблемы типологии в этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 140—147.
- Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // СЭ.— 1983.— № 2.— С. 22—31.
- Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., Наука, 1984.— С. 19—33.
- Архив Маркса и Энгельса.— Т. V.— М., Политиздат, 1938.— 424 с.
- Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен).— М.,— Алма-Ата, Казахстанское краевое изд-во, 1935.— Т. I.— 262 с.
- Аткинсон Т. Путешествие в казахские степи // Простор.— 1972.— № 3.— С. 36—52.
- Афанасьев А. В. Зоогеография Казахстана.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1960.
- Афанасьев В. Г. Системность и общество.— М., Политиздат, 1980.— 386 с.
- Ахинжанов М. Б. Выступление // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.— С. 112—114.
- Ахинжанов М. Б. Об этногенезе казахского народа (на каз. яз.).— Алма-Ата, 1957.— 162 с.
- Ахинжанов С. М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1976.— С. 81—93.
- Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— 293 с.
- Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков.— М., Наука, 1965.— 195 с.

- Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XV—XVIII вв.—Ташкент, Фан, 1985.
- Ашмарин А. Кочевые пути, зимовья стойбища и летовки: историческое описание // Советская Киргизия.—1925.—№ 5—6.—С. 111—124.
- Бабаджанов М.-С. Лошади и их испытание во Внутренней Киргизской орде // Журнал коннозаводства.—1871.—Май.—№ 5.—С. 21—37;—Июнь.—№ 6.—С. 35—48, 63—87.
- Багиров Б. Утоление жажды. (Физиология и гигиена питьевого режима).—Ашхабад, Ылым, 1987.—44 с.
- Базанов У. Б. Описание зимовок и летовок киргиз Копальского уезда и кочевых дорог с зимних стойбищ на летние // Труды 1-го съезда ветеринарных врачей Семиреченской области в Верном 16—22 февраля 1904 г.—Верный, 1904.—С. 109—113.
- Базинер Т. Путешествие через Киргизские степи в Хиву в 1842—1843 годах // ТВ.—1873.—№ 31, 46.
- Байдал М. Х. Циркуляционные факторы климата // Климат Казахстана.—Л., Гидрометеиздат, 1959.—С. 30—63.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI—начало XIII в.).—Алма-Ата, Наука КазССР, 1986.—255 с.
- Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана.—Алма-Ата, Наука КазССР, 1971.—211 с.
- Баландин Р. К., Бондарев Л. Г. Природа и цивилизация.—М., Мысль, 1988.—391 с.
- Балицкий Ю. Заметки о кочевом населении в Верненском уезде // ТВ.—1873.—№ 6.
- Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах.—СПб., 1887.—56 с.
- Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона // ЗООРГО.—Вып. 2.—1871.—С. 45—167.
- Бальмонт В. А. Ермеков М. А. Овцеводство Казахстана и пути его улучшения.—Алма-Ата, 1939.
- Баратова Г. С. Социально-экономическая структура уйгурского населения Семиречья на рубеже XIX—XX вв. // ИАН КазССР, сер. общ. наук.—1988.—№ 3.—С. 47—53.
- Баратова Г. С., Исхаков Г. М., Масанов Н. Э. Проблемы этногенеза уйгуров // К вопросу об историко-культурном развитии Восточного Туркестана: IX—XII вв.—Алма-Ата, Наука, 1986.—С. 3—25.
- Баратова Г. С. Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже XIX—XX вв.—Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—Алма-Ата, 1989.—25 с.
- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.—Л., Наука, 1971.
- Барг М. А. Категории и методы исторической науки.—М., Наука, 1984.—342 с.
- Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород в Казахстане. (Опыт зоотехнического исследования проблемы породообразования).—Алма-Ата, Казгосиздат, 1958.—284 с.
- Барминцев Ю. Н. Мясное и молочное коневодство.—М., Из-во сельхоз. лит-ры, журналов и плакатов, 1963.
- Баронов С. Ф. Опыт медико-санитарного обследования среди казаков // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР.—Вып. 3.—Л., Изд-во АН СССР, 1927.—С. 33—57.
- Барсегян И. А. О классификации форм культурной традиции // СЭ.—1981.—№ 2.—С. 102—103.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.—Т. I.—М., Наука, 1963.—С. 43—597.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч.—Т. II. Ч. I.—М., Наука, 1963.—С. 21—106.
- Бартольд В. В. История Туркестана // Соч.—Т. II. Ч. I.—М., Наука, 1963.—С. 107—166.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч.—Т. II. Ч. I.—М., Наука, 1963.—С. 167—433.

- Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч.—Т. V.—М., Наука, 1968.—С. 17—192.
- Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // Соч.—Т. V.—М., Наука, 1968.—С. 193—229.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч.—Т. IX.—М., Наука, 1977.—С. 197—482.
- Басилов В. Н.* Хозяйство западных туркмен-емудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.—Л., Наука, 1973.—С. 172—206.
- Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи).—Алма-Ата, Наука КазССР, 1971.—275 с.
- Баскаков Н. А.* Жилища приилийских казахов // СЭ.—1971.—№ 4.—С. 109—115.
- Баскин Л. М.* Этология стадных животных.—М., Знание, 1986.—191 с.
- Батнасан Г.* Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике // СЭ.—1977.—№ 2.—С. 68—76.
- Батнасан Г.* Некоторые особенности современных кочевков и оседлости в МНР // Третий международный конгресс монголоведов.—Т. I.—Улан-Батор, 1978.—С. 68—71.
- Баграков В. С.* Особенности феодализма у кочевых народов // Научная сессия АН Узбекской ССР 9—14 июля 1947 года.—Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947.
- Батуева И. Б.* Традиционные формы скотоводства у бурят во второй половине XIX—начале XX вв.—Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—М., 1986.
- Башарин Г. П.* О патриархально-феодальных отношениях в Якутии к XVIII—первой половине XIX века // ВИ.—1955.—№ 3.
- Башилаков Я. К.* Снежный покров и его влияние на природные процессы и хозяйственную деятельность Тюменской области.—Л., Наука, 1983.—65 с.
- Бейлис В. А.* Традиция в современных культурах Африки: по материалам Западной и Африканской литературы.—М., Наука, 1986.—248 с.
- Бейсенова А. С.* Исследования природы Казахстана.—Алма-Ата, Казахстан, 1979.—244 с.
- Бекмаханов Е.* Казахстан в 20—40-годы XIX в.—Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1947.
- Бекмаханов Е.* О зависимых феодальных категориях — рабах и тюленгутах. (Первая половина XIX в.) // ВАН КазССР.—1947.—№ 6.—С. 46—51.
- Бекмаханов Е.* Джатаки. (Вторая половина XIX в.) // ВАН КазССР.—1949.—№ 8.—С. 60—66.
- Бекмаханов Е.* К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX в. // ВАН КазССР.—1950.—№ 2.—С. 84—104.
- Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России.—М., Изд-во АН СССР, 1957.—342 с.
- Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII—60-е гг. XIX в.—М., Наука, 1980.—280 с.
- Бекмаханова Н. Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.—1917 г.)—М., Наука, 1986.—245 с.
- Бекмаханова Н. Е., Дулатова Д. И.* Вопросы исторической географии Казахстана XIX в. в дореволюционной литературе // Вопросы истории.—Вып. 6.—Алма-Ата, КазГУ, 1974.—С. 60—70.
- Бекмаханова Н. Е., Кабузан В. М.* Русско-украинская миграция в Казахстане в XIX—начале XX вв. // ИАН КазССР, сер. общ. наук.—1982.—№ 2.—С. 14—20.
- Белоногов Т. П., Седельников А. Н., Бородин Н. А.* Промыслы и занятия населения // Киргизский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества.—Т. XVIII.—СПб., 1903.—С. 222—292.
- Беляев А. И.* Казахская лошадь джабе.—Алма-Ата, Кайнар, 1973.—133 с.
- Бенкевич В.* Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению // ЗСПЗСОРГО.—1903.—Кн. I.—С. 1—24.
- Бенкевич В.* Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения.—Оренбург, 1918.

- Берлянд Т. Г., Безверхний Ш. А. Радиационные особенности климата // Климат Казахстана.— Л., Гидрометеониздат, 1959.— С. 17—30.
- Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев.— М., Наука, 1981.— 447 с.
- Бернштам А. Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // СЭ.—1934.—№ 6.— С. 86—115.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских турок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.—207 с.
- Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. Сборник статей.— Вып. VI—VII.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.— С. 148—158.
- Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР, сер. археологич.—1949.— Вып. 2.— С. 59—99.
- Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов.— Л., ЛГУ, 1951.—256 с.
- Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ.— Вып. 26.— М., Изд-во АН СССР, 1957.— С. 18—21.
- Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры // СЭ.—1981.— № 2.— С. 107—109.
- Беттен Л. Погода в нашей жизни.— М., Мир, 1985.—223 с.
- Бижанов М. Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII веках.— Алма-Ата, Наука, 1969.— С. 160—170.
- Биосфера. Эволюция, пространство, время.— М., Прогресс, 1988.—464 с.
- Биогеографическое и ландшафтное изучение лесостепи.— М., Наука, 1972.
- Бира Ш. Монгольская историография (XIII—XVII вв.).— М., Наука, 1978.— 320 с.
- Биржанов К. А. Хозяйство присырдарьинских казахов в середине XIX — начале XX в. // ИАН КазССР, сер. общ.—1972.—№ 4.— С. 66—71.
- Биржанов К. А. К истории земледелия у казахов низовьев Сырдарьи // ИАН КазССР, сер. общ.—1972а.—№ 1.— С. 47—52.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— Т. I.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.—381 с.
- Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое описание земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи.— Т. XIV.— Ч. I.— СПб., 1848.—30+119 с.
- Бларамберг И. Ф. Воспоминания.— М., Наука, 1978.—357 с.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода.— М., Наука, 1973.—270 с.
- Блохин Л. Ф. Экологические проблемы Африки. Научно-аналитический обзор.— Вып. I.— М., 1980.—60 с.— Вып. III.— М., 1983.—74 с.
- Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных.— М., Советская наука, 1959.—593 с.
- Большой С. Записки о приключениях в плену у Киргиз-Кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын отечества.—1822.— Ч. 76.— Вып. II.— С. 168—177; Ч. 77.— Вып. 12.— С. 213—220; Вып. 15.— С. 24—34; Ч. 78.— Вып. 14.— С. 289—303, Ч. 80.— Вып. 35.— С. 49—68.
- Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека.— М., Наука, 1982.—133 с.
- Боровский В. М., Погребинский М. А. Древняя дельта Сыр-Дарьи и Северные Кызыл-Кумы. (Почвенно-мелиоративные условия и проблема сельскохозяйственного освоения).— Т. I.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958.—514 с.
- Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак В. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории докапиталистических формаций.— М., Наука, 1974.
- Босворт К. Э. Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950—1150.— М., Наука, 1981.— С. 20—35.
- Брабич Г. Африка: 6000 км мертвой земли в Сахеле // Курьер ЮНЕСКО.— 1975.— Май.— С. 5—9.
- Брем А. Степные кочевники-скотоводы // Нива.—1896.— Ежемесячное приложение.—№ 1.

- Брискин А. (Восточный). Степи казакские. (Очерк степного Казахстана).— Кзыл-Орда, Казиздат, 1929.—115 с.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.—Т. I—3.—М., Прогресс, 1986—1992.
- Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия//СЭ.—1969.—№ 6.—С. 84—91.
- Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей//СЭ.—1972.—№ 5.—С. 61—81.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.—М., Наука, 1973.—283 с.
- Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов//Проблемы типологии в этнографии.—М., Наука, 1979.—С. 3—11.
- Бромлей Ю. В. Культура и этнические аспекты экологии//Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.—М., Наука, 1981.—С. 85—95.
- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории.—М., Наука, 1981.—390 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.—М., Наука, 1983.—413 с.
- Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность.—М., Наука, 1987.—334 с.
- Броневский С. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды//Отечественные записки.—Ч. 41.—Кн. 119.—С. 400—420; Ч. 42.—Кн. 120.—С. 75—88; Кн. 121.—С. 162—194; Кн. 122.—С. 357—364; Ч. 43. Кн. 123.—С. 70—97; Кн. 124.—С. 194—285.
- Брукс К. Климаты прошлого.—М., 1952.
- Брук С. И. Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии//Переднеазиатский этнографический сборник.—Вып. I.—М., Изд-во АН СССР, 1958.—С. 73—109.
- Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник.—М., Наука, 1981; Изд. 2-е.—М., Наука, 1986.—829 с.
- Брук М. С. Подвалы биосферы.—М., Наука, 1987.—176 с.
- Бузанов В. И., Преображенский А. А., Тихонов С. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы.—М., Мысль, 1980.—342 с.
- Будыко М. И. Эволюция биосферы.—Л., Наука, 1984.
- Букейхан А. Н. Казаки Адаевского уезда//Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР.—Вып. 3.—Л., Изд-во АН СССР, 1927.—С. 59—82.
- Бунаковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края//Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки.—Вып. I.—География и статистика.—М., 1872.—С. 119—133.
- Бунятян Е. П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ//Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ.—Киев. Наукова Думка, 1984.—С. 109—124.
- Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV—III вв. до н. э.).—Киев. Наукова Думка, 1985.—226 с.
- Бунятян Е. П. Формы собственности у кочевников//Проблемы реконструкции исторического процесса в археологии.—Киев, Наукова Думка, 1985.—С. 21—43.
- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала: конец XIX—начало XX в.—Абакан, Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1987.—175 с.
- Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй: основные этапы и локальные варианты//Проблемы истории докапиталистических обществ.—М., Наука, 1968.—С. 89—155.
- Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации//СЭ.—1977.—№ 3.—С. 47—58.
- Бутинов Н. А. Типология родства//Проблемы типологии в этнографии.—М., Наука, 1979.—С. 66—75.
- Бутинов Н. А. Проблема «природа и культура» в этнографической науке//Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ.—Л., Наука, 1984.—С. 95—112.
- Бутинов Н. А. Социальная организация полинезийцев.—М., Наука, 1985.—224 с.

- Быков Б. А. Очерки истории растительного мира Казахстана и Средней Азии.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1979.—126 с.
- Быков Б. А. Экологический словарь.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1983.—216 с.
- Быков Б. А. Берегите пастбища.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1985.—112 с.
- Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен.— М., Наука, 1981.—253 с.
- Вавилов Н. И. Происхождение и география культурных растений.— Л., Наука, 1987.—439 с.
- Вайнберг Б. И. Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии: древность и средние века.— М., Наука, 1976.— С. 66—74.
- Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе.— Ч. I.— М., 1932.
- Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки.— М., Наука, 1961.
- Вайнштейн С. И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1969.
- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства.— М., Наука, 1972.—314 с.
- Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии.— IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.—13 с.
- Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ.—1976.—№ 4.
- Вайнштейн С. И. Кочевничество // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов.— М., Наука, 1989.— С. 72—76.
- Вайнштейн С. И. Конская сбруя // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов.— М., Наука, 1989а.— С. 69—72.
- Вайнштейн С. И. Примечания // Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника.— М., Наука, 1989б.— С. 579—637.
- Вайнштейн С. И. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника.— М., Наука, 1989в.— С. 640—682.
- Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. Рец. на: Г. Е. Марков. Кочевники Азии.— М., МГУ, 1976 // СЭ.—1977.—№ 5.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя // СЭ.—1984.—№ 6.— С. 114—130.
- Вайсберг Дж. Погода на Земле.— М., Мир, 1980.—248 с.
- Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5-ти тт.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1984—1985.
- Валлери А. Путешествие по Средней Азии.— СПб., 1865.—221 с.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени.— М., Наука, 1987.—240 с.
- Васильев А. А. О современном положении овцеводства в Тургайской области и Оренбургской губернии // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве 1912 г.— М., 1913.— Т. I. Ч. I.— С. 188—198.
- Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745—1973).— М., Наука, 1982.—612 с.
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации.— М., Наука, 1976.—368 с.
- Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века.— М., Наука, 1982.— С. 60—99.
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации).— М., Наука, 1983.—326 с.
- Васильев Л. С. Государство на традиционном Востоке // Государство в докапиталистических обществах Азии. Сб. статей.— М., Наука, 1987.— С. 25—42.
- Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ.—1966.—№ 6.— С. 77—90.
- Васильев Н. Кочевники Туркестана. Опыт экономического обзора.— Самарканд, 1890.—161 с.
- Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // ВИ.—1974.—№ 4.— С. 192—198.

- Велфиш Дж.* Индейцы степей: их преемственность в истории и индеанизм // Североамериканские индейцы.— М., Прогресс, 1978.— С. 193—219.
- Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах.— Ч. II.— СПб., 1864.— С. 97—498.
- Венюков М. И.* Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них.— СПб., 1868.— 526 с.
- Вереш П.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 179—188.
- Вереш П.* Этногенез и этническая история венгерского народа до 896 года.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1979а.— 16 с.
- Вереш П.* Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык.— Новосибирск, Наука, 1985.— С. 113—118.
- Вернадский В. И.* Избранные сочинения.— Т. 4. Ч. 2.— М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста.— М., Наука, 1988.— 520 с.
- Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам (1816—1881).— СПб., 1887.
- Взаимодействие природы и общества.*— М., Наука, 1973.
- Взаимоотношения кочевого и оседлого населения.* Симпозиум // VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук.— Т. X.— М., Наука, 1970.— С. 515—558.
- Вийрес А. О.* Принципы типологии Европейских крестьянских телег. (На основе материала Советской Прибалтики). // Типология основных элементов традиционной культуры.— М., Наука, 1984.— С. 91—105.
- Викторов С. В.* Пустыня Устюрт и вопросы ее освоения.— М., Наука, 1971.
- Викторов С. В., Чикишев А. В.* Ландшафтная индикация.— М., Наука, 1985.— 97 с.
- Викторова Л. Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ.— Т. I.— М., Наука, 1968.— С. 546—575.
- Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры.— М., Наука, 1980.— 224 с.
- Виткин М. А.* Проблема перехода от первичной формации ко вторичной // Проблемы истории докапиталистических обществ.— Т. I.— М., Наука, 1968.— С. 425—454.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм.— Л., Изд-во АН СССР, 1934.— 223 с.
- Воейков А. И.* Воздействие человека на природу.— М., Наука, 1963.— 252 с.
- Волкова Т. П.* Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей: источниковедческое исследование.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1982.— 17 с.
- Востров В. В.* Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев // ТИИАЭ АН КазССР.— Т. 8.— 1960.— С. 158—176.
- Востров В. В.* К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961.— С. 180—197.
- Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.).— Алма-Ата, Наука КазССР, 1968.— 256 с.
- Востров В. В., Кауанова Х. А.* Материальная культура казахского народа на современном этапе.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1972.— 272 с.
- Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— 180 с.
- Всемирная история и Восток.*— М., Наука, 1989.— 288 с.
- Вульфсон Э. С.* Киргизы.— М., 1901.
- Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР.— Т. I.— С древнейших времен по 1870 г.— М., 1941.
- Вяткин М. П.* Батыр Срым.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1947.— 391 с.
- Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960.— С. 159—271.

- Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев.— УП МКАЭН.— М., Наука, 1964.—8 с.
- Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят.— Л., Наука, 1969.—218 с.
- Гаввердовский Я. Обзорение Киргиз-Кайсакской степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого.— Ч. 2.—1803 г. // Рукописный отдел ЛО ИИСССР АН СССР.— Кол. 115.— № 495.
- Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.—Л., Наука, 1965.—113 с.
- Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири.— Ч. I.—III. СПб., 1854.
- Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в.— М., Наука, 1976.—227 с.
- Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю.— СПб., 1869.—II+IV+336 с.
- Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1965.—345 с.
- Галузо П. Г. Очерк советской историографии аграрных отношений в Казахстане в период капитализма.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1971.
- Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— Тбилиси, 1983.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры.— Тбилиси, Тбилисский университет, 1984.—1328 с.
- Ганцкая О. А. Семья: общие понятия, принципы типологизации // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы.— М., Наука, 1987.— С. 5—14.
- Гарден Ж. -К. Археологические признаки номадизма: исследования в Бактрии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 24—32.
- Гарруа Ж. -П. Африка — умирающая земля: разрушение африканских почв под влиянием колонизации.— М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954.—399 с.
- Гаудио А. Цивилизация Сахары: Десять тысячелетий истории, культуры и торговли.— М., Наука, 1985.—208 с.
- Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история.— М., Наука, 1972.—664 с.
- Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: теоретический аспект. Тезисы.— М., Наука, 1976.—9 с.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира.— М., 1988.
- Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.—255 с.
- Гейер И. И. Туркестан.— Изд. 2-е.— Ташкент, 1909.
- Гейнс А. К. Собрание литературных трудов.— Т. I.— СПб., 1897.—589 с.; Т. 2.— СПб., 1898.
- Геллеханов М. О формах и способах добычи воды в пустыне Каракумы // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1973.— С. 75—79.
- Гемцев И. Н. К вопросу о классификации большесемейных общин в этнографической литературе // Традиционные верования и быт народов Сибири: XIX—начало XX в.— Новосибирск, Наука, 1987.— С. 165—170.
- Гендерсон Л. Ф. Среда жизни.— М.— Л., 1924.
- Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерностей зарождения и раннего развития этноса. Учебное пособие.— Свердловск, Уральский Госуниверситет, 1970.—126 с.
- Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии.— Киев, Наукова Думка, 1983.—224 с.
- Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ.— Киев, Наукова Думка, 1984.— С. 124—158.
- Генинг В. Ф. Структура археологического познания: проблемы социально-исторического исследования.— Киев, Наукова Думка, 1989.—295 с.
- Генинг В. Ф., Павленко Ю. В. Институт племени как орган зарождающейся

политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ.— Киев, Наукова Думка, 1984.— С. 60—109.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей.— Ч. 2.— О народах татарского племени.— СПб., 1799.

Герасимов И. П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира.— М., Наука, 1985.—247 с.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества.— М., Наука, 1977.— 703 с.

Герман Ф. И. О киргизцах // Вестник Европы.—1821.— Ч. 121.— Кн. 22.— С. 123—138.

Герн Вл. фон. Характер и нравы киргиз-казаков. Скотоводство у киргизов. Из записной книжки // ПКСО.—1899— Вып. III.— С. 1—33.

Геродот. История в девяти книгах.— Л., Наука, 1972.—600 с.

Гиренко Н. М. Типы общин в первобытности: к вопросу о типологии динамических свойств // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке.— Л., Наука, 1983.— С. 54—55.

Гирусов Э. В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.— М., Наука, 1981.— С. 48—57.

Глухов А. Н. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР.— Вып. 11.— Л., Изд-во АН СССР, 1927.— С. 108—134.

Годелье М. Понятие азиатский способ производства и марксистская схема развития общества // НАА.—1965.— № 1.— С. 102—104.

Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии.— М., Прогресс, 1990.—304 с.

Головнев А. В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII—начало XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1986.—19 с.

Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Занлийский край // ЗРГО.—1861.—Кн. III.— С. 77—130.

Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII—середина XX в.).— М., Наука, 1988.—221 с.

Гонгор Д. О формах организации и ведения скотоводческого хозяйства у монголов // Третий международный конгресс монголоведов.— Т. I.— Улан-Батор, 1978.— С. 108—111.

Гонгор Д. Монголия в период перехода от родового строя к феодализму: XI—начало XIII веков.— Автореф. дисс.... докт. ист. наук.— Улан-Батор — М., 1974.

Гордон А. В. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии.— М., Наука, 1980.—136 с.

Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность.— М., Наука, 1989.—222 с.

Государство в докапиталистических обществах Азии. Сборник статей.— М., Наука, 1987.—334 с.

Гохман В. М. География культурных традиций и ее место в их комплексном использовании // СЭ.—1981.— № 2.— С. 110—112.

Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости: на опыте МНР.— М., Наука, 1979.—179 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.— М., Наука, 1980.—256 с.

Грач А. Д. Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным).— Л., Наука, 1984.— С. 126—143.

Григорьев А. А., Авсюк Г. А., Макеев П. С. и др. Рельеф и геологическое строение // Казахстан. Общая физико-географическая характеристика.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.— С. 27—140.

Григорьев А. А. Антропогенные воздействия на природную среду по наблюдениям из космоса.— Л., Наука, 1985.—239 с.

- Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области.— Т. 1.— Юридический быт.— Ташкент, 1889.—298+205 с.
- Громов Г. Г. Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.— М., Наука, 1981.— С. 330—338.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край.— Т. 2.— Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии.— Л., 1926; Т. 3.— Вып. 2.— Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговая и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки.— Л., 1930.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // ИРГО.— 1933.— Т. 65.— Вып. 5.
- Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ.— Вып. 24.— М., Изд-во АН СССР, 1955.— С. 19—29.
- Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ.— Вып. 26.— М., Изд-во АН СССР, 1957.— С. 21—28.
- Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени.— Л., Наука, 1980.— 62 с.
- Гуляев В. И. Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики: генезис и характерные особенности // От доклассовых обществ к раннеклассовым.— М., Наука, 1987.— С. 103—119.
- Гумилев Л. Н. Хунну.— М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии. ГО СССР.— Ч. 1.— Л., 1961.— С. 15—26.
- Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии: опыт историко-географического синтеза // НАА.— 1966.— № 4.
- Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: ландшафт и этнос // Вестник ЛГУ. Сер. геологии и географии.— 1966а.— № 6.— С. 62—71.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки.— М., Наука, 1967.— 504 с.
- Гумилев Л. Н. Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий ГО СССР.— Л., 1967а.— Вып. 3.— С. 90—107.
- Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // ИСССР.— 1967б.— № 1.— С. 53—66.
- Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна».— М., Наука, 1970.— 431 с.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа.— 1970а.— № 1.— С. 46—55; № 2.— С. 43—50.
- Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа.— 1971.— № 4.— С. 44—52.
- Гумилев Л. Н. Хунны в Китае.— М., Наука, 1974.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли.— Л., ЛГУ, 1989.— 495 с.
- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь.— М., 1989а.
- Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период.— Л., Наука, 1990.— 279 с.
- Гунгадаш Б. Экономическая география Монголии.— М., Прогресс, 1984.— 248 с.
- Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности в дофеодалных и раннефеодалных обществах Западной Европы // ВИ.— 1968.— № 4.— С. 88—105.
- Гуревич А. Я. Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории докапиталистических обществ.— Кн. 1.— М., Наука, 1968.— С. 384—424.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.— М., Искусство, 1972.— 318 с.
- Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе.— М., 1980.
- Гурлянд Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // ИОАИЭ.— 1904.— Вып. XX.— № 4—5.— С. 49—158.
- Гурьев Д. В. Становление общественного производства.— М., Политиздат, 1973.— 263 с.
- Гуру П. Азия.— М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956.— 466 с.

- Давыдов А. Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана: особенности эволюции.— М., Наука, 1976.—304 с.
- Давыдов А. Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока.— М., Наука, 1979.— 135 с.
- Давыдов А. Д. Мелкотоварное крестьянское хозяйство в странах Ближнего и Среднего Востока.— М., Наука 1989.—212 с.
- Давыдова А. В. Об общественном строе хунну //Первобытная археология Сибири.— Л., Наука, 1975.— С. 141—145.
- Дажо Р. Основы экологии.— М., Прогресс, 1975.
- Далай Ч. Монголия в XIII—XIV веках.— М., наука, 1983.— 232 с.
- Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ.— Кн. I.— М., Наука, 1968.— С. 27—66.
- Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.— М., Наука, 1981.— С. 109—124.
- Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии.— М., Наука, 1978.— С. 9—60.
- Дараган Н. Я. О соотношении синхронных и диахронных методов в этнографическом исследовании // Этно-культурные процессы. Методы исторического и синхронного изучения.— М., Наука, 1982.— С. 5—14.
- Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год //ЗООРГО.—1881.— Вып. 4.— С. 98—117.
- Дахшлейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.).— Алма-Ата, Наука КазССР, 1965.
- Дахшлейгер Г. Ф. Историография Советского Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1969.—191 с.
- Дахшлейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1973.—215 с.
- Дахшлейгер Г. Ф. Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников: на примере казахского народа.— IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.
- Дахшлейгер Г. Ф. Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV международном конгрессе исторических наук //СЭ.—1976.— № 4.
- Девиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека.— М., 1968.
- Денисова Н. П. Кочевая община в Южной Туве //Полевые исследования Института этнографии.—1978.— М., Наука, 1980.— С. 101—107.
- Депенчук Н. П., Крисаченко В. С. Экология и теория эволюции: методологический аспект.— Киев, Наукова Думка, 1987.—240 с.
- Джайлану: из киргизского быта //Сибирская газета.—1886.— № 51.
- Джанибеков У. Культура казахского ремесла.— Алма-Ата, Казахстан, 1982.
- Жанпейсов Р. Эрозия и дефляция почв Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1977.
- Жантюрин А. Очерки киргизского коневодства.— Оренбург, 1883.—67 с.
- Жеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей.— М., Прогресс, 1988.—672 с.
- Джиллер П. Структура сообществ и экологическая ниша.— М., Мир, 1988.— 184 с.
- Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк развития англоамериканской социальной географии после 1945 года.— М., Прогресс, 1987.—368 с.
- Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства //ТВ.—1904.— № 102; 1905.— № 4.
- Диваев А. Этнографические материалы.— Вып. 7.— Ташкент, 1901.
- Диваев А. Несколько слов о киргизском хозяйстве //Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки.— Вып. I. СПб., 1899.— С. 80—86.
- Диваев А. Случаи домашних животных в киргизском хозяйстве //Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области.—1901.— Вып. IX.— С. 66—75.
- Дизар Ж. -П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 33—54.

- Дикорастущие полезные растения флоры Монгольской Народной Республики.— Л., Наука 1985.—236 с.
- Дингелштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область.— Т. I.—СПб., 1893.—502 с.; Т. II.—СПб., 1895.—447 с.
- Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса.—М.—Л., гос. соц.—экон. изд-во, 1931.—183 с.
- Дияров К. Д. Животноводство Казахстана.—Алма-Ата, 1963.
- Добржанский Ф. Г. Лошадь кочевого населения Семиречья.—Б. м., 1924.
- Добросмыслов А. И. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области // ТОВ.—1893.—№ 18—21.
- Добросмыслов А. И. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области.—Оренбург, 1894.
- Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области.—Оренбург, 1895.—357 с.
- Добросмыслов А. И. Козоводство в Тургайской области // ТГ.—1895а.—№ 3—4.
- Добросмыслов А. И. Торговля в Тургайской области.—Оренбург, 1898.
- Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. // ИООРГО.—Вып. 15—17.—Тверь, 1902.—524 с.
- Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках.—Казань, 1904.—105 с.
- Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент.—Ташкент, 1912.
- Долуханов П. М. География каменного века.—М., Наука, 1979.—152 с.
- Долуханов П. М. Аридная зона Старого Света: экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.—Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.—С. 108—117.
- Дре Ф. Экология.—М., Атомиздат, 1976.—164 с.
- Дроздов О. А. О структуре и возможных причинах колебаний температуры и увлажнения в голоцене // Проблемы палеогеографии и палеоклиматологии.—М., МГУ, 1982.
- Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана (1861—1917 гг.).—Алма-Ата, Наука КазССР, 1984.—272 с.
- Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV—середина XIX в.—М., Наука, 1983.—255 с.
- Думан Л. И. Расселение китайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III—IV вв. н. э. // Китай: история, культура и историография.—М., 1977.—С. 40—61.
- Дурасов А. М., Тазабеков Т. Т. Почвы Казахстана.—Алма-Ата, Кайнар, 1981.—152 с.
- Дьяконов И. М. Основные черты древнего общества: реферат на материале Западной Азии // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока.—М., Наука, 1971.—С. 127—146.
- Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира: ранняя древность.—М., Наука, 1982.—С. 27—49.
- Дыновский В., Марковская Д. Современный профиль культуры кочевого скотоводства в Монголии // Третий международный конгресс монголоведов.—Т. I.—Улан-Батор, 1978.—С. 155—164.
- Дюков Л. В., Масевич М. Г. Об особенностях земельной собственности у некоторых кочевых народов в эпоху феодализма // Ученые записки юридического факультета.—Вып. IV.—Алма-Ата, КазГУ, 1957.—С. 119—145.
- Евреинев А. Внутренняя, или Букеевская, Киргиз-Казачья орда // Современник.—1851.—Т. 29.—№ 10.—Отд. 2.—С. 49—96.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.—М., Наука, 1985.—245 с.
- Емченко В. Н. Методология исследования отношений общественной собственности.—Киев, Наукова Думка, 1987.—140 с.
- Еремеев Д. Е. Юрюки: турецкие кочевники и полукочевники.—М., Наука, 1969.—104 с.

- Еремеев Д. Е. К проблеме происхождения и развития кочевничества // Вестник МГУ.— Серия 13. Востоковедение.— 1979.— № 3.— С. 3—13.
- Еремеев Д. Е. Кочевничество и особенности развития феодализма на Востоке // НАА.— 1981.— № 2.— С. 61—73.
- Еремеев Д. Е. Роль кочевников в этнической истории // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. XII.— М., Наука, 1982.— С. 19—42.
- Еренов А. Е. К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане // ВАН КазССР.— 1953.— № 5.— С. 35—48.
- Еренов А. Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1960.— 158 с.
- Ермолова И. Е. Общественный строй гуннов последней четверти IV — начала V вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год.— М., Наука, 1984.— С. 229—238.
- Ерофеева И. В. Казахстан второй половины XVIII—первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Алма-Ата, 1979.— 25 с.
- Ерофеева И. В. Социальные отношения в казахском обществе второй половины XVIII—первой четверти XIX в. в освещении русских ученых и путешественников // ВАН КазССР.— 1979а.— № 12.— С. 59—63.
- Ерофеева И. В. Территория и население Казахстана второй половины XVIII в. в трудах Х. Барданеса // ИАН КазССР. Сер. общ. наук.— 1981.— № 5.— С. 36—41.
- Жакупов К. Овецодство: каким ему быть.— Алма-Ата, Кайнар, 1986.— 124 с.
- Жарриж Ж. Д. Древняя оседлость и полунomadизм в долине Качи, Белуджистан // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 167—171.
- Жданко Т. А. Очерки этнической истории каракалпаков.— М.— Изд-во АН СССР, 1950.— 171 с.
- Жданко Т. А. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии // Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. 4—11 июня 1957 г.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.— С. 628—638.
- Жданко Т. А. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. XXV МКВ.— М., Изд-во АН СССР, 1960.— 12 с.
- Жданко Т. А. Nomadизм в Средней Азии и Казахстане: некоторые исторические и этнографические проблемы // История, археология и этнография Средней Азии.— М., Наука, 1968.— С. 274—281.
- Жданко Т. А. О типе этнических общностей с пережитками родоплеменной структуры в Средней Азии и Казахстане: XIX — начало XX веков. IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.— 17 с.
- Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане: XIX — начало XX в. // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 4.— М., Наука, 1974.— С. 10—26.
- Жданко Т. А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в историко-этнографическом атласе // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.— М., Наука, 1975.— С. 6—12.
- Жданко Т. А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии.— М., Наука, 1979.— С. 148—153.
- Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы.— Л., Наука, 1982.— 224 с.
- Жеребятыев Д. К вопросу об особенностях феодальных отношений в дореволюционном Казахстане // ВАН КазССР.— 1951.— № 10.— С. 59—63.
- Жехак Л. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура.— М., Наука, 1989.— С. 58—72.
- Живописный альбом народов России.— СПб., 1880.— С. 328—351.
- Жилище народов Средней Азии и Казахстана.— М., Наука, 1982.— 240 с.
- Жирнов Л. В. Возвращенные к жизни: экология, охрана и использование сайгаков.— М., Наука, 1982.
- Жолдасбаев С. Материальная культура казахов XV—XVIII вв. (по археологическим данным).— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Алма-Ата, 1975.
- Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических

исследований Южного и Центрального Казахстана: XV—XIX вв. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1976.— С. 46—58.

Жолдасбаев С. Жилища казахов Южного Казахстана XV—XIX веков по данным археологии // Археологические памятники Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1978.— С. 203—212.

Жолдасбаев С. Зимовки — поселения и жилища казахов Семиречья: XVI—XIX вв. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 390—399.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории.— М., Наука, 1987.— 256 с.

Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса.— М., Наука, 1979.— 331 с.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов.— М., Наука, 1988.— 196 с.

Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры.— М., Наука, 1990.— 112 с.

Жюльен Ш.-А. История Северной Африки.— М., 1961.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. III.— М., 1867.— 145 с.

Загряжский Г. Очерки Перовского уезда // ТВ.— 1872.— № 29.— 25 июля.

Загряжский Г. Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи // ТВ.— 1874.— № 25, 27—32.

Загряжский Г. Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных // МСТК.— Вып. IV.— СПб., 1876.— С. 151—190.

Зайнепровский Ю. А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 257—265.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— Новосибирск, 1992.— 52 с.

Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1979.— 17 с.

Зайберт В. Ф. Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык.— Новосибирск, Наука, 1985.— С. 82—85.

Зайберт В. Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 171—179.

Зайчиков В. Т. Юго-Западная Азия: природные ресурсы и развитие сельского хозяйства.— М., Наука, 1974.— 134 с.

Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки.— М., Наука, 1975.— С. 233—311.

Залетаев В. С. Жизнь в пустыне: географо-биогеоценотические и экологические проблемы.— М., Мысль, 1976.— 271 с.

Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII—первой половине XIX в.— М., Наука, 1970.— 400 с.

Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича).— М., Наука, 1983.— 149 с.

Зарипов Ш. Кочевники и полукочевники Афганистана // Афганистан. История, экономика, культура.— М., Наука, 1989.— С. 107—136.

Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда: XIX—начало XX века.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1964.— 178 с.

Захарова И. В. О земледелии у казахов Чимкентского уезда в конце XIX—начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.— М., Наука, 1975.— С. 170—179.

Зданович Г. Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА.— Вып. 177.— Неолит и бронза на территории СССР.— М., Наука, 1984.— С. 29—37.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: основы периодизации.— Свердловск, Изд-во Уральского университета, 1988.— 184 с.

Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк // ЗЗСОРО.— 1885.— Кн. VII.— Вып. II.— Отд. II.— С. 1—78.

- Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода.— М., Наука, 1969.—244 с.
- Зибберштейн. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна // ИА.— Т. I.—1936.— С. 223—258.
- Зибер Н. И. Избранные экономические произведения.— Т. 2.— Очерки первобытной экономической культуры.— М., Изд-во соц.—экон. лит.-ры. 1959.—694 с.
- Зиманов С. З. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане // ВАН КазССР.— 1952.— № 4.— С. 94—103.
- Зиманов С. З. О патриархально-феодалных отношениях у кочевников-скотоводов // ВИ.—1955.— № 12.
- Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958.—296 с.
- Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1960.—296 с.
- Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1982.
- Зимняя пастыба овец.— Алма-Ата — М., 1934.
- Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов // ВИ.—1955.— № 4.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758).— М., Изд-во Наука, 1964.—482 с.; Изд 2-е.— М., Наука, 1983.
- Златкин И. Я. «Кочевой» феодализм // Советская историческая энциклопедия.— Т. 7.— М., Советская энциклопедия, 1965.— С. 1019—1020.
- Златкин И. Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // ВИ.—1971.— № 2.
- Златкин И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока: проблемы социально-политического развития.— М., Наука, 1971а.— С. 131—193.
- Златкин И. Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // НАА.—1973.— № 1.
- Златкин И. Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века.— М., Наука, 1982.— С. 255—268.
- Златковская Т. Д. Об этнических общностях и этнических процессах в доклассовой и раннеклассовой эпохах // ВДИ.—1974.— № 2.— С. 183—191.
- Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи // ПКССО.— Вып. VI.—1901.— Отд. II.— С. 1—99.
- Зубрильников В. Ф. От кочевого к интенсивному.— Алма-Ата, Кайнар, 1982.— 182 с.
- Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков.— Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.— Алма-Ата, 1967.—18 с.
- Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде// ЗРГООЭ.—1878.— Т. VIII.— Отд. II.— С. 233—257.
- Иванин М. Внутренняя или Букеевская киргизская орда // Эпоха.—1864.— Вып. XII.— С. 1—48.
- Иванов А. И. Качественная и экономическая оценка кормовых угодий.— Алма-Ата, Кайнар, 1973.—156 с.
- Иванов А. Ф. Использование пустынных и полупустынных пастбищ во Внутренней Монголии.— М., 1968.
- Иванов И. С. Внутренняя Киргизская орда: Краткий статистический очерк // Памятная книжка Астраханской губернии на 1891 год.— Год VIII.— Астрахань, 1890.— Приложение.— С. 1—68.
- Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство: к истории их взаимоотношений в начале XIX в. // Записки ИВ АН СССР.— Т. VII.— М.— Л., 1939.— С. 92—128.
- Ильин Г. Ф. Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // ВДИ.—1983.— № 3.— С. 13—38.
- Ильясов С. И. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Киргизии // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.— С. 43—49.
- Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX— начале XX в.— Фрунзе, 1963.

Илюшечкин В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации.— М., Наука, 1980.— Вып. 1.—216 с.; Вып. 2.—228 с. (217—444 с.).

Илюшечкин В. П. Типы экономической реализации докапиталистической эксплуатации собственной собственности // Экономические науки.—1983.— № 9.— С. 14—21.

Илюшечкин В. П. Ф. Энгельс о происхождении общественных классов и государства и данные современной науки // Философские науки.—1984.— № 6.— С. 17—23.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая: опыт системно-структурного анализа.— М., Наука, 1986.—397 с.

Исаков Ю. А., Казанская Н. С., Панфилов Д. В. Классификация, география и антропогенная трансформация экосистем.— М., Наука, 1980.

Исаков Ю. А., Казанская Н. С., Тишков А. А. Зональные закономерности динамики экосистем.— М., Наука, 1986.—150 с.

Исмаил-Заде Д. И. Кочевое хозяйство и процесс оседания кочевников Азербайджана в XIX в.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1962.

Исмаил Х. Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50—80-х гг.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1983.

Исмаилов М. А. О характере так называемого кочевого скотоводства в Азербайджане в XIX—начале XX века: к историографии вопроса // ИСССР.— 1976.— № 6.— С. 141—150.

История государства и права Казахской ССР.— Ч. I.— Алма-Ата, Мектеп, 1982.—182 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней.— Алма-Ата, Казогиз, 1943.—672 с.

История Казахской ССР.— Т. I.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957.— 609 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в пяти томах.— Т. I.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1977.—478 с.;— Т. 2.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1979.—423 с.;— Т. 3.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1979.—544 с.

История Монгольской Народной Республики.— Изд.—3-е.— М., Наука, 1983.—661 с.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней.— М., Наука, 1986.—580 с.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза.— М., Наука, 1983.—432 с.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.— М., Наука, 1986.—573 с.

История первобытного общества. Эпоха классовообразования.— М., Наука, 1988.—568 с.

Итс Р. Ф. К проблеме соотношения классов и государства: по материалам ляншаньских иззю.— М., Наука, 1964.— УП МКАЭН—10 с.

Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1972.

Ищенко М. М., Казбеков И. С., Ларин И. В., Шелоков Б. К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда.— Материалы комиссии экспедиционных исследований.— Вып. 13.— Серия Казакстанская.— Л., Изд-во АН СССР, 1928.—217 с.

Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община.— М., Наука, 1986.—304 с.

Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа.— М., Политиздат, 1974.—328 с.

Кадырбаев М. К. Скотоводство: историко-археологический очерк// Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1980.— С. 31—59.

Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867.—8+231 с.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках.— Алма-Ата, Наука, 1964.—575 с.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках.— Алма-Ата, Наука, 1961.
Казахстан. Общая физико-географическая характеристика.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950.

- Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.— М., Наука, 1969.—482 с.
- Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека.— М., Наука, 1983.—260 с.
- Казначеев В. П. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере.— Новосибирск, Наука, 1989.—248 с.
- Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека.— Новосибирск, Наука, 1986.—120 с.
- Калесник С. В. Проблемы физической географии. Избранные труды.— Л., Наука, 1984.—288 с.
- Калиновская К. П. Традиционное скотоводство в Восточной Африке // СЭ.— 1983.— № 5.— С. 38—48.
- Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. Хозяйство и социальная организация.— М., Наука, 1989.—252 с.
- Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии // Вестник МГУ. Сер. история.—1983.—№ 5.
- Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.— М., Ногайцы. Историко-этнографический очерк.— Черкесск, Ставропольское книжное изд-во, 1988.—232 с.
- Калыгин В. Порядок кочевания у сибирских киргизов // АВН.— 1876.—№ 2.— С. 124—128.
- Калышев А. Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1989.—24 с.
- Капо-Рей Р. Французская Сахара.— М., Географиз, 1958.—496 с.
- Карагодин А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII—первой половине XIX в.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— Ростов-на-Дону, 1988.—47 с.
- Кармышева Б. Х. Степень изученности скотоводства у таджиков и узбеков // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1973.— Т. 80—86.
- Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана: по этнографическим данным.— М., Наука, 1976.—323 с.
- Кармышева Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахр и ее население в конце XIX — начале XX в. (по этнографическим данным). // СЭ.—1980.— № 1.— С. 46—55.
- Карпини П., Рубрук В. Путешествия в восточные страны.— М., Изд-во АН СССР, 1957.—270 с.
- Карпинская Р. С. О философских аспектах проблемы собственности в аграрном производстве // Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки.— М., Агропромиздат, 1989.— С. 40—58.
- Карсаевская Т. В. Изменение биологии человека как социально детерминированный процесс // Человек и природа. М., Наука, 1980.— С. 61—80.
- Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке.— СПб., 1910.—188 с.
- Катанов Н. Этнографический обзор турецко-татарских племен.— Казань, 1894.—22 с.
- Кауфман А. К. К вопросу о происхождении русской земельной общины.— М., 1907.
- Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки.— М., Наука, 1971.
- Кашкаров Д. Н. Экология домашних животных // Памяти академика М. А. Мензбира.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1937.— С. 149—174.
- Казн К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир. 950—1150.— М., Наука, 1981.— С. 111—122.
- Кенарский Л. Дифференциация киргизского хозяйства // Советская Киргизия.— 1924.— № 3—4 и 5—6.
- Керева-Канафиева К. Дореволюционная русская печать о Казахстане: из истории русско-казахских литературных связей.— Алма-Ата, Казгосиздат, 1963.—303 с.
- Керимбаев Д. Коневодство в Казахстане.— Алма-Ата, 1951.
- Ким Г. Ф., Ашрафян К. З. Государство в традиционных обществах Востока: некоторые дискуссионные проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. Сборник статей.— М., Наука, 1987.— С. 3—16.

Ким М. П., Данилова Л. В. Введение. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. — М., Наука, 1981. — С. 6—19.

Киргиз-кайсаки // Географическо-статистический словарь Российской империи. — Т. II. — СПб., 1865. — С. 589—593.

Киргизский край. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. — Т. XVIII. — СПб., 1903. — 478 с.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907—1909 гг. — Т. I. — Кокчетавский уезд. — XIX + 164 с.; Т. II. — Омский уезд. — XIV + 106 с.; Т. III. — Петропавловский уезд. — XIII + 213 с.; Т. IV. — Атбасарский уезд. — XIV + 321 с.; Т. V. — Акмолинский уезд. — XV + 310 с. — СПб., 1904—1910.

Кириков С. В. Человек и природа степной зоны: конец X — середина XIX в. (Европейская часть СССР). — М., Наука, 1983. — 125 с.

Кириченко Н. Г. Пастбища пустынь Казахстана: глинистые пустыни. — Алма-Ата, Наука КазССР, 1980. — 276 с.

Кирста Б. Т., Кузнецов Н. Т. Вода в пустыне. — Ашхабад, Ылым, 1985. — 97 с.

Кирста Ю. Б. Моделирование пустынных экосистем. — Ашхабад, Ылым, 1986. — 143 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., Изд-во АН СССР, 1951. — 642 с.

Киселев Г. С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества: состояние проблемы и перспективы ее развития. — М., Наука, 1985. — 150 с.

Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. — Л., Наука, 1969. — 240 с.

Кисляков Н. А. О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. — Вып. XVIII. — География. Этнография. История. Памяти А. В. Королева. — М., Наука, 1976. — С. 269—280.

Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана: XIX — начало XX в. — Л., Наука, 1977. — 131 с.

Клейн Л. С. Генераторы народов // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, Наука, 1974. — С. 126—134.

Клейн Л. С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. — Кемерово, 1980. — С. 30—36.

Климат, засухи и опустынивание // Природа и ресурсы. — 1984. — Т. XX. — № 1. — С. 2—10.

Климат Казахстана. — Л., Гидрометеониздат, 1959. — 368 с.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., Изд-во АН СССР, 1964.

Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. — М., Изд-во АН СССР, 1965. — С. 278—281.

Кляшторный С. Г. Социальные отношения в раннесредневековой Монголии: к постановке проблемы // Третий международный конгресс монголоведов. — Т. I. — Улан-Батор, 1978. — С. 177—181.

Кляшторный С. Г. О собственности на землю в тюркском каганате // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения 1975 г. — М., Наука, 1979. — С. 97—101.

Кляшторный С. Г. Гуннская держава на Востоке: III в. до н. э. — IV в. н. э. // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., Наука, 1982. — С. 170—181.

Кляшторный С. Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии: VI—X вв. // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. — М., Наука, 1986. — С. 217—228.

Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии: конец I тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э. // Рабство в странах Востока в средние века. — М., Наука, 1986а. — С. 312—339.

Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: азиатский способ производства. — М., Наука, 1966. — С. 42—47.

- Кобищанов Ю. М.* Община или класс? (Формирование и социальное функционирование аристократических кланов в Тропической Африке)// Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования.— М., Наука, 1977.— С. 49—72.
- Кобищанов Ю. М.* Системы общинного типа // Община в Африке. Проблемы типологии.— М., Наука, 1978.— С. 133—260.
- Кобищанов Ю. М.* Мелко-натуральное производство в общинно-кастовых системах Африки.— М., Наука, 1982.— 263 с.
- Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. Пути и судьбы.— М., Наука, 1977.— 152 с.
- Ковалевский М. М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения.— М., 1879.
- Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности.— М., Соцэкгиз, 1939.— 187 с.
- Ковалевский В. И.* Производительные силы России. Характеристики различных отраслей народного труда.— СПб., 1896.
- Ковальская-Левинская А.* Мавритания.— М., Наука, 1981.— 303 с.
- Ковешников В. С.* Вопросы экономики табунного коневодства в совхозах пустынной зоны Казахской ССР: на примере совхозов Гурьевской и Кызыл-Ординской областей Казахской ССР // Коневодство в опытах. Труды ВНИИК.— Т. XXIV.— Ч. 2.— М., Московский рабочий, 1967.— С. 197—208.
- Коган Л. С.* Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе: на примере дореволюционного Казахстана.— Автореф. дисс. ... канд. экон. наук.— М., 1981.— 18 с.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1941.— Т. I.
- Козлов В. И.* Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы.— М., Наука, 1969.— 258 с.
- Козлов В. И.* О понятии этнической общности // СЭ.— 1967.— № 2.— С. 100—111.
- Козлов В. И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // СЭ.— 1970.— № 6.
- Козлов В. И.* Этнос и территория // СЭ.— 1971.— № 6.— С. 89—100.
- Козлов В. И.* Этнос и культура: к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры // СЭ.— 1979.— № 3.— С. 71—86.
- Козлов В. И.* Этническая демография.— М., Статистика, 1977.— 240 с.
- Козлов В. И.* О классификации этнических общностей: состояние вопроса // Исследования по общей этнографии.— М., Наука, 1979а.— С. 5—23.
- Козлов В. И.* Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 9—32.
- Козлов В. И.* Национальности СССР. Этнодемографический обзор.— 2-е изд.— М., Финансы и статистика, 1982.— 303 с.
- Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии // СЭ.— 1983.— № 1.— С. 3—16.
- Козлов В. И., Покишишевский В. В.* Этнография и география // СЭ.— 1973.— № 1.— С. 3—13.
- Козлов В. И., Ямсков А. Н.* Этническая экология // Этнология в США и Канаде.— М., Наука, 1989.— С. 86—107.
- Козлов И.* Обычное право киргизов // Памятная книжка Западной Сибири.— Омск, 1882.— С. 319—338.
- Козодоев И. И.* О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике // СЭ.— 1977.— № 3.— С. 59—63.
- Козьмин Н. Н.* Хозяйство и народность: производственный фактор в этнических процессах // Сибирская живая старина.— 1928.— № 7.— С. 1—22.
- Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме.— Иркутск, 1934.— 150 с.
- Колганов М. В.* Собственность. Докапиталистические формации.— М., Изд-во соц. эконом. лит-ры, 1962.— 496 с.
- Коновалов А. В.* Казахи Южного Алтая: проблемы формирования этнической группы.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1986.— 168 с.

- Конишин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // ПКСО.— Вып. V.—1901.— Отд. II.— С. 1—182.
- Корнеев А. И. Водное хозяйство в Акмолинской области // ЗСОРГО.— 1906.— Кн. XXXII.— Отд. IV.— С. 1—26.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири.— М., Наука, 1981.—278 с.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности.— М., Наука, 1984.—245 с.
- Косев М. О. Патронимия и ее роль в истории общества.— VII МКАЭН.— М., Наука, 1964.—10 с.
- Кочевники на границах Хорезма.— М., Наука, 1979.—192 с.
- Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе.— Депонирована ВНИИОН.— № 29892 от 16.6.1987.— Владивосток, 1987.—162 с.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества: проблемы формационной характеристики.— Владивосток, Наука, 1992.—240 с.
- Кранихфельд В. П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде // ПКУО.— Уральск, 1898.— С. 87—129.
- Красная книга Казахской ССР.— Т. I.— Позвоночные животные.— Алма-Ата, 1978.— С. 69—74.
- Краснов А. Н. Очерк быта семиреченских киргиз // ИРГО.—1887.—Ч. XXIII.— С. 436—481.
- Красовский М. Область Сибирских Киргизов.— Ч. I.— III.— СПб., 1868.
- Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей.— Оренбург, 1898.—59+292+532 с.
- Крахалев А. И. Суд и следствие у киргизов Сибири // ЮВ.—1888.— Вып. XXVII.— Ч. V.— С. 23—48.
- Кривошеев В., Зорин И. Население и рекреация // Окружающая среда и народонаселение.— Вып. 35.— М., Финансы и статистика, 1981.— С. 60—70.
- Кронрод Я. А. Производительные силы и общественная собственность.— М., Наука, 1987.—352 с.
- Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии.— М., Наука, 1989.—272 с.
- Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества.— М., Наука, 1988.—416 с.
- Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ.—1967.— № 6.
- Крюков М. В. Эволюция систем родства: механизм трансформации.— IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.
- Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 147—163.
- Крюков М. В. О принципах типологического исследования явлений культуры // СЭ.—1983.— № 5.— С. 3—13.
- Крюков М. В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры: на примере типологии жилища // Типология основных элементов традиционной культуры.— М., Наука, 1984.— С. 7—17.
- Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ.—1986.— № 3.— С. 58—69.
- Крюков М. В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 18.— М., Наука, 1988.— С. 5—21.
- Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 19.— М., Наука, 1989.— С. 5—18.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза.— М., Наука, 1978.—342 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков.— М., Наука, 1979.—327 с.
- Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 241—277.
- Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии.— М., Наука, 1988.—270 с.

Кугенев П. В. Молоко и молочные продукты.— М., Россельхозиздат, 1981.— 96 с.

Кузеев Р. Г. Роль исторической стратификации родо-племенных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии.— IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.— 17 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав и история расселения.— М., Наука, 1974.— 571 с.

Кузеев Р. Г. Об общности компонентов в этногенезе тюркских народов в лесостепном регионе Евразии // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана.— Нукус, Каракалпакстан, 1989.— С. 231—244.

Кузнецов А. Т. Климатические зоны // Климат Казахстана.— Л., Гидрометеоиздат, 1959.— С. 64—89.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии: вторая половина XVIII—первая половина XIX в.— Новосибирск, Наука, 1983.— 126 с.

Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса.— 3-е изд.— М., Политиздат, 1986.— 399 с.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и у других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура.— М., Наука, 1977.— С. 28—52.

Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: II тысячелетие до н. э.— М., Наука, 1981.— С. 101—125.

Кузьмина Е. Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник.— Вып. IV.— Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока.— М., Наука, 1986.— С. 169—228.

Кузьмина Е. Е., Лившиц В. А. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии: археология, нумизматика и эпиграфика, этнография.— Душанбе, Дониш, 1987.— С. 243—250.

Кульпин Э. С. Природа, хозяйство и человек в Монголии // Цибиловские чтения. Тезисы докладов и сообщений.— Улан-Удэ, 1989.— С. 82—86.

Култелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов: с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти.— Алма-Ата, 1955.

Культура и быт казахского колхозного аула.— Алма-Ата, Наука, 1967.— 303 с.

Куракова Л. И. Современные ландшафты и хозяйственная деятельность.— М., Просвещение, 1983.— 159 с.

Курочкина Л. Я., Османова Л. Т., Карибаева К. Н. Кормовые растения пустынь Казахстана. Справочное пособие.— Алма-Ата, Кайнар, 1986.— 208 с.

Курочкина Л. Я. Псаммофильная растительность пустынь Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1978.— 272 с.

Курылев В. П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX—начала XX в.: по некоторым литературным источникам // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана.— М., Наука, 1978.— С. 132—143.

Курылев В. П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов: вторая половина XIX—начало XX в. // Проблемы типологии в этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 166—173.

Курылев В. П. К вопросу о земельных отношениях у кочевых казахов: XV—первая половина XIX в. // Проблемы современной тюркологии.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1980.— С. 337—341.

Курылев В. П. Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков.— Алма-Ата, Наука КазССР.— С. 81—93.

Курылев В. П. К вопросу о термине «кочевая семейно-родственная община» у казахов // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г.— Л., Наука, 1986.— С. 16—17.

Курылев В. П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана.— Нукус, Каракалпакстан, 1989.— С. 210—222.

Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов.— Ташкент, 1894.— 52 с.

- Кууси П. Этот человеческий мир.— М., Прогресс, 1988.—368 с.
- Куртин Б. А. Киргиз-казаки. Культура и быт.— М., 1926.
- Кышыбеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок.— Алма-Ата, Наука, 1984.—233 с.
- Кыдыралы У. С. Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Алма Ата, 1975.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века.— М., МГУ, 1969.
- Кызласов Л. Р. Ранние монголы: к проблеме истоков средневековой культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, Наука, 1975.— С. 170—177.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува: от палеолита до IX в.— М., МГУ, 1979.— 207 с.
- Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века.— М., Высшая школа, 1984.—167 с.
- Кычанов Е. И. Монголы в VI-первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, Наука, 1980.— С. 136—148.
- Кычанов Е. И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, Наука. 1986.— С. 94—98.
- Кычанов Е. И. Рабство в странах Востока в средние века // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы.— М., Наука, 1988.— С. 183—191.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.— М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей: по сведениям из «Ляоши» // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, Наука, 1975.— С. 99—112.
- Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ.—1967.— № 4.
- Лашук Л. П. О характере классовообразования в обществах ранних кочевников // ВИ.—1967а.— № 7.
- Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов // СЭ.—1968.— № 1.
- Лашук Л. П. Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ.—1973.— № 2.— С. 83—95.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области: к постановке вопроса // СЭ.—1955.— № 4.— С. 3—17.
- Левин-Строс К. Структурная антропология.— М., Наука, 1985.—536 с.
- Левковская А. И. Некоторые проблемы деклассирования в переходном обществе стран Востока // Процессы деклассирования в странах Востока.— М., Наука, 1981.— С. 3—8.
- Левшин А. И. Об имени киргиз-казацкого народа и отличие его от подлинных или диких киргизов // Московский Вестник.— 1827.— ч. IV.— № 16.— С. 432—451.
- Левшин А. И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I.— Известия географические.— СПб., 1832.—XII+264 с.; Ч. II.— Исторические известия.— СПб., 1832.—X+334 с.; Ч. III.— Этнографические известия.— СПб., 1832.—IV+304 с.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 1—609.
- Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судостроительство и судопроизводство // ЮВ.—1890.— № 5—6.— С. 114—139.
- Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года.— Л., Гидрометеониздат, 1971.—280 с.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира».— М., Наука, 1972.— 269 с.
- Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии: проблемы этнокультурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи.— М., Наука, 1984.— С. 4—28.
- Литвинский Б. А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье: теоретический аспект // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.— Вып. I.— Общие проблемы.— М., 1990.— С. 21—41.

- Логашова Б.-Р. Туркмены Ирана: историко-этнографическое исследование.— М., Наука, 1976.—160 с.
- Логинов А. А. О числительности кочевого населения Аулиеатинского уезда // МСТК.— Вып. 1.— СПб., 1872.— С. 79—95.
- Логотов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории б. Семипалатинской губернии // ЗСООИК.—1929.— Вып. XVIII.— С. 34—48.
- Лот А. К другим Тассили.— Л., Искусство, 1984.—215 с.
- Лот А. Туареги Аггахара.— М., Наука, 1989.—265 с.
- Лус Я. Я. Крупный рогатый скот кочевого населения Семиречья.— МОКИСАР.— Б. м., 1927.— Вып. 8.
- Лусиги У. Дж., Глазер Г. Опустынивание и номадизм: экспериментальные исследования в Восточной Африке // Природа и ресурсы.—1984.— № 1.— С. 24—35.
- Лэмбтон Э. К. С. Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране // Мусульманский мир. 950—1150.— М., Наука, 1981.— С. 123—144.
- Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма и проблемы романо-германского синтеза // Средние века.— Вып. 31.— М., Наука, 1968.
- Мавродина Р. М. Киевская Русь и кочевники: печенеги, торки, половцы. Историко-географический очерк.— Л., Наука, 1983.— 86 с.
- Маев Н. А. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 гг. // ТВ.— 1871.— № 3.
- Маев Н. А. Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки.— Вып. 1.— География и статистика.— М., 1872.— С. 7—115.
- Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX — начале XX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.— Сборник III.— М., Наука, 1959.— С. 392—445.
- Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К проблеме коневодства в неолит-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 122—131.
- Маковецкий П. Е. Материалы по изучению юридических обычаев киргизов.— Вып. I.— Омск, 1886.— П+82 с.
- Максимов Н. Народный суд у киргизов // ЖЮО.—1897.— Вып. VII.— С. 48—80.
- Макшеев А. Описание низовьев Сыр-Дарьи.— СПб., 1856.—75 с.
- Малаякин А. Г. Уйгурские государства в IX—XII вв.— Новосибирск, Наука, 1983.—297 с.
- Малаякин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования.— Новосибирск, Наука, 1989.—432 с.
- Мамедов Э. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии.— М., Наука, 1968.— С. 9—16.
- Маргулан А. Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // ВАН КазССР.—1949.— № 1.— С. 68—79.
- Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана.— Алма-Ата, Изд-во АН СССР, 1950.—122 с.
- Маргулан А. Х. Казахская юрта и ее убранство.— УП МКАЭН.— М., Наука, 1964.—13 с.
- Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство.— Т. I.— Алма-Ата, Онер, 1986.—254 с.; Т. 2.— Алма-Ата, Онер, 1987.—288 с.; Т. 3.— Алма-Ата, Онер, 1988.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата, Наука, 1966.—435 с.
- Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1979.—360 с.
- Маркьян Э. С. Очерки теории культуры.— Ереван, 1969.—228 с.
- Маркьян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры.— Ереван, 1973.
- Маркьян Э. С. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // ВАН СССР.— № 1.—1981.— С. 111—117.

Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.— М., Наука, 1981а.— С. 96—109.

Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ.— М., Мысль, 1983.—284 с.

Марков Г. Е. Очерки истории формирования северных туркмен.— М., 1961.

Марков Г. Е. Кочевничество // Историческая энциклопедия.— Т. 7.— М., Советская энциклопедия, 1965.— С. 1017—1019.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1967.

Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ.— 1971.— № 1.

Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ.— 1973.— № 1.— С. 101—113.

Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии.— IX МКАЭН.— М., Наука, 1973а.—13. С.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации.— М., МГУ, 1976.—319 с.

Марков Г. Е., Масанов Н. Э. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. история.— 1985.— № 4.— С. 86—96.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе.— М., МГУ, 1979.—303 с.

Марков Г. Е. Община у кочевников и складывание в ходе их оседания территориально-соседской общины // Проблемы современной тюркологии.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1980.— С. 309—315.

Марков Г. Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство.— Кемерово, 1980а.— С. 21—29.

Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ.—1981.— № 4.— С. 83—94.

Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества: ответ оппонентам // СЭ.—1982.— № 4.— С. 80—87.

Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры.— М., Наука, 1985.— С. 244—261.

Марков Г. Е. Этнические общности как историческая категория // СЭ.—1986.— № 4.— С. 69—72.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23—26.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Первоначальный вариант «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46.— Ч. 1—2.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 3.— С. 7—544.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное.— М., Наука, 1981.—463 с.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени.— М., Наука, 1983.—535 с.

Марш Г. Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы.— СПб., 1866.

Масанов Н. Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20—60-х годах XIX в.: социально-экономический анализ.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Алма-Ата, 1980.—23 с.

Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, Наука, 1984.—176 с.

Масанов Н. Э. К вопросу о ясачной повинности по «Уставу о сибирских киргизах» // ИАН КазССР. Сер. общ. наук.—1977.— № 4.— С. 45—49;

- Масанов Н. Э. Кибиточная подать в Казахстане: 1837—1868 гг. // Вопросы истории Казахстана.— Алма-Ата, 1978.— С. 141—161.
- Масанов Н. Э. Налоговая политика царизма во Внутренней орде в середине XIX в. // ИАН КазССР. Сер. общ. наук.—1979. № 4.— С. 52—59.
- Масанов Н. Э. К этнической истории уаков // Проблемы изучения и охраны памятников Казахстана.— Алма-Ата, 1980.— С. 129—135.
- Масанов Н. Э. Е. Скайлер об истории и этнографии казахов // Зарубежная литература. Реферативный сборник.— Вып. 17.— Алма-Ата, Наука, 1983.— С. 28—38.
- Масанов Н. Э. Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР.— 1984.— № 4.— С. 25—38.
- Масанов Н. Э. Этноизация кочевого типа хозяйственной деятельности и проблема этногенеза казахов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 годов. Тезисы докладов.— Ч. 1.— Черновцы, 1984. С. 86—87.
- Масанов Н. Э. Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.— Омск, 1984.— С. 43—47.
- Масанов Н. Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов.— Новосибирск, 1986.— С. 20—26.
- Масанов Н. Э. Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР.—1987.— № 3.— С. 29—39.
- Масанов Н. Э. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестник АН КазССР.—1987.— № 8.— С. 27—30.
- Масанов Н. Э. Дисперсное состояние — всеобщий закон функционирования кочевого общества // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов.— Алма-Ата, Наука, 1987.— С. 21—24.
- Масанов Н. Э. Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // Вестник АН КазССР.— 1988.— № 8.— С. 45—55.
- Масанов Н. Э. Этногенез казахов: проблема исторической преемственности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции.— М., 1988.— С. 84—88.
- Масанов Н. Э. Чокан Валиханов об этногенезе казахов // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции. Алма-Ата, Наука, 1988.— С. 197—199.
- Масанов Н. Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, Наука, 1989.— С. 55—81.
- Масанов Н. Э. Структура институциональных отношений в кочевом обществе казахов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений.— Л., Наука, 1990.— С. 24—25.
- Масанов Н. Э. Эпоха Великих географических открытий в исторических судьбах кочевничества Евразии и Северной Африки // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. Тезисы докладов.— Ч. 1.— Алма-Ата, 1990.— С. 102—104.
- Масанов Н. Э. Этногенез казахов: проблема и метод // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.— Вып. II.— История и археология.— М., Наука, 1990.— С. 94—105.
- Масанов Н. Э. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1991.— 47 с.
- Масанов Н. Э. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 22.— М., Наука, 1993.— С. 98—117.
- Масанов Э. А. Из истории ремесла казахов: вторая половина XIX — начало XX в. // СЭ.—1953.— № 5.— С. 31—49.
- Масанов Э. А. Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX веков // ТИИАЭ АН КазССР.—1959.— Т. 6.— С. 104—126.
- Масанов Э. А. Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй

половине XIX — начале XX веков // Ученые записки КазГУ. Сер. ист.—1959а.— Т. 38.— Вып. 4.— С. 167—177.

Масанов Э. А. Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX — начале XX в.: историко-этнографический очерк по материалам Северных областей Казахстана.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1960.

Масанов Э. А. Условия труда и бытовой уклад казахских ремесленников // ИАН КазССР. Сер. ист., арх. и этн.—1961.— № 1.— С. 45—55.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1966.—322 с.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток.— М.— Л., Наука, 1964.—467 с.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ в свете данных археологии.— Л., Наука, 1976.—191 с.

Массон В. М. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // Древний Восток и античный мир.— М., МГУ, 1980.— С. 11—41.

Массон В. М. Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.— Вып. 1.— Общие проблемы.— М., 1990.— С. 42—53.

Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // ИСССР.—1958.— № 4.— С. 133—145.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.— М., Наука, 1984.—486 с.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: извлечения из персидских и тюркских сочинений.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1969.—651 с.

Материалы по истории Казахской ССР.— Т. II.— Ч. 2.—1741—1751 гг.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1948; Т. IV.—1785—1828 гг.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1941.—543 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае.— Вып. 1.— Сюнну, М., Наука, 1989.—285 с.

Материалы по истории политического строя Казахстана.— Т. 1.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1960.—441 с.

Материалы по истории сюнну: по китайским источникам.— Вып. 1.— М., Наука, 1968; Вып. 2.— М., Наука, 1973.—171 с.

Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X—XIX вв.— Ташкент, Фан, 1988.—414 с.

Материалы по казахскому обычному праву.— Сборник 1.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1948.—350 с.

Материалы по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области. I.— Чимкентский уезд.— Ташкент, 1908.— IV+639 с.; II.— Чимкентский уезд.— Ташкент, 1910.—277 с.;— Аулиеатинский уезд.— Ташкент, 1911.—699 с.;— Перовский уезд.— Ташкент, 1912.—640 с.;— Казалинский уезд.— Ташкент, 1913.—386 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей.— Т. I.— Акмолинская область.— Кокчетавский уезд.— Воронеж, 1898.—1041 с.;— Т. II.— Акмолинская область.— Атбасарский уезд.— Воронеж, 1902.—IV+XXXIV+494 с.;— Т. III.— Акмолинская область.— Акмолинский уезд.— Ч. I.—Поаульные таблицы.—СПб., 1907.—67+IV+523+141 с.; Ч. 2.—Чернигов, 1909.—153+29 (65—93) с.;— Т. IV.—Семипалатинская область.—Павлодарский уезд.— Воронеж, 1903.—VII+90+III+662 с.;— Т. V.—Тургайская область.—Кустанайский уезд.— Воронеж, 1903.—V+154+III+375 с.;— Т. VI.—Семипалатинская область.—Каркаралинский уезд.—СПб., 1905.—90+IV+827+134 с.;— Т. VII.—Тургайская область.—Актюбинский уезд.— Воронеж, 1903.—V+570 с.;— Т. VIII.—Семипалатинская область.—Зайсанский уезд.—СПб., 1909.—VIII+695 с.;— Т. IX.—Семипалатинская область.—Усть-Каменогорский уезд.—СПб., 1905.—III+82+99+80+IV+369 с.;— Т. X.—Семипалатинская область.—Семипалатинский уезд.—СПб., 1909.—IX+795 с.;— Т. XI.—Акмолинская область.—Омский уезд.—Омск, 1902.—IV+270 с.;— Т. XII.—Акмолинская область.—Петропавловский уезд.—Чернигов, 1908.—VII+593 с.; Т. XIII.—Сводка материалов по киргизскому землепользованию.—СПб., 1906.—XI+322 с.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области.— Т. I.—Лепсинский уезд.—

СПб., 1911.—11+401+633 с.;—Т. II.—Капальский уезд.—СПб., 1913.—Х+249+529 с.;—Т. III.—Джаркентский уезд.—СПб., 1913.—XI+428+381 с.;—Т. IV.—Верненский уезд.—СПб., 1913.—IX+321+439 с.

Материалы по повторному обследованию в 1910—1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области.—Т. I.—Павлодарский уезд.—Семипалатинск, 1912.—VI+753 с.;—Т. II.—Усть-Каменогорский уезд.—СПб., 1913.—V+788 с.;—Т. III.—Зайсанский уезд.—СПб., 1913.—589 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района.—Тургайский уезд.—Оренбург, 1911;—Иргизский уезд.—Оренбург, 1913;—Кустанайский уезд.—Оренбург, 1912;—Лбищенский уезд.—Оренбург, 1914;—Уральский уезд.—Оренбург, 1909;—Темирский уезд.—Оренбург, 1910;—Актюбинский уезд.—Оренбург, 1912.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.—Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.—590 с.
Махонин сотник. О состоянии в хозяйстве верноподданных киргизов в Омской области // Земледельческий журнал.—1827.—19.—С. 5—9.

Мацкевич Н. Н. Сравнительная длина кочевок казахского населения б. Семипалатинской губернии // ЗСООИК.—Т. I.—Вып. XVIII.—Семипалатинск, 1929.—С. 1—33.

Мгеладзе Н. В. Формы социальной организации и система терминов родства в традиционной культуре грузинского народа: этнокультурные аспекты, историческая и локально-региональная специфика.—Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.—М., 1992.—51 с.

Медведский П. Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // ЖМГИ.—1862.—Ч. 80.—Отд. II.—С. 183—194; 285—308;—Ч. 81.—С. 34—63; 327—352.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.—М., Наука, 1975.—181 с.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства.—СПб., 1865.—288 с.

Меньшикова Е. А. Влажность воздуха // Климат Казахстана.—Л., Гидрометеониздат, 1959.—С. 233—247.

Меньшикова Е. А. Снежный покров // Климат Казахстана.—Л., Гидрометеониздат, 1959.—С. 305—323.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях.—М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.

Мизун Ю. Г. Космос и погода.—М., Наука, 1986.—144 с.

Милль Дж. С. Основы политической экономии.—М., Наука, 1980.—Т. I.—495 с.

Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты.—М., Мысль, 1973.—224 с.

Миняев С. С. Сконну // Исчезнувшие народы.—М., Наука, 1988.—С. 113—125.

Миркин Б. М. Что такое растительные сообщества.—М., Наука, 1986.—164 с.

Мирошниченко Ю. М. Динамика и продуктивность пустынной растительности: Юго-Восточные Каракумы.—Л., Наука, 1986.—158 с.

Мисевич К. Н., Ряченко С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири.—Новосибирск, Наука, 1988.—120 с.

Мкртумян Ю. И. Соотношение земледелия и скотоводства и его роль в формировании современной культуры и быта сельского населения Кавказа.—IX МКЭАН.—М., Наука, 1973.

Моисеев В. А. Социально-экономическое и политическое положение алтайских казахов Синьцзяна в 1911—1917 гг. // Новое в изучении Китая: история и историография.—М., Наука, 1988.—С. 97—102.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи: XVII—XVIII вв.—Алма-Ата, Наука, 1991.—237 с.

Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями.—М., Наука, 1985.—271 с.

Молмадов И. М., Садиков Г. Н., Тупикова Г. А., Графова В. А. Оптимизация профессиональной деятельности в условиях аридной зоны. // Физиологические механизмы оптимизации деятельности.—Л., Наука, 1985.—С. 75—84.

Монин А. С. Популярная история Земли.—М., Наука, 1980.—225 с.

Мордкович В. Г. Степные экосистемы.—Новосибирск, Наука, 1982.

Морозов И. Положение овцеводства в Степном крае Западной Сибири //

Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве 1912 г.—М., 1913.—Т. I. Ч. 2.—С. 308—341.

Москалева З. Н. Исследования бассейна Урала // Научные записки Западно-Казахстанского отдела Географического общества СССР.— Вып. X.—Уральск, 1957.—74 с.

Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза.—Алма-Ата, Наука КазССР, 1974.—200 с.

Муканов М. С. Казахские домашние художественные ремесла.—Алма-Ата, Казахстан, 1979.—120 с.

Муканов М. С. Казахская юрта.—Алма-Ата, Кайнар, 1981.—223 с.

Муканова Т. А. Из истории приготовления кумыса у казахов // Вопросы истории.—Алма-Ата, 1974.—Вып. 6.

Муравлев Г. Г., Покровская Т. Н., Россолимо Л. Л. Озера // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.—М., Наука, 1969.—С. 154—169.

Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание.—М., Госиздат географ. лит-ры, 1952.—472 с.

Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии.—М., Наука, 1966.—382 с.

Мякутин А. И. Юридический быт киргизов // ТОУАК.—Вып. XXV.—Оренбург, 1911.—С. 1—180.

Назаревский О. Р. Географо-этнические особенности сельского расселения в республиках Средней Азии и Южном Казахстане.—УП МКАЭН.—М., Наука, 1964.—11 с.

Назаревский О. Р. Современные формы пастбищного животноводства в пустынных и горных районах Казахстана и республик Средней Азии // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.—Л., Наука, 1973.—С. 249—258.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии.—СПб., 1821.—98 с.;—Изд. 2-е.—М., Наука, 1968.

Народы мира. Историко-этнографический справочник.—М., Советская энциклопедия, 1988.—624 с.

Народы Средней Азии и Казахстана.—Т. I.—М., Изд-во АН СССР, 1962.—768 с.;—Т. II.—М., Изд-во АН СССР, 1963.—779 с.

Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию.—М., Прогресс, 1989.—372 с.

Небольсин П. Очерки Волжского Низовья.—СПб., 1852.

Негя Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв.—М., Наука, 1981.—156 с.

Неусыхин А. И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодалному: на материале истории Западной Европы раннего средневековья // Проблемы истории докапиталистических обществ.—М., Наука, 1968.—С. 596—617.

Нефедьева Е. А. Влияние снежного покрова на ландшафтные связи.—М., Наука, 1975.

Нечаев И. Н. Мясное коневодство: табунное.—Алма-Ата, Кайнар, 1975.—136 с. Нешель. Замечания о киргизской степи между Орскою крепостью и Аральским морем // ГИРГО.—1848.—Вып. V.—С. 123—128.

Никитин Д. П., Новиков Ю. В. Окружающая среда и человек.—М., Высшая школа, 1986.—415 с.

Никифоров А. В. Проблемы кочевого населения Сомали // Ученые записки советско-сомалийской экспедиции.—М., Наука, 1974.—С. 200—236.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история.—Изд. 2-е.—М., Наука, 1977.—359 с.

Никишенков А. А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма.—М., МГУ, 1986.—215 с.

Никольский А. М. Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область // ЗСОРГО.—1885.—Кн. VII.—Вып. I.—С. 1—93.

Ниязклычев К. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX—начала XX века // ТИИАЭ АН ТуркССР.—Т. VII.—Ашхабад, Изд-во АН ТуркССР, 1963.—С. 58—70.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия.—М., Наука, 1989.—383 с.

Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой аильной (аульной) общине у киргизов конца XIX — начала XX в. // Социальная история народов Азии.— М., Наука, 1975.— С. 65—73.

О местностях стоянки киргизов // АОВ. Особое прибавление.— 1890.— № 13.

О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов: к итогам обсуждения // ВИ.— 1956.— № 1.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства).— М., Наука, 1966.— 248 с.

Общественные науки в МНР.— М., Наука, 1977.— 227 с.

Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.— М., Наука, 1981.— 344 с.

Община в Африке. Проблемы типологии.— М., Наука, 1978.— 294 с.

Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии.— Л., Наука, 1967.— 198 с.

Объедков Ю. Л. Формирование естественных ресурсов подземных вод аридных районов на примере Долиноозерского артезианского бассейна МНР.— Наука, 1986.— 148 с.

Овцеводство Казахстана.— Алма-Ата, Кайнар, 1968.— 438 с.

Одум Ю. Основы экологии.— М., Мир, 1975.— 740 с.

Одум Ю. Экология.— Т. I—2.— М., 1986.

Олдак П. Г. Равновесное природопользование. Взгляд экономиста.— Новосибирск, Наука, 1983.— 128 с.

Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки.— М., Наука, 1975.— С. 6—19.

Ольдерогге Д. А. Эпигамия. Избранные статьи.— М., Наука, 1983.— 280 с.

Оплер М. К. Индейцы юта и пайюта на южной окраине Большого Бассейна // Североамериканские индейцы.— М., Прогресс, 1978.— С. 253—285.

Опыт отгонно-пастбищного содержания скота в колхозах.— М., Сельхозгиз, 1948.— 128 с.

Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР.— Т. 5.— Алма-Ата, 1958.— С. 216—282.

Оразбаев А. М. Колодцы на поселении Чаглинка: Шагалалы // Поиски и раскопки в Казахстане.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1972.— С. 154—162.

Оразов А. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении: в конце XIX—начале XX в.— М., Наука, 1964.— 10 с.

Оразов А. Некоторые формы скотоводства в дореволюционной Туркмении // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1978.— С. 70—74.

Оразов А. О типах скотоводства в Ахале в конце XIX—начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.— М., Наука, 1975.— С. 206—219.

Оразов А. О типологии источников водопоя в Центральном и Юго-Восточном Каракумах // Очерк этнографии населения Южного Туркменистана: XIX—начало XX в. Сборник статей.— Ашхабад, Ылым, 1979.— С. 20—36.

Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX—начале XX в.: к проблеме хозяйственно-культурных типов Средней Азии.— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1985.— 44 с.

Оразов А. Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX—начале XX в.— Ашхабад, Ылым, 1985а.— 156 с.

Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении.— М., Наука, 1979.— 238 с.

Освоение пустынных и горных территорий Казахстана.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1987.— 184 с.

Осипова О. А. Американская социология о традициях в странах Востока.— М., Наука, 1985.— 129 с.

Остафьев В. А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // ЗСОРГО.— 1895.— Кн. XVIII.— Вып. 2.— С. 1—61.

Отары в степи // Правда.— 1979.— 5 июня.

Очерки экономической истории Казахской ССР: 1860—1970 гг.—Алма-Ата, Казахстан, 1974.—360 с.

Павленко Ю. В. К вопросу об условиях формирования этноса и этнических свойств// Методологические и методические вопросы археологии.—Киев, Наукова Думка, 1982.—С. 75—85.

Павленко Ю. В. Этнос как социальная система // Новые методы археологических исследований.—Киев, Наукова Думка, 1982а.—С. 40—61.

Павленко Ю. В. Категория социальный организм и ее роль в историко-археологическом исследовании: на материалах раннеклассовых обществ, применительно к изучению истории населения Украинской лесостепи в эпоху железного века.—Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—Киев, 1985.—16 с.

Павленко Ю. В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов: логико-методологический анализ проблемы // Исследование социально-исторических проблем в археологии.—Киев, Наукова Думка, 1987.—С. 72—85.

Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития.—Киев, Наукова Думка, 1989.—288 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства.—Ч. I.—СПб., 1773.—657 с.

Пахомов И. Киргизское хозяйство на Ак-Қабе и на верховьях Курчума // ЗСПЗСОРГО.—1911.—Вып. 5.—Отд. IV.—С. 1—22.

Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии.—М., Госиздат географ. лит-ры, 1951.—283 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи.—Вып. 2.—Астраханская губерния.—Тетрадь 2.—СПб., 1904;—Вып. 81.—Акмолинская область.—СПб., 1904;—Вып. 82.—Закаспийская область.—СПб., 1904;—Вып. 85.—Семиреченская область.—СПб., 1905;—Вып. 84.—Семипалатинская область.—СПб., 1905;—Вып. 87.—Тургайская область.—СПб., 1904. Вып. 88.—Уральская область.—СПб., 1904;—Вып. 86.—Сырдарьинская область.—СПб., 1905.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий: проблемы исторических контактов.—М., Наука, 1978.—301 с.

Первобытное общество. Основные проблемы развития.—М., Наука, 1975.—288 с.

Перицц А. И. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ.—1955.—№ 11.

Перицц А. И. Патриархально-феодалные отношения у кочевников Северной Аравии: XIX—первая четверть XX вв. // Переднеазиатский этнографический сборник.—Вып. 1.—М., Изд-во АН СССР, 1958.—С. 110—155.

Перицц А. И. О коллективной собственности на скот у кочевников-скотоводов // СЭ.—1959.—№ 6.

Перицц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX—первой трети XX в. Историко-этнографические очерки.—М., Изд-во АН СССР, 1961.—224 с.

Перицц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества.—М., Наука, 1968.—С. 320—355.

Перицц А. И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности // СЭ.—1970.—№ 2.—С. 106—109.

Перицц А. И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время.—Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.—М., 1971.

Перицц А. И. К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология.—М., Наука, 1973.—С. 104—110.

Перицц А. И. Данничество.—IX МКАЭН.—М., Наука, 1973а.

Перицц А. И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. Сборник статей.—М., Наука, 1976.—С. 280—313.

Перицц А. И. Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.—Вып. VIII.—М., Наука, 1978.—С. 142—156.

Перицц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии.—М., Наука, 1979.—С. 210—240.

- Периц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии.— М., Наука, 1979а.— С. 59—65.
- Периц А. И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 163—180.
- Периц А. И. Проблема аксиологических сопоставлений в культуре // СЭ.— 1982а.— № 3.— С. 3—12.
- Периц А. И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // СЭ.— 1983.— № 5.— С. 59—69.
- Периц А. И. Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры? // Этнографические исследования развития культуры.— М., Наука, 1985.— С. 50—63.
- Периц А. И. Патронимия // Социально-экономические отношения и соционормативная культура.— М., Наука, 1986.— С. 133—134.
- Периц А. И. Этнические общности и формационный процесс // СЭ.— 1986а.— № 3.— С. 69—73.
- Периц А. И. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах // История первобытного общества. Эпоха классообразования.— М., Наука, 1988.— С. 499—535.
- Периц А. И., Хазанов А. М. Община у кочевых скотоводов // НАА.— 1979.— № 2.— С. 51—60.
- Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества.— 3-е изд.— М., Высшая школа, 1982.— 223 с.
- Периц А. И., Трайде Д. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура.— М., Наука, 1986.— С. 109—114.
- Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв.— Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1961.— 175 с.
- Петров К. И. Влияние природного пастбища как средства труда на общественные отношения скотоводов-кочевников // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана.— Фрунзе, Илим, 1975.
- Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII вв.— Фрунзе, Илим, 1981.— 234 с.
- Петров М. П. Пустыни СССР и их освоение.— М.— Л., Наука, 1964.— 147 с.
- Петров М. П. Пустыни земного шара.— Л., Наука, 1973.
- Печен С. А. Человеческие качества.— М., Прогресс, 1985.
- Пика А. И. Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII—XIX вв.): реальность или иллюзия? // СЭ.— 1986.— № 3.— С. 36—46.
- Пиков Г. Г. Некоторые вопросы экономики западных киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, Наука, 1980.— С. 127—135.
- Пичета В. И. О кочевом феодализме // Исторический журнал.— 1940.— № 1.
- Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках // Казахстан в XV—XVIII веках. Вопросы социально-политической истории.— Алма-Ата, Наука, 1969.— С. 5—49.
- Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI веков. Вопросы политической и социально-экономической истории.— Алма-Ата, Наука, 1977.— 288 с.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА № 62.— М., Изд-во АН СССР, 1958.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА № 142.— М., Наука, 1967.— 198 с.
- Плетнева С. А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ.— 1981.— № 6.
- Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей.— М., Наука, 1982.— 188 с.
- Плетнева С. А. Половцы.— М., Наука, 1990.— 208 с.
- Плотников Л. О необходимости и средствах предупреждения дальнейшего развития сыпучих песков в степях Внутренней Киргизской Орды // ЗООРГО.— 1871.— Вып. 2.— С. 239—258.
- Погорельский П. В. Оседание кочевников и развитие животноводства. Труды экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР.— Вып. 8.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1949.— 147 с.

- Погорельский П. В., Батраков В. С. Экономика кочевого аула Киргизстана.— М., 1930.—383 с.
- Поletaев И. С. Записка // ЗООРГО.— 1875.—Вып. 3.—С. 2—3.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.— Т. V.— № 5999; Т. XIX.—Отд. 1.—№ 17998; Т. XXVI.—№ 18773; Т. XXIX.— № 28255; Т. XXXVIII.— № 29126; № 29127.
- Полторацкий полковник. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сырдарьей // ЗРГООГ.—1867.— Т. I.— С. 55—72.
- Полферов Я. Земледелие в Тургайской области.— СПб., 1896.
- Полферов Я. Охота в Тургайской области.— Оренбург, 1896а.
- Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Хозяйство. Социальная организация. Этническая история.— М., МГУ, 1980.—168 с.
- Померанцев. Из Зайсанского Пограничного Поста // Семипалатинские областные ведомости.— 1871.— № 17, 20—22.
- Попов А. В. Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. 1884—1931.— М., Наука, 1986.— С. 183—193.
- Попов А. В. Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Межвузовский сборник.— Вып. IX.— Л., ЛГУ, 1986а.— С. 156—172.
- Попов В. А. Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования.— М., Наука, 1982.—175 с.
- Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы.— М., Изд-во АН СССР, 1964.
- Потанин Г. Н. Зимняя поездка на озеро Зайсан: зимой 1863—1864 гг. // ЗРГООГ.—1867.—Т. I.— С. 429—461.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии.— Вып. II.— СПб., 1881.— 181+87 с.;— Вып. IV.— СПб., 1883.—1026 с.
- Потанин Г. Н. На притоке реки Токрау // Сибирская жизнь.— 1914.— № 82, 83, 86.
- Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина.— 1916.— Вып. II—III.— СПб., 1917.— С. 47—198.
- Потапов Л. П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников // КСИЭ.—1947.— Вып. III.— С. 66—69.
- Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник МАЭ.— Т. XII.— М., Л., Изд-во АН СССР, 1949.— С. 43—70.
- Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых 1953.—444 с.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев.— Л., Изд-во АН СССР, народов Средней Азии и Казахстана // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.— С. 17—42.
- Потапов Л. П. О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев XVIII—начала XX в. // Социальная история народов Азии.— М., Наука, 1975.— С. 115—125.
- Потапов Л. П. Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ.— Л., Наука, 1984.— С. 126—143.
- Пригожин А. Г. Карл Маркс и проблемы социально-экономических формаций // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций.— М.—Л., Изд-во АН СССР 1934.— С. 22—90.
- Природа и древний человек.— М., Мысль, 1981.—223 с.
- Природа и общество.— М., Наука, 1968.—346 с.
- Природа и ресурсы.— 1984.— № 1.
- Проблемы Аральского моря. Развитие ландшафтов Приаралья в условиях опустынивания.— Алма-Ата, Наука, 1983.—118 с.
- Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока.— М., Наука, 1971.—190 с.
- Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке.— М., Наука, 1984.—269 с.

- Проблемы этнической географии и картографии.— М., Наука, 1978.—167 с.
- Проблемы этнографии и антропологии аридных зон // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.— Т. X.— М. Наука, 1970.— С. 489—513.
- Процессы деклассирования в странах Востока.— М., Наука, 1981.—268 с.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах.— Сборник 1.— V в. до н. э.— XVIII в. н. э.— Алма-Ата — М., Казакское краевое изд-во, 1935.—299 с.
- Пуляркин В. А. О содержании понятия «географическая среда» и о влиянии географической среды на общество // Природа и общество.— М., Наука, 1968.— С. 69—81.
- Пуляркин В. А. Хозяйство кочевников Южной Азии: географический очерк // Страны и народы Востока.— Вып. XVIII.— География. Этнография. История. Памяти А. В. Королева.— М., Наука, 1976.— С. 53—66.
- Пуляркин В. А. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. Анализ исторического опыта Южной Азии.— М., Наука, 1976а.
- Пуляркин В. А. Экологические аспекты хозяйственного развития в засушливых областях Южной Азии // Развивающиеся страны. Природа и человек.— М., Мысль, 1982.— С. 147—165.
- Пуляркин В. А. Проблема взаимодействия общества и природной среды в развивающихся странах // Развивающиеся страны. Природа и человек.— М., Мысль, 1982а.— С. 9—49.
- Пустыня наступает. Последствия просчетов. Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам.— М., Международные отношения, 1990.—152 с.
- Пэрлз Х. К вопросу о происхождении родовых знаков и тамг монголов // Третий международный конгресс монголоведов.— Т. 1. Улан-Батор, 1978.— С. 233—237.
- Пюреев Д. Б. Природа и кочевая архитектура // ИАН КазССР. Сер. общ.— 1972.— № 6.— С. 13—29.
- Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии.— Томск, 1887.—26 с.
- Радлов В. В. К вопросу об уйгурах.— СПб., 1893.—130 с.
- Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии.— Иркутск, 1929.
- Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника.— М., Наука, 1989.—749 с.
- Радченко Г. Ф. Проблемы опустынивания в аридных и семиаридных районах развивающихся стран на примере Сахеля // Развивающиеся страны. Природа и человек.— М., Мысль, 1982.— С. 64—97.
- Радченко Г. Ф. Страны Сахеля: состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства.— М., Мысль, 1983.—261 с.
- Разложение родового строя и формирование классового общества.— М., Наука, 1968.—356 с.
- Разносезонный выпас овец в Сарытаукумах.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1984.—27 с.
- Ракитников А. Н. Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина. Вопросы построения горного животноводческого хозяйства.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.
- Ракитников А. Н. География сельского хозяйства.— М., Мысль, 1970.—316 с.
- Ранние земледельцы. Этнографические очерки.— Л., Наука, 1980.—221 с.
- Рассудова Р. Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период истории народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ.— Л., Наука, 1984.— С. 144—166.
- Растяников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии.— М., Наука, 1973.—448 с.
- Ратцель Ф. Народоведение.— СПб., 1896.
- Ратцель Ф. Земля и жизнь.— СПб., 1906.
- Рашковский Е. Б. Востоковедческая проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби.— М., Наука, 1976.

- Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник.— М., Мысль, 1990.— 637 с.
- Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев.— М., Изд-во АН СССР, 1954.—416 с.
- Рейснер Л. И. Разделение труда и способ общения в системе докапиталистических цивилизаций // Зарубежный Восток: вопросы экономической истории.— М., Наука, 1986.— С. 110—127.
- Рейхардт В. Очерки по экономике докапиталистических формаций.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1934.
- Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география.— Т. VI.— Азиатская Россия.— СПб., 1900.—848 с.
- Ретеюм А. Ю. Земные миры.— М., Мысль, 1988.—266 с.
- Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса.— М., Экономика, 1984.—719 с.
- Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ.— Л., Наука, 1984.—263 с.
- Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае // Труды третьего международного съезда Орьенталистов в С. -Петербурге. 1876.— Т. I.— СПб., 1879.— С. 327—359.
- Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество.— М., Прогресс, 1989.—320 с.
- Рубен В. Древняя Индия и «азиатский», античный и феодальный способы производства // Узловые проблемы истории Индии.— М., Наука, 1981.— С. 32—63.
- Руденко С. И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Антропологические очерки.— МОКИСАР.— Вып. 3.— Л., Изд-во АН СССР, 1927.— С. 7—32.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1953.—403 с.
- Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии Географического общества СССР.— Вып. I.— Л., 1961.— С. 2—15.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1962.
- Руденский Н. Е. Теория этноса и белые пятна на этнической карте // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 19.— М., Наука, 1989.— С. 29—32.
- (Рузбихан). Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара. Записки бухарского гостя.— М., 1976.—199 с.
- Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки.— Изд. 2-е.— М., Наука, 1987.—328 с.
- Румянцев П. П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации.—1909.—№ 5.— С. 79—138.
- Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем.— СПб., 1910.—66 с.
- Русанов И. Взгляд на экономический и общественный быт киргизов. Из путевых заметок // Томские Губернские ведомости.—1861.— № 34—44, 48—49.
- Русанов И. О кочевых киргизах Акмолинской и Семипалатинской областей. Летние перекочевки по степи и зимние стойбища // Томские Губернские Ведомости.— 1870.— № 41, 42.
- Рычков П. И. Топография Оренбургская.— СПб., 1762. Изд. 2-е.— Топография Оренбургской губернии.— Оренбург, 1887.—VII+405+18 с.
- Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии.— Оренбург, 1896.
- Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838 г.). Очерки по истории национального движения Казахстана // ТОИК.— Т. VII.— Вып. II.— Кызыл-Орда, 1926.— С. 3—300.
- Сабырханов А. К истории земельных отношений Казахстана в XVIII веке: на материалах Младшего жуза // Казахстан в XV—XVIII веках: вопросы социально-политической истории.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1969.— С. 146—159.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.— Л., ЛГУ, 1984.—175 с.
- Савинов Д. Г. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в

эпоху раннего средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 305—313.

Садьков Б. Х. Конина.— Алма-Ата, Кайнар, 1981.— 88 с.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала.— М., Наука, 1967.

Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права инородцев.— Варшава, 1876.— 282 с.

Самосознание Европейской культуры XX века.— М., 1991.— 366 с.

Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-Монголы в Азии и Европе.— М., Наука, 1977.— 2-е изд.— С. 23—45.

Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане: 1905—1917 гг.— Алма-Ата, Наука, 1966.— 376 с.

Сапожников В. В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо.— Томск, 1911

Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX— начале XX веков.— Фрунзе, Илим, 1968.

Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственная деятельность населения в различных районах Советского Союза.— М., 1947.

Сафин М. Б., Рахматулин Д. Н., Сатыев Б. Х. Табунное коневодство.— Уфа, 1985.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.— Т. I.— СПб., 1884;— Т. 2.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1941.

Свешникова В. М. Доминанты казахстанских степей: эколого-физиологическая характеристика.— Л., Наука, 1979.— 192 с.

Свистунова Н. П. Обзор дискуссии об азиатском способе производства // Общественные науки в КНР.— М., Наука, 1986.— С. 370—404.

Седельников А. Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Киргизский край. Россия: полное географическое описание нашего отечества.— Т. XVIII.— СПб., 1903.— С. 175—222.

Седельников А. Н., Букейханов А. Н., Чадов С. Д. Историческая судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Киргизский край. Россия: полное географическое описание нашего отечества.— Т. XVIII.— СПб., 1903.— С. 138—175.

Седов Л. А. О социально-экономических типах развития // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: азиатский способ производства.— М., Наука, 1966.— С. 48—55.

Седов Л. А. К типологии средневековых общественных систем Востока: попытка системного подхода // НАА.— 1987.— № 5.

Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургай // ЗООРГО.— 1870.— Вып. I.— С. 234—257.

Семенов В. А., Шимкевич Г. Л. Реки // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.— М., Наука, 1969.— С. 133—154.

Семенов С. А. Происхождение земледелия.— Л., Наука, 1974.— 318 с.

Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя древнего Востока // НАА.— 1965.— № 3.

Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // ВИ.— 1966.— № 8.— С. 88—106.

Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ.— Кн. I.— М., Наука, 1968.— С. 156—222.

Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества.— М., Наука, 1968а.

Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // СЭ.— 1976.— № 4.

Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // становление классов и государства. Сборник статей.— М., Наука, 1976.— С. 7—86.

Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений // СЭ.— 1977.— № 2.— С. 15—28.

Семенов Ю. И. О стадияльной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 75—91.

Семенов Ю. И. Эволюция экономики раннего первобытного общества // Исследования по общей этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 61—124.

Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ.—1982.— № 2.— С. 48—59.

Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации// НАА.—1985.—№ 4.

Семенов Ю. И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки.— 1985.— № 1.

Семенов Ю. И. О племени, народности и нации // СЭ.—1986.— № 3.— С. 73—75.

Семенов Ю. И. Ленинская категория «общественно-экономический уклад» и некоторые проблемы истории первобытного общества // Ленинизм и проблемы этнографии.— Л., Наука, 1987.— С. 97—117.

Семенова-Тян-Шанская А. М. Мир растений и люди.— Л., Наука, 1986.—175 с.

Семенюк Г. И. Ликвидация рабства в Казахстане и ее предпосылки // ВАН КазССР.—1958.— № 11.— С. 19—29.

Семенюк Г. И. К проблеме рабства у кочевых народов: на материалах Казахстана // ИАН КазССР. Сер. ист., арх. и этн.— Вып. I.—1958а.— С. 55—82.

Семенюк Г. И. Рабство в Казахстане в XV—XIX веках // ТИИАЭ АН КазССР.— Т. 6.— Алма-Ата, 1959.— С. 164—214.

Семенюк Г. И. Опыт кочевого скотоводства в Казахстане в XVIII—начале XIX в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР.— М., Наука, 1969.— С. 117—137.

Семенюк Г. И. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов: на материале Казахстана // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.— М., Наука, 1969.— С. 266—276.

Семенюк Г. И. Земледелие казахов-кочевников в XVIII—начале XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.— Сборник VIII.— М., Наука, 1974.— С. 180—200.

Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма: на материалах Казахстана.— Калинин, 1974а.

Серов О. В. К вопросу о стадильной типологии общины // Исследование социально-исторических проблем в археологии.— Киев, Наукова Думка, 1987.— С. 85—91.

Сидику Х. А. Человек и пустыня // Курьер ЮНЕСКО.—1987.— Июль.— С. 16—19.

Симаков Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX—начале XX века // СЭ.—1982.— № 4.— С. 67—76.

Скалов Б. А. Киргизское коневодство в северных уездах Тургайской области // Вестник сельского хозяйства.—1903.— № 13.—16.

Скалов Б. А. Строй хозяйства южных кочевников.— Оренбург, 1907.

Скалов Б. А. Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда // ИООРГО.—1911.— Вып. 22.— С. 61—120.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., Наука, 1976.—272 с.

Скрынникова Т. Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI—XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Сборник научных трудов.— Новосибирск, Наука, 1989.— С. 29—45.

Скури М. Региональное развитие и проблемы опустынивания аридных и семиаридных территорий к северу и югу от Сахары // Природа и ресурсы.—1984.— № 1.— С. 11—23.

Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке. Проблемы типологии.— М., Наука, 1978.— С. 61—132.

Словохотов А. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды // ТОУАК.— Вып. XV.— Оренбург, 1905.— С. 5—156.

Словцов И. Путевые записки, введенные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 г. // ЗСОРГО.—1881.— Кн. III—Отд. II.— С. 1—152.

Смены пустынной и субальпийской растительности при пастбищном использовании.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1982.—216 с.

- Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область.— СПб., 1887.—355 с.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов.— М., Наука, 1964.—379 с.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М., Наука, 1977.—82 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.— Т. II.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1935.
- Соболев Л. Н. Кормовые ресурсы Казахстана.— М., Изд-во АН СССР, 1960.—280 с.
- Соколовский В. Г. Казахский аул.— Ташкент, 1926.—49 с.
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество.— М., 1992.—543 с.
- Сорокин В. С. Могилиник бронзовой эпохи Тасты-Бутах 1 в Западном Казахстане.— МИА № 120.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1962.—207 с.
- Сорокин С. С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сборник статей.— Л., Аврора, 1978.— С. 172—191.
- Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // Сибирский вестник.—1820.— Ч. IX.— Кн. I.— С. 51—58; Кн. 2.— С. 98—124; Кн. 3.— С. 167—196;— Ч. X.— Кн. 4.— С. 211—234; Кн. 5.— С. 285—292; Кн. 6.— С. 343—357.
- Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки // Азиатский Вестник.—1827.— С. 369—392.
- Средняя Азия. Физико-географическая характеристика.— М., Изд-во АН СССР, 1958.—648 с.
- Сталь Б. И. Краткий обзор Киргизского овцеводства // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве 1912 г.— М., 1913.— Т. 1.— Ч. 2.— С. 360—380.
- Степанова С. И. Биоритмологические аспекты проблемы адаптации.— М., Наука, 1986.—244 с.
- Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. Серия литературы, фольклора и истории.— Вып. I.— Элиста, 1974.— С. 220—230.
- Струве К. В., Потанин Г. Н. О рыбном промысле на Цзайсане и на Черном Иртыше // ЗРГО.—1865.— Кн. IV.
- Струве К. В., Потанин Г. Н. Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша, до озера Марка-Куль и горы Сартау летом 1863 г. // ЗРГООГ.— Т. I.— СПб., 1867.— С. 363—427.
- Студенецкий Л. И. Очерки по экономике казахского хозяйства // ИЗСОРГО.— Т. 6.—1929.— С. 61—124.
- Субботин В. А. Кочевое и оседлое население Суданского Сахеля в XIX в. // Некоторые вопросы истории стран Африки.— М., Наука, 1968.— С. 87—94.
- Суворов Н. И. О пасторальной дигрессии растительности в пустынях Южного Прибалхашья // ИАН КазССР. Сер. ботан.— Вып. 3.—1949.— С. 67—77.
- Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX—начала XX в. (1867—1907 гг.).— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1963.—411 с.
- Сулейменов Б., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII—начале XX в.— Алма-Ата, Наука, КазССР, 1981.—247 с.
- Сулейменов Р. Б. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 89—102.
- Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века: о внешней и внутренней политике Аблая.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1988.—144 с.
- Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. Вопросы этнической и социальной истории.— М., Наука, 1982.—133 с.
- Сундетов С. А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана: на материалах северо-восточных областей.— Алма-Ата. Наука КазССР, 1970.
- Сухие степи МНР: природные условия.— Л., Наука, 1984.—166 с.
- Сухорукова С. М. Экономика и экология: политэкономический аспект.— М., Высшая школа, 1988.—111 с.
- Табolina Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций.— М., Наука, 1985.—152 с.

Тажигаев Е. Е. Изменения в хозяйстве казахов в 20—60-х гг. XIX века: на материалах Младшего и части Среднего жузов.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Алма-Ата, 1969.—50 с.

Таскин В. С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая.— М., Наука, 1968.

Таскин В. С. Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, Наука, 1980.— С. 54—102.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.— М., Наука, 1984.—486 с.

Таскин В. С. Введение // Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв.— Вып. I.— Сюнну.— М., Наука, 1989.— С. 5—28.

Текеи Ф. К теории общественных формаций.— М., Прогресс, 1975.

Темирхаков Л. Хазарейцы: очерки новой истории.— М., Наука, 1972.—140 с.

Темирханов Л. Восточные пушпуны в новое время: этносоциальная характеристика.— М., Наука, 1984.—88 с.

Теория общественно-экономической формации.— М., Наука, 1982.—357 с.

Тер-Акопян Н. Б. О социально-экономических отношениях в первобытном обществе // СЭ.—1977.— № 3.— С. 64—67.

Тернбул К. М. Человек в Африке.— М., Наука, 1981.—252 с.

Тернер Дж. Структура социологической теории.— М., Прогресс, 1985.—471 с.

Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках.— Л., ЛГУ, 1979.—183 с.

Типы общественных отношений на Востоке в средние века.— М., Наука, 1982.—269 с.

Тогжанов Г. Казахский колониальный аул.— Ч. I.— М., 1934.—110 с.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. М., Прогресс, 1991.—731 с.

Толеубаев А. Происхождение и сущность казахского обычая посвящения умершему коня // ИАН КазССР. Сер. общ. наук.—1984.— № 2.— С. 35—40.

Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований казахов.— Автореф. дис. ... докт. ист. наук.— Алма-Ата, 1992.—44 с.

Толеубаев А. Казахские старинные обычаи, связанные со скотоводством // ВАН КазССР.—1984а.— № 12.— С. 56—60.

Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК.— Вып. 103.—1934.— С. 165—199.

Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ.—1938. № 1.— С. 72—81.

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ.—1938.— № 1.— С. 176—203.

Толстов С. П. Древний Хорезм.— М., МГУ, 1948.—352 с.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948а.—327 с.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта.— М., Изд-во АН СССР, 1962.—324 с.

Толыбеков С. Е. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов // ВД.—1955.— № 1.— С. 75—83.

Толыбеков С. Е. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства // ВАН КазССР.—1955а.— № 8.— С. 36—46.

Толыбеков С. Е. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков // Труды Института экономики АН КазССР.— Т. II.— Алма-Ата, 1957.— С. 3—91.

Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1959.

Толыбеков С. Е. К вопросу о правильном определении общественно-экономического строя казахов в XVIII в. и позже // ИАН КазССР. Сер. общ.—1970.— № 3.— С. 45—62.

Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века: политико-экономический анализ.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1971—633 с.

Томановская О. С. Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 180—207.

- Трубецкой В. В. Переход к оседлости кочевников Ирана.— УП МКАЭН.— М., Наука, 1964.
- Трубецкой В. В. Бахтияры: оседло-кочевые племена Ирана.— М., Наука, 1966.
- Трубецкой В. В. Трансформация традиционной социально-экономической структуры кочевых и полукочевых племен Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки // Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования.— М., Наука, 1977.— С. 73—105.
- Тургиев Т. Б. Скотоводство и земледелие у алан в позднеантичное время.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Тбилиси, 1977.— 24 с.
- Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1950.
- Турсунбаев А. Б. Казахский аул в трех революциях.— Алма-Ата, Казахстан, 1967.
- Турсунбаев А. Б. Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1973.— С. 223—234.
- Турсунова М. С. Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века // ТИИАЭ АН КазССР.— Т. II.— Алма-Ата, 1961.— С. 174—202.
- Турсунова М. С. Из истории казахов Мангышлака во второй половине XIX века // ТИИАЭ АН КазССР.— Т. 18.— Алма-Ата, 1963.— С. 122—152.
- Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в.: вопросы социально-экономической и политической истории.— Алма-Ата, Наука, 1977.
- Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925.— 75 с.
- Тэрнер В. Символ и ритуал.— М., Наука, 1983.— 277 с.
- Тяукин М. -Г. Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию Ордынцев, кочующих в Зауральской степи // Экономические записки.— 1861.— № 41.— С. 323—325.
- Ураи-Кёхальми К. К вопросу об образовании кочевых государств: на материалах даурской племенной конфедерации XVII в. // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык.— Новосибирск, Наука, 1985.— С. 124—129.
- Утимагамбетов М. М. Физико-географическая характеристика территории // Климат Казахстана.— Л., Гидрометеониздат, 1959.— С. 9—17.
- Утешев А. С. Атмосферная засуха // Климат Казахстана.— Л., Гидрометеониздат, 1959.— С. 117—138.
- Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества.— XIII МКИИ.— М., Наука, 1970.— 20 с.
- Фадеев В. А., Слудский А. А. Сайгак в Казахстане: экология, хозяйственное значение.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1982.
- Файнберг Л. А. У истоков социогенеза: от стада обезьян к общине древних людей.— М., Наука, 1980.— 153 с.
- Фаизов К. Ш. Почвы пустынной зоны Казахстана: региональная характеристика почв.— Алма-Ата, Наука, КазССР, 1983.— 240 с.
- Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края.— Ч. I.— 299 с.; Ч. II.— 318 с.— Ташкент, 1903.
- Федоров Д. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа.— Ташкент, 1910.
- Федоров Е. Г. Казахстан — колония царизма в конце XIX и в начале XX столетия // Ученые записки Алма-Атинского Государственного педагогического института.— Т. II.— Алма-Ата, 1941.— С. 147—183.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., МГУ, 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды.— М., МГУ, 1973.— 180 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ.— 1976.— № 8.— С. 39—48.
- Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды.— М., Искусство, 1976.— 227 с.
- Федорович Б. А. Лик пустыни.— М., Изд-во культпросвет лит-ры, 1950.— 248 с.

- Федорович Б. А. Основные черты орографии и гидрографии // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.— М., Наука, 1969.— С. 15—20.
- Федорович Б. А. Типы рельефа // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.— М., Наука, 1969.— С. 78—89.
- Федорович Б. А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1973.— С. 207—222.
- Федорович Б. А. Динамика и закономерности рельефообразования пустынь.— М., Наука, 1983.—238 с.
- Федорович Б. А., Есауленко П. И. Пути развития животноводства в полупустынях и пустынях // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.— М., Наука, 1969.— С. 450—456.
- Федосеев А. П. Климатические условия зимнего выпаса овец на пастбищах Казахстана / Труды КазНИГМИ.— М., 1959.— Вып. 13.— С. 3—10.
- Федосеев А. Климат и пастбищные травы Казахстана: агроклиматическая характеристика и агрометеорологические прогнозы.— Л., Гидрометеониздат, 1964.—316 с.
- Федосеев И. А., Плахотник А. Ф. Человек и гидросфера: краткая история взаимодействия.— М., Наука, 1985.—165 с.
- Федотов П. А. Коневодство.— М., Колос, 1981.—240 с.
- Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки.— МОКИСАР.— Вып. II.— Л., Изд-во АН СССР, 1927.— С. 78—107.
- Фокин А. Д. Почва, биосфера и жизнь на Земле.— М., Наука, 1986.—177 с.
- Формозов А. Н. Проблемы экологии и географии животных. Сборник статей.— М., Наука, 1981.—349 с.
- Формозов А. Н. Животный мир Казахстана.— М., Наука, 1987.—149 с.
- Фошон Ж. Кочевники наших дней // Курьер ЮНЕСКО.— 1983.— Июль.— Сельский мир.— С. 30—32.
- Франкфор А. -П. Существовал ли Великий шелковый путь во II—I тысяч. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 203—217.
- Фукс С. Л. Некоторые моменты казахского права и «Описание киргизских обычаев» д'Андре // ИАН КазССР. Сер. юрид.— 1948.— № 50.— Вып. I.— С. 77—94.
- Фукс С. Л. Обычное право казахов в XVIII—первой половине XIX века.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1981.—224 с.
- Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья.— Челябинск, Изд-во Башкирского университета, 1984.— С. 136—158.
- Хазанов А. М. Характерные черты кочевых обществ Евразийских степей.— IX МКАЭН.— М., Наука, 1973.—15 с.
- Хазанов А. М. Сармато-калмыцкие параллели: к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции.— Вып. I.— Серия литературы, фольклора и истории.— Элиста, 1974.— С. 213—219.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей.— М., Наука, 1975.—343 с.
- Хазанов А. М. Некоторые проблемы экологии нomaдизма // Карта, схема и число в этнической географии.— М., Изд. Географического общества СССР, 1975а.— С. 43—50.
- Хазанов А. М. Роль рабства в процессе классообразования у кочевников Евразийских степей // Становление классов и государства. Сборник статей.— М., Наука, 1976.— С. 249—279.
- Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 125—177.
- Харузин А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // ЭО.— 1895.— № 3.— С. 49—92.
- Халиль Исмаил. Исследование хозяйства и общественных отношений кочев-

ников Азии в советской литературе 50—80-х гг.— Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.— М., 1983.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // ЭО.—1896.—№ 1.— С. 1—53;— № 2.— С. 1—71.

Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области: статистико-экономический очерк // Вопросы колонизации.—1915.— № 18.— С. 158—206.

Хвостова К. В. Социологические модели: «западные» и «восточные» типы общественных отношений // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: азиатский способ производства.— М., Наука, 1966.— С. 202—211.

Хёфлинг Г. Жарче ада.— М., Мысль, 1986.—207 с.

Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма.— М., Наука, 1970.

Хлопин И. Н. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1989.— С. 217—224.

Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков.— Алма-Ата, Наука Казахской ССР, 1980.—254 с.

Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в.— М., Наука, 1979.—207 с.

Хорошихин А. Народы Средней Азии // МСТК.— Вып. III.— СПб., 1874.— С. 303—330.

Хорошихин А. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края.— СПб., 1876.—532 с.

Хотинский Н. А. Голоцен Северной Азии.— М., Наука, 1977.

Хубиев К. А. Собственность и присвоение в процессе воспроизводства экономических отношений // Экономические науки.—1978.— № 6.

Хубиев К. А. Соотношение собственности и системы производственных отношений.— Автореф. дисс. ...канд. эконом. наук.— М., 1978.

Хубиев К. А. Сложные производственные отношения и методология их исследования // Экономические науки.— 1983.— № 9.— С. 7—14.

Худяков Ю. С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии.— Новосибирск, Наука, 1985.— С. 105—111.

Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии.— МИА № 135.— М., Наука, 1966.—166 с.

Цырендондоков Н. Д. Основы овцеводства. Биологические особенности овец. Технология производства.— М., Росагропромиздат, 1989.—176 с.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы, Культуры.— М., Наука, 1971.—256 с.

Человек и природа.— М., Наука, 1980.

Человек и среда обитания.— Л., Наука, 1974.

Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма.— М., Наука, 1981.—280 с.

Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ.— Вып. XXVI.— М., 1957.— С. 28—33.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА № 88.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960.—195 с.

Черников С. С. Загадка золотого кургана.— М., Наука, 1965.

Черников С. С. К вопросу о классообразовании у кочевников // Проблемы советской археологии.— М., Наука, 1978.— С. 73—80.

Черновский А. А. Родословная киргиз-казахов, живущих в районе р. Чу и низовьев р. Таласа, Аулие-Атинского и Черняевского уездов.— Ташкент, 1915.—8 с.

Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ.—1970.— № 6.— С. 15—26.

Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии.— М., Наука, 1979.— С. 189—203.

Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 109—124.

Чибилов А. А. Лик степи: эколого-географические очерки о степной зоне СССР.— Л., Гидрометеиздат, 1990.—191 с.

Чигаркин А. В. Люди и пустыня.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1979.—184 с.

Чигаркин А. В. Освоение пустынь Казахстана: географические аспекты природопользования.— Алма-Ата, Казахстан, 1984.—224 с.

Чогдон Ж. Обводнение пастбищ: на примере МНР.— М., Колос, 1980.—256 с.

Чорманов М. О кочевках киргизов // СОВ.—1871.— № 33.

Чорманов М. Зимовка или зимняя кочевка киргизов // СОВ.—1871а.— № 37.

Чорманов М. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство.—1883.— Ч. 142.— № 1.— Отд. II.— С. 39—50.

Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда // ЗЗСОРГО.—1906.— Кн. XXXII.— Отд. VI.— С. 1—27.

Чубуков Л. А. Климат // Казахстан. Общая физико-географическая характеристика.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950.— С. 141—148.

Чулошников А. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен.— Ч. I.— Оренбург, 1924.— 291 с.

Чулошников А. П. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. // ИАН СССР.—1936.— № 1.

Чупахин В. М. Физическая география Казахстана.— Алма-Ата, Наука, 1968.

Чупахин В. М. Природное районирование Казахстана: для целей сельского хозяйства.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1970.

Чупахин В. М. Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана.— Алма-Ата, Наука, 1987.—255 с.

Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи: к истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.— Ташкент, Фан, 1966.

Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии: историко-этнографическое исследование.— Автореф. дисс. ...докт. ист. наук.— Тбилиси, 1979.

Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // СЭ.—1982.— № 3.— С. 70—76.

Шангин И. П. Извлечения из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // Сибирский вестник.—1820.— Ч. IX.— Кн. 3.

Шаниязов К. Отгонное животноводство у узбеков // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— Л., Наука, 1973.— С. 87—98.

Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа.— Ташкент, Фан, 1974.

Шаниязов К. Ш. Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.— М., Наука, 1975.— С. 188—193.

Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // ВИ.—1969.— № 12.— С. 57—72.

Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1946.—258 с.

Шахматов В. Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа // ИАН КазССР. Сер. ист.—1950.— Вып. 6.— С. 80—99.

Шахматов В. Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // ВАН КазССР.—1951.— № 7.— С. 18—36.

Шахматов В. Ф. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в // ВАН КазССР.—1951.— № 11.— С. 93—108.

Шахматов В. Ф. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.— С. 50—59.

Шахматов В. Ф. О собственности на водные источники в кочевых районах Казахстана в XIX в. // ИАН КазССР. Сер. ист., эконом., философ. и права.—1956.— Вып. 3.— С. 114—121.

Шахматов В. Ф. О влиянии цикличности солнечной активности на сельское

- хозяйство // ИАН КазССР. Сер. ист., арх. и этн.—1961.— Вып. 2.— С. 43—53.
- Шахматов В. Ф.* Патриархально-феодалные отношения в Казахстане: вопросы зарождения, специфики и эволюции. Доклад вместо автореферата на соискание ученой степени доктора исторических наук по совокупности опубликованных работ.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1962.—73 с.
- Шахматов В. Ф.* О пастбищно-кочевой (земельной) общине у казахов // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана.— Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1962.— С. 3—40.
- Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община: вопросы образования, эволюции и разложения.— Алма-Ата, Наука, КазССР, 1964.—207 с.
- Швабский.* О семенах и посеве Тургайской пшеницы и проса, называемых в Киргизской степи Конак, Акпикеч и Конур-Чулак // Земледельческий журнал.— 1832.— № 5.— С. 106—108.
- Шварева Ю. Н.* Общая характеристика. Климат // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР.— М., Наука, 1969.
- Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья.— Л., Наука, 1975.—208 с.
- Шилкевич С.* Динамика монгольской системы родства // Третий международный конгресс монголоведов.— Т. I.— Улан-Батор, 1978.— С. 277—282.
- Ширматедов М.* Подвижные пески Западного Туркменистана и их освоение.— Ашхабад, Ылым, 1985.—83 с.
- Шмидт Ю.* Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // ЗСОРГО.— Кн. XVII.— Вып. 1—2.— Отд. VI.— С. 1—149.
- Шнайдинштейн Е. В.* Некоторые проблемы развития скотоводства Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. ист.—1974.— № 9.
- Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства: культурно-историческая проблема.— М., Наука, 1980.—333 с.
- Шнирельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., Наука, 1982.— С. 207—252.
- Шнирельман В. А.* Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству: по материалам Африки и Азии // СЭ.—1982а.— № 4.— С. 26—39.
- Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.— М., Наука, 1986.— С. 236—426.
- Шнирельман В. А.* Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.— М., Наука, 1986.— С. 427—489.
- Шнирельман В. А.* Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии.— М., Наука, 1987.—67 с.
- Шнирельман В. А.* Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классообразования.— М., Наука, 1988.— С. 5—139.
- Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства.— М., Наука, 1989.—444 с.
- Шнирельман В. А.* Этапы развития древнего скотоводства в Восточном Средиземноморье // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, Наука, КазССР, 1989а.— С. 131—149.
- Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства: проблема первичных и вторичных очагов.— Автореф. дисс. ...докт. ист. наук.— М., 1989б.— 42 с.
- Шнирельман В. А.* О первобытной этнической непрерывности // Расы и народы. Ежегодник.— Вып. 19.— М., Наука, 1989.— С. 32—38.
- Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957.—337 с.
- Шнэ В.* Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // ЗСОРГО.—1894.— Кн. XVII.— Вып. 1—2.— С. 1—18.— Отд. II.
- Щербина Ф.* Киргизская народность в местах крестьянских поселений.— СПб., 1905.

Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов.— М., Наука, 1985.—235 с.
Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного.— М., Наука, 1984.—581 с.

Эволюция и биоценотические кризисы.— М., Наука, 1987.—160 с.

Экология и земледелие.— М., Наука, 1980.—295 с.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 12.— С. 614—619.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 23—178.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 20.— С. 5—338.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 20.— С. 339—625.

Эрднеев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки.— Элиста, Калмыцкое книжное изд-во, 1980.—286 с.

Этнографические исследования развития культуры.— М., Наука, 1985.—263 с.

Этнография.— М., Высшая школа, 1982.—320 с.

Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества.— М., Наука, 1979.—168 с.

Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии.— М., Наука, 1981.—256 с.

Этно-культурные процессы: методы исторического и синхронного изучения.— М., Наука, 1982.—242 с.

Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки.— М., Наука, 1973.—232 с.

Этнология в США и Канаде.— М., Наука, 1989.—328 с.

Эфендиев М. М. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ.—1955.— № 11.

Югай Р. Л. История развития географических и картографических представлений о пустыне Кызылкум: с древнейших времен до середины XIX в.— Ташкент, Фан, 1966.—219 с.

Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1983.— С. 106—165.

Юнатов А. А. Использование местной дикорастущей флоры кочевым населением Центральной Азии.— VII МКАЭН.— М., Наука, 1964.—11 с.

Юшков С. В. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане // ВАН КазССР.— 1951.— № 9.— С. 59—69.

Язлыев Ч. Скотоводческое хозяйство туркмен Иолотанского оазиса во второй половине XIX— начале XX в. // Очерк этнографии населения Южного Туркменистана: XIX— начало XX в.— Ашхабад, Ылым, 1979.— С. 37—44.

Ямсков А. Н. Этноэкологический подход к классификации форм скотоводства: на примере традиционного хозяйства народов Кавказа // Этническая культура: динамика основных элементов.— М., Наука, 1984.— С. 5—17.

Ямсков А. Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // СЭ.—1986.— № 5.— С. 22—34.

Ямсков А. Н. Отгонно-пастбищное скотоводство. Опыт этноэкологического и типологического исследования: на примере хозяйства народов Кавказа в конце XIX— начале XX в.— Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.— М., 1987.—24 с.

Ямсков А. Н. Географический детерминизм: мифы и реальность.— Рукопись.— М., 1988.—34 с.

Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям.— Алма-Ата, Наука КазССР, 1966.

Abbas M. The nomadic and sedentary: polar complementaries — not polar opposites // The Deserts and the Sown: Nomads in a Wider Society.— University of California, Institute of International Studies, research series, No. 21.— Berkeley, 1973.— P. 97—113.

Abdalla A. J. Sudan Pastoralists in Transition. Problems of Evolution and

- Ajustment // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.— Berlin, 1981.— Heft, 33.— S. 203—211.
- Agricultural in Semi-Arid Environments.— Ed. by A. E. Hall, Y. H. Cannel and H. W. Lawton.— New-York, 1979.
- An Introduction to Human Ecology Research on Agricultural Systems in Southeast Asia.— College, Laguna: University of the Philippines at Los Banos, 1984.— 346 p.
- Atkinson T. Oriental and Western Siberia, a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary and part of Central Asia.— New-York, 1858.
- Bacon E. E. Obok: a Study of Social Structure in Eurasia.— Viking Fund Publication in Anthropology.— No. 25.— New-York, Wenner Gren, 1958.
- Bacon E. E. Central Asians under Russian Rule. A Study in Cultural Change.— Ithaca — New-York, 1965.
- Barfield T. J. The Nomadic Alternative. Boston University, Prentice Hall, 1993.— 230 p.
- Bataillon C. Modernisation du nomadisme pastoral // Nomads and nomadism in the Sahara.— Part II. Nomadism and the modern world.— Arid Zone Research, 1963. Vol. XIX.— P. 165—177.
- Bataillon C. and Verlaque C. Nomadisme et économie moderne // Nomads and nomadism in the Sahara.— Part II. Nomadism and the modern world.— Arid Zone Research, 1963. Vol. XIX.— P. 153—134.
- Bawden C. R. The Modern History of Mongolia.— New-York, 1968.
- Birks S. The Mountain Pastoralists of the Sultanate of Oman: Reactions to Drought // Development and Change.— Vol. 9. No. 1.— The Hague, 1978.— P. 71—86.
- Bodger A. Abulhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and his Oath of Allegiance to Russia of October 1731 // The Slavonic and East European Review. Vol. 58. No. 1.— London, 1980.— P. 40—57.
- Bonte P. Egalite et inegalite chez les pasteurs nomades // Production Pastorale et Societe.— No. 2.— Paris, 1978.— P. 2—8.
- Boulger D. C. England and Russia in Central Asia.— Vol. I—II.— London, 1873.
- Bourgeot A. Le developpement des inegalites // Production Pastorale et Societe.— No. 2.— Paris, 1978.— P. 16—22.
- Bourgeot A. Production pastorale et penetration capitaliste: anthropologie ou sociologie? // Tiers monde.— Vol. 23.— No. 90.— Paris, 1982.— P. 345—366.
- Boyle J. O. A form of horse sacrifice amongst the 13th- and 14th- century Mongols // Central Asiatic Journal.— Vol. X.— No. 3—4.— December 1965.— The Hague — Wiesbaden, 1965.— P. 145—150.
- Boyle J. A. The seasonal residences of the Great Khan Ogedei // Central Asiatic Journal.— Vol. XVI.— No. 2.— Wiesbaden, 1972.— P. 125—131.
- Brenties B. Die entwicklung des nomadismus im Alten Orient nach archaologischen Quellen und unter Berücksichtigung der postglazialen Klimaschwankungen // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.— Berlin, 1981.— Heft, 33.— S. 41—48.
- Briant P. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien.— Cambridge-Paris, 1982.
- Brooks C. E. P. Climate Through the Ages. A Study of the Climatic Factors and Their Variations.— London, Ernest Benn Ltd., 1949.
- Brooks C. E. P. The Climatic Changes of the Thousand Years // Experientia.— Vol. X.— Fascicule 4.— P. 153—158.
- Bundt Ch., Heiland G., Lang H., etc. Wo ist «vorn». Sinn und Unsinn entwicklungspolitischen Eingreifens bei Ostafrikanischen Hirtennomaden // Sociologus. Zeitschrift für empirische Ethnosoziologie und Ethnopsychologie.— Berlin, 1979.— Jahrgang 29.— Heft 7.— S. 21—59.
- Cahun L. Introduction a l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines jusqu'à 1405.— Paris, 1896.
- Cant G. Perception and Environment: The World of the Pastoral Nomads // New Zealand Journal of Geography.— Christchurch, 1984.— No. 77.— P. 7—10.
- Chagdarsurung Ts. A propos de l'élevage des Cinq espèces de bétail chez les Mongols // Production Pastorale et Societe.— No. 5.— Paris, 1979.— P. 19—23.

- Change and Development in Nomadic and Pastoral Societies. Ed. by J. Galaty and Ph. Salzman.—Leiden, 1981.—173 p.
- Chatty D.* Pastoralism: adaptation and optimization // *Folk*.—1972.—Vol. 14.—P. 27—38.
- Christodoulou D.* Settlement of nomadic and semi-nomadic people in the Kazakh SSR // *Land Reform*.—1970.—No. 1.—P. 50—63.
- Clark M. J.* «How the Kazaks fled to Freedom» // *National Geographic Magazine*.—1954.—No. 106.—P. 321—644.
- Clark M. J.* Leadership and Political Allocation in Sinkiang Kazak Society.—Harvard University Press, 1955.
- Clauson G.* Turkish and Mongolian horses and use of horses, an etymological study // *Central Asiatic Journal*.—Vol. X.—No. 3—4, December.—The Hague—Wiesbaden, 1965.—P. 161—166.
- Copans J.* Mode de productions: formation sociale, ou ethnic? // *Canadien Journal of African Studies*.—Vol. 20.—No. 1.—Ottawa, 1986.—P. 74—90.
- Conczacki Z. A.* The Economics of pastoralism: A case-study of Sub-Saharan Africa.—London, Franck Cass., 1978.—185 p.
- Czaplicka M. A.* The Turks of Central Asia in History and at the Present Day.—Oxford, 1918.—243 p.
- Darling F. F. and Farvar M. A.* Ecological consequences of the sedentarization of nomads // *The Careless Technology: Ecology and International Development*.—New-York, Natural History Press, 1972.—P. 671—682.
- Demko G.* The Russian colonization of Kazakhstan, 1896—1916.—Bloomington, 1969.
- Dingelstedt V.* Le regime patriarcal et de droit coutumier des Kirghiz.—Paris, 1891.—102 p.
- Dreyer J. T.* The Kazakhs in China // *Ethnic Conflicts in International Relations*.—New-York, 1977.—P. 143—177.
- Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. *Ethnographies/USC Monographs*, University of Southern California.—Los-Angeles, 1989.—247 p.
- Ecsedy I.* Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia*.—Budapest 1972.—T. XXV.—Fasciculi 1—3.—P. 245—262.
- Ecsedy I.* Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // *Acta Orientalia*.—Budapest, 1977.—T. XXXI.—Fasc. 1.—P. 3—15.
- Ecsedy I.* Nomadic Societies and State Formations // *Acta Orientalia*.—Budapest, 1981a.—T. XXXV.—Fasc. 2—3.—P. 393—396.
- Ecsedy I.* Nomads in History and Historical Research // *Acta Orientalia*.—Budapest, 1981. T. XXXV.—Fasc. 2—3.—P. 201—227.
- Expert Consultation on the Settlement of Nomads in Africa and the Near East. Held in Cairo.—Food and Agriculture Organisation, Roma, No. RP 20.—35 p.
- Feudalism in Kazakhstan. Some difficulties of Marxist historiography // *Central Asian Review*, 1961.—Vol. IX.—No. 2.
- Fletcher J.* The Mongols: Ecological and Social Perspective // *Harvard Journal of Asiatic Studies*.—Cambridge, Massachusetts University Press, 1986.—Vol. 46.—No. 1.—P. 11—50.
- Forde D.* Ecology and Social Structure // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute for 1970*.—1971.—P. 15—29.
- Fox-Holmes G.* The Social Structure and Customs of Kazakhs // *Central Asian Review*, 1957.—Vol. I.—No. 5.
- Frantz C.* Ecology and Social Organization among Nigerian Fulde (Fulani) // *The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes*.—The Hague, 1978.—P. 97—118.
- Fried M. H.* On the Concepts of «Tribe» and «Tribal Society» // *Essays on the Problems of Tribe*.—Washington, 1968.—P. 3—18.
- Gabain A. von.* Die heutigen Kasaken // *Studia Turcologica*.—Memoria Alexii Bombacii Dedicata. Instituto Uniuersitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici.—Series Minor 19.—Napoli, 1982.—P. 205—217.
- Gellner E.* Introduction: Approaches to Nomadism // *Desert and the Sown*:

- Nomads in a Wider Society.—University of California, Institute of International Studies, research series, No. 21.—Berkeley, 1973.—P. 1—9.
- Goldschmidt W.* On the accomodation of pastoralists to modern life. // *American Anthropologist*, 1967.—No. 69.—P. 223—224.
- Goldschmidt W.* Independence as an element in pastoral social systems // *Comparative studies of nomadism and pastoralism*.—*Anthropological Quarterly*, 1971.—Vol. 44.—No. 3.—Special issue.—P. 132—142.
- Glatzer B., Casimir M.* Herds and Household among Pashtun Pastoral Nomads: Limits of Growth // *Ethnology*.—Pittsburg, 1983.—Vol. 22.—No. 4.—P. 307—325.
- Grousset R.* The Empire of the Steppes: A History of Central Asia.—London, 1970.—387 p.
- Grunert H., König W.* Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich-Kultureller Typ. Bericht vom 3. Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift — Kolloquium Leipzig, 1973 // *Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift*.—Berlin, 1974.—Jahrgang 15.—Heft, 3.—S. 453—468.
- Hartwig W. A.* Die «Spezifik» der gesellschaftlichen Organisation der nomadenviehzüchter // *Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift*.—Berlin, 1974.—Jahrgang 15.—Heft, 4.—S. 621—627.
- Hayashi T.* Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*.—Vol. VI.—Tokyo, 1984.—P. 51—92.
- Herzog R.* Auswirkungen der letzten Durre auf die Sahel-Nomaden // *Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*.—Berlin, 1981.—Heft, 33.—S. 133—140.
- Herzog R.* Geographische Vertretung und Geschichte des Nomadismus // *Der Tropenlandwirt*.—*Journal of Agriculture in the Tropics and Subtropics*.—Beiheft.—No. 38.—Nomaden und ihre Umwelt im Wandel.—Vorträge der 17.—Witzenhäuser Hochschulwoche, 1988.—S. 7—15.
- Hole F.* Pastoral nomadism in Western Iran // *Explorations in Ethnoarchaeology*.—Albuquerque, University of New Mexico Press, 1978.—P. 122—167.
- Howarth H. H.* History of the Mongols from the 9-th to the 19-th Century.—4 volumes in 5 parts.—1876—1927.—Vol. II.—The So-Called Tartars of Russia and the Central Asia.—2 parts.—Taiper, 1970.—1087 p.
- Hudson A.* Kazak Social Structure // *Yale University Publications in Anthropology*.—No. 20.—New Haven, Yale University Press, London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1938.—109 p.
- Humphrey C.* Pastoral nomadism in Mongolia: the role of herdsman's Cooperatives in National Economy // *Development and Change*.—The Hague, 1978.—Vol. 9.—No. 1.—P. 133—160.
- Huntington E.* The Pulse of Asia.—Boston-New-York, 1907.
- Huntington E.* Civilisation and Climate.—Third edition.—New Haven, Yale University Press, 1924.
- Hussel L.* Sahel-Ranching in Westafrika // *Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*.—Berlin., 1981.—Heft, 33.—S. 141—150.
- Irons W. and Dyson-Hudson N.* Perspectives on Nomadism.—Leiden, E. J. Brill, 1972.—135 p.
- International Labour Organisation. Report on the Inter-regional Study Tour and Seminar on the Sedentarization of Nomadic Populations in the Soviet Socialist Republics of Kazakhstan and Kirghizia.—Geneva, 1967.—96 p.
- International Labour Organisation. Sedentarization of Nomadic and Semi-nomadic Tribes.—Geneva, 1962.—85 p.
- Jarring G.* Owner's Marks among the Turks of Central Asia // *Scholia*. Beiträge zur Turkologie und Central-Asienkunde.—Wiesbaden, 1981.—S. 103—106.
- Jenkins G.* A note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan // *Central Asiatic Journal*.—Wiesbaden, 1974.—Vol. XVIII.—No. 2.—P. 217—226.
- Jettmar K.* Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens // *Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*.—Berlin, 1981.—Heft 33.—S. 49—70.
- Johnson D. L.* The Nature of Nomadism. A comparative study of pastoral migrations in Southern Asia and Northern Africa.—Chicago, University of Chicago, Department of Geography, 1959.—Research Paper.—No. 118.—200 p.

Jones W. D. and Derwent S. W. Nomadic Herding Regions // Economic Geography.—1932.—Vol 8.—No. 4.—P. 375—385.

Khazanov A. M. Notes on the emergence of the Mongolian State under Genghis Khan // Production pastorale et societe.—Paris, 1979.—No. 5.—P. 13—18.

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World.—Cambridge-New-York, Cambridge University Press, 1984.—369 p.

Konczacki Z. A. The Economics of Pastoralism: a case-study of Sub-Saharan Africa.—London, Franck Cass, 1978.—185 p.

Konig W. Zu fragen der gesellschaftsorganisation der nomaden // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, Berlin, 1981.—Heft 33.—S. 26—30.

Kolars J. F. Tradition, Season and Change in a Turkish Village // The University of Chicago.—Department of Geography.—Chicago, 1963.—Research Paper.—No. 82.

Krader L. and Wayne I. The Kazakhs. A Background study for Psychological Warfare.—Human Resources Research Office.—Technical Report.—No. 23.—Washington D. C., 1955.

Krader L. Ecology of Central Asian Pastoralism // Southwestern Journal of Anthropology.—1955.—Vol. 12.—No. 4.—P. 301—326.

Krader L. Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe Pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology.—1955a.—Vol. 12.—No 2.—P. 67—92.

Krader L. Feudalism and the Tatar polity of the Middle Ages // Comparative Studies in Society and History.—1958.—Vol. 1. No. 1.—P. 76—99.

Krader L. Ecology of nomadic pastoralism // International Social Science Bulletin (Journal).—1959.—Vol. XI.—No. 4.—Part I.—Nomads and nomadism in arid zones.—P. 499—510.

Krader L. Ethnonymy of Kazakh // American Studies in Altaic Linguistics.—Ed. by N. Poppe.—Bloomington, Indiana University Press, 1962.—P. 123—128.

Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads.—Indiana University Publications.—Uralic and Altaic Series.—Vol. 20.—The Hague, Mouton Co., 1963.—412 p.

Krader L. Peoples of Central Asia.—Indiana University Publications.—Bloomington, 1966.—277 p.

Krader L. Social Life in the Arid Zones // Arid Lands. A Geographical Appraisal.—Ed. by E. S. Hills.—Paris, UNESCO, 1965a.—P. 405—420.

Krader L. Pastoralism Nomadism in Eurasia: As Evolution and as History.—Proceedings VIII ICAES (MKA H).—Vol. III.—Tokyo, Science Council of Japan, 1970.—P. 321—323.

Krader L. The Origin of the State Among the Nomads of Asia // The Early State.—Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik.—New Babilon Studies in the Social Sciences.—No. 32.—The Hague, Paris, New-York, Mouton Publishers, 1978.—P. 93—107.

Krader L. The Origin of the state among the nomads of Asia // Pastoral Production and Society.—Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism —Paris 1—3 Dec. 1976.—Cambridge University Press, 1979.—P. 231—234.

Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.—Berlin, 1981.—Heft 33.—S. 71—82.

Krausse A. Russia in Asia. A record and a study 1558—1899.—London, 1899.

Lattimore O. Inner Asien Frontiers of China.—London, New-York, Oxford University Press, 1940.

Lattimore O. The Geographical Factor in Mongol History // Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers. 1928—1958.—Paris—La Haye, Mouton et Co., 1962.—P. 241—250.

L'Ethno-Archeologie et les Societes de pasteurs nomades.—Debats // Production Pastorale et Societe.—Paris, 1979.—No. 5.—P. 3—12.

Lewis I. M. The Dynamic of Nomadism: prospects for sedentarization and social change // Pastoralism in Tropical Africa.—Oxford University Press, 1975.

Lias G. Kazak Exodus.—London, 1956.

- Livestock Development in Subsaharan Africa: Constraints, Prospects, Policy.—Colorado, Boulder, 1984.—422 p.
- Litvinskii B. A.* The Ecology of the Ancient Nomads of Soviet Central Asia and Kazakhstan // Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World.—Los Angeles, 1989.—P. 61—72.
- Mac Gahan J. A. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva.—London, 1874.
- Massanov N. E.* La dispersion comme loi generale de l'activite de la societe nomade // Nomades et sedentaires en Asie Centrale.—Paris, 1990.—S. 193—203.
- Mirren A.* Die Wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Verhältnisse der nomadischen Bevölkerung im Norden der Demokratischen Republik Somalia // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.—Bd., 32.—Berlin, 1980.—S. 217—221.
- Mirren A.* Das Eigentum an Vieh und Wasser bei den Nomaden im Norden der Demokratischen Republik Somalia // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.—Heft, 33.—Berlin, 1981.—S. 183—190.
- Magnarella P. J.* Kazakhs // Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey.—Vol. 1.—Westport, CO, 1984.—P. 394—399.
- McLean N. L. D.* The Much-Courted Kazakhs // The Geographical Magazine.—No. 21.—1948.—P. 256—263.
- Morrison I.* Some notes on the Kazakhs of Sinkiang // Journal of the Royal Central Asian Society.—No. 36.—1949. P. 67—71.
- Moser H.* A travers L'Asie Centrale.—Paris, 1885.—463 p.
- Murphey R.* An Ecological History of Central Asian Nomadism // Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World.—Los Angeles, 1989.—P. 41—58.
- Nagrodzka—Majchrzyk T.* Geneza miast u dawnych ludów tureckich (VII—XII w.).—Wrocław etc., W.—wo PAN, 1978.—168 s.
- Neubert H.* Nomadenviehhaltung und Karakulchafzucht in Kazakhstan // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.—Heft, 33.—Berlin, 1981.—S. 127—131.
- Nicolaisen J.* Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg: With Particular Reference to the Tuareg of Ahaggar and Avr.—Copenhagen, The National Museum, Ethnographical Series, No. IX, 1963.—548 p.
- Nomades et Sedentaires: Perspectives Ethnoarchéologiques.*—Paris, 1984.—235 p.
- Nomades et Sedentaires en Asie Centrale.* Apports de l'archéologie et de l'ethnologie. Ed du Centre National de la Recherche scientifique 15, quai Anatole-France-75700 Paris, 1990.
- Nomadismus — ein Entwicklungsproblem Beiträge zu einem Nomadismus — Symposium, veranstaltet in der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin vom 11 bis 14 Februar 1982.* // Abhandlungen des Geographischen Instituts. Anthropogeographie.—Bd. 33.—Berlin, 1982.—255 s.
- Nomads and nomadism in Arid Zones.*—International Social Science Bulletin.—Ed. by J. Berque.—1959.—UNESCO.—Vol. XI.—No. 4.—Part I.—P. 481—584.
- Nomads and nomadism in the Sahara.*—Part I: Traditional nomadism.—Part II: Nomadism and the modern World.—Ed. by C. Bataillon // Arid Zone Research.—1963.—Vol. XIX.—137 p.
- Nomads and Sedentary Peoples.*—Ed. by Jorge Silva Castillo.—Mexico, El Colegio de Mexico, 1981.—123 p.
- Nomads of Eurasia.* Natural History Museum of Los Angeles county in Association with Denver Museum of Natural History.—Los Angeles, 1989.—192 p.
- Nomads of the World.* National Geographic Society Special Publications Division, 1971.
- Obeid H. I.* Some General Aspects of Nomadism in Sudan // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.—Berlin, 1981.—Heft, 33.—S. 199—202.
- Oberling P.* The Qashqa'i Nomads of Fars.—Near and Middle East Monographs. Columbia University.—Vol. 6.—London, 1974.—277 p.
- Obermeyer G. J.* Leadership and transition in Beduin society: a case study // The Desert and the Sown: Nomads in a Wider Society.—University of California

nia, Institute of International Studies, research series, No. 21.—Berkeley, 1973.—P. 159—172.

Olcott M. B. The Emergence of National Identity in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism.—Vol. 8.—No. 2.—1981.—P. 285—300.

Olcott M. B. The Kazakhs.—Studies of Nationalities in the USSR.—Stanford, Hoover Institution Press, 1987.—341 p.

Paloczi-Horvath A. L'immigration et l'Établissement des Comans en Hongrie // Acta Orientalia.—1975.—T. XXIX.—Fasciculi 3.—P. 313—333.

Pastner S. Camels, sheep and nomad social organization; a comment on Rubel's model // Man.—New series.—1971.—Vol. 6.—No. 2.—P. 285—288.

Pastner S. Conservatism and Change in a Desert Feudalism: The Case of Southern Baluchistan // The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes.—The Hague, 1978.—P. 247—260.

Pastoral Production and Society. Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism. Paris, 1—3 December 1976.—Ed. by L'Equipe ecologie et anthropologie des sociétés pastorales.—London, Cambridge University Press, 1979.—490 p.

Pastoralists and Nomads in South Asia.—Ed. by L. S. Leshnik and G.-D. Sontheimer.—Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1975.

Patai R. Nomadism: Middle Eastern and Central Asian // Southwestern Journal of Anthropology.—1951.—Vol. 7.—No. 4.—S. 401—414.

Patai R. The Arab Ming.—London, 1373.—373 p.

Penrose G. L. Kazakh // Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey.—Ed. by R. V. Weeks.—Westport, CO 1978.—P. 210—212.

Production pastorale et société (suite). Debats // Production Pastorale et Société.—Paris, 1978.—No. 2.—P. 1—31.

Rawlinson H. England and Russia in the East.—London, 1875.—393 p.

Riasanovsky V. A. Customary Laws of the Nomadic Tribes of Siberia.—Tientsin, 1938.

Riasanovsky V. A. Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia.—Uralic and Altaic Series. No. 48.—Bloomington, 1965.

Riasanovsky V. A. Fundamental Principles of Mongol Law.—1965.—357 p.

Roux J. P., Ozbayri K. Les Traditions des Nomades de la Turquie Meridionale.—Istanbul, 1969.—405 p.

Rowton M. The Physical Environment and the Problem of the Nomads // XVe Rencontre Assyriologique Internationale. La Civilisation de Mari.—Paris, Société d'Édition «Les Belles Lettres», 1967.—P. 109—112.

Rubel P. G. Herd Composition and Social Structure: On Building Models of Nomadic Pastoral Societies // Man.—New series.—1963.—Vol. 4.—No. 2.—P. 268—273.

Safi L. Nomadism in Afghanistan // Pasto Quarterly.—1982.—Vol. 5.—No. 3.—P. 9—19.

Saguchi T. Kazakh Pastoralists on the Tarbaghatai Frontier under the Ching // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies.—Taipei, 1985.—P. 963—996.

Salzman Ph. C. Political Organization among Nomadic Peoples // Proceedings of the American Philosophical Society.—1967.—Vol. 111.—No. 2.—P. 115—131.

Salzman Ph. C. Inequality and oppression in nomadic society // Pastoral Production and Society. Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism—Paris 1—3 December 1976.—London, Cambridge University Press, 1979.—P. 429—443.

Saray M. The Russian Conquest of Central Asia // Central Asia Survey.—1982.—Vol. 1.—No. 2/3.—P. 1—31.

Saunders G. The History of the Mongol Conquests.—London, 1971.—265 p.

Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja.—Vol. I.—London, 1876.—411 p.; Vol. II.—London, 1876.—463 p.

Schwartz H. J. Understanding the Ecology of a Nomadic System of Livestock Production // Impact of Science on Society.—1980.—Vol. 30.—No. 4.—P. 279—288.

Schwartz S., Schwartz H. J. Nomadic Pastoralism in Kenya—Still a Viable

- Production System // Quarterly Journal of International Agriculture.— Frankfurt (Main), 1985.— Vol. 24.— No. 1.— P. 5—21.
- Seiwert W.-D.* Viehleihe und soziale Abhängigkeit bei den Hirtennomaden der Westsahara // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.— Heft. 33.— Berlin, 1981.— S. 173—182.
- Seiwert W.-D.* Zur Frage der wirtschaftlichen Klassifizierung von Bevölkerungsgruppen mit beweglicher Viehzucht in Nordwestafrika und der Sahara // Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift.— Berlin, 1982.— Jahrgang. 23.— Heft. 4.— S. 684—691.
- Service E. K.* Origins of the State and Civilization.— New-York—Norton. 1975.
- Shakhanova N.* The System of Nourishment among the Eurasian Nomads: The Kazakh Example // Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World.— Ethnographics/USC.— Los Angeles, 1989.— P. 111—117.
- Simon R.* Symbiosis of Nomads and Sedentaries. On the Character of the Middle Eastern Civilization // Acta Orientalia. 1981.— T. XXXV.— Fasciculi 2—3.— P. 229—242.
- Singer A.* Contemporary Khanates: Compromises Adopted by Kazakh and Kirghiz Leaders // Ecology and Empire; Nomads in the Cultural Evolution of the Old World.— Ethnographics / USC.— Los Angeles, 1989.— P. 193—203.
- Sinor D.* Horse and Pasture in Inner Asian History // Oriens Extremus.— Wiesbaden, 1972.— Dezember.— Jahrgang 19.— Heft 1/2.— P. 171—183.
- Skrine F. H., Ross E. D.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times.— London, 1899.— 444 p.
- Smith J. M.* Mongol and Nomadic taxation // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970, Vol. 30, pp. 46—85.
- Smith S. E.* The Environment Adaptation of Nomads in the West African Sahel: A Key to Understanding Prehistoric Pastoralists // The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes.— The Hague, Mouton Publishers, 1978.— P. 75—96.
- Spooner B.* Towards a generative model of nomadism // Comparative studies of nomadism and pastoralism.— Anthropological Quarterly.— 1971.— Vol. 44.— No. 3. (Special issue).— P. 198—210.
- Spooner B.* The Cultural Ecology of Pastoral Nomads.— University of Pennsylvania, Addison—Wesley Publishing Company, Inc.— 1973.— 53 p.
- Spuler B.* History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries.— London, 1972.
- Stauffer T. R.* The Economics of Nomadism in Iran // The Middle East Journal.— 1965.— Vol. 19.— No. 3.— P. 284—302.
- Stein L.* Zur Rolle des Bodenbaus bei der Ansiedlung der Baggara—Nomaden in der Demokratischen Republik Sudan // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.— Berlin, 1980.— Bd. 32.— S. 209—216.
- Stein L.* Beduinen in neuen Berufen. Versuch einer Analyse // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.— Berlin, 1981.— Heft. 33.— S. 159—170.
- Stöber G.* Die Afshar—Nomadismus im Raum Kerman (Zentraliran).— Marburg—Lahn, 1978.— 322 p.
- Stöber G.* Die Gaidaran. Socioökonomischer Wandel bei Rinderhalten in Sistan (Iran) in 20. Jh. // Soziologus. Zeitschrift für empirische Ethnosoziologie und Ethnopsychologie.— Berlin, 1984.— Jahrgang 34.— Heft. 1.— S. 47—73.
- Stratégies pastorales et agricoles des Sahéliens durant la sécheresse 1969—1974.— Ed. by Gallais J.— Paris, 1977.— 281 p.
- Sugita K.* Les études Japonaises sur l'Organisation Sociale à l'époque de l'apparition de l'empire Cinggisganide // Production Pastorale et Société.— Paris, 1978.— P. 32—37.
- Sullivan G. M., Farris E. E., Simpson J. R.* Production Effects of Improved Management Practices in East African Cattle Grazing Systems // Quarterly Journal of International Agriculture.— Frankfurt (Main), 1985.— Vol. 24.— No. 1.— P. 22—37.
- Svanberg I.* A Collection of Kazak Riddles from Chinese Turkistan and Mongolia // Scandinavian Yearbook of Folklore 38/1982.— 1984.— P. 163—173.

Svobodova J. Die Tradition der Nomadenlebensweise bei den Fulbe — Viehzuchtern in Senegal // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.— Berlin, 1981.— Heft, 1981.— S. 191—197.

Swider W. Adaptive processes regulation Nomad — sedentary interaction in the Middle East // The desert and the sown: Nomads in a wider society.— Berkeley, 1973.— P. 23—38.

Szynkiewicz S. Die Situation von privatem und staatlich kontrolliertem nomadischen Pastoralismus in der Mongolei im 20. Jahrhundert // Der Tropenlandwirt.— Journal of Agriculture in the Tropics and Subtropics.— Beiheft Nr. 38.— Nomader und ihre Umwelt im Wandel.— Vorträge der 17.— Witzenhäuser Hochschulwoche, 1988.— S. 31—45.

The future of pastoral peoples Proceedings of a conference held in Nairobi. Kenya, 4—8 August 1980. Ed. by G. Galaty, D. Aronson, Ph. Salzman.— Ottawa, 1981.— 395 p.

The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority. Ed. by L. Benson and I. Svanberg.— Uppsala, Ekblads, Vastervik, 1988.— 250 p.

The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes. Ed. by W. Weissleder.— The Hague. 1978.— 440 p.

Torry W. Residence Rules Among The Gabra Nomads: Some Ecological Considerations // Ethnology.— 1976.— Vol. 15.— N 3.— P. 263—285.

UNESCO. The problems of the arid zone. Part II. Nomadism in reaction to grazing resources // Arid Zone Research.— 1962.— Vol. XVIII.— P. 301—370.

Vamberg H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen.— Leipzig, 1885.

Wardell J. W. In the Kirghiz Steppes.— London, 1961.

Werner E. Zwei Bemerkungen zum Nomadenwesen // EAZ. Ethnographisch — Archäologische Zeitschrift.— Berlin, 1976.— Jahrgang. 17.— Heft. 2.— S. 295—302.

When Nomads Settle. Processes of Sedentarization as Adaptation and Response. Ed. by Ph. C. Salzman.— New-York, Praeger, 1980.— 184 p.

Winner I. Some problems of Nomadism // Central Asian Review.— 1963.— Vol. XI.— No. 3.

Zaleski Br. La vie des steppes Kirghizes.— Paris, 1965.— 65 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН	— Вестник Академии наук	ЗСПЗСОРГО	— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО
ВДИ	— Вестник древней истории	ИА	— Исторический архив
ВИ	— Вопросы истории	ИАН	— Известия Академии наук
ВК	— Вопросы колонизации	ИЗСОРГО	— Известия Западно-Сибирского отдела РГО
ВНИИК	— Всесоюзный научно-исследовательский институт коневодства	ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ВРГО	— Вестник РГО	ИООРГО	— Известия Оренбургского отдела РГО
ВС	— Военный сборник	ИРГО	— Известия РГО
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры	ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ГИРГО	— Географические известия, выдаваемые от РГО	ИСССР	— История СССР
ГО	— Географическое общество	КазНИГМИ	— Казахский Научно-исследовательский гидрометеорологический институт
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел	КРО	— Казахско-русские отношения
ЖМГИ	— Журнал Министерства Государственных Имуществ	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
ЖЮО	— Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете	КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-Сибирского отдела РГО	ЛО ИСССР	— Ленинградское отделение Института истории СССР
ЗООРГО	— Записки Оренбургского отдела РГО	МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
ЗРГО	— Записки РГО	МИА	— Материалы и исследования по археологии
ЗРГООГ	— Записки РГО по общей географии	МИКССР	— Материалы по истории Казахской ССР
ЗРГООС	— Записки РГО по отделению статистики	МИКХ	— Материалы по истории
ЗРГООЭ	— Записки РГО по отделению этнографии		
ЗСОИК	— Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана		

	казахских ханств XV—XVIII вв.— Алма-Ата, 1969.	ПКСО	Памятная книжка Семипалатинской области
МИПС	— Материалы по истории политического строя Казахстана.— Алма-Ата, 1960.	ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук	РГО	— Русское географическое общество
МКВ	— Международный конгресс востоковедов	РМ	— Русская мысль
МКЗ	Материалы по киргизскому землепользованию.	СА	— Советская археология
МКИН	— Международный конгресс исторических наук	СК	— Советская Киргизия
МКОП	— Материалы по казахскому обычному праву.— Алма-Ата, 1948.	СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды
МОКИСАР	— Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик	СОВ	— Семипалатинские областные ведомости
МОТ	— Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области	СЭ	— Советская этнография
МСТК	— Материалы по статистике Туркестанского края	ТОВ	— Тургайские областные ведомости
НАА	— Народы Азии и Африки	ТОИК	— Труды общества изучения Казахстана
НЕС	— Новые ежемесячные сочинения	ТОИКК	— Труды общества изучения Киргизского края
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории	ТВ	— Туркестанские ведомости
ОЛ	— Оренбургский листок	ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии
ПВПН	— Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.	ТИЭ	— Труды Института этнографии
		ТКИПС	— Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран
		ТОУАК	— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
		ЦГА	— Центральный Государственный архив
		ЭО	— Этнографическое обозрение
		ЮВ	— Юридический вестник

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ I. СИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА	
Глава I. Кочевничество и среда обитания	
1.1. Типология местообитаний кочевников	21
1.2. Генезис и эволюция кочевничества	27
Глава II. Природа и кочевое население Казахстана	
2.1. Природно-климатические условия	47
2.2. Кочевое население Казахстана	55
Глава III. Сфера материального производства	
3.1. Структура традиционного хозяйства	64
3.2. Типология кочевого хозяйства	77
Глава IV. Производственный цикл	86
4.1. Выпас скота в зимний период года	88
4.2. Выпас скота в теплое время года	102
Глава V. Закономерности организации процесса производства	
5.1. Закономерность дисперсной организации системы материального производства и образа жизни номадов	114
5.2. Закономерность концентрации общественного производства	123
ЧАСТЬ II. СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	
Глава VI. Социальная организация	131
6.1. Община и территориально-общинная организация	133
6.2. Патронимическая и социально-потестарная организация	144
Глава VII. Производственные отношения	
7.1. Отношения собственности на средства производства: общинноправовой аспект	160
7.2. Отношения собственности на землю в процессе производства	169
7.3. Отношения собственности на скот	177
Глава VIII. Социальная структура общества и формы эксплуатации зависимого населения	
8.1. Формы эксплуатации	188
8.2. Социально-экономическая структура	199
Глава IX. Стадиальная идентификация кочевого общества	
9.1. Формационная характеристика кочевого общества: проблема и метод	213
9.2. Кочевое общество казахов в составе Российского государства	224
ЭКОЛОГИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ-КАЗАХОВ	
(Вместо заключения)	238
Таблицы	248
Список литературы	262
Список сокращений	317
Оглавление	319

Масанов Нурбулат Эдигеевич

**КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ:
ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОМАДНОГО ОБЩЕСТВА**

Художественное оформление

А. Садвакасов

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Усл.-печ.л. 20,0.
Уч.-изд.л. 22,0. Тираж 1000 экз. Заказ 441. Малое предприятие «Социнвест—
Консалтинг», г. Алматы

Полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации
Республики Казахстан, 480002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.